

**ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА**

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., Д. В. Костин, д-р физ.-мат. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ. мат. наук, доц. Члены совета: В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., С. А. Куролап, д-р геогр. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., А. А. Сирота, д-р техн. наук, проф., Ю. Н. Стариков, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., С. А. Шабров, д-р физ.-мат. наук, доц., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р филол. наук, проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); Т. А. Тернова, д-р филол. наук, доц.; Г. Ф. Ковалев, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.4. - Фольклористика (филологические науки), 5.9.9 – Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Адрес редакции,
издателя: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Бакунцев А. В.</i> ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ДНЕВНИКЕ В. Н. БУНИНОЙ ЗА 1928 Г.	5
<i>Бердникова О. А., Голицына Т. Н.</i> «О ДОБЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ» (А. БЛОК): НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ.	10
<i>Болнова Е. В.</i> РЕЦЕПЦИЯ РУССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА В СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ В. СОСНОРЫ «ВСАДНИКИ»	15
<i>Викторина Т. В., Томашевская К. И.</i> МНОГОАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РАССКАЗАХ И. А. БУНИНА	20
<i>Горбачев О. А.</i> О СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ ВЕРЫ НИКОЛАЕВНЫ ФИГНЕР (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВЫ IV «ТЮРЬМА ДАЕТ МНЕ ДРУГА» МЕМУАРОВ «КОГДА ЧАСЫ ЖИЗНИ ОСТАНОВИЛИСЬ»).....	23
<i>Кудрина Е. В.</i> МЕДИЦИНСКАЯ ЛЕКСИКА В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ: ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ И ПОСТКОВИДНОГО ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ)	27
<i>Меркулова И. А., Стародубцева Ю. А.</i> ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЯДРО РУССКОГО ЯЗЫКА: КВАЛИТАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	31
<i>Пархоц Э. О.</i> НАЗВАНИЯ ИСЧЕЗНУВШИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ	35
<i>Перевалова Е. М.</i> НОВЕЛЛА В. Ф. ОДОЕВСКОГО «ПОСЛЕДНИЙ КВАРТЕТ БЕТХОВЕНА»: НАРРАТИВНАЯ СТРУКТУРА КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА	39
<i>Сатарова Л. Г., Стюфляева Н. В.</i> ИДЕЯ «ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» БРАТСТВА И ДОБРОДЕТЕЛЬ ТЕРПЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА И А. В. ВАМПИЛОВА (В КОНТЕКСТЕ УЧЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО)	43
<i>Скрипникова Т. И.</i> РОМАН С. А. АНДРЕЕВСКОГО «КНИГА О СМЕРТИ» В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА	50
<i>Сюе Чэнь.</i> ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЙ В «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» И. С. ШМЕЛЕВА	55
<i>Фенчук О. Н.</i> СВЯЩЕННЫЕ ТАЙНЫ КОРАНА В СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ И. А. БУНИНА «ИСЛАМ».....	59
<i>Швецова О. А.</i> СТИХОТВОРЕНИЕ И. С. НИКИТИНА «РУСЬ» — ГИМН РОДНОЙ ЗЕМЛЕ. СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ	63
<i>Шпилевая Г. А., Бондаренко В. А., Борисова У. Ю.</i> О СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЕ ТУРГЕНЕВСКОЙ НОВЕЛЛИСТИКИ: НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА И. С. ТУРГЕНЕВА «ЧАСЫ» (1875)	67
<i>Юрчук Л. А.</i> СВЯТОЧНЫЕ ПЕСНИ ПСКОВО-ПЕЧОРСКОГО ОБОЗЕРЬЯ И ВЕЛИКОРЕЧЬЯ	71

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Аббуд Мохаммед Вахаб Аббуд. ВЛИЯНИЕ RT ARABIC И AL ARABIYA НА АРАБОЯЗЫЧНУЮ МЕДИАСФЕРУ</i>	76
<i>Базикян С. А. ЖУРНАЛИСТСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД</i>	78
<i>Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ТОЧНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА)</i>	82
<i>Валюлина Е. В. МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ В СТРАНАХ БРИКС И СНГ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ</i>	88
<i>Василенко И. В., Владимирова А. М., Иванова А. А. ПАМЯТНИК «ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РОССИИ» В ОСВЕЩЕНИИ НОВГОРОДСКИХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ (1862 И 2012 ГГ.)</i>	92
<i>Дагаева К. И. ИМАГОЛОГИЯ КАК ОБЛАСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ОТ КОМПАРАТИВИСТИКИ К НОВЕЙШИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ</i>	96
<i>Дегтярева О. В., Волочаева О. Ф. ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА» В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ</i>	102
<i>Ермилова Ю. В. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МУЛЬТИПЛАТФОРМЕННОГО КОНТЕНТА (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА ОТР «ВСЁ ПО-ВЗРОСЛОМУ»)</i>	106
<i>Землянский А. В. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК КАТАЛИЗАТОР ИНФОДЕМИИ</i>	110
<i>Кириллина О. М. Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ-КРИТИК КАК ИДЕЙНЫЙ НАСЛЕДНИК П. Я. ЧААДАЕВА</i>	114
<i>Кузнецова Е. В. ФАНДРАЙЗИНГОВЫЕ МОБИЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ: РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ</i>	119
<i>Мацкявичюс Э. Г. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНТЕНТ-СТРАТЕГИЙ В РАБОТЕ КОРРЕСПОНДЕНТА ПРИ ОСВЕЩЕНИИ ТЕМЫ COVID НА РОССИЙСКИХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ КАНАЛАХ</i>	122
<i>Москаленко Н. М. ВУЗОВСКИЕ СМИ В МЕДИАПОТРЕБЛЕНИИ СТУДЕНТОВ ДНР</i>	126
<i>Муха А. В., Федосеева Н. И. НАУЧНЫЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ</i>	129
<i>Петросян Д. В. ПУБЛИЦИСТИКА Г. МАТЕВОСЯНА И В. РАСПУТИНА В СВЕТЕ ПРИНЦИПА ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ</i>	136
<i>Пономарев П. А. ЖАНРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Л. Е. КРОЙЧИКА</i>	139
<i>Попов С. А. ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА НА СТРАНИЦАХ ТАЛОВСКОЙ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ «ЗАРЯ» ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ</i>	142
<i>Прохоров А. В., Каширская Е. С. СТРАТЕГИЯ КОМЬЮНИТИ-МАРКЕТИНГА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ БРЕНДА ОДЕЖДЫ NIKIFILINI</i>	146
<i>Расулова Э. А. СПОРТИВНЫЙ ТЕЛЕКАНАЛ «БОКС ТВ»: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ</i>	150
<i>Ряжских Е. А. «РУССКИЙ ЯЗЫК — ЭТО НЕ ПРО ПРАВИЛА»: О ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕДЛОГА «ПРО» В НОВОМ ЗНАЧЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАТЕКСТОВ)</i>	154
<i>Самарцев О. Р. ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ В ЗОНЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ</i>	157
<i>Смотров Н. С. НАУЧНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЭПОХУ АКТИВНО РАЗВИВАЮЩИХСЯ МЕДИА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ</i>	162
<i>Ин Чжан. ЭВОЛЮЦИЯ ПРОГРАММИРОВАНИЯ ТЕЛЕКАНАЛА «ЧЖЭЦЗЯН ТВ»</i>	166
<i>Шурко И. И. КОНСТРУИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА В ГИПЕРЛОКАЛЬНЫХ МЕДИА</i>	170
<i>Юань Е. КОНТЕНТ-СТРАТЕГИИ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОГРАММ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА</i>	173
<i>ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ</i>	179

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2024. № 4. October – December

CONTENTS

PHILOLOGY

<i>Bakuntsev A. V.</i> CHRONICLE OF THE RUSSIAN DIASPORA LITERARY LIFE IN V. N. BUNINA'S DIARY FOR 1928.....	5
<i>Berdnikova O. A., Golitsyna T. N.</i> ABOUT VALOR, ABOUT FEATURES, ABOUT GLORY" (A. BLOK):NEW TRENDS IN MODERN RUSSIAN REALISTIC PROSE	10
<i>Bolnova E. V.</i> RECEPTION OF THE RUSSIAN HEROIC EPIC IN THE COLLECTION OF POEMS "HORSEMEN" BY V. SOSNORA	15
<i>Viktorina T. V., Tomashevskaya K. I.</i> MULTI-ASPECT ANALYSIS OF COMPLEX ADJECTIVES IN THE STORIES OF I. A. BUNIN.....	20
<i>Gorbatsevich O. A.</i> ABOUT THE SUBJECTIVE SPHERE OF VERA NIKOLAEVNA FIGNER'S VEMOIRS (BASED ON THE MATERIAL CHAPTER IV OF «PRISON GIVES ME A FRIEND» OF THE VEMOIRS «WHEN THE CLOCK OF LIFE STOPPED»).....	23
<i>Kudrina E. V.</i> MEDICAL VOCABULARY IN METAPHORICAL USE: THE IMPACT OF THE PANDEMIC AND THE POST-COVID PERIOD (BASED ON MODERN RUSSIAN MEDIA)	27
<i>Merkulova I. A., Starodubtseva Yu. A.</i> LEXICAL CORE OF THE RUSSIAN LANGUAGE: QUALITATIVE CHARACTERISTICS	31
<i>Parkhots E. O.</i> NAMES OF DISAPPEARED SETTLEMENTS IN TOPONYMIC LEGENDS OF THE VORONEZH REGION.....	35
<i>Perevalova E. M. V. F.</i> ODOEVSKY'S SHORT STORY «BEETHOVEN'S LAST QUARTET»: NARRATIVE STRUCTURE AS MEANS OF CONSTRUCTING CHARACTER'S IMAGE	39
<i>Satarova L. G., Styuflyayeva N. V.</i> THE IDEA OF «UNIVERSAL» BROTHERHOOD AND THE VIRTUE OF PATIENCE IN THE WORKS OF A. P. CHEKHOV AND A.V. VAMPILOV (IN THE CONTEXT OF ST. TIKHON OF ZADONSK TEACHINGSF).....	43
<i>Skripnikova T. I. S. A.</i> ANDREEVSKY'S NOVEL «THE BOOK OF DEATH» IN THE CONTEXT OF THE SILVER AGE LITERATURE.....	50
<i>Xue Chen.</i> THE POETICS OF TITLES IN I. S. SHMELEV'S «THE SUN OF THE DEAD».....	55
<i>Fienchuk O. N.</i> DIVINE SECRETS OF THE KORAN IN THE COLLECTION OF POEMS «ISLAM» I. A. BUNIN	59
<i>Shvetsova O. A. I. S.</i> NIKITIN'S POEM «RUS» AS THE HYMN TO THE NATIVE LAND. MODERN INTERPRETATION.....	63
<i>Shpilevaya G. A., Bondarenko V. A., Borisova U. Y.</i> ABOUT THE SUBJECTIVE SPHERE OF TURGENEV'S NOVELISTIKS: BASED ON THE MATERIAL OF I. S. TURGENEV SHORT STORY «THE CLOCK» (1875).....	67
<i>Yurchuk L. A.</i> CHRISTMAS SONGS OF PSKOV-PECHORA OBOZERYE AND VELIKORECHYE.....	71

JOURNALISM

<i>Abbood M. W.A.</i> THE IMPACT OF RT ARABIC AND AL ARABIYA ON THE ARABIC-LANGUAGE MEDIA SPHERE.....	76
<i>Bazikyan S. A.</i> JOURNALISTIC EDUCATIONAL PRACTICES: A PROJECT-ORIENTED APPROACH	78
<i>Brusenskaya L. A., Kulikova E. G.</i> PRAGMATIC ACCURACY AS A CATEGORY OF ECOLOGICAL THINKING (BASED ON THE MATERIAL OF THE MODERN MEDIA SPACE)	82
<i>Valyulina E. V.</i> MEDIA EDUCATION IN THE BRICS AND CIS COUNTRIES: A COMPARATIVE ANALYSIS.....	88
<i>Vasilenko I. V., Vladimirova A. M., Ivanova A. A.</i> MONUMENT «THE MILLENNIUM OF RUSSIA» IN THE COVERAGE OF NOVGOROD OFFICIAL PUBLICATIONS (1862 AND 2012).....	92
<i>Dagaeva K. I.</i> IMAGOLGY AS A FIELD OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE: FROM COMPARATIVE STUDIES TO THE LATEST RESEARCHES.....	96
<i>Degtyareva O.V., Volochaeva O.F.</i> FRAME STRUCTURE OF THE CONCEPT «BLOCKADE OF LENINGRAD» IN THE PERIODICAL PRESS	102
<i>Ermilova Yu. V.</i> TYPOLOGICAL FEATURES OF MULTIPLATFORM CONTENT (USING THE EXAMPLE OF THE OTP PROJECT «EVERYTHING IN AN ADULT» OF THE RUSSIAN PUBLIC TELEVISION).....	106
<i>Zemlyanskiy A. V.</i> SOCIAL MEDIA AS A CATALYST FOR AN INFODEMIC.....	110
<i>Kirillina O. M. D. S.</i> MEREZHKOVSKEY-CRITIC AS THE IDEOLOGICAL HEIR OF P. YA. CHAADAEV	114
<i>Kuznetsova E. V.</i> MOBILE APPLICATIONS IN THE FIELD OF CHARITY: CONTENT STRATEGIES AND WAYS TO ENGAGE THE AUDIENCE	119
<i>Matskevicius E. G.</i> FEATURES OF USING CONTENT STRATEGIES IN THE WORK OF A CORRESPONDENT WHEN COVERING THE TOPIC OF COVID ON RUSSIAN FEDERAL CHANNELS (USING THE EXAMPLE OF THE VESTI PROGRAM).....	122
<i>Moskalenko N. M.</i> UNIVERSITY MEDIA IN MEDIA CONSUMPTION OF DPR STUDENTS.....	126
<i>Mukha A.V., Fedoseeva N. I.</i> SCIENTIFIC PHILOLOGICAL JOURNALS IN THE INFORMATION SPACE.....	129
<i>Petrosyan D. V.</i> PUBLISHING OF G. MATEVOSYAN AND V. RASPUTIN IN THE LIGHT OF THE PRINCIPLE OF REVERSE PERSPECTIVE	136
<i>Ponomarev P. A.</i> GENRE TRANSFORMATION IN THE PUBLICISM OF L. E. KROYCHIK.....	139
<i>Popov S. A.</i> TOPONYMIC THEMES ON THE PAGES OF THE TALOVSKAYA DISTRICT NEWSPAPER «ZARYA» OF THE VORONEZH REGION	142
<i>Prokhorov A. V., Kashirskaya E. S.</i> COMMUNITY MARKETING STRATEGY AS A TOOL FOR THE FORMATION OF THE NIKIFILINI CLOTHING BRAND	146
<i>Rasulova E. A.</i> SPORTS TV CHANNEL «BOX TV»: FEATURES OF FUNCTIONING IN THE DIGITAL ENVIRONMENT	150
<i>Ryazhskikh E. A.</i> THE PROBLEM OF USING THE PREPOSITION «PRO» IN A NEW MEANING (BASED ON MEDIA TEXTS)	154
<i>Samartsev O. R.</i> THE SPECIFICS OF THE WORK OF REGIONAL JOURNALISTS IN THE ZONE OF A SPECIAL MILITARY OPERATION	157
<i>Smotrov N. S.</i> SCIENTIFIC JOURNALISM AND SCIENTIFIC COMMUNICATION IN THE ERA OF ACTIVELY DEVELOPING MEDIA: CHALLENGES AND PROSPECTS.....	162
<i>Zhang Ying.</i> THE EVOLUTION OF PROGRAMMING OF THE ZHEJIANG TV CHANNEL ZHANG YING.....	166
<i>Shurko I. I.</i> CONSTRUCTING COLLECTIVE IDENTITY OF THE URBAN COMMUNITY IN HYPERLOCAL MEDIA.....	170
<i>Yuan Ye.</i> CONTENT STRATEGIES FOR TELEVISION MUSIC PROGRAMS IN SOCIAL MEDIA	173
SUBMISSION GUIDELINES.....	179

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ДНЕВНИКЕ В. Н. БУНИНОЙ ЗА 1928 Г.¹

А. В. Бакунцев

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Поступила в редакцию 18 октября 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются особенности репрезентации литературной жизни русско-го зарубежья в дневниковых записях В. Н. Буниной за 1928 г. События и факты, запечатленные в этом дневнике, образуют хронику, которая обладает специфическими чертами, характерными для индивидуальной творческой манеры В. Н. Буниной как летописца русской эмиграции.

Ключевые слова: В. Н. Бунина, дневник, 1928 г., хроника, литературная жизнь, русское зарубежье.

Abstract: the article examines the peculiarities of the representation of the literary life of the Russian diaspora in Vera Bunina's diary entries for 1928. The events and facts recorded in this diary form a chronicle that has specific features characteristic of Vera Bunina's individual creative manner as a chronicler of Russian emigration.

Keywords: Vera Bunina, diary, 1928, chronicle, literary life, Russian Abroad.

Как правило, любой дневник (независимо от того, для каких целей он пишется — для разговора с самим собой (как средство «автопсихотерапии») или для последующего предания огласке) содержит в себе два плана информации: внутренний, связанный с духовной, интеллектуальной и эмоциональной сферами жизни автора, и внешний, отражающий те или иные формы авторского взаимодействия с ближайшим окружением, социумом, природой.

В этом смысле дневник Веры Николаевны Буниной (урожд. Муромцевой, 1881–1961) — жены И. А. Бунина — не является исключением. В нем есть место раздумьям; глубоким, в том числе религиозным, переживаниям; встречам и беседам с разными людьми; суждениям о представителях «ближнего круга» и о событиях культурной и общественно-политической жизни в России и на чужбине; письмам — собственным и полученным от родственников и друзей; разнообразным бытовым мелочам. По верному наблюдению Е. Р. Пономарева [1], все это придает дневниковым записям В. Н. Буниной черты летописного повествования.

Между тем в данной статье мы хотели бы сосредоточиться на «внешнем» плане записей В. Н. Буниной за 1928 г. и конкретно на той его части, которую можно назвать хроникой литературной жизни русского зарубежья. Но прежде чем об этом пойдет речь, охарактеризуем в целом дневник В. Н. Буниной за 1928 г., хранящийся, как и прочие ее днев-

ники, в Русском архиве в Лидсе (РАЛ, Великобритания).

Дневник состоит из двух полностью исписанных синими и черными чернилами тетрадей и отдельного недатированного листка малого формата с разрозненными записями от руки — тезисами о редакторах и их функциях [РАЛ. MS1067/392–394]. В первой тетради [РАЛ. MS1067/392] содержатся записи за 1–2 января, 23–28 февраля, 11 июня, 5–31 декабря 1928 г., во второй тетради [РАЛ. MS1067/393] — записи за 14–27 мая и 30 июня — 5 декабря 1928 г. Чем обусловлена такая «разбросанность» записей по тетрадям, неизвестно². В то же время с большой долей уверенности можно сказать, что хронологические лакуны в дневнике вызваны нестабильностью физического и душевного состояния В. Н. Буниной из-за присутствия Г. Н. Кузнецовой в их с И. А. Буниным семейной жизни. Январские и майско-декабрьские записи В. Н. Бунина сделала в Грассе, на вилле «Бельведер», февральские — в Париже, где Бунины находились с 19 февраля по 5 апреля 1928 г.

Хроника литературной жизни эмиграции, представленная в этом дневнике, состоит (как обычно и бывает) из неравнозначных и неоднородных событий и фактов. В их числе: выход очередных (34-й, 35-й и 37-й) книжек журнала «Современные записки» и рождественского (2834-го) номера газеты «Последние новости» (записи от 23 февраля, 27 мая, 23, 27 декабря); опубликование рассказа Г. Н. Кузнецовой «Завет

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект 24-18-00425 «В.Н. Муромцева-Бунина — летописец Серебряного века и русской эмиграции»)

² В любом случае, при подготовке дневника к изданию в рамках проекта «В. Н. Муромцева-Бунина — летописец Серебряного века и русской эмиграции» записи будут упорядочены и размещены в единой хронологии.

судьбы» [2], очерка В. Н. Буниной «Отрывки воспоминаний: Л. Н. Андреев» [3], главы из романа Н. Я. Рощина под заглавием «Отпуск» [4] (записи от 2 января, 26 ноября, 14, 27 декабря); рецензии критиков Н. В. Макеева [5] и А. В. Бахраха [6] на 33-ю и 35-ю книжки «Современных записок» соответственно (записи от 2 января и 11 июня); смерти русских и иностранных, но так или иначе связанных с Россией писателей, журналистов, общественных деятелей: Н. И. Петровской, Г. Вильямса, Ш. А. Сиу, Ю. И. Айхенвальда (записи от 24 и 26 февраля, 24 ноября, 5, 20, 28 декабря); заседания обществ «Очаг друзей русской культуры» и «Зеленая лампа» (записи от 23 и 27 февраля); несостоявшаяся лекция Г. В. Адамовича (запись от 23 февраля); литературный юбилей С. В. Яблоновского (запись от 18 мая); встречи, споры, разговоры на разные темы с М. А. Алдановым, И. И. Фондаминским, Н. Я. Рощиным, Д. Н. Крачковским, М. О. и М. С. Цеглиными, Дон-Аминадо (А. П. Шполянским), Н. К. и Н. И. Кульманами, Б. К. и В. А. Зайцевым, В. Ф. Ходасевичем, Н. Н. Берберовой, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковским, А. В. Карташевым, Г. Н. Кузнецовой, Н. А. Тэффи, председателем Русского культурного комитета в Белграде А. Беличем, Е. П. Пешковой (первой женой М. Горького) и др. (записи от 23–28 февраля, 14, 16, 18, 27 мая, 6/7, 16/17 июля, 2, 5, 14 августа, 3, 8, 19 сентября, 20 октября, 24, 26 ноября, 2, 5, 6, 20, 27 декабря); письма (целиком, в выдержках и пересказе) Б. К. Зайцева, И. С. Шмелева, Н. Н. Берберовой, Н. Я. Рощина, С. К. Маковского, И. И. Фондаминского, Л. Ф. Зурова, И. П. Демидова, А. Седых (Я. М. Цвибака) — к И. А. Бунину, И. Д. Сургучева — к Г. Н. Кузнецовой, Д. С. Мережковского — к С. К. Маковскому, Н. Н. Берберовой — к З. Н. Гиппиус, В. Н. Ладыженского, П. Н. Муромцева, Дон-Аминадо — к В. Н. Буниной, самой В. Н. Буниной — к Дон-Аминадо (записи от 1, 29 августа, 5, 8, 19 сентября, 8 октября, 26 ноября, 5, 14, 20, 23, 27–29, 31 декабря); интриги вокруг издательских проектов А. Белича (записи от 19 сентября, 8, 20 октября, 26 ноября, 6, 14, 23 декабря); процесс работы И. А. Бунина над «Жизнью Арсеньева» (записи от 14 мая, 11 июня, 29 августа, 5 сентября, 20 октября, 27 декабря); съезд представителей Союзов русских писателей и журналистов за границей в Белграде и скандал из-за орденов, врученных югославским королем Александром I Карагеоргиевичем нескольким участникам съезда (записи от 3, 5, 8 сентября, 8, 20 октября, 5 декабря); «перестукивание» на пишущей машинке В. Н. Буниной собственного дневника за 1920 г. (две записи за 5 декабря); дни рождения В. Н. Буниной и Г. Н. Кузнецовой (записи от 13 октября, 12 декабря); «беллетризованные биографии» — проект издательства «Современные записки»³ (запись от 23 декабря);

³ Этот проект ознаменовал собой зарождение в литературе русского зарубежья нового для нее жанра «беллетризованной», или житийной, биографии. Подробнее об этом см.: [7].

творческие замыслы В. Н. Буниной (запись от 23 декабря); собрание материала для очерка об А. И. Эртеле (записи от 25 февраля, 6, 23, 29, 31 декабря); присылка Л. Ф. Зуровым книги «Отчина» [8] (запись от 27 декабря); деловые «завтраки» для сотрудников газеты «Возрождение», на которых И. С. Шмелев публично, подолгу жаловался на причиненные ему редакцией обиды (записи от 20 и 28 декабря) и др.

Вполне естественно, что о большей части перечисленных событий и фактов в дневнике сообщается на основе собственных наблюдений и впечатлений В. Н. Буниной. Прежде всего это касается тех вечеров, заседаний, встреч, диалогов, обсуждений, в которых В. Н. Бунина непосредственно участвовала или при которых присутствовала. Например, из ее парижских записей за 1928 г. мы узнаем, что 19 февраля она побывала на заседании, посвященном организации бала Союза русских писателей и журналистов в Париже⁴; 20 февраля вместе с И. А. Буниным посетила заседание общества «Очаг друзей русской культуры», затем «вечеринку Московского землячества»⁵; 21 февраля ходила на лекцию Г. В. Адамовича, «которая не состоялась ввиду того, что пришло 4 чел<овека> вместе с лектором» [РАЛ. MS1067/392]; 26 февраля присутствовала на похоронах Н. И. Петровской; 27 февраля была на заседании «Зеленой лампы».

Уехав 5 апреля 1928 г. с И. А. Буниным и Г. Н. Кузнецовой на юг Франции (до Грасса они добирались почти полтора месяца, переезжая из одного французского города в другой, задерживаясь почти в каждом из них по несколько дней), В. Н. Бунина уже, разумеется, не могла участвовать в литературной и светской жизни русского Парижа; тем не менее она была в курсе, по существу, всего, что происходило в литературном мире русского зарубежья, — благодаря письменным и устным свидетельствам представителей этого мира, составлявших окружение ее мужа и ее собственное, а также из эмигрантской и иностранной прессы. Потому-то в дневнике В. Н. Буниной немало место занимают пересказы (иногда протокольно подробные) «домашних» дискуссий и нейтральных бесед, газетно-журнальных статей, рецензий, отчетов; приводятся тексты писем — одни полностью, другие в выдержках, третьи конспективно; вклеены вырезки из газет.

Такая «пестрота» и неоднородность источников информации, которыми пользовалась В. Н. Бунина, ведя свою хронику литературной жизни русского зарубежья, тоже в известном смысле указывает на «рецидивы летописного образа мыслей и стиля»

⁴ В дневнике этот бал, состоявшийся 15 марта, обозначен как «вечер 15 марта» [РАЛ. MS1067/392].

⁵ Правда, в дневнике И. А. Бунина эта «вечеринка» датирована 21 февраля 1928 г. [9, 199], что соответствует действительности [10, 423].

[11, 374]⁶ — ведь и в летописях повествование носит смешанный характер: документальные фрагменты перемежаются с легендарными, собственные суждения — с заимствованными у других авторов.

Тем не менее нельзя не заметить, что даже те сведения о событиях и фактах литературной жизни эмиграции, что были получены В. Н. Буниной извне, в ее дневнике, как правило, не просто сухо, «объективно» зафиксированы — они все равно «пропущены» через ее субъективное восприятие. Впрочем, иначе и быть не может: недаром дневники считаются разновидностью эго-документов.

Субъективность В. Н. Буниной как летописца (или хроникера) литературной жизни русского зарубежья проявляется еще и в том, что события и факты, предназначенные для запечатления в дневнике, она отбирала сообразно собственным представлениям об их значимости — в этом смысле особенно показательны записи, так или иначе посвященные событиям в Белграде осенью 1928 г. Остановимся на них подробнее.

Объективно крупнейшим событием в литературной жизни русского зарубежья в 1928 г. был I съезд представителей Союзов русских писателей и журналистов за границей, созданный в Белграде 25 сентября — 1 октября 1928 г. по инициативе Союза русских писателей и журналистов в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (СХС) и правительства этой страны. Одна из целей съезда заключалась в том, чтобы выяснить отношение литературной эмиграции к планам короля Александра I Карагеоргиевича создать в Белграде «центр интеллигентной и культурной жизни русских беженцев» — своего рода «столицу русского зарубежья», «русские Афины» [9, 835–836]. Во многом именно для реализации этих планов летом 1928 г. был основан Русский культурный комитет в Белграде (РКК), который возглавил филолог-славист, профессор Белградского университета и одновременно председатель Державной комиссии по делам русских беженцев в Королевстве СХС А. Белич⁷. При Комитете возник «ряд учреждений культурно-просветительского характера <...>: Русский научный институт, Русская публичная библиотека, Издательская комиссия, музыкальная, художественная и театральная студии. Предполагалось также выпускать литературно-художественный журнал» [9, 812], а его редактирование поручить И. А. Бунину, Д. С. Мережковскому и П. Б. Струве.

Участникам съезда на аудиенции у короля 27 сентября 1928 г. было предложено переехать в Белград. О том же настойчиво говорилось в кулуарах, на банкетах, в эмигрантской прессе. Не исключено, что и награждение орденом св. Саввы группы русских писателей, журналистов и ученых, в том числе

Д. С. Мережковского, Вас. И. Немировича-Данченко (I степень), З. Н. Гиппиус, Б. К. Зайцева, А. И. Куприна, Е. В. Спекторского, Е. Н. Чирикова, (II степень), А. А. Боголепова, С. И. Варшавского, С. М. Кельнича, А. И. Ксюнина, Н. М. Могилянского, В. В. Руднева, А. А. Яблоновского (III степень), К. П. Бельговского, Н. М. Волковыского, Е. А. Жукова (IV степень) [13], было не только свидетельством признания их заслуг, но и чем-то вроде пиар-акции, тоже призванной склонить литературную, художественную и научную эмиграцию к массовому переезду в Королевство СХС.

Между тем в дневнике В. Н. Буниной о белградском съезде говорится вскользь, мимоходом — вероятно, потому, что И. А. Бунин, несмотря на уговоры со стороны А. Белича, Б. К. Зайцева, председателя Союза русских писателей и журналистов в Королевстве СХС А. И. Ксюнина и др., на этот съезд не поехал, объясняя свой отказ участвовать в нем, например, так (письмо к Б. К. Зайцеву от 30 августа 1928 г.): «Не кончил работу, дай Бог кончить к самому концу сентября... Да оказывается, что нужно ехать непременно через Париж, где самому выправлять визы (швейцарскую и австрийскую) — да иметь нансеновский паспорт... да три ночи не спать (одну до Парижа, а две там) и т.д.» [14, 174].

В гораздо большей степени В. Н. Бунину, судя по ее записям, интересовали другие сюжеты, так или иначе связанные с Белградом.

Так, в записи от 3 сентября 1928 г., где речь идет о визите А. Белича на виллу «Бельведер», впервые упоминается о замысле «сербов» издавать литературно-художественный журнал и серию книг русских писателей: «На днях у нас был Белич <...>. Главная его забота и интерес — журнал и книгоиздательство. <...> Белич хочет, чтобы журнал был бы самым лучшим, самым интересным. Что он наметил редакторов: Мережковского, Бунина и Струве, который будет жить в Белграде и фактически и технически руководить журналом. Ян⁸ отказался от редакторства: и некогда, и, по его мнению, втроем это делать невозможно, да и взгляды литературные диаметрально противоположные. Уж лучше пусть будет редактором один Струве. После чего долго обсуждался вопрос о том, пойдут ли к Струве писатели. Ян думает, что пойдут, если не будет политики. Белич говорит, что статьи будут только литературного и научно-культурного типа» [РАЛ. MS1067/393].

В дальнейшем, вплоть до конца декабря 1928 г., в дневнике В. Н. Буниной то и дело появляются записи о задуманном А. Беличем журнале, затем о газете — вместо журнала⁹, о книгоиздательстве (будучи подразделением РКК, оно называлось Издательской комиссией), о впечатлениях четы Мережковских от по-

⁶ См. также: [12, 97].

⁷ См. о нем: [9, 811–813].

⁸ Так В. Н. Бунина называла мужа с самого начала их совместной жизни [15, 287].

⁹ В итоге ни газета, ни журнал не вышли в свет.

ездки в Белград и Загреб, об их удавшейся попытке дискредитировать П. Б. Струве и его «друзей» — журналистов Ф. И. Благова и А. А. Яблоновского — в глазах А. Белича и других «сербов», об орденах св. Саввы.

Тем не менее для самой В. Н. Буниной, как можно понять из ее дневника, крупнейшим событием литературной жизни русского зарубежья в 1928 г. была трагическая гибель литературного критика Ю. А. Айхенвальда. Например, в записи от 20 декабря 1928 г. говорится: «Потрясены смертью Юл<ия> Ис<аевича> Айхенвальда. Ян, как прочел, так и упал на спину. А затем у него было такое же выражение глаз, как при известии о смерти Юлия Алексеича¹⁰. И за обедом он был очень грустно-расстроенный, все молчал. Что же такое — каждый год такая нелепая, ненужная смерть, близких по духу людей. В прошлом году Лурье¹¹, теперь он. И какое невезение: в эту осень третья смерть: Williams¹², Сиу¹³ и Айхенвальд, все люди яростно настроенные против большевиков, и всего более нелепа смерть Юл<ия> Ис<аевича>. Целый день в голове мелькают картины встреч с ним» [РАЛ. MS1067/392].

В дневнике вклеены две вырезки: одна — из парижской газеты «Возрождение» со статьей И. С. Шмелева «Жестокая утрата» [16], другая — из берлинской газеты «Руль» за 23 декабря 1928 г. с фотопортретом Ю. И. Айхенвальда, под которым 28 декабря сделана запись: «Вот таким я помню его. Только он, кажется, носил бородку. А глаза были не такие печальные» [РАЛ. MS1067/392]. Там же приводится — частично в выдержках, частично в пересказе — письмо Б. К. Зайцева к И. А. Бунину от 25 декабря 1928 г.¹⁴: «Юл<ий> Ис<аевич> был в гостях у Татаринова¹⁵, находился в очень подавленном и мрачном настроении. Говорил, что надежд никаких нет и жить *не стоит*. Вышел и на бульваре (вроде как на Av<енue> Henri Martin),

¹⁰ Юлий Алексеевич Бунин (1857–1921) — революционер-народник, общественный деятель, редактор, старший брат И. А. Бунина.

¹¹ Имеется в виду Семен Владимирович Лурье (1867–1927) — юрист, философ, литературный критик, сотрудник эмигрантских журналов «Звено», «Современные записки». Так же как Ю. И. Айхенвальд, трагически погиб.

¹² Гарольд Вильямс (1876–1928) — английский журналист, лингвист-полиглот, муж журналистки и общественно-политической деятельницы А. В. Тырковой-Вильямс. С обоими Бунины были близко знакомы.

¹³ Шарль Адольфович Сиу (1890-е — 1928) — сын французского предпринимателя А. Сиу, основавшего в 1855 г. кондитерскую фабрику в Москве, совладелец торгового дома «С. Сиу и К^о». В 1918 г. был выслан из Советской России.

¹⁴ Оригинал письма хранится в РАЛ [MS1066/5884].

¹⁵ Имеется в виду Владимир Евгеньевич Татарин (1892–1960) — журналист, литературный и художественный критик, общественно-политический деятель, сотрудник газеты «Руль».

трамвай идет совсем рядом с аллеей, — по близорукости своей и попал под вагон. Трамвай так его придавил, что пришлось подымать вагон специальным краном, подъемником! Но, видимо, он сразу оказался в бессозн<ательном> состоянии. Изуродован ужасно, выбиты зубы и т. п. В больнице у него был брат Вышеславцевой¹⁶ и видел его, но Юл<ий> Ис<аевич> в себя так и не пришел... Очень многие в Берлине его любили”. Милюков¹⁷ возражал Зайцеву против панихиды от Союза! “Мы не конфессиональное учреждение”... Поддержал Зайцева Аминад¹⁸. Панихида состоялась — народу пришло мало, большинство (за что благодарю их в сердце) — евреи. Рощин был, Шмелева не было... “Вот, дорогой друг, печальные подробности. <...>”» [РАЛ. MS1067/392].

Разумеется, в силу своей нерегулярности и субъективности дневниковые записи В. Н. Буниной за 1928 г. не могут дать исчерпывающего представления о перипетиях литературной жизни русского зарубежья в указанный период (скорее всего, В. Н. Бунина и не ставила перед собой подобную цель). Тем не менее ключевые события и факты, связанные с деятельностью литературной эмиграции в 1928 г., в этих записях так или иначе, с большей или меньшей степенью документальной точности отражены, что, собственно, и позволило нам вынести в заглавие данной статьи слово «хроника».

ЛИТЕРАТУРА

1. Пономарев Е. Р. Летопись русской эмиграции: трансформации дневникового жанра в эмигрантской культуре (на примере литературного наследия В. Н. Муромцевой-Буниной) / Е. Р. Пономарев // Новый филологический вестник. — 2024. — № 3 (70). — С. 192–202.
2. Кузнецова Г. Завет судьбы / Г. Кузнецова // Дни. — Париж, 1928. — 1 января. — № 1285. — С. 3–4.
3. Муромцева В. Отрывки воспоминаний: Л. Н. Андреев / В. Муромцева // Последние новости. — Париж, 1928. — 11 декабря. — № 2820. — С. 2–3.
4. Рощин Н. Отпуск: Глава из романа / Н. Рощин // Возрождение. — Париж, 1928. — 25 декабря. — № 1302. — С. 3–4.
5. Макеев Н. «Современные записки». Книга № 32-я 19 / Н. Макеев // Дни. — 1928. — 1 января. — № 1285. — С. 3.

¹⁶ Имеется в виду Николай Николаевич Алексеев (1879–1964) — правовед, философ, общественный деятель. Его сестра Наталия Николаевна Вышеславцева (урожд. Алексеева, ?–1959) — церковный деятель, жена философа Б. П. Вышеславцева.

¹⁷ Павел Николаевич Милюков (1859–1943) — историк, общественно-политический и государственный деятель, журналист, публицист, один из лидеров Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), редактор парижской газеты «Последние новости», председатель Союза русских писателей и журналистов в Париже.

¹⁸ Имеется в виду Дон-Аминадо.

¹⁹ В публикации опечатка: на самом деле 33-я.

6. Бахрах А. «Современные записки», XXXV / А. Бахрах // Дни.— 1928.— 10 июня.— № 1445.— С. 4.
7. Пономарев Е. Р. Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции / Е. Р. Пономарев // Вопросы литературы.— 2024.— № 1.— С. 84–111.
8. Зуров Л. Отчина: очерки / Л. Зуров.— Рига: Саламандра, 1928.— 112 с.
9. Литературное наследство.— М.: ИМЛИ РАН, 2022.— Т. 110: И. А. Бунин: Новые материалы и исследования: в 4 кн.— Кн. 2.— 992 с.
10. Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни, 1920–1940, Франция: в 4 т. / под общ. ред. Л. А. Мнухина.— М.; Paris: Эксмо; УМСА-Press, 1995.— Т. 1: 1920–1929.— VI, 630 с.
11. Эйхенбаум Б. М. О прозе: сб. ст.— Л.: Художественная литература, 1969.— 503 с.
12. Еремин И. П. Литература древней Руси: (Этюды и характеристики) / предисл. Д. С. Лихачева.— М.; Л.: Наука, 1966.— 263 с.
13. [Б. п.] Русские дни в Белграде // Возрождение.— 1928.— 5 октября.— № 1221.— С. 2.
14. Письма И. А. Бунина к Б. К. и В. А. Зайцевым / публ. А. Зверса // Новый журнал.— Нью-Йорк, 1979.— Кн. 134.— С. 172–186.
15. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / вступ. ст., примеч. А. К. Бабореко.— М.: Вагриус, 2007.— 512 с.
16. Шмелев Ив. Жестокая утрата // Возрождение.— 1928.— 23 декабря.— № 1300.— С. 3.

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН

Бакунцев А. В., кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник.

E-mail: auctor@list.ru

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Bakuntsev A. V., Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher.

E-mail: auctor@list.ru

«О ДОБЛЕСТЯХ, О ПОДВИГАХ, О СЛАВЕ» (А. БЛОК): НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

О. А. Бердникова, Т. Н. Голицына

Поступила в редакцию 18 октября 2024 г

Аннотация: в статье охарактеризованы некоторые тенденции современной реалистической прозы, одна из которых — активизация писательской эссеистики и писательской публицистики. Выявлены особенности книги писателя С. Шаргунова «Саров. Два подвига» (2021) как публицистического текста, в котором представлена дихотомическая структура, отражающая разные временные планы и разные события. Однако части книги неоппозитивны, так как их объединяет общий «гений места» и общее предназначение. Новая трактовка автора книги, использующего ранее не известные факты и события, позволяет соединить подвиг веры и подвиг науки в общей сотериологической идее.

Ключевые слова: С. Шаргунов, публицистика, Саров, подвиг, Серафим Саровский, академик Курчатов.

Abstract: the article describes some trends in contemporary realistic prose, one of which is the intensification of writer's essays and journalism. The features of the book by the writer S. Shargunov "Sarov. Two Feats" (2021) are revealed as a journalistic text, which presents a dichotomous structure reflecting different time plans and different events. However, the parts of the book are not oppositional, since they are united by a common "genius of place" and a common purpose. The new interpretation of the author of the book, using previously unknown facts and events, allows us to combine the feat of faith and the feat of science in a common soteriological idea.

Keywords: S. Shargunov, journalism, Sarov, feat, Seraphim of Sarov, Academician Kurchatov.

В наши дни, на исходе первой четверти XXI века, современная русская литература уже достаточно основательно осмыслена в научной и критической литературе: написаны учебные пособия, издаются сборники научных трудов, посвященных критической и читательской рецепции произведений современных авторов [1]. Уже сложился достаточно устойчивый список имен, представляющих русскую литературу рубежа XX–XXI веков, определены основные тематические и жанрово-стилевые течения.

Вместе с тем осталось немало дискуссионных вопросов, вызванных и современным литературным процессом, и оценкой литературных событий и явлений недавнего прошлого. Так, к примеру, литературный процесс «лихих» 1990-х в свое время одними был оценен как «замечательное десятилетие» [2], а другими — как «русские цветы зла» [3]. Теперь, спустя три десятилетия, становится очевидным тот факт, что литература этого периода к началу XXI века дала ряд замечательных имен, уже вошедших в историю русской словесности, и 1990-е годы останутся как время В. Астафьева, В. Маканина, О. Павлова, Л. Бородина, Т. Толстой, Б. Екимова, А. Варламова, В. Пелевина. Противостояние реализма и постмодернизма, во многом определявшее «сюжет» литературы конца XX века, завершился примирительным утверждением одного из критиков о возвращении «в пределы российской словесности полноценной жизни», в которой вполне

успешно взаимодействовали разные художественные стратегии [4].

XXI век начался с дебютов молодых прозаиков, объявивших себя «новыми реалистами» (С. Шаргунов, З. Прилепин, Р. Сенчин, М. Елизаров, Г. Садулаев, Д. Данилов).

Лидером и «идеологом» нового течения стал дебютант 2002 года Сергей Шаргунов, повесть которого «Ура!» была литературным событием года. В первых манифестах «новых реалистов» С. Шаргунов констатирует «искреннее внимание к литературной традиции», желание молодых создавать многообразные человеческие типы, быть верными психологизму, вечным темам. «Но действительность убийственна, резка, откровенна», как считает молодой прозаик, отсюда стремление «осовременить подачу проблем и картин, освежить язык, «придать скорость» [5].

Анализируя первые произведения «новых реалистов» (Р. Сенчин «Афинские ночи», А. Геласимов «Жажда», З. Прилепин «Патология» и другие), Шаргунов отмечает два «перекоса», соответствующие двум основным эстетическим постулатам. Одни авторы пишут «слишком по-старому», традиционно-реалистично, другие — «слишком по-новому», то есть в их произведениях реализм вытесняется натурализмом, физиологизмом описаний, «чернухой», другими словами, становится «реализмом в низшем смысле», если перефразировать знаменитое высказывание Ф. М. Достоевского о «реализме в высшем смысле».

«Новые реалисты», показывая подлинную картину российской жизни начала XXI века, стремились

обнажить подноготную, глубинную «тяжесть существования» человека, вступившего в новое тысячелетие и оказавшегося в катастрофической ситуации стремительно меняющейся политической, социальной и экономической жизни. Но «гиперреалистическая наблюдательность» писателей была направлена не столько вовне, сколько вглубь человека: это «болезненно обостренное самонаблюдение» (Вл. Губайловский) доходило до крайней степени саморазоблачения [6]. «Новые реалисты» продемонстрировали трагизм молодого сознания, признающего только такую — жестокою — реальность и одновременно отрицающую эту реальность как «невозможную, не дающую дышать» (И. Роднянская) [6].

«Реализм станет доминирующей литературной стратегией в будущем» [5], — заявил в середине 2000-х годов С. Шаргунов, и тогда это воспринималось как дерзкий вызов. Но прогнозы писателя оправдались: реализм действительно доминирует в новейшей русской литературе и сохраняется как мировоззренческая и повествовательная художественная стратегия только в современной русской литературе. Реализм по определению предполагает наличие в литературном произведении духовной проблематики, вечных тем. Ф. М. Достоевский на все времена сформулировал магистральную тему русской реалистической литературы: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы сердца людей». Это и есть «реализм в высшем смысле», в этом заключаются основные источники жизненности русского реализма и его способности к развитию в новых исторических условиях.

За двадцать лет активной литературной деятельности «новые реалисты» заняли заметное и достойное место в литературном процессе. Их произведения достаточно часто попадали в длинные и короткие списки престижных литературных премий, неизменно привлекали внимание критики и читателей.

При различии индивидуально-авторских и эстетических ориентаций, в творчестве «новых реалистов» 2010-х и начала 2020-х годов сохранилась традиционная парадигма русской литературы, в основе которой — стремление русского писателя познать глубокий, истинный, провиденциальный смысл совершающегося в мире и человеке. Произведения «новых реалистов» показывают не только нравственную путаницу наших дней. Они все с большей очевидностью демонстрируют отмеченную западными исследователями отличительную черту русской литературы — связь художественного сознания с категорией совести [7].

Реалистическую традицию поддерживает современная православная проза, представленная в наши дни десятками имен. Н. В. Пращерук выделяет целый ряд тематических пластов внутри течения и предлагает термин «духовная литературная проза» [8].

Это течение дало поистине уникальный феномен нашей современной литературы — так называ-

емую «Зеленую серию» издательства Сретенского монастыря, столь блистательно начатую в 2011 году в то время архимандритом Тихоном (Шевкуновым), в которую сейчас уже входят более 20 книг разных авторов. Первая книга, изданная миллионными тиражами, знаменитые «Несвятые святые» и другие рассказы» так и осталась самым значительным художественным явлением и серии, и новейшей литературы. Что же держит серию, более 10 лет присутствующую в нашей литературе? Ее главная, сквозная тема, ее метасюжет — собирание «всего человека» — с духом, душой и телом» (А. Блок) и ее основная художественная стратегия, демонстрирующая сближение и взаимодействие автобиографического и художественного дискурсов.

В это же время заявляет о себе особый жанр современной литературы — писательская биография. В 2010 годы выходит своего рода трилогия критика и писателя Павла Басинского, посвященная подробной реконструкции наиболее значимых эпизодов жизни Льва Николаевича Толстого: «Лев Толстой. Бегство из рая» (2010), «Святой против Льва» (2013), «Лев в тени Льва» (2015). Эта тенденция была поддержана Захаром Прилепиным в книге «Взвод: офицеры и ополченцы русской литературы» (2017), куда входят 11 художественных биографий русских поэтов и писателей XIX века, затем выходит его же «Шолохов. Незаконный» (2023). Этот подход интересен тем, что писатели дают современное, порой весьма спорное, понимание творческого и духовного пути своих великих предшественников, тем самым способствуя актуализации их творчества и сохранению культурной и исторической памяти.

Заметным явлением наших дней стала писательская эссеистика и писательская публицистика: это изданная в Москве в 2020 году книга Евг. Водолазкина «Дом и остров, или Инструмент языка», посвященная Пушкинскому Дому [9], книга С. Шаргунова «Саров. Два подвига» (2021), а также книга Захара Прилепина «Координата Z» (2023) в его серии «Уроки русского». Как известно, статус публицистики в целом определяется набором признаков, к которым относятся «информативность — обращение к актуальным проблемам общества, функция воздействия на адресата, широкий диапазон использования языковых средств» [10].

Новая книга Сергея Шаргунова «Саров: Два подвига» заслуживает особого внимания: она посвящена описанию событий, связанных с его пребыванием в Сарове, уникальном месте, где соединились судьбы святых и ученых, где воплотились подвиги веры и науки.

В книге Сергея Шаргунова «Саров» отражены два периода русской истории: возникновение чудесной обители, в которой служил великий святой земли русской Серафим Саровский, а в сороковые-пятидесятые годы двадцатого века ставшей центром произ-

водства атомной бомбы Арзамас-16. Эти два события послужили основанием дихотомической структуры текста. Его первая часть посвящена истории становления и формирования монастыря. Основатель Саровской пустыни иеросхимонах Исаакий выбрал это место не случайно, поскольку оно отличалось удаленностью от мира, уединенностью и красотой: «Место же сие весьма прекрасно, на горе стоящее и яко в вертограде некоем глубочайшими лесами от всех четырех сторон ограждено, еже бе красоту имущее мноую, и может зрящему того места чувству принести немалую сладость и к тишине глубокой безмолвной воспристать его мысли от самого точию видеши» [11, 15]. Место было выбрано еще и потому, что из-под земли, где будет стоять монастырь, исходило чудесное сияние, и слышался колокольный звон. Эти мистические явления, по мнению автора, породили множество легенд о существовании древних кладов, которые ищут до сих пор. «Таким образом, старое городище приобрело славу места святого и загадочного» [11, 17].

Между тем\ основание монастыря на «святом и загадочном месте» было сопряжено с определенными трудностями: был написан донос на Исаакия о его связи с раскольниками и старообрядцами, местные помещики не хотели передавать землю, были недовольные и среди крестьян. Но, тем не менее, в январе 1706 года митрополит Стефан Яворский благословил строительство первой церкви. Автор отмечает, что возведение этой церкви осуществлялось всем миром: «Работали и сами монахи-пустынники, и поддерживавшие Исаакия местные крестьяне, и даже, как часто водится на Руси, раскаявшиеся разбойники» [11, 17]. Символичным представляется и тот факт, что первым в Сарове был заложен храм в честь иконы Божией матери «Живоносный источник», то есть источник, дающий жизнь.

Следует подчеркнуть, что строительство Саровского монастыря происходило на фоне знаменательных исторических событий. Автор упоминает в тексте Степана Разина, его лихое войско, знаменитого митрополита Стефана Яворского, который принимал опального сына Петра I Алексея, Феофана Прокоповича, итальянского зодчего Бартоломео Растрелли, который выполнил рисунок иконостаса для Успенской церкви монастыря и некоторых других. Так автор проявляет интерес к жизни России в целом, рассматривая реальные события, при которых вырос монастырь, ставший местом живой святости.

Саровская пустынь была наделена еще одним необыкновенным свойством: многие насельники монастыря стали выдающимися деятелями русской Православной церкви — настоятелями, казначеями монастырей, митрополитами. «Имена их известны: святой Феодор Санаксарский, игумен Маркеллин Клопский, преподобный Назарий Валаамский, иеромонах Мелетий Иерусалимский» [11, 31]. Это дало

возможность архимандриту Антонию (Медведеву), наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, назвать Саров академией.

Будущий святой Серафим Саровский начал свое служение в пустыни в 1778 году. По историческим данным, он пробыл там до 1794 года и совершил уход из монастырских стен в Дальнюю пустынь. И дальнейший его жизненный путь становится полным отказом от своих потребностей. Это путь духовного совершенствования, духовного подвига, добрых дел, искоренения зла и грехов.

Святитель Серафим намеренно выбирает самые труднодоступные места: «Возвышенности, сплошь заросшие лесом и кустарником и пересеченные оврагами, на которые не взберешься на слабых ногах и из которых не выберешься при слабом зрении» [11, 33]. Но свое новое место служения преподобный Серафим наделяет святыми именами. Таким образом в лесной глуши появляются Иерусалим, Афонская гора, Вифлеем, Голгофа, Иордан, Кедронский поток, гора Фавор. Так это место стало святой землей, на которой святой Серафим просветлял души людей, искоренял грехи, брал на себя чужую боль. Именно здесь совершались его духовные подвиги: подвиг столпничества — святой стоял на большом гранитном камне, взывая к богу. Принято считать, что в великом подвиге столпничества, подвиге смирения и терпения преподобный провел тысячу дней и тысячу ночей. Подвиг прощения — отец Серафим, как известно, простил разбойников, которые напали на него и едва не убили. Их нашли и должны были казнить, но преподобный даровал им спасение. Подвиг исцеления: отец Серафим исцелял всех больных и страждущих.

Таким образом, Сергей Шаргунов приводит читателя к выводу о том, что Саров осмысливается как сакральное место, которое освящено пребыванием в нем великого русского святого преподобного Серафима Саровского, величайшего духовного подвижника, который является не только достоянием церкви, но и национальным достоянием.

Саров — это место, обладающее особой судьбой, там вырос монастырь, ставший центром святости наряду с Троице-Сергиевой Лаврой и другими известными и почитаемыми монастырями России.

Саров дал русской Православной церкви, кроме святого Серафима, многих других подвижников веры. Символично и то, что первым построенным храмом монастыря стал храм в честь иконы Божией матери «Живоносной источник». Следовательно, Саров — это пространство, которое является местом спасения, убежищем, дающим жизнь.

Вторая часть книги Сергея Шаргунова посвящена событиям другого времени, другой эпохи. Автор переносит читателей из восемнадцатого века в сороковые-пятидесятые годы века двадцатого. Предметом изображения остается то же географическое

пространство — Саров, но по воле властей предрешающих он приобретает другое название и другое предназначение. Бывший Саровский монастырь из места стяжания веры превращается в Арзамас-16: закрытый секретный научно-технический центр по разработке и созданию отечественного ядерного оружия. Теперь здесь делают атомную бомбу. Атомная бомба и последствия атомного взрыва вызывают отчетливые ассоциации с чудовищной трагедией, гибелью людей и всего живого. При этом в описании автор использует прием конкретного сопоставления объектов.

С одной стороны, Саров — богом избранное, намоленное место, живоносный источник, символ святости и гармонии, с другой стороны, Арзамас-16 — смертельное начало, отклонение от нормы, разрушение гармонии. Но между тем Сергей Шаргунов не противопоставляет их, он считает, что Арзамас-16 не враждебен Сарову, он не сводит отношения между ними к системе оппозиции: добро-зло, праведность-греховность.

Автор усматривает между ними «живые связи», соединяющие, казалось бы, разные миры. Во-первых, Саров и Арзамас-16 объединяет общее сакральное место — монастырь, общий «гений места» — святой Серафим Саровский. Без его промысления вряд ли было бы возможно выбрать Саров в качестве ядерного центра. И Арзамас-16 тоже осеняет свой духовный лидер — академик Курчатова. Сергей Шаргунов приводит красноречивый эпизод из жизни академика, который перед одним из испытаний атомной бомбы посетил Новодевичий монастырь и долго стоял перед иконой Одигитрии, указывающей путь. Может быть, перед ликом Святой Заступницы ученый размышлял о той непомерной ответственности, которую он и другие ученые возложили на себя.

Во-вторых, у Сарова и Арзамаса-16 была одна «программа» бытия, у ученых и монахов очень похожи жизненные императивы: аскетизм, удаленность от мира, строгий регламент, «непостижимый вес ответственности» [11, 262]. Более того, отрицательный результат эксперимента мог стоить ученым жизни. В-третьих, Арзамас-16, как и Саровская обитель, славился своими кадрами. В атомном центре служили великие ученые, академики Курчатова, Харитон, Сахаров, Тамм, Трутнев и многие-многие другие. В-четвертых, у Сарова и Арзамаса-16 оказалось общее предназначение: в Саровской пустыни молились за сохранение Родины, за всех живущих, за их спасение. В атомном центре ученые создавали оружие тоже во имя спасения людей, ибо «предотвратить кошмарную гибель миллионов и масштабную катастрофу можно лишь вооруженными» [11, 14]. Таким образом, Арзамас продолжает подвиг Сарова, новое служение Отечеству. Именно благодаря подвигу ученых «мы запечатали врата ада» [11, 14].

Дихотомическое строение текста подтверждается и вербальными сигналами. В «саровской» части

текста Сергей Шаргунов широко использует высказывания на древнерусском языке: «Тебе ныне глаголю: изыди отсюда, иди в землю, которую покажу тебе» [11, 29]; «Радость моя! Стяжи себе мирный дух и тысячи вокруг тебя спасутся» [11, с. 37]; «место же сие весьма прекрасно, на горе стояще, и яко в вертограде некоем глубочайшими лесеми ограждено» [11, 15]; сакральные имена: Серафим Саровский, Сергей Радонежский, Богородица, Исаакий, Антоний; названия ритуалов и фрагментов богослужения: молитва, всенощное бдение, отпеть; лексику, представляющую особенности монастырской жизни: пустынь, обитель, иеросхимонах, келия, братия, трапезная и другие.

«Сигналами» Арзамаса-16, конечно, являются термины: ядерная физика, обогащенный уран, уранилсульфат калия, полоний, циклотрон, цепная реакция, термоядерный распад и т.д. Таким образом, древняя лексика и терминология фиксируют разные временные планы существования Сарова и его разные функции, но во времени их объединяет святой Серафим.

Об общей судьбе обители и ядерного центра сказал еще в 2009 году Святейший патриарх Кирилл: «не случайно, что под покровом Серафима Саровского и его обители страна получила возможность быть защищенной и избежать третьей мировой войны» [11, 267].

Русская культура принадлежит к сотериологическому типу культуры, задача которой — духовно-нравственное просвещение, окормление человека, призванное способствовать его спасению. Такую сотериологическую идею заявляет С. Шаргунов в книге «Саров. Два подвига» (2021), где показаны русский святой и русские ученые-ядерщики, спасающие мир.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Чалмаев В. А. Новейшая русская проза: 1980–1990-е годы / В. А. Чалмаев // Литература: Методические советы. — М., 2001; Лейдерман Н. Современная русская литература. — В 3 кн. / Н. Лейдерман, М. Липовецкий. — М., 2001. — Кн. 3: В конце века (1986–1990). — 159 с.; Минералов Ю. История русской литературы: 90-е годы XX века: учеб. пособие / Ю. Минералов. — М., 2002. — 221 с.; Нефагина Г. Русская литература конца XX века: учеб. пособие / Г. Нефагина. — М., 2003. — 320 с.; Черняк М. А. Современная русская литература / М. А. Черняк. Изд. 2-е. — М.: Форум: САГА, 2010. — 351 с.; Рудалев А. Катехизис «нового реализма». Вторая волна / А. Рудалев // XXI ВЕК. Итоги литературного десятилетия: язык — культура — общество. — Самара: УлГТУ, 2011; Сушилина И. К. Современный литературный процесс в России / И. К. Сушилина // Вопросы литературы. — 2011. — № 1.
2. Немзер А. Замечательное десятилетие: о русской прозе 1990-х годов / А. Немзер // Новый мир. — 2000. — № 1. — С. 199–210.
3. Ерофеев Вик. Русские цветы зла / Вик. Ерофеев // Русские цветы зла: Антология. Родная проза конца XX века.

Лучшие писатели. — М., 1998.

4. Басинский П. Возвращение (реализм и модернизм в конце XX века) / П. Басинский // Подъем. — 2000. — № 1. — С. 59–74.

5. Шаргунов С. А. «Новые реалисты» поименно // Литературная газета. 2004. — Сентябрь. — С. 6.

6. Роднянская Ирина. Книги необщего пользования. Опыт диалога о «не такой» прозе / Ирина Роднянская, Владимир Губайловский // Зарубежные записки. — 2007. — № 12.

7. Бердникова О. А. «Новые реалисты» в современной русской литературе // О. А. Бердникова // Электронный сборник по материалам международной научной конференции «ФИЛКО: Филология. Культура. Образование». 18–20 марта 2016 года. Штип, Университет Гоце Делчева,

Македония. — Режим доступа: <http://js.ugd.edu.mk/index.php/fe/issue/view/87/>

8. Пращерук Н. В. Современная литературная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика: учебное пособие / Н. В. Пращерук, Н. А. Дьячкова. — Екатеринбург, 2024. — 172 с.

9. Бердникова О. А. «Место человека во вселенной»: об особенностях локативной сферы в произведениях современной русской литературы / О. А. Бердникова, Т. Н. Голицына // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». — 2022. — № 3. — С. 5–10.

10. Солганик Г. Я. Стилистика текста / Г. Я. Солганик. — М.: Флинта, 2001. — 253 с.

11. Шаргунов С. А. Саров: Два подвига / С. А. Шаргунов — М.: Молодая гвардия, 2021. — 295 с.

Воронежский государственный университет

Бердникова О. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

Voronezh State University

Berdnikova O. A., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the XX and XXI centuries, Theory of Literature and Humanities

Голицына Т. Н., кандидат филологических наук, доцент

кафедры русского языка

Golitsyna T. N., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department

РЕЦЕПЦИЯ РУССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА В СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ В. СОСНОРЫ «ВСАДНИКИ»

Е. В. Болнова

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Поступила в редакцию 15 июня 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются стихотворные произведения В. Сосноры, входящие в цикл «Всадники», в которых присутствуют обращения к мотивной и образной системе русских былин. В каждом конкретном случае отмечаются как элементы текста, наследующие былинные традиции, так и моменты принципиального переосмысления русского героического эпоса.

Ключевые слова: В. Соснора, сборник «Всадники», фольклор, былины.

Abstract: the article examines the poetic works of V. Sosnora, included in the cycle “Horsemen”, which contain references to the motivic and figurative system of Russian epics. In each case, both the elements of the text, based on the following epic traditions, and the moments of fundamental rethinking of the Russian heroic epic are noted.

Keywords: V. Sosnora, collection “Horsemen”, folklore, epics.

Невозможно спорить с тем, что фольклор — важнейшая часть культуры народа, оказывающая сильное влияние на художников, писателей, поэтов и музыкантов. Кто-то сознательно обращается к разработке фольклорных тем, мотивов и образов в своем творчестве, у кого-то прослеживается опосредованное влияние. В. А. Соснора относится к авторам, для которых взаимодействие с предшествующим культурным полем крайне важно. Существенная часть созданных им текстов насыщена аллюзиями, реминисценциями, прямыми цитатами. Однако В. А. Соснора, как нам кажется, ориентируется в большей степени на авторскую художественную литературу, при этом народное творчество присутствует в его произведениях через обращение к отдельным образам, большая часть которых также имеет весьма внушительную «книжную» историю.

В сборнике «Всадники», принесшем В. А. Сосноре известность и вышедшем с предисловием академика Д. С. Лихачева, в стихотворении «Пир Владимира» возникает сюжетная ситуация, характерная для былин и часто в них встречающаяся. Действие происходит на пиру у князя Владимира, который именуется «Красным Солнцем». Князь наносит оскорбление своим дружинникам, поскольку им подали липовые ложки, а не серебряные, что и было воспринято всеми крайне негативно. Если в былине события, происходящие во время пира, зачастую напрямую влияют на последующие героические подвиги (былина о Дунае, былина об Алеше и Тугарине, о Добрыне и змее, былины о ссоре Ильи и князя Владимира и т.д.), то в произведении В. А. Сосноры никакого развития данная ситуация не получает. Текст построен как песня с характерным припевом:

Выдав на бойню отару,
бубен добыл берендей.

Купно придвинуты чары.

Бей, бубен,
бей, бубен,
бей!

Очень обижен Добрыня —

крутит чупрыжную аж:

— Вот что, Владимир,
отныне

ты мне, племяш, — не племяш.

Красное Солнце,

не гоже

ложке шуршать на губе.

ТЬфу!

Деревянные ложки! —

Бей, бубен,
бей, бубен,
бей! [1, 24–25]

Таким образом, былинная ситуация конфликта князя с богатырем оборачивается в стихотворении В. А. Сосноры бытовой неурядицей и лишается высокого героического разрешения, в котором проявлялся характер богатыря. Былинный героический пафос, сделавшийся к середине XX века общим местом большей части художественных текстов, использующих тематику и образную систему фольклорных произведений, фактически отрицается автором «Пира Владимира».

Можно сказать, что во «Всадниках» В. А. Соснора создает собственный «альтернативный» фольклор. Так, важнейшими образами становятся образы калик, возникающие в целом ряде текстов. Так, в стихотворении «Калики» обыгрывается ситуация супружеской неверности княгини Апраксии князю Владимиру, которая неоднократно встречается и в былинах:

Приходили калики к Владимиру.
Развлекали Владимира песенками.
И поили их винами дивными.
И кормили заморскими персиками.
Только стольники-прихлебатели
на калик возводили напраслину:
будто

утром

певучая братия

блуд вершила с княгиней Апраксией [1, 27]

В поэтическом мире В. А. Сосноры интенция смещается с богатырей и дружинников на певцов. Эта интерпретация выглядит логическим продолжением и развитием «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина, в которой автор осмысляет соотношение власти земной и небесной, силу оружия и силу слова. Но если А. С. Пушкин все же не отрицает героизма Олега, воплощающего земную власть и физическую силу, то В. А. Соснора практически отказывается от изображения «парадной» стороны жизни условной Древней Руси (в таких стихотворениях, как «Рогнеда», «Бой Мстислава с Редедей» и др. изображены картины, творчески значительно переосмысляющие первоисточник [2]). В своих произведениях он создает картину жизни «низов», людей, казалось бы, не влияющих на развитие истории: завсегдаево кабаков, скоморохов, калик. В качестве параллели может быть приведен сюжет былины о ссоре Ильи и князя Владимира, когда обиженный на пиру у князя Илья устраивает собственный пир и приглашает на него простолюдинов.

В сборник стихотворений «Всадники» входит и цикл «Соловей-разбойник», состоящий из восьми текстов. В основе лежат былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Однако автор прибегает не к стихотворному переложению, а к полному переосмыслению исходного материала, внося серьезные изменения и в сюжет, и в образную систему, и в смысловое наполнение. Так, в произведении В. А. Сосноры Илья Муромец сидит в темнице в тот момент, когда Соловей-разбойник начинает грабить под Киевом проезжих. Этот сюжет позаимствован из круга былин об Илье Муромце и царе Калине и песне о бунте Ильи. Согласно этим произведениям к Киеву подходит войско татар во главе с царем Калиной, в столице не оказывается богатырей из-за конфликта с Владимиром. Илья Муромец к этому времени чаще всего сидит уже длительное время в темнице, куда посажен Владимиром. В. Я. Пропп пишет о данном сюжете следующее: «В былине о Калине Евпраксия проявляет больше мужества, чем Владимир. Евпраксией в этих случаях названа дочь или жена Владимира. Ее образ — образ героической женщины. В противоположность Владимиру, она во всем держит руку богатырей. Когда Владимир приговорил Илью к погребу, она тайно от отца или мужа спасла его, приказав прокопать к погребу подземный ход, и в течение ряда

лет сама носила туда пищу и снабжала Илью всем необходимым, вплоть до подушек и одеял. В этом она теперь признается. Илья жив, город будет спасен.

Владимир не хочет ей верить и грозит снести ей голову. В ответ на это она предлагает ему спуститься в погреб.

Сцена в погребу принадлежит к самым значительным во всем русском эпосе как по своему драматизму, так и по глубине замысла. Она не исторична в том смысле, что подобной сцены фактически никогда не происходило. Но она глубоко исторична в том, что в ней обобщен огромный исторический опыт. Только сам народ, руководимый своими, а не чуждыми ему вождями, может спасти родину» [3, 321].

Свист Соловья не просто причиняет вред всем, кто его слышит, за счет физических свойств, он приравнивается к разрушительному мятежному началу общей вольницы:

Перепуганы бояре,

тараторят, вящие:

— Будоражит смердов ярость

по ярам и чащам,

наши клади —

о проклятье! —

грабят,

а иконы

топчут,

не бывать прохладе

на Руси николю.

Наши головы с-с-сымерды

разрубают плавно

на квадраты,

будто это

овощи,

не главы.

Наши головы к скворешням

вешают мальчишки.

Княже,

приструни скорейше

Соловья — зачинщика.

Этот свист

и эти песни

надо —

под корягу [1, 80--81].

Таким образом, Соловей-разбойник становится не просто былинным героем, но мятежником, одним из первых поднявшим народное восстание на Руси. Естественно, такая «революционная» трактовка была невозможно во время создания и активного бытования былинного эпоса, но не противоречила духу времени в начале 60-х гг. XX века. О Соловье-разбойнике В. Я. Пропп замечает следующее: «Слово «разбойник» следует понимать не в буквальном, а в более широком, обобщенном смысле, подобно тому как слово «вор» в народном языке имеет очень широкое значение. Соловей-разбойник никогда никого не грабит. Что в народном понимании Соловья не рассматри-

вадается как разбойник в узком смысле этого слова, видно по тому, что существует другая былина, в которой поется о встрече Ильи с действительными разбойниками, по-народному именуемыми «станичниками». В этой былине Илья наталкивается на шайку грабителей: они хотят его ограбить, он же пускает свою стрелу в дуб, разбивает этот дуб в щепы и тем наводит на разбойников страх и разгоняет их шайку или даже убивает всех до единого. Былина о встрече с разбойниками часто контаминируется с былиной о Соловье-разбойнике; это означает, что былина о станичниках и о Соловье-разбойнике, а следовательно, и действующие лица их — явления совершенно разного порядка. Когда народ говорит о разбойниках, он называет их разбойниками или станичниками и заставляет действовать по-разбойничьи. Соловей же не разбойник в обычном понимании этого слова.

Чтобы решить вопрос о том, чем в народном сознании представляется Соловей-разбойник, необходимо рассмотреть весь ход встречи с ним Ильи.

Препятствие, ожидающее Илью на пути между Киевом и Черниговом, чаще всего в былинах именуется «заставой». Неоднократно говорится о трех заставах — о лесе и болоте, о реке, о Соловье-разбойнике. Легко заметить, что «лес», «болото» и «река» являются эпическим утроением. Трех застав нет, а есть только одна: Соловей находится в лесу и очень часто у реки.

Слово «застава» в былине имеет очень точный и совершенно определенный смысл. В былине об Илье и его сыне на богатырской заставе находятся лучшие богатыри и охраняют государственные границы и подступы к Киеву. Застава — это пограничный сторожевой пост, задерживающий нарушителей границы.

Но в отличие от этой богатырской заставы застава Соловья — вражеская. Соловей преграждает путь на Киев, и в этом состоит главный вред, наносимый им.

Дорога заросла лесом, ее давно уже нет, и многие певцы поют о том, что Илья эту дорогу прокладывает, чтобы добраться до Соловья.

Такая роль Соловья устойчива по всем былинам. Никакого другого вреда он не наносит. Он не похищает женщин, как змей в былине о Добрыне-змееборце, и он не грабит людей уже потому, что мимо него никто не проезжает» [3, 250–251]. Меняется в авторской трактовке и поведение Ильи Муромца. Сам герой достаточно противоречив, как и в былинах, рассказывающих о его подвигах: богатырь не надеется на божью помощь, он оспаривает власть князя Владимира, за что и был посажен в темницу:

Но на Муромце нема креста.
Потому-то богатырь давно
ни идолищу,
ни богу
не угоден,

что уверовал только в бревно,
на котором коротает годы.

Неспроста,
не за пустяк сюда
усадил богатыря государь.
Говорил властелину Илья:
— Или ты води дружину,
или я. [1, 79–80]

В былинах о бунте Ильи против Владимира указываются иные причины, приведшие к заточению Ильи. В. Я. Пропп перечисляет основные из них: «Такова одна причина конфликта: он возникает из-за подарка, оскорбляющего богатырскую честь Ильи. Другой повод к ссоре состоит в том, что Илью не зовут на пир, а когда он приходит, указывают ему недостаточно почетное место» [3, 294]. «Илья не может остаться равнодушным к оказанному ему бесчестью и начинает проявлять свою богатырскую силу в весьма ярких формах. Он, выражаясь по-былинному, начинает «потешаться», то есть издеваться, над тем, что происходит. Проявляется это в различных формах» [3, 296]. Владимир «приходит в ярость и на этот раз приказывает казнить Илью мучительной смертью:

Вскричал князь Владимир стольно-киевский
Своим громким голосом:
«Посадить его в погреб глубокие,
В глубокий погреб да сорока сажень,
Не дать ему ни пить, ни есть да ровно сорок дней,
Да пусть он помрет, собака, и с голоду».
(Гильф. 257)

Приказ Владимира всегда в точности выполняется: Илью засаживают в глубокий погреб, закрывают погреб решеткой, запирают его и сверх того закладывают яму камнем или засыпают ее песком» [3, 299].

Очевидно, что изменение внутреннего наполнения образов главных героев не могло не повлечь за собой и изменения поведения. Так, Илья опознает в Соловье друга и товарища, отказывается от борьбы с ним. Их встреча стилистически выстроена автором как встреча двух равных:

— Здорово, рваное ухо!
— Здорово, Илья, старый хрен!
... — Э, брось шебушиться, дьявол,
что ссориться?
Лучше — выпьем.
Слезай, Соловей,

ты да я да
да

мы — двое в России пасынков... [1, 82]

Очевидно, что отказ от борьбы был невозможен для былинного богатыря. Возвращаясь к сюжету, связанному с борьбой Ильи Муромца против царя Калины, необходимо отметить, что В. Я. Пропп задается вопросом о том, почему герой соглашается вступить в бой после тех обид, что нанес ему Владимир: «Что произойдет? Откажется ли Илья оказать помощь? Со-

вершено очевидно, что это невозможно, что Илья не может оставить родину на поругание татарам» [3, 321]. Герой В. А. Сосноры оказывается ближе к более поздним образам бунтовщиков и мятежников, о чем и сигнализирует его поведение в стихотворении:

— Удави, Илейко,
буянщика! —
завизжала жалобно Апраксия.
Но сказал Илья:
— Я не я.
Посмотреть на шиш не угодно? —

Хохотнул Соловей,
хохотнул Илья.
И уехали рядом из города [1, 83].

Контаминируя и видоизменяя сюжеты, В. А. Соснора, как уже было показано, трансформирует и былинную систему образов. Это в полной мере относится и к образу Апраксии. В цикле «Соловей-разбойник» она предстает женой Владимира (напомним, что в былинах ее роль обозначена по-разному, героиня упоминается и в качестве жены, и в качестве дочери князя), под стать своему мужу:

Говорит Апраксия-жена,
в меру умственна,
прекрасна
и жирна... [1, 78]

Упоминается и о неверности княгини. Причем из слов Соловья-разбойника можно понять, что у нее была любовная связь в том числе и с Ильей Муромцем:

Как в Киеве?
Так же пашни
Владимир оброком забрасывает?
По-прежнему крутит
шашни
с богатырями Апраксия?
Небось княжна наставляла
тебе
рогатое имя? [1, 82]

Как уже отмечалось, в былинах об Илье и царе Калине образ Евпраксии выстроен совсем иначе. Она выступает спасительницей Ильи Муромца от смерти в тюрьме, она встает на сторону богатыря в его конфликте с Владимиром и пытается уговорить Илью Муромца в тех случаях, когда он отказывается сражаться с татарами. Образ Апраксии в стихотворении В. А. Сосноры восходит к другим былинам, в которых образ героини представлен иначе: к былине о Дунае, в которой описано сватовство Владимира через богатыря и пренебрежение, выказанное иноземной принцессой Евпраксией. Неверность Евпраксии зафиксирована и в былине об Алеше Поповиче и Тугарине-змее. В. Я. Пропп пишет о данном сюжете следующее: «То, что Алеша видит дальше, может быть еще более удивительно, чем появление Тугарина: Тугарин в присутствии гостей и самого Владимира держит себя с Евпраксией настолько вольно, что ис-

тинная природа их отношений не оставляет никаких сомнений. Певцы повествуют об этом весьма лаконично и выразительно. К этому на пиру, по-видимому, также все уже привыкли, и никого это не удивляет и не возмущает: наоборот, сама Евпраксия проявляет знаки явной благосклонности и расположения к Тугарину» [3, 220].

Образ князя Владимира в цикле В. А. Сосноры ближе к былинному и по основным признакам продолжает народную традицию: он труслив, лжив и жесток. Ярче всего это проявляется в шестом стихотворении цикла:

У Владимира хворость —
колики.
Князь рычит под медвежьей
полостью:
— Закричи, Соловей,
в полный крик,
засвисти, Соловей,
в полный свист. —
Закричал Соловей
вполкрика,
засвистел вполсвиста,
но весело.

И в подоле у Апраксии —
мокренько,
и в штанах у Владимира —
увесисто [1, 82–83].

Поведение Владимира в приведенном фрагменте стихотворения сопоставимо с поведением князя Владимира в былине об Илье Муромце и царе Калине. Разные певцы по-разному передают реакцию князя на угрозу захвата Киева татарами, но все они сходны в одном: Владимир ведет себя трусливо и не готов сам бороться за спасение столицы: «Как «Владимир реагирует на обрушившееся на Киев бедствие?»

Тут-то Владимир-князь испугается,
Его резвые ноги подсекаются,
И белые руки опустились,
И буйная голова зачем с плеч не катится?
(Тих. и Милл. 9)

Последняя строчка указывает на то, что Владимир готов от испуга и отчаяния покончить с собой, что он желает умереть. Чаще всего Владимир просто плачет:

Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Он по горенке да стал похаживать,
С ясных очушек он ронит слезы ведь горячие,
Шелковым платком князь утирается.
(Гильф. 75)

У Крюковой он падает в обморок, так что его уносят в спальню:

А и помутились очи ясные, призакрылись,
А понесли князя Владимира во постелечку
во спальную ту,
А со печали со досады разболелся князь.
(Крюк. 3)» [3, 317–318]

Трансформация образов Ильи Муромца и Соловья-разбойника в поэтическом цикле В. А. Сосноры усиливается появлением в последнем восьмом стихотворении символического мотива свиста, выражающего революционный мятежный дух страны. Неслучайно в этом тексте появление образа сказочного Ивана-дурака, героя, чаще всего страдающего от собственной порядочности и неспособности к подлым поступкам. По словам В. Я. Проппа, «сказка любит контрасты: точно так же именно Иван-дурак оказывается героем, а Чернавка — царевной» [4, 363]. Возможно, именно поэтому призыв В. А. Сосноры обращен к данному герою:

Злющий за бором
свист,
рушит заборы
свист,
слушай разбойный
свист,
ты,
опустивший ус,
вечный Иван-дурак,
приподнимай,
рус,
кол
и кулак
для драк.
Слышишь:
свист
от подземных искр
до заоблачных верхов...
Как бы ни было тошно,
а свист
над Россией
испокон
веков [1, 84].

Думается, что именно в этом ключе стоит интерпретировать соединение нехарактерного для былин названия страны «Россия» и традиционной словесной формулы «испокон веков» — перед читателем почти не завуалированная попытка протянуть связующую нить между былинным прошлым и современным автору настоящим. Данная концепция коррелирует с опубликованными исследованиями в области функционирования фольклорных мотивов и образов, как в сборнике «Всадники», так и в других произведениях В. А. Сосноры [5, 6, 7, 8, 9]. Проведенное исследование не противоречит наблюдениям над поэтическим языком В. А. Сосноры, сделанным Л. В. Зубовой [10, 11], а также укладывается

в концепцию автомифотворчества, предложенную в статье Е. И. Зейферт [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Соснора В. Стихотворения / В. А. Соснора. — СПб., М.: Пальмира, 2018. 910 с.
2. Ковалева Т. И. Мстислава древний поединок...»: рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры «Бой Мстислава с Редедей» (1959) / Т. И. Ковалева, И. Е. Лоцилов // Сибирский филологический журнал. — 2023. — № 2. — С. 166–179.
3. Пропп В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. — М.: Гослитиздат, 1958. — 605 с.
4. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. — 608 с.
5. Болнова Е. В. Сказочные мотивы и образы в сборнике стихотворений В. Сосноры «Всадники» / Е. В. Болнова // Палимпсест. Литературоведческий журнал. — 2023. — № 3 (19). — С. 9–21.
6. Болнова Е. В. Фольклорные мотивы и образы в поэтических сборниках В. Сосноры 1960-х гг. / Е. В. Болнова // Грехнёвские чтения-XIV: Литературное произведение в системе контекстов. Сборник докладов Международной научной конференции. Нижний Новгород, 2023б. — С. 81–101.
7. Ковалева Т. И. «Мстислава древний поединок...»: рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры «Бой Мстислава с Редедей» (1959) / Т. И. Ковалева, И. Е. Лоцилов // Сибирский филологический журнал. — 2023. — № 2. — С. 166–179.
8. Ковалева Т. И. Стихотворение Виктора Сосноры «Рогнеда»: источник сюжета, поэтика и контексты / Т. И. Ковалева, И. Е. Лоцилов // Литература и история в контексте археографии. — 2022. — С. 266–289.
9. Ковалева Т. И. Владимир Маяковский как «запевший Илья Муромец»: «Карачарово» Виктора Сосноры / Т. И. Ковалева, И. Е. Лоцилов // Филологический класс. — 2022. — Т. 27. — № 4. — С. 9–21.
10. Зубова Л. В. Древнерусский язык в поэтическом отражении: Виктор Соснора / Л. В. Зубова // Теоретические проблемы языкознания. СПб.: Изд-ва СПбГУ, 2004. С. 596–606.
11. Зубова Л. В. Языки современной поэзии / Л. В. Зубова. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — 384 с.
12. Зейферт Е. И. Автобиографический миф Виктора Сосноры: к постановке проблемы / Е. И. Зейферт // Вестник московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2023. — № 13 (881). — С. 123–130.

Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского

Болнова Е. В., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы Института филологии и журналистики
E-mail: eka332@yandex.ru

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
Bolnova E. V., Candidate of Philological Sciences, Assistant Lecturer of the Department of Russian Literature at the Institute of Philology and Journalism
E-mail: eka332@yandex.ru

МНОГОАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РАССКАЗАХ И. А. БУНИНА

Т. В. Викторина, К. И. Томашевская

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Поступила в редакцию 14 мая 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются сложные прилагательные в рассказах И. А. Бунина. Отмечается, что писатель использовал как общеупотребительные сложные прилагательные, так и потенциальные, и индивидуально-авторские новообразования, обозначены их способы образования. Выявлено, что сложные эпитеты, в том числе метафорические, писатель использует для описания персонажей, их состояния, природы, животных. Характерное для писателя контрастное изображение мира художественной действительности обусловило использование, наряду с другими лексическими единицами, сложных прилагательных оксюморного построения.

Ключевые слова: И. А. Бунин, сложное прилагательное, художественный текст, индивидуально-авторское новообразование, эпитет.

Abstract: *the article examines complex adjectives in the stories of I. A. Bunin. It is noted that the writer used both commonly used compound adjectives, as well as potential and individual authorial neoplasms, and their methods of education are indicated. It is revealed that the writer uses complex epithets, including metaphorical ones, to describe characters, their condition, nature, and animals. The contrasting image of the world of artistic reality characteristic of the writer led to the use, along with other lexical units, of complex adjectives of an oxymorical construction.*

Keywords: *I. A. Bunin, compound adjective, artistic text, individual author's neoplasm, epithet.*

Творчество И. А. Бунина традиционно привлекает внимание исследователей. Так, поэтику дневниковой прозы изучала В. В. Федотова [1], экспрессивные словообразовательные средства описала Н. А. Николина [2], лингвостилистическое представление концепта *пейзаж* рассмотрела О. В. Руднева [3], мир И. А. Бунина исследовала О. В. Сливицкая [4], стилистические особенности цикла И. А. Бунина «Темные аллеи» проанализировала И. В. Щербицкая [5], словарь эпитетов составил В. В. Краснянский [6].

Одной из языковых особенностей произведений писателя является активное использование прилагательных. Ю. Нагибин писал: «...Бунин несомненно отдавал предпочтение имени прилагательному. Он, как никто иной, был щедр на слова, определяющие разные свойства и качества предмета, лица, явления» [7, 42].

Объектом данной работы являются сложные прилагательные. Материалом для исследования послужили рассказы И. А. Бунина.

Прежде всего, анализу подвергся статус оригинальности рассматриваемых лексем, т.е. являются использованные писателем сложные прилагательные общеупотребительными, потенциальными или окказиональными. Для исследования были привлечены следующие словари: 1) «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля [8], 2) «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова [9],

3) «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой [10].

Извлеченные из рассказов сложные прилагательные объединены в 3 группы. Первую группу составили общеупотребительные прилагательные, к которым отнесены лексемы, зафиксированные хотя бы в одном из указанных словарей. Вторая группа представлена потенциальными новообразованиями — это слова, которые отсутствуют в отмеченных словарях, но в них отражена первая часть сложных слов. Например: 1) ...выходит на *темно-синие* прогалины... («Таня»); 2) ...по блестящей *темно-желтым* деревом лестнице с красным ковром посередине... («Антигона»). Сложные прилагательные *темно-синий* и *темно-желтый* не представлены в словарях, но их первая часть *темно* отражена в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. См.: «Темно... — первая часть сложных слов со знач.: 1) темного оттенка, напр. темно-голубой, темно-зеленый, темно-синий; 2) с темным (во 2 знач.) (в соответствии со знач. второй части сложения), напр. темноволосый, темнолицый, темнокожий» [10, 1991]. Сложные прилагательные *темно-синий* и *темно-желтый* образованы по продуктивной словообразовательной модели, указывают на оттенок цвета (первое значение в словарной статье), поэтому данные слова отнесены ко второй группе. Необходимо отметить, что не всегда части потенциальных сложных прилагательных отражены в словаре. Установление статуса языковой

единицы (отнесения ее к потенциальному слову или авторскому новообразованию) проводилось также с учетом данных Национального корпуса русского языка. Если сложное прилагательное использовалось не только И. А. Буниным, но также его современниками в текстах разных жанров, то оно было отнесено к потенциальным прилагательным. Если языковую единицу использовал только И. А. Бунин или она впервые зафиксирована в текстах писателя, то ей приписывался статус индивидуально-авторского прилагательного. Индивидуально-авторские слова составили 3-ю группу, например: ...глядя на *ярко-мгновенные* дуги падающих звезд... («Волки»). По данным Национального корпуса русского языка (основной корпус), это прилагательное встречается только в рассказе И. А. Бунина «Волки». При анализе учитывалась также семантика второй части сложного прилагательного. Так, в указанной лексеме вторая часть имеет семантику времени, сочетание слова с таким значением с первой частью *ярко-* не является типичным для русского языка, поэтому данное прилагательное отнесено к индивидуально-авторским.

Анализ сложных прилагательных в рассказах И. А. Бунина показал, что писатель прежде всего использует общеупотребительные слова, например: *белоснежные* ветви, *миловидное* лицо, *старомодная* гостиная («Митино лицо»), но также активно прибегает и к потенциальным, например: *бледно-зеленые* мотыльки («Руся»), шубка *темно-синего* лионского бархату («Ворон»), *мутно-белые* поля («Игнат») и к индивидуально-авторским новообразованиям, например: *отчаянно-радостный* хохот, *угольно-крупные* ресницы («В Париже»), он *грубо-черноволосяй* («Ворон»).

Рассматриваемые сложные слова образованы традиционными способами: словосложением, например: *бархатисто-пунцовый*, *женоподобный*, *серо-серебристый*, *хрустально-золотая*; сложно-суффиксальным, например: *толстостенный*, *белоснежные*, *разноцветные*, *смугло-янтарное*; сложением с нулевой суффиксацией, например: *огнеглазый*, *коротконогие*, *широколицый*; сращением, например: *заколдованно-светлая*, *бесконечно-безмолвная*, *бесконечно-длинные*, *ослепительно-белое*.

Сложные имена прилагательные способствуют созданию более точного, выверенного образа, образительно-выразительный потенциал таких слов позволяет читающему представить, с одной стороны, более сложный, объемный, а с другой стороны, более конкретный, детализированный объект. Сложные прилагательные используются писателем для описания:

— внешности персонажей, они помогают выпукло, наглядно представить, например, волосы: ...выбежала на крыльцо *молочно-седая* барыня... («Игнат»); брови: ...еще *чернобровый*, но с белыми усами...; лицо: ...*смугло-янтарное* лицо..., ...на *корытообразном* лице... («Чистый понедельник»); глаза: ...угольно-

черного, *огнеглазого* сицилийца («Господин из Сан-Франциско»); ресницы: посмотрела на него тоже странно искрящимися глазами с *угольно-крупными* ресницами... («В Париже»); телосложение: ...*коротконогий* и похожий на Сократа профессор... («Зойка и Валерия») и т.п.;

— пейзажа, отличающего эмоциональностью, например: 1) ...*туманно-лазурные* массивы Италии... («Господин из Сан-Франциско»); 2) Море угрюмо вздулось и становится *темно-железного* цвета («Велга»);

— внутреннего состояния персонажа, при этом следует отметить осязаемую конкретизацию эмоционального состояния героя, что так свойственно произведениям автора, например: ...она вся изменилась с той быстротой, на какую способна молодость, сделалась ровна, *беззаботно-счастлива*... («Таня»);

— животных, например: ...*черноглазой* борзой в атласной белой шерсти... («Игнат»).

Тексты писателя насыщены эпитетами, например: ...и все покрывающие, то *распутно-томные*, то *залихватски-бурные* струнные волны... («Таня»), в том числе метафорическими эпитетами, например: 1) ...здесь еще *хрустально-чист* и свеж был воздух... («С высоты»); 2) ...пошли *белесо-свинцовые* тучи... («Таня»). Эпитеты, которые, по мнению В. В. Краснянского, являются самым примечательным элементом в образной системе литературных текстов И. А. Бунина [6], усиливают выразительность, эмоциональность текста; сложные эпитеты способствуют также созданию зрительно точных образов.

Исследователи творчества И. А. Бунина отмечают характерную для писателя спокойную манеру повествования с вкраплениями неожиданных деталей. Свойственное писателю контрастное изображение мира художественной действительности отражает прежде всего диалектику человеческой души; в мире, созданном автором, персонажам зачастую присуща иррациональность, интуитивность поступков и, по мнению писателя, необъяснимость их разумом. И. В. Щербицкая выделяет следующие черты произведений писателя: обилие оценочных значений; повышенную эмоциональность; противопоставление таких констант, как счастливый миг любви — долгое одиночество и предчувствие апокалипсиса; духовность, возвышенность — «плотскость» и низменные удовольствия [5]. Для изображения такого мироощущения, психического состояния персонажа, наряду с другими лексическими средствами, применяются сложные имена прилагательные, имеющие оксюморное построение, например: 1) ...усвоившие себе манеру держаться с *добродушно-угрюмой* насмешливостью... («Митина любовь»); 2) ...*отчаянно-радостный* хохот... («В Париже»); 3) ...крик ее раздался *жалобно-радостным* криком чайки над Ирвальдом... («Велга»). Подобные эпитеты позволяют наиболее полно представить эмоции персонажа, неслучайно автор привле-

кает такие сложные слова, как правило, для характеристики внутреннего состояния героев.

Свойственный писателю живописно-описательный стиль, отличающийся разнообразием красок, обусловил активное использование сложных прилагательных с семантикой цвета и света, что помогает созданию более выразительного образа. Имена прилагательные, характеризующие цвет, могут обозначать только цвет, его оттенки, например: ...какая-то страшная *чёрно-синяя* темнота... («Зойка и Валерия»), могут также указывать как на цвет, так и на тот или иной признак объекта, например: ...пленительный *бархатисто-пунцовыми* губами рот... («Чистый понедельник»). Сложные имена прилагательные, характеризующие только цвет, обозначают или смешанный цвет, например: 1) ...рожь ходила, отливала *серебристо-серой*... зыбью... («Митина любовь»); 2) ...небо за садом помутнело, окрасилось *ало-оранжевым*... («Игнат»); или оттенок одного и того же цвета (его насыщенность), для этого писатель использует либо световую лексику, например: 1) ...далекое *светло-зелёное* небо над лиловыми весенними тучками... («Заря всю ночь»); 2) ...опутывая мокрыми *бледно-зелёными* травами... («Велга»); либо синонимичные лексемы, усиливающие степень проявления признака, например: ...*угольно-чёрного*, *огнеглазого сицилийца* («Господин из Сан-Франциско»). Можно отметить активное использование писателем прилагательного *зелёный* в составе сложных слов, кроме указанных выше примеров, см.: над *серо-зеленой* водяной пустыней, *курчаво-зелёными* горами («Господин из Сан-Франциско»), *зелено-жёлтые* огоньки светляков («Зойка и Валерия») и др.

Сложные прилагательные, обозначающие насыщенность света, немногочисленны, например: ...стояла прозрачная тишина первых весенних дней, красота *бледно-ясной* лазури, черных голых деревьев... («Маленький роман»).

И. А. Бунин — прекрасный пейзажист, сложные прилагательные с семантикой цвета и света являются одним из языковых средств, создающих красочность, яркость мира художественной действительности; в текстах писателя описание природы, неразрывно связанное с образами, мыслями персонажей, углубляет психологическую характеристику героев.

Таким образом, писатель активно использует сложные прилагательные как имеющиеся в языке,

так и созданные (потенциальные и индивидуально-авторские). Сложные прилагательные привлекаются автором для наиболее точного описания персонажей, их состояния, животных, природы и, наряду с другими языковыми средствами, создают живописно-описательный стиль, характеризующийся реалистичным воспроизведением природы и человеческой жизни, способствуют формированию зрительного точного образа, в том числе благодаря использованию индивидуально-авторских новообразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федотова В. В. Поэтика дневниковой прозы И. А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Федотова. — Казань, 2010. — 18 с.
2. Николина Н. А. Экспрессивные словообразовательные средства в прозе И. А. Бунина (К 150-летию со дня рождения) / Н. А. Николина // Русский язык в школе. — 2020. — №81 (6). — С. 57–62.
3. Руднева О. В. Концептуализация пейзажа в малой прозе И. А. Бунина (лингвостилистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. В. Руднева. — Сургут. — 2007. — 26 с.
4. Сливичкая О. В. Повышенное чувство жизни: мир Ивана Бунина / О. В. Сливичкая. — М.: Издательство РГГУ, 2004. — 270 с.
5. Щербицкая И. В. Стилистические особенности цикла И. А. Бунина «Темные аллеи»: дис. ... канд. филол. наук / И. В. Щербицкая. — Махачкала, 2008. — 180 с.
6. Краснянский В. В. Словарь эпитетов Ивана Бунина. Ок. 100 000 словоупотреблений / В. В. Краснянский. — М.: Азбуковник, 2008. — 776 с.
7. Нагибин Ю. Коль слово найдено / Ю. Нагибин // Русская речь. — 1972. — № 4. — С. 41–46.
8. Даль В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка: в 4 т. / В. И. Даль. — В.: Издание книгопродавцатинографа М. О. Вольфа, 1880–1882. в 4 т. — Режим доступа: https://vk.com/wall-72028042_9595 (дата обращения: 16.04.2024).
9. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. в 4 т. — Режим доступа: https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ushakova/tom-1/ushakov-tom-1_0002.htm (дата обращения: 18.04.2024.).
10. Толковый словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. — М.: Академия наук СССР, 1992.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Викторина Т. В., кандидат филологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой русской филологии и журналистики.

E-mail: t.viktorina@mail.ru

Томашевская К. И., магистрант.

E-mail: tomashevaskaakarina@mail.ru

Katanov Khakass State University

Viktorina T. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Philology and Journalism

E-mail: t.viktorina@mail.ru

Tomashevskay K. I., Undergraduate Student

E-mail: tomashevaskaakarina@mail.ru

О СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЕ ВОСПОМИНАНИЙ ВЕРЫ НИКОЛАЕВНЫ ФИГНЕР (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВЫ IV «ТЮРЬМА ДАЕТ МНЕ ДРУГА» МЕМУАРОВ «КОГДА ЧАСЫ ЖИЗНИ ОСТАНОВИЛИСЬ»)

О. А. Горбацевич

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 16 октября 2024 г.

Аннотация: в статье анализируется манера повествования в мемуарах народницы В. Н. Фигнер, безусловно, наделенной талантом беллетриста. Яркой особенностью ее стиля, признанной такими классиками литературы, как И. А. Бунин и Г. И. Успенский, является чередование итеративных и сингулятивных фрагментов.

Ключевые слова: В. Н. Фигнер, мемуары, субъектная сфера, диегетический нарратор, итератив, сингулятив.

Abstract: the article analyzes the manner of narration in the memoirs of the populist V. N. Figner, who is undoubtedly endowed with the talent of a writer. A striking feature of her style, recognized by such classics of literature as I. A. Bunin and G. I. Uspensky, is the alternation of iterative and singulative fragments.

Keywords: V. N. Figner, memoirs, subject sphere, diegetic narrator, iterative, singulative.

Революционеры-народовольцы оставили тысячи страниц воспоминаний. Среди авторов, за плечами которых были тюрьма, ссылка и каторга, можно видеть и профессиональных писателей (это, например, М. С. Степняк-Кравчинский, В. Г. Короленко, создавшие интереснейшую художественную прозу), однако мемуаристка В. Н. Фигнер (1852–1942) также явно обладала даром беллетриста, и в созданных ею эссе изложены не только сухие факты о безотрадных буднях в остроге и ссылке. Читатель может оценить ее изящный слог (неслучайно такой взыскательный классик, как И. А. Бунин, полагал, что у В. Н. Фигнер нужно *учиться* писать), заметить стремление к психологическому анализу ситуаций, к философскому осмыслению своей деятельности и положения дел в современном ей обществе. Безусловно, чувствуется, что перед нами *женская* проза: мемуаристка называет себя красивой женщиной (что подтверждается данным ей прозвищем «топни ножкой» и фотографиями как в молодом, так и в преклонном возрасте), сообщает, что была популярна, высокопоставленные чиновники проявляли большой интерес к ее персоне. Один поцеловал руку арестованной террористке, желая выглядеть передовым и свободомыслящим; другой — комендант крепости Корнев — при знакомстве с ней отметил: «Я служил в Казани и знаю вас. Вскоре после вашего выпуска из института я видел вас в дворянском собрании на балу, на котором на вас обратили мое внимание» [4, 82]. Но для народницы, конечно, важнее было то, что ею бесконечно восхищался Г. И. Успенский, и это отразилось в творчестве

выдающегося очеркиста, а именно: образ девушки «строгого, почти монашеского типа» в знаменитом произведении «Выпрямила (Отрывок из записок Тяпушкина)» (1885).

В. Н. Фигнер была высоко и разносторонне образованным человеком, она училась медицине в Швейцарии, по возвращении в Россию включилась в активную революционную деятельность, участвовала в покушениях, в том числе в самом знаменитом и печально известном — на императора-освободителя Александра II. После этого народница скрылась и арестована не была, однако в 1883 году ее судили в рамках известного «Процесса 14-ти»; был вынесен самый суровый приговор — смертная казнь. Однако высшую меру наказания заменили бессрочной каторгой, «прославленная террористка» провела несколько лет в Шлиссельбургской крепости, а в 1904 году отправилась в ссылку под Архангельск, затем в Казанскую губернию и Нижний Новгород.

Легендарная революционерка после Октябрьской революции была обласкана новой властью (ей, как и другим радикалам, назначили пожизненную пенсию), но сам политический переворот и последующие массовые репрессии вызвали ее решительное недовольство. В. Н. Фигнер отправляла письменные протесты политикам (например, «всесоюзному старосте» М. И. Калинину), полагала, что необходима «новая революция» (дабы исправить «ошибки» старой), много выступала с публичными речами и помогала «заслуженным» революционерам-народовольцам, нуждающимся в лечении.

Для рассмотрения субъектной сферы мемуаров В. Н. Фигнер нами был взят фрагмент «Запечатлен-

ного труда» (глава IV) — «Тюрьма дает мне друга». Повествование в художественно и логически завершенном отрывке динамично, в нем представлены яркие события, отражающие характеры персонажей, что могло бы лечь в основу жанра новеллы, но перед нами, конечно, очерк. Сюжетно-композиционная система главы развивается не посредством причинно-следственных связей (то есть согласно фабуле), а благодаря ассоциациям автора, и это является подтверждением того, что главным «героем» очерка является *мысль* его создателя.

Нарратор в классических мемуарах — сам биографический автор (непосредственный участник событий и свидетель происходившего), которого с некоторой осторожностью (так как это не художественная проза) можно назвать *диегетическим*: «он персонифицированный» (определен возраст, пол, создана хотя бы «минимальная биография»), «входит в мир текста» [3, 203]. О себе и своем окружении пишет человек, переживший острые драматические события, наблюдавший в тюрьме и на воле не одну трагическую картину. Это дает возможность В. Н. Фигнер использовать *контрфактические* высказывания (выраженные условным предложением с глаголом в прошедшем времени, в сослагательном наклонении), обозначающие ситуации, казалось бы, лишь *вероятные*, но для автора проверенные личным жизненным опытом, подтвержденные временем. Например, вот что мемуаристка пишет о ценности «перестукивания» для узников: «...Если бы легкий стук в стену не разрушал каменную преграду, разделяющую человека от человека, осужденный не имел бы возможности сохранить жизнь и душу» [4, 28]. Как видно, многоопытный автор уверенно указывает условие (невозможность «слома» стены звуком), при котором ситуация имела бы место (физическая и моральная смерть). Такие высказывания часто подытоживают конкретные примеры из тюремной жизни, и чередование конкретного и общего является показателем идиостиля.

По нашим наблюдениям, чередуются в рассматриваемой главе и *сингулятив* с *итеративом*. Напомним, что сингулятив («единичность излагаемого события»), согласно определению, предложенному Ж. Женеттом, «может быть представлен формулами 1П/1И, nП/nИ», где П — то, что «произошло», И — как «изображено», «изложено», то есть «повествование может излагать один раз то, что произошло один раз» или nП/nИ — «излагать n раз то, что произошло n раз» [2, 141–142]. Обосновывая термин «итератив», О. Есперсен имел в виду «действительную множественность глагола» [1, 198], *повторяемость*, призванную обозначать явления в ряду подобных, многократно возникавших. По Ж. Женетту, итератив, (nП/1И), это «такой тип повествования, в котором один нарративный фрагмент охватывает вместе несколько разных случаев одного и того же события (то есть <...> несколько событий, рассматри-

ваемых только с точки зрения их сходства)» [2, 143]. По нашим наблюдениям, сингулятивные фрагменты, как правило, окрашены *положительно* (так как в них передаются ценные для автора мысли, чувства (эксклюзивные!) дорогих, достойных и уважаемых ею людей, единомышленников), реже — *нейтрально*. Итеративом (или фреквентативом) часто переданы *отрицательно* воспринятые явления (например, действия и слова невежественных зрителей), реже — *нейтрально*, например, нудная повторяемость тюремных правил, которые невозможно изменить.

Имеет место «оппозиция текста нарратора и текста персонажа» [6, 200], что также подтверждает субъективный подход диегетического нарратора к описываемому: речь В. Н. Фигнер и ее «соузников» культурна, даже изысканна, исполнена благородного драматизма, их портреты переданы пластично и утонченно. Зрители же либо косноязычны, либо вообще молчат и общаются с арестантами с помощью мимики, так как им запрещено говорить с заключенными (одного охранника так и прозвали: Мимика).

Начинается IV глава о спасительном обретении друга как занимательный рассказ, почти как художественное произведение, и выглядит это не как множественное, а как единичное явление: «В начале января 1886 г., зная, что в крепости находится Людмила Александровна Волкенштейн, судившаяся, как и я, по “процессу 14-ти”, я обратилась к зрителю с вопросом, почему мне не дают прогулки вдвоем» [4, 27]. Очевидно, что здесь сингулятивом (но нейтрально) обозначена ситуация редчайшая (она маркирована точной датой и полным именем народницы): террористка почти просит классового врага разрешить ей общение с единомышленником, что может обеим женщинам принести большую радость. Далее показана реакция охранника на вопрос-просьбу: «Зритель немного помолчал, а затем сказал: — Можно дать; только не следует... Он согнул указательный палец и постучал в косяк, как в тюрьме разговаривают стуком в стену. Я ответила, что и так стучу совсем мало. На этом разговор кончился, и я по-прежнему оставалась в одиночестве» [4, 27]. В данном случае сингулятив также представил неприятное, но нейтрально воспринимаемое явление. Далее итеративные фрагменты передают «множественность» привычных и поэтому также «нейтрально» воспринимаемых ситуаций, но они уже содержат зерно негатива, отрицательного восприятия происходящего. Эти изменения в повествовании особенно заметны при рассмотрении динамики описания тюрьмы, камер: косные, незыблемые, привычные условия поддержаны словами и словосочетаниями «по-прежнему», «не было никого и ничего», «всё исчезло», «бездушный камень», «каменная преграда», «колодец»; однако иногда встречаются экспрессивные фрагменты, где резко отрицательно обозначено авторское настроение и состояние:

«...был сумрачный склеп с рядом таинственных, замурованных ячеек, в которых томились невидимые узники, зловещая тишина и атмосфера насилия, безумия и смерти» [4, 28].

Очень ярко переходы от итератива к сингулятиву (и наоборот) выражены при описании Л. А. Волкенштейн — общая обрисовка черт характера («человека более гуманного по отношению к людям трудно было встретить») чередуется с конкретным рассказом о ситуациях (эксклюзивных), а затем можно наблюдать философско-психологические обобщения самого феномена терроризма. Например, активизирующим внимание читателя словом «однажды» (что свойственно сингулятиву) открывается фрагмент, где повествуется об очень любопытном случае спасения клопа (которого, разумеется, занес жандарм) добрейшей Людмилой Александровной: она «тщательно завернула его в бумажку и вынесла на гулянье <...> осторожно выпустила на волю» [4, 32]. Более нейтрально (уже итеративно) описывается отношение Л. А. Волкенштейн к «тем немногим животным», которых можно было встретить на территории тюрьмы, например, сообщается, что воробьи «целыми стаями сидели у нее на коленях и ели крошки хлеба с ее халата» [4, 32]. Не только описанный выше клоп был спасен подругой автора воспоминаний, подобная участь постигла гусениц и жуков: «эта террористка» [там же] обходила их стороной, боясь наступить. Заметим, что В. Н. Фигнер здесь, как это часто случается, прибегает к приему контраста, пока еще осторожно намекая, как в одном человеке могут ужиться трепетная нежность и предельная жестокость.

Подобную ситуацию, как типичную относительно поведения людей, парадоксально соединяющих в себе мягкость и доброту с жестокостью, описал Е. Л. Шварц в пьесе «Тень» (1937–1940), где «королевский палач», отправляясь исполнить свои обязанности (казнить), говорит собеседнице: «Прошу простить меня. Я скоро вернусь и расскажу вам, как я спас жизнь моим бедным кроликам» [5, 79].

В рассматриваемых нами мемуарах, наконец, задается вопрос, который возникает и у читателя: «...как мирятся ее гуманность и добросердечие с насилием и кровью революционной деятельности?». Действительно, интересовались ли В. Н. Фигнер и Л. А. Волкенштейн страданиями десятков простых людей, погибших при взрыве в Зимнем дворце (есть сведения, что в феврале 1880 года в результате деятельности Степана Халтурина пострадали около 70 человек охраны и прислуги) или на железной дороге (история с царским поездом, следующем из Крыма), волновали ли их переживания родственников жертв? Ведь известно, что при покушении на Александра II смертельные ранения получили не только сам император и конвойные, но и случайные прохожие, например крестьянин и четырнадцатилетний мальчик из мясной лавки. Знаменитая террористка

дает обобщающий и вполне предсказуемый ответ о противоречиях в характере своей соратницы: «безобразии и несправедливости политического и экономического строя бросили ее на другой путь» [4, 33], — таков оправдывающий философский вывод.

В анализируемой нами главе воспоминаний значительное место занимает итеративное описание природы, подобное которому мог бы дать любой узник. Разумеется, оно представлено положительно: «Мы страшно соскучились по траве, по полям и лугам, и клоч зелени вызывал совершенно неожиданно приятную волну чувств в нашей изголодавшейся душе; каждая былинка была нам дорога». Как видно, данный фрагмент не поддержан конкретными обстоятельствами места и времени, перед нами общие описания тоски обитателя тюрьмы по воле и тому, что с ней ассоциируется. В качестве заместителя полноценной природы узникам предложили возделывать огороды, в некотором смысле метонимию свободной nature.

«Огородный текст» IV главы, пожалуй, самый динамичный в плане чередования нейтрально и положительно представленного итератива. Конкретные, единичные события почти не фигурируют, но как обыденное, само собой разумеющееся, без всяких деталей и эмоций описывается на самом деле эксклюзивная для тюрьмы, где содержатся террористы и даже цареубийцы, ситуация подготовки огородов для заключенных. Нейтрально, без уточнений, с некоторым недоверием (но и любопытством) показаны действия тюремных служителей, которые «ставили заборы для шести огородов», сообщается также, что «на баржах была привезена где-то по дорожной цене купленная земля и в виде уже готовых гряд насыпана по огородам» [4, 30]. Надо отметить, что ни В. Н. Фигнер, ни Л. А. Волкенштейн благодарны администрации тюрьмы за это не были, как не были одобрены действия (по крайней мере, это никак не отразилось в тексте) тех, кто мимикой показал, куда и как сажать семена растений («редис, морковь, репа, горох, брюква, мак»); зрители, посадившие цветы вдоль забора, также не удостоились доброго слова. Однако справедливости ради необходимо отметить, что в XI главе этих же воспоминаний («Комендант Гангардт») сказаны добрые слова об одном из комендантов острога: «Если имя читинского коменданта Лепарского, облегчавшего участь декабристов, перешло в историю, как и имя доктора Гааза, этого друга обитателей московской Бутырской тюрьмы, то имя Гангардта по праву может занять место наряду с ними» [4, 83–84]. Показательно, что В. Н. Фигнер (вслед за российскими классиками коммунистической теории) позиционирует себя как продолжателя деятельности декабристов.

Нарратор, описывая тоску арестантов по зеленой «былинке», при создании достаточно обширного и важного для нее «огородного текста», ведет повествование так, будто и земля для огородов, и семена

растений, и цветы появились как бы сами по себе, без участия ненавистных надзирателей и их начальства. Тем не менее присутствует позитивная коннотация, вызванная такими словосочетаниями, как «земной рай», «с берегов реки», «молодые всходы», «детское восхищение», и это позволяет сделать вывод о том, что огороды и весь связанный с ними спектр эмоций являются гармонизирующим элементом, как-то уравновешивающим страшные факты кончины заключенных, предсмертных стонов умирающих в соседних камерах, неубранной крови больного туберкулезом узника (Исаева). Последняя история показана как обыденная для тюрьмы, хотя достаточно крупным планом, с фиксацией запоминающихся деталей, с сочувствием к пострадавшему и ненавистью к охране, что презрительно подчеркнуто существительным в среднем роде — *палачество* — то есть как нечто неодушевленное, недостойное, лишенное морали. Однако автор не позволяет себе излишне восхищаться огородами, сохраняя нейтралитет, она называет их «невзрачное местечко», «колодезь», который все же «показался <...> земным раем».

Не будем забывать, что рассматриваемая нами глава создана с определенной целью, обозначенной заглавием: «Тюрьма дает мне друга» — это и будет центральной мыслью, раскрывающей идею жизненно необходимой важности контакта, подтверждающего, что человек не одинок в каменной клетке. Нужно отдать должное личному мужеству двух женщин (В. Н. Фигнер и Л. А. Волкенштейн) с их обостренным чувством справедливости, так как им пришлось отказаться от «прогулок вдвоем» и от столь любимых, скрашивающих осторожное существование «огородов». Террористки решили, что они не должны пользоваться «льготами», полученными за «хорошее поведение»; данное поощрение, как унижительное, договорились от власти не принимать. Чувство товарищества заставило узниц вспомнить о конкретных людях, по разным причинам (говорили охранникам «ты» в ответ на такое же обращение, часто «перестукивались», не считали нужным униженно просить о чем-либо и т.д.) лишенных указанных «радостей жизни». Приводятся фамилии пострадавших от самодурства начальства, что повышает субъективность изложения, заостряет внимание читателя и убеждает саму мемуаристку в правильности выбранной формы протеста: «Кобылянский, Златопольский умерли, не увидав дружеского лица. Другим, как Панкратову, Мартынову, Лаговскому, пришлось ждать

этой льготы целые годы». Сингулятив набирает силу в следующем эксклюзивном (единичном) примере, начальная граница которого маркировано наречием «однажды»: «Однажды наша тюрьма огласилась криком: “Караул!”». Таким образом революционер-народоволец Михаил Родионович Попов потребовал «прогулок вдвоем» и получил их! Автор воспоминаний похвалила его за находчивость, изобретательность и остроумие (!).

Финал главы представляет собой сложно выполненный психологический анализ состояния автора, диалог с собой, отражающий борьбу между эгоизмом и долгом; В. Н. Фигнер сообщает, как тяжело было ей принять решение, как подруга убеждала ее в его правильности. Однако мемуаристка сочла нужным рассказать, что жертва была напрасна, так как очень немногие поддержали данную акцию: «...только Л. А., я, Ю. Богданович, Попов и Шебалин довели дело до конца». Остальные либо не поняли сути этой «жертвы», либо не захотели отказаться от спасительного общения и работы на огородах. В целом такая ситуация была определена как тюремный «хаос», хотя В. Н. Фигнер извиняет ее, ибо среди не поддержавших протест были тяжело больные люди, которым дружеская поддержка (иногда в прямом смысле — при невозможности самостоятельно передвигаться на прогулке) была необходима как воздух.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. — М.: Издательство иностранной литературы, 1958. — 329 с.
2. Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры: Т. 1–2 / Ж. Женетт. — М.: Издательство имени Сабашниковых, 1998. — 944 с.
3. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. / Е. В. Падучева. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 480 с.
4. Фигнер В. Н. Избранные произведения: в 4 т. — Т. 2. Запечатленный труд / В. Н. Фигнер. — М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. — 250 с.
5. Шварц Е. Л. Собрание сочинений: в 5 т. — Т. 2. Тень; Дракон; Одна ночь; Два клена; Обыкновенное чудо; Повесть о молодых супругах: Пьесы / Е. Л. Шварц. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. — 432 с.
6. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Горбацевич О. А., соискатель кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы гуманитарного факультета

E-mail: goa696@mail.ru

*Voronezh State Pedagogical University
Gorbatsevich O. A., Applicant of the Theory, History and
Methods of Teaching Russian Language and Literature Department
of the Humanities Faculty
E-mail: goa696@mail.ru*

МЕДИЦИНСКАЯ ЛЕКСИКА В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ: ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ И ПОСТКОВИДНОГО ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ)

Е. В. Кудрина

Воронежский институт Министерства внутренних дел России

Поступила в редакцию 20 октября 2024 г.

Аннотация: медицинская метафора как таковая претерпела весьма серьезные изменения за последние десять лет. В статье рассматривается медицинская метафора, ранее не связанная с коронавирусом, но изменившаяся во время пандемии и после нее. Задачей нашего исследования является сравнение медицинских метафор в СМИ, собранных в 2010-х годах, и изменение их значения и популярности со временем, как в 2019–2020 годах, так и в 2023–2024 годах. Спустя два года по окончании пандемии уже можно судить, какие лексемы прижились, какие перестали употребляться, а также выявить причины этого явления.

Ключевые слова: русский язык, медицинская метафора, медиа дискурс, COVID-19, постковидный период.

Abstract: *the medical metaphor essentially has undergone very significant changes over the past ten years. The article examines a medical metaphor that was not previously associated with the coronavirus, but changed during pandemic period and after it. The objective of our study is to compare medical metaphors in the media collected in the 2010s and the changes in their meaning and popularity over time, in 2019–2020 and in 2023–2024. Two years after the end of the pandemic period, it is already possible to judge which lexemes have taken root, which have ceased to be used, and to identify the reasons for this phenomenon.*

Keywords: *Russian language, medical metaphor, media discourse, COVID-19, postcovid period.*

Изучение медицинской метафоры в литературе и в средствах массовой информации в последнее время является очень популярной темой. Это происходит главным образом потому, что «в наши дни она демонстрирует <...> болезненное состояние общества, ставит диагноз и назначает лечение. С помощью этой метафоры современные медиа привлекают внимание к проблемам, возникающим в обществе» [1]. Но интерес именно к такой метафоре обусловлен еще и последними событиями в мире. Язык всегда очень остро реагирует на чрезвычайные ситуации и выходящие из ряда вон события. Так, пандемия, связанная с вирусом ковида, вызвала целую бурю эмоций и реакций, которая отразилась как в социальных сетях, так и в СМИ. Исследователи-лингвисты моментально отреагировали на ситуацию, благодаря чему были созданы даже целые словари (см. [2]). Проводились исследования метафорической лексики периода пандемии в разных языках (см. [1], [3]-[7]). Задачей нашего исследования, в отличие от многочисленных предыдущих, является сравнение метафор, собранных нами в 2010-х годах, и изменение их популярности со временем, как в 2019–2020 годах, так и в 2023–2004 годах.

Так как с начала пандемии прошло уже четыре года, то теперь уже можно рассматривать такой аспект, как появление новой лексики, а потом сознательный отказ от ее употребления. Любой язык живо реагирует на любую стрессовую ситуацию, как создавая новые слова или значения, так и «забывая» их, вытесняя или даже табуируя. И несмотря на то, что сам вирус никуда не исчез, желание говорящих поднимать данную тему пропало. Говоря о самом процессе эвфемизации, мы видим, что одной из ее главных сфер является болезнь и смерть. Поэтому желание не говорить больше о том или ином явлении в области здоровья является в данном случае абсолютно естественным.

Как отмечает Л. М. Мухарямова, «Всемирная организация здравоохранения объявила об «инфодемии» как переизбытке онлайн и офлайн информации, включающей в себя намеренные попытки распространения ложных сведений в целях срыва действенных мер охраны общественного здоровья и продвижения альтернативных групповых или индивидуальных целей [ВОЗ 2020]» [8].

В нашей диссертационной работе [9] рассматривался ряд лексических групп, на которые можно разделить медицинские метафоры. Нами было выделено восемь основных групп:

1) лексемы «боль», «болезнь» и наименования болезней (грипп, простуда, психоз, шизофрения);

2) Наименования симптомов и конкретных физиологических состояний (симптом, синдром, анабиоз, агония, бред, лихорадка, метастазы);

3) Наименования лекарственных форм и препаратов (опиум, отравя, яд; лекарство, панацея, эликсир, витамины, зелье, таблетка, пилюля);

4) Наименования отраслей медицинских наук (медицина, анатомия, патология, гигиена, хирургия);

5) Наименования методов и приемов лечения (лечить, вскрывать, оперировать, реанимировать, прописывать; терапия, анестезия, гипноз, инъекция, прививка, наркоз);

6) Наименования, обозначающие больного человека (больной, дальтоник, дебил, дегенерат, дистрофик, инвалид);

7) Наименования лиц, обеспечивающих процесс лечения и выздоровление (хирург, донор, знахарь, лекарь, костоправ, реаниматор, сиделка, санитар, целитель);

8) Наименования составляющих организма человека (клетки, органы, организм, артерия, ген, извилины, легкие, кровь, кость, мозг, хребет).

Какие же из этих восьми групп претерпели наибольшие изменения во время пандемии коронавируса и по ее окончании? В первую очередь это группа с лексемами, обозначающими наименования болезней; наименования лекарственных форм и препаратов; наименования лиц, обеспечивающих процесс лечения.

С началом пандемии самыми частотными лексемами как таковыми оказались: *вирус, вакцина, гигиена, маска, перчатки, изоляция* и др.

Так, основными лексемами группы, обозначающей наименования болезней, являются: болезнь, выздоровление, а также физические (грипп, простуда, чума, проказа, СПИД, сифилис, туберкулез и т.д.) и психические (паранойя, истерия, психоз, маразм, шизофрения и т.д.) болезни разного рода.

Медицинская метафора со сферой — источником «Болезнь» исследовалась в работах А. П. Чудинова, А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова. Все исследователи отмечают ее заметное место особенно в публицистике. «...Политические партии и их лидеры предстают как мудрые лекари, способные при помощи эффективных лекарств и заботливого ухода добиться полного выздоровления пациента. Соответственно, политические оппоненты метафорически номинируются как физически и психологически больные люди, способные окончательно погубить родную страну» [10].

Основные примеры, связанные с лексемой «болезнь», — это «звездная болезнь», «звездное заболевание», «болезнь роста», которые обозначают избыточное самолюбие, неумение переходить из одного состояния в другое.

Скорее всего, дети переоценили свои силы, элементы «звездного заболевания» все равно проявились («Коммуна», № 130, 2007).

Для них «Медвежья болезнь» Уолл-стрита — нечто вроде нашего дефолта 1998 года («Труд-7», 2002.07.16).

Что же касается периода пандемии, здесь мы встречаем лексему «болезнь» в известной сочетаемости, но с совершенно другим значением: «модная болезнь». Ранее так обозначался сифилис, а в период пандемии — ковид. Это логичное употребление, являющееся по сути эвфемизмом.

Заразившийся коронавирусом Акунин рассказал о своем состоянии // Lenta.ru, 27.03.2020: «Он рассказал, что на время забросил социальные сети, так как лежит дома с «модной болезнью».

Если сравнить цитаты двухтысячных годов, то здесь «модными» будут совсем другие болезни. Так, среди примеров встречаются грипп, депрессия, гипогликемия, игромания, анорексия. Во времена ковида именно эта болезнь заняла первую строку.

Лексема *вирус* также подвергается изменениям во времена пандемии:

Человек человеку *вирус*. Почему карантин не может сдержать пандемию, а российские власти — не очень-то и хотят // НГ. 25.03.2020

Н. М. Великая в статье о лексике коронавируса отмечает экономический аспект лексемы «вирус», а также лексем рассматриваемой группы, таких как «инфицированный» и «эпидемия»: «При анализе ухудшающегося экономического положения части российского общества ситуация описывалась с помощью фразеологизмов «вирус в кошельке», «инфицированные зарплаты»... «эпидемия кризиса», «вирусный экономический кризис» [11].

Таким образом, получается, что сочетаемость дает нам совершенно иное значение. Предположительно, выражение «вирус в кармане» восходит к выражению «В кармане вошь на аркане» — «Прост. Пренебр. Поговорка о полном отсутствии карманных денег» [12]. Выходит, что в данном случае выражение «вирус в кармане» так же точно обозначает отсутствие денег или даже возможности их заработать.

Не менее интересным является словосочетание «вирусный суверенитет». Под ним подразумевается решение вопросов изоляции и прочих каждым регионом самостоятельно. Здесь прилагательное имеет значение «связанный с вирусом, относящийся к вирусу». Если же посмотреть прилагательное «вирусный» в 2023–2024 годах, то здесь оно выступает только в сочетаниях типа «вирусный мем» или «вирусное видео» в значении «видео, которое очень быстро распространяется». Стоит отметить, что употребление такого типа совсем не новое: «Это, во всяком случае, утверждает Зиновьев, для которого Горбачев хуже Сталина, он считает, что в своей *вирусной* фазе, в фазе диссеминации, коммунизм, по сути дела, (сме-

ется)... выходит победителем» Жан Бодрийяр. Вирус прозрачности // Независимая газета, 22.02.1996.

Стоит посмотреть, какую сочетаемость получает лексема вирус в 2023–2024 годах.

Национальный корпус русского языка в процессе поиска ограничивается примерами 2021 года, но мы видим, что метафоричность употребления по отношению к пандемии практически исчезла. Лексема «вирус» теперь чаще всего относится к кибератакам: «Пользователи Telegram начали получать сообщения с прикрепленными файлами, которые могут содержать вирус». // Российская газета, 20.10.2024

Лексема «психоз» ранее употреблялась со значениями: беспокойное состояние в связи с военными действиями, антисоветской пропагандой («Одновременно в стране нагнеталась антисоветская истерия и военный психоз.// В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ. Несбыточные планы // Аргументы и факты, 1984.09.25; авторы и издатели произведений подобного рода, нагнетающие антисоветский психоз, активно служат целям психологической войны...// Аргументы и факты, 1984.12.25.

Во время пандемии она снова становится популярной. Белорусские СМИ связывают ее появление с интервью президента А. Г. Лукашенко: «В русском языке наиболее экспрессивным новообразованием от номинации «коронавирус», пожалуй, следует признать окказионализм, авторство которого приписывается президенту Республики Беларусь А. Г. Лукашенко: благодаря ему в речевую практику... вошло словосочетание коронавирусный психоз, достаточно быстро превратившееся... в корона-психоз» [13].

К таким двойным лексемам с составляющей «корона-» И. П. Зайцева относит также европейские синонимичные лексемы *covidphobia* (ковидфобия) и *covidmania* (ковидмания).

О. И. Северская отмечает лексему-неологизм из группы лекарственных препаратов: фуфломицин (лексема известна еще с 2012 года, то есть до пандемии). Слово происходит от двух слов «фуфло» (обман, подделка) и окончания «мицин», свойственного антибиотикам. ср.: Большая часть «фуфло-мицинов»... проходит под названием средств, укрепляющих иммунитет (Известия. 04.10.2020), (см. [14]). Также появляется и лекарство-родственник «Фуфловир». Кроме того, данная лексема употребляется и в метафорическом значении: «Вот, ребята, запомните: мирные протесты — это фуфломицин» (Эхо Москвы. 26.09.2020). Таким образом, бесполезным может быть не только лекарство, но и действия или намерения людей.

Т. Н. Буцева и А. В. Зеленин рассматривают, какие типы новых слов приходят в словарь, и приходят к выводу о том, что это: а) заимствованная и калькированная лексика (среди примеров медицинских метафор исследуемых нами групп выделим: инфодемия (англ. *infodemic*), санитайзер (англ. *sanitizer*);

б) словообразовательные дериваты: коронафобия, маскобесие; в) семантические дериваты «вентиллятор* = ИВЛ 'аппарат для искусственной вентиляции легких»; г) актуализированная лексика, куда в первую очередь входит лексема «карантин»; д) дефисные образования с компонентами корона-...; е) индивидуально-авторские и окказиональные образования: «вакцинация» — распитие алкогольных напитков». (см. [15]).

Некоторые из них активно используются в языке до сих пор, например, лексема «санитайзер», которая, по мнению специалистов, не является полным синонимом слова «антисептик»: «В обыденном применении санитайзерами пользуются обычные люди, не связанные с медициной. Для роста продаж производители санитайзеров идут на различные улучшения своего продукта — добавляют с состав увлажняющие, ухаживающие компоненты, ароматизаторы и даже пищевые красители» [16]. Слово является популярным до сих пор, так как у многих людей выработалась привычка использовать подобные средства гигиены. Тем не менее, слово «санитайзер» не имеет метафорического значения в отличие от привычного нам слово «антиептик»: «А вечером, вернувшись домой, я выпил рюмку ядерного самогона-«антисептика», заботливо переданного мне Антониной Сергеевной, чтобы я не захворал проклятым коронавирусом».// Парламентская газета, 2021.12.09. Таким образом, получается, что антисептик пить можно, а санитайзер — нет.

Рассмотренные нами примеры живо свидетельствуют о том, что события, глубоко затронувшие жизни людей с негативной точки зрения, стремятся быть забытыми. И многие лексемы также уже начали активно вытесняться. Как считают многие ученые, в том числе Б. Н. Головин, Н. З. Котелова, вхождение слова в лексическую систему языка происходит при жизни одного поколения (см. [17]). А если эти лексемы начинают вытесняться достаточно быстро, то очевидным будет тот факт, что многие из них в систему языка так и не войдут, за исключением тех, которые имеют другое, прямое или метафорическое, значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стоянова Е. Медицинская метафора в медийном дискурсе (на материале русского и болгарского языков) / Е. Стоянова // *Philological Studies*. 2011. — Vol 9. — № 2. — С. 343.
2. Словарь русского языка коронавирусной эпохи. Сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников, Н. В. Козловская, Н. А. Козулина, С. Д. Левина, В. М. Мокиенко и др. /СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. — 550 с.
3. Шаманская М. А. Метафорическая репрезентация пандемии COVID-19 в текстах немецких СМИ / М. А. Шаманская // *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. — 2021. — № 2. — С. 103–109.

4. Трофимова Н. А. Метафоры пандемического дискурса (на материале СМИ Германии) / Н. А. Трофимова // Вестник Томского государственного университета. — 2022. — № 483. — С. 57–71.
5. Кисель И. Ф. Метафорическая репрезентация понятия «коронавирус» в медиадискурсе (на материале русского и немецкого языков) / И. Ф. Кисель // Вестник АГУ. — 2020. Выпуск 5 (267). — С. 62–67.
6. Калинин О. И. Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея / О. И. Калинин, Д. В. Мавлеева // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — Т. 18. — № 4. — С. 99–109.
7. Коренецкая И. Н. Медицинская метафора в медийном политическом дискурсе (на материале английского языка) / И. Н. Коренецкая // Russian Linguistic Bulletin. — № 11 (47). — С. 1–5.
8. Мухарьямова Л. М. Пандемия COVID-19 в российских массмедиа: политический контекст / Л. М. Мухарьямова, А. Р. Заляев, Е. Ю. Шаммазова // Политическая лингвистика. — 2021. — Т. № 1 (85). — С. 72.
9. Пикалова (Кудрина) Е. В. Медицинская лексика в метафорическом использовании: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. В. Пикалова (Кудрина). — Воронеж, 2013. — 147 с.
10. Чудинов А. П. Новые русские метафоры / А. П. Чудинов // Русская речь. — 2003. — № 2. — С. 63.
11. Великая Н. М. Пандемия коронавируса в публичном дискурсе современной России: угрозы, вызовы и возможности / Н. М. Великая, Ф. Сакка, Е. А. Ирсетская // Management issues. — 2021. — № 1 (68). — С. 10.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. — М.: Астрель; АСТ, — 2008. — С. 112.
13. Зайцева И. П. «Коронапсихоз», «коронаскептики», «covidism», «covidophobia» и другие социолингвистические маркеры 2020 г. / И. П. Зайцева // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 804.
14. Северская О. И. Ковидиоты на карантитулах: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик / О. И. Северская // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 887–906.
15. Буцева Т. Н. Лексикография в ситуации неологического экстрима (на материале неолоксии, связанной с пандемией коронавируса) / Т. Н. Буцева, А. В. Зеленин // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2020. — № 6. — С. 86–105.
16. Что такое санитайзер и чем он отличается от антисептика? — Режим доступа: https://siladez.ru/reviews/dezinfektsiya_v_bytu/chto-takoe-sanitayzer-i-chem-otlichaetsya-ot-antiseptika/
17. Котелова Н. З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов / Н. З. Котелова // Советская лексикография / под редакцией Ю. Н. Караулова. — М.: Русский язык, 1988. — С. 59–60.

Воронежский институт Министерства внутренних дел России

Кудрина Е. В., заведующий кафедрой русского и иностранных языков

E-mail: katrina513@yandex.ru

*Voronezh Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia
Kudrina E. V., Head of the Russian and Foreign Languages
Department*

E-mail: katrina513@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЯДРО РУССКОГО ЯЗЫКА: КВАЛИТАТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

И. А. Меркулова, Ю. А. Стародубцева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 октября 2024 г.

Аннотация: в статье с семантической точки зрения проанализировано лексическое ядро русского языка, полученное методом параметрического анализа словаря. Объектом выделения ядра послужил «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой. Установлено, что параметрическое ядро русского языка характеризуется антропоцентрической направленностью. Семантические кластеры человека преобладают над всеми другими выделенными группами. Хорошо проработана семантика деятельности. Кроме того, в параметрическом ядре русского языка существенное место занимают признаковые лексемы.

Ключевые слова: лексика русского языка, параметрическое ядро лексики, лексико-семантическая группа.

Abstract: the article analyzes the lexical core of the Russian language from a semantic point of view, which was obtained by the method of parametric analysis of the dictionary. The object for identifying the core was the "Dictionary of the Russian Language" by A. P. Evgenieva. It has been established, that the parametric core of the Russian language is characterized by an anthropocentric orientation. Human semantic clusters prevail over all other identified groups. The semantics of the activity is well developed. In addition, attribute lexemes occupy a significant place in the parametric core of the Russian language.

Keywords: vocabulary of the Russian language, parametric core, lexical-semantic group.

Квантитативное описание параметрического ядра русского языка неоднократно представлялось в работах [1; 2; 3]. Цель данной работы — проведение квалитативного анализа ядра русской лексики. Объектом исследования выступает Малый академический словарь русского языка. «Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой справедливо считается одним «из лучших толковых словарей, более или менее адекватно отражающих состояние лексики современного русского языка» [4, 4]. Материал был получен благодаря обработке электронной версии словаря-источника в базу данных, которая насчитывает 83 596 слов.

Методика параметрического анализа лексики впервые была предложена в работах В. Т. Титова [5], а в дальнейшем активно применялась представителями Воронежской лингвистической школы к разным языкам. Методика параметрического анализа была уточнена, и мы предлагаем метод слияния ненулевых ядер. Малым ядром обычно считается множество слов, имеющих параметрические веса по всем четырем параметрам: функциональном, синтагматическом, парадигматическом и эпидигматическом, предполагаемых данной методикой параметрам.

В нашей работе мы предлагаем иной способ получения ядра, а именно, слияние ненулевой лексики, что позволяет не ориентироваться на количество параметров. Главное, чтобы вес лексемы был ненулевым.

Этот метод предполагает определение квантитативных параметров характеристики лексики языка и их дальнейшую квалитативную интерпретацию.

Для получения параметрического ядра лексики необходимо выделить четырех параметров: 1) функционального (длина слова); 2) синтагматического (количество фразеосочетаний); 3) парадигматического (синонимы); 4) эпидигматического (количество значений). Согласно МСНЯ для выявления параметрического ядра русской лексики необходимо взять все ненулевые веса лемм по каждому из параметров, затем слить эти четыре множества слов. Соблюдая данный принцип выделения ядра, нет необходимости ориентироваться на количество параметров. Так, в новое параметрическое ядро по синтагматическому параметру попадают слова с одним фразеосочетанием и больше, по эпидигматическому — с двумя значениями и больше, по парадигматическому — с двумя синонимами и больше. Функциональный параметр приписывается всем словам, которые входят в ядро. Для внесения дискретности в ядро, полученное методом слияния ненулевой лексики, параметрический вес для каждой леммы округляется до целого числа. В результате получается четыре множества: 1) лексика, имеющая параметрический вес 4 (малое параметрическое ядро); 2) лексика, имеющая параметрический вес 3 (малая периферия); 3) лексика, имеющая параметрический вес 2 (большая периферия); 4) квазирелевантная лексика с параметрическим весом 1. Малое параметрическое ядро русско-

го языка, полученное методом слияния ненулевых ядер (МСНЯ) по данным МАСа-2, включает в себя 628 слов [6].

На рис. 1 представлено распределение слов малого параметрического ядра по частям речи. По данным графика видно, что в состав ядра вошло практически одинаковое количество глаголов (268) и существительных (240). Прилагательных же представлено в ядре меньше, их насчитывается 130.

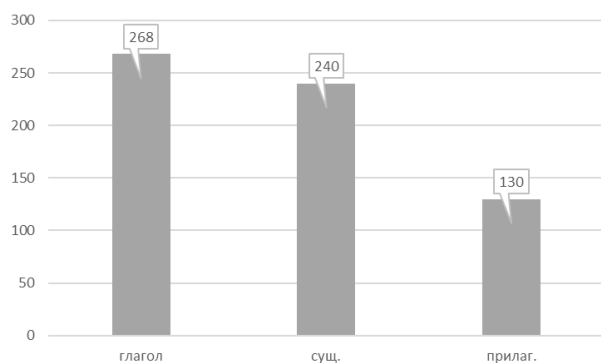

Рис. 1. Частеречное распределение лексики малого параметрического ядра русского языка по данным МАС-2.

Попытки описания содержательных характеристик ядер языков неоднократно предпринимались в работах воронежских лингвистов. Так, О. М. Воеводская для описания содержательной характеристики ядер германских языков использует идеографическое описание лексики [7], предлагая три базовых блока понятий весомых слов: ПРИРОДА — ЧЕЛОВЕК КАК РАЗУМНОЕ СУЩЕСТВО — ЧЕЛОВЕК КАК СОЦИАЛЬНОЕ СУЩЕСТВО. При этом блок ПРИРОДА разделяется автором на две части: «органический и неорганический мир». А в работе «Лексическая составляющая понятия “среднеевропейский языковой стандарт”» [8] авторы, опираясь на известное «Древо Порфирия», идя последовательно от общего к частному, предлагают свою классификацию лексико-семантического пространства языков Европы.

Мы постарались объединить имеющиеся классификации и следуя за языковым материалом, мы предлагаем выделять следующие группы.

Первая большая лексико-семантическая группа — «Первостихии и природные явления» представлена следующими лексемами: *Земля¹, огонь, закат, мировой¹*. Сюда же можно отнести *слова с семой вода: кипеть, течь¹, хлюпать, мутиться, мутный, мокрый, капля, облить, зыбь, сырой; слова с семой земля: земной, поле, дорога, почва, путь, могила, рыть, копать; слова с семой воздух: дуть, эфирный, надуться, раздуть, дышать, надуть; слова с семой огонь: огневой, горячий, гореть, жгучий, пыл, гасить, жечь*.

Соотношение слов, вошедших в группу первостихии и природные явления, представлены на рисунке 2. Как видим, все стихии представлены относительно равномерно.

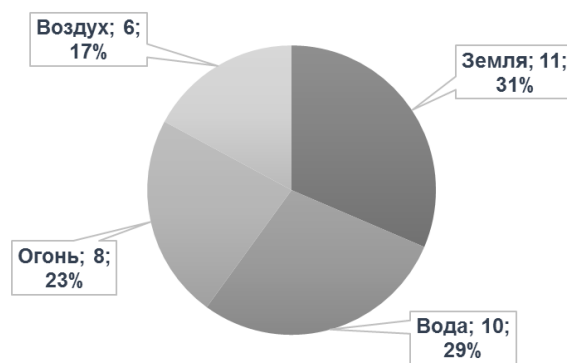

Рис. 2. Соотношение слов с семами первостихий.

Вторая большая лексико-семантическая группа «Характеристики объектов живой и неживой природы» представлена пятью множествами: *хронотопное* (составляет значения «времени»), *мереология* (отражает отношение часть-целое для любых тел) и *признаки* (тел и субстанций), *физиология* и *физические характеристики объектов живой и неживой природы*.

Наглядно соотношение множеств в группе «Характеристики объектов живой и неживой природы» представлено на рисунке 3. На диаграмме видно существенное преобладание слов с признаковой семантикой.

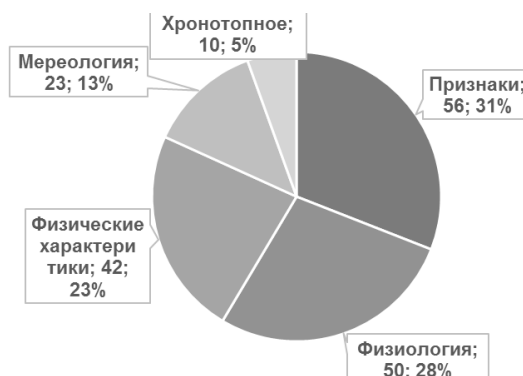

Рис. 3 Соотношение множеств, представляющих группу «Характеристики объектов живой и неживой природы».

Хронотопное: вечность, история, год, этап, исход, старина (прошедшие времена), вечный, прошлый, древний, конец.

Мереология: элемент, штука, часть, центр, доля, куча, кусок, масса, малость, мера, ряд, крошка¹, сонм, скорость, пара, верста, мелочь, легион, единый, целый, частный, общий, равный.

Физиология: болеть, видеть, быть, водиться (жить о животных), выпить, вырасти, глядеть, говорить, есть¹, жить, заесть, клевать, кормить, краснеть, кричать, лизать, нуть (болеть), нюхать, пережить, пить, пожирать, почитать, сидеть, сказать, слушать, смотреть, спать, стоять, съесть, увидеть, умереть, быть, бывать, чесать, чесаться, бешеный, немой, слепой, старый, сытый, тощий, дикий, взгляд, гибель, горячка, жизнь, лепет, пища, речь, смерть, смех, сальный, пьяный, могучий.

Физические характеристики объектов живой и неживой природы: *звенеть, казаться, мелькать, сверкать, стыть, торчать, трещать, тянуться, пробрать, пропасть, остаться, свистнуть, сгнуться, шуметь, мрак, железный, каменный, золотой, шумный, ясный, глубокий, звонкий, глухой, мелкий, бледный, холодный, светлый, тёмный, тихий, грязный, крепкий, нечистый, чистый, скорый, открытый, тугой, шум, покой*¹.

Множество «Признаки (тел и субстанций)» весьма разнообразно, поэтому его можно поделить на 10 более мелких подгрупп (признаки): *форма, вес, цвет, размер/степень, осевой признак, осязательный признак, оценочный признак, витальный признак, гравитационно-ориентированный признак, пространственный признак*.

Признаки (тел и субстанций).

Форма: *шар, пузырь, фасон, кол, полоса, точка, линия*.

Вес: *тяжёлый, лёгкий, вес, груз, тяжесть*.

Цвет: *белый, зелёный, красный, розовый, чёрный*.

Осевой признак: *узкий, широкий, косой, кривой, прямой, ровный*.

Осязательный признак: *гладкий, жёсткий, грубый, острый, тупой*.

Оценочный признак: *плохой, худой² (плохой), хороший, простой, разный, ложный, пустяк*.

Размер/степень: *большой, крупный, малый¹, маленький, небольшой, краткий, главный, полный, пустой, важность, толстый, сильный, слабый*.

Витальный признак: *больной, живой, мёртвый, убитый¹*.

Гравитационно-ориентированный признак: *внешний, высокий, низкий, высота*.

Пространственный признак: *крайний, место, бездна, предел, местный*.

Видим, что особое внимание уделяется признакам размерности.

Третья большая лексико-семантическая группа «Тела». По данным ядра русского языка Тела представлены лишь тремя подгруппами — *предметы, животные, человек*. Подгруппа растения отсутствует в ядре русского языка. На рис. 4 видим соотношение значений в лексико-семантической группе Тела. Животные и предметы составляют лишь 7% от общего количества слов ядра, относящихся к данной группе.

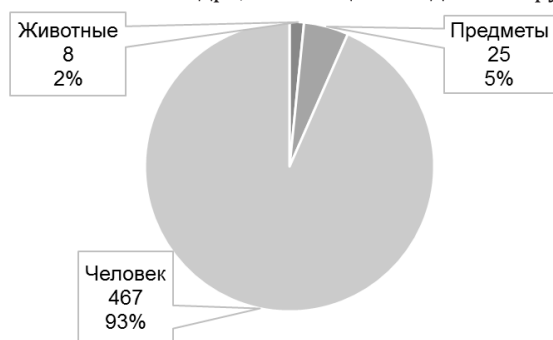

Рис. 4. Соотношение значений в группе «Тела».

Предметы: *азбука, баня, билет, чашка, убор, труба, картина, котёл, машина, мешок, узда, свеча, риза, гроб, дом, мошна (кошелёк), палка, дубина, хлебный, венец, знак, катушка, кухня, палата, оружие*.

Животные: *перо, рыло, свинья, курица, корова, петух, заяц, конный*.

Группа «Человек» является самой многочисленной и составляет 93% от общего количества. «При этом традиционно принято различать как минимум три аспекта человека: *природный, психический и социальный*. В традиционных терминах это 'тело', 'душа' и 'общество'. При этом если тело и душа выступают в качестве составляющих (частей) человека, то в обществе сам человек является частью» [8, 12–13].

Подкласс «Человек природный»: *брюхо, морда¹, хребет, лицо, пазуха, утроба, жила, кровь, грудь, рожа¹, стопа¹, глаз, нос, горб, лоб, чело, нутро, горло, слух, сила, головной, лицевой*.

Способность человека жить и существовать предполагает осуществление различных видов деятельности.

Деятельность перемещающую: *лезть, шагать, лететь, вертеться, подойти, вступить, выскочить, обойти, миновать, виться, везти, переть, катиться, кружить, нести, лечь, уйти, стать¹, зайти, ходить, войти, влезть, пройти, идти, прийти, отойти, довести, завести, обвести, навести, объехать, ввести, вдаться, взвести, вилять, влететь, выйти, гнать, впасть, встать, вывести, достать, ездить, залезть, подняться, провести, сойти, сойтись, спустить, ступить, задеть (коснуться при движении), занести, извлечь, кататься, отложить, оттянуть, поднять, положить, сесть, склонить, снести (спустить), совать, ставить¹, тащить, трепать, трястись, шевелить, путаться, бросать, восстать, бросаться, попасть, кидаться, направить, беглый, гонка, подход, ходячий, текущий, доступ, отвод, спуск*.

Деятельность приобщающую: *набраться, нанести, взять, брать, беречь, владеть, внести, дар, дать, выдать, иметь, схватить, хватать, хватить (захватить), забрать¹, лишить, ловить, овладеть, оставить, отдать, охватить, принять, пристать, терять, держать, запас*.

Деятельность производящую: *дело, делаться, урок, работать, создать, кончить, считать, искать, приступ (приступать), хлопать, потеря*.

Деятельность преобразующую: *бить, удар, ударить, вырвать¹, выбить, вырубить, биться, выбиться, выбросить, выкинуть, вынуть, выпустить, вытащить, вытянуть, гнуть, дёрнуть, закидать¹, закинуть, закрыть, кидать, разбить, загнать, зажать¹, заложить, замазать, замести¹, зашибить, ломать, копать, крыть, лупить (очищать), мазать, марать, метать¹ (кидать), молот, найти¹, низать, обернуть, окутать, обнажить, отбиться, открыть, пачкать, подсесть, покрыть, портить, прижать, пришить, пробить, рыться, сбросить, содрать, стиснуть*,

тянуть, тяпнуть, уткнуть, швырять, гладить, разбор, упор (упереть), готовый, затея, изжить.

Имитирующую деятельность: играть, шутка, фокус², шутить, шут, притча, сказка.

Психика человека ('душа') представлена следующими лексемами: забыть, бояться, страх, тоска, ужас, счастье, тягость, думать, дурак, дурь, дух, жуть, забота, мысль, обиды, печаль, разум, бойкий, буйный, верный, духовный, злой, добрый, печальный, умный, честный, шальной, желать, воля, горе, порок, ласкать, мечтать, мнить, плакать, понимать, понять, порешить, простить, решить¹, решиться, терпеть, узнать, хотеть, ждать, простить, робкий, успех, полагать, дурной, реальный, точный, беда, добро¹, зло¹, манера, бремя.

Человек социальный включает следующие лексемы: баба¹, бабушка, чин, болван, вор, дама, дед, дети, дитя, звание, личность, мальчик, мастер, мать, народ, особа, отец, персона, раб, солдат, товарищ, хозяин, царь, человек, хитрость, услуга, тюрьма, статья, караул, команда, милость, мир², надзор, опека, опыт, помощь, вольный, кровный, милый, гость, бороться, спор, связь, рубеж, власть, война, бой, завет, имя, льстить, назвать¹, отнять, побороть, таить, вызвать, одолеть, помочь, послать, предать, личный, боевой, детский, молодой, юный, чужой, родной, тайный, выдержать, звать, отказать¹, убить¹, детский, мода, нужда, партия, польза, порядок, призыв, пример, случай, суета, слово¹.

Экономическая сфера представлена словами: базар, ценность, деньги, капитал, кредит, прибыль, расход, расчёт, богатый, дорогой, тратить, сбыть.

Последний класс, «**Сверхъестественные явления**», включает в свой состав следующие лексемы: ад, бес, чудо, дьявол, леший, святой, судьба, гадать, жертва.

Таким образом, параметрическое ядро русского языка характеризуется антропоцентрической направленностью. Семантические кластеры человека преобладают над всеми другими выделенными группами. Хорошо проработана семантика деятельности. Кроме того, в параметрическом ядре русского языка существенное место занимают признаковые лексем.

Воронежский государственный университет
Меркулова И. А., доктор филологических наук, доцент
кафедры теоретической и прикладной лингвистики
E-mail: igel1@yandex.ru

Стародубцева Ю. А., кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры теоретической и прикладной
лингвистики
E-mail: SuvorovaJ84@mail.ru

К неожиданным результатам исследования можно отнести отсутствие лексем, обозначающих растения.

Перспективой работы представляется выявление скрытых классов (криптоклассов) категоризации действительности на основе полученных семантических группировок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кретов А. А. Ядро русской лексики по словарю С. И. Ожегова: технология получения и результат / А. А. Кретов, А. В. Рафаева // Проблемы компьютерной лингвистики. Сборник научных трудов. Воронежский государственный университет, Факультет романо-германской филологии, Научно-методический центр по компьютерной лингвистике.— Воронеж, 2005.— С. 92–112.
2. Стародубцева Ю. А. Ядро русской лексики: опыт параметрического анализа / Ю. А. Стародубцева.— Воронеж, 2020.
3. Меркулова И. А. Лексико-семантические ядра славянских языков в сопоставительном аспекте / И. А. Меркулова.— Воронеж, 2021.
4. Крысин Л. П. Проблема обновления толковых словарей современного русского языка / Л. П. Крысин // Известия РАН. Серия литературы и языка.— 2011.— том 70.— № 1.— с. 3–9.
5. Титов В. Т. Общая количественная лексикология романских языков / В. Т. Титов.— Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002.— 240 с.
6. Стародубцева Ю. А. Верификация процедуры получения параметрического ядра (на материале "Словаря русского языка" в 4 томах под редакцией А. П. Евгеньевой) / Ю. А. Стародубцева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 100–106.
7. Воеводская О. М. Концепция идеографического словаря основного лексического фонда германских языков / О. М. Воеводская. Воронеж, 2015.
8. Кретов А. А. Лексическая составляющая понятия «Средневропейский языковой стандарт» / А. А. Кретов, О. М. Воеводская, В. Т. Титов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.— 2015.— № 3. С. 5–16.

Voronezh State University
Merkulova I. A., Doctor of Philology, Associate Professor of
the Theoretical and Applied Linguistics Department
E-mail: igel1@yandex.ru

Starodubtseva Yu. A., Candidate of Philology, Lecturer of the
Theoretical and Applied Linguistics Department
E-mail: SuvorovaJ84@mail.ru

НАЗВАНИЯ ИСЧЕЗНУВШИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Э. О. Пархоц

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 ноября 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются названия исчезнувших населенных пунктов Воронежской области, с которыми связаны топонимические предания. Выявляется происхождение ойконимов и характеризуются особенности их народной этимологии.

Ключевые слова: ономастика, лингвокраеведение, ойконимия, топонимическое предание, исчезнувшие поселения.

Abstract: the article focuses on the names of disappeared villages of Voronezh region, associated with the toponymic legends. The author identifies the origin of oikonymes and the specifics of folk etymology.

Keywords: onomastics, linguistic study of local lore, oikonymes, toponymic legend, disappeared villages.

Топонимические предания как фольклорный жанр являются богатейшим источником сведений об истории края, его диалектных особенностях и мировосприятии местных жителей. Многие предания, в которых говорится о происхождении названий воронежских сел, были опубликованы в сборнике «Топонимические предания Воронежской области» [1], составленном по материалам фольклорных экспедиций преподавателей и студентов ВГУ.

В ходе работы над научно-исследовательским проектом «Топонимический мартиролог Российской Федерации» [2], предполагающим сбор и изучение утраченных ойконимов (основная причина их утраты — постепенное исчезновение небольших поселений), нам удалось записать в экспедиции и обнаружить в краеведческой литературе несколько воронежских преданий, не вошедших в сборник. Они с народной точки зрения объясняют происхождение названий исчезнувших хуторов и поселков.

Вулкан — исчезнувший поселок Бобровского р-на, располагавшийся близ пос. Бобровский 1-й Юдановского с/п (поселок Бобровский 1-й не является исчезнувшим, но относится к вымирающим: по сведениям 2016 г., там оставалось лишь несколько постоянных жителей). Чтобы установить происхождение ойконима *Вулкан*, следует обратиться к спискам населенных мест Воронежской губернии и ЦЧО, картам разных лет и материалам экспедиций.

В справочнике за 1928 г. *Вулкан* еще не значится, но указано, что рядом с Бобровским 1-м расположен

пос. *Березовский 1-й* [3, 9] — этого населенного пункта нет на современных картах. На карте, составленной по сведениям 1930–1940-х гг., *Вулкан* также не обозначен, но рядом с Бобровским 1-м вместо *Березовского 1-го* отмечен *Сухоберезовский 1-й* [4] — очевидно, что это более полное официальное название. В справочнике 1932 г., помимо *Бобровского 1-го* и *Сухоберезовского 1-го*, есть некий пос. *Сухоберезовский 2-й*, который тоже относится к Юдановскому сельсовету [5, 17]. Наконец, в справочнике 1959 г., где не обнаруживаются ни *Березовские*, ни *Сухоберезовские 1-й* и *2-й*, в Юдановском сельсовете числятся пос. *Бобровский 1-й* и пос. *Вулкан* [6, 173]. Можно предположить, что объединенные Сухоберезовские поселки и были названы Вулканом.

Коренная жительница пос. Бобровский 1-й уточняет, что «Вулканом» первоначально именовался колхоз: «Издавна тут был колхоз «Вулкан», который в конце 50-х стал совхозом «Бобровский»» [7]. Очевидно, название колхоза закрепилось в обиходе и стало относиться к поселку, а после того, как колхоз был переименован, оно вошло в справочник в качестве официального ойконима. Жители с. Верхний Икорец, расположенного недалеко от Юдановского с/п, по-прежнему называют исчезнувший поселок Вулканом.

Название *Сухоберёзовский*, по всей вероятности, образовано от другого ойконима: с. *Сухая Берёзовка* находится на одноименной реке, приблизительно в 17 км к юго-востоку от пос. Бобровский 1-й. По-видимому, Вулкан или его часть были сухоберёзовскими выселками.

В трехтомном «Словаре микротопонимов Воронежской области» проф. Г. Ф. Ковалева *Вулкан* представлен дважды — как «село» в 20 км от с. Верхний Икорец и как «поселок» недалеко от с. Юдановка [8, 282]. На самом деле речь идет об одном и том же населенном пункте. Кроме того, в словаре Г. Ф. Ковалева указано, что Вулкан был образован выходцами из с.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01737 «Топонимический мартиролог Российской Федерации на современном этапе: социолингвистический аспект», <https://rscf.ru/project/23-28-01737/>

Чесменка Бобровского р-на. Оно расположено примерно в 14 км от с. Сухая Берёзовка. Вероятно, пос. Сухоберёзовский 1-й и его окрестности заселялись выходцами не только из Сухой Берёзовки, но и из других сел.

Для 1920–1930-х гг. официальное название *Вулкан* не было уникальным: так именовались артели и колхозы. Например, в Крюковском сельсовете Козловского округа Центрально-Черноземной обл. существовал колхоз «Вулкан» [5, 89]. В Перми была создана папиросная артель «Вулкан»: «Не слишком хорошо живется рабочим производственной артели «Вулкан». <...> К тому же еще вот уже 2½ месяца работы мало и заработок всего рублей по 30, и те до сих пор не получены» [9].

Распространению этого названия могла способствовать метафора *вулкан революции*, встречающаяся в газетах тех лет. Оно использовалось и до Октябрьской революции: к примеру, на месте Московского театра на Таганке располагался электротheater «Вулканъ». Таким образом, название колхоза и поселка *Вулкан* можно считать довольно типичным; вероятнее всего, оно было дано «искусственно», без привязки к особенностям местности или локальным событиям (ср. более частотные ойконимы *Заря, Колос, Светлый Путь* и т.п.).

Иную версию происхождения этого топонима приводит коренная жительница пос. Бобровский 1-й (1925 г. рождения): ««Вулканом» колхоз назвали потому, что на первом собрании в 1922 году люди спорили до хрипоты» [7]. Очевидно, что здесь проявляется народная, или «наивная», этимология, связавшая топоним с термином *извержение вулкана* (термин приобрел шутивную окраску) или с устойчивым выражением *жить как на вулкане*. Кроме того, прослеживается цепочка ассоциаций: «вулкан» — «огонь, грохот» — «разгоревшаяся ссора, горячий спор». Подобные ассоциации могли стать одной из причин того, почему «искусственное» название закрепилось в обиходе.

Историю о первом собрании колхоза «Вулкан» можно рассматривать как любопытный пример советского топонимического предания.

Глазной Колодезь — исчезнувший населенный пункт Петропавловского р-на к юго-западу от с. Березняги, вблизи границы с Верхнедонским р-ном Ростовской обл. Отмечен на карте 1930–1940-х гг. [4], в других источниках не обнаружен. Недалеко от этого места находится родник, отмеченный на современной карте как *Глазной Колодец* [10]. Очевидно, что поселение было названо по роднику.

Микрогидроним *Глазной Колодец* встречается и в топонимии других областей России: к примеру, так названы родники в Задонском р-не Липецкой обл. и Должанском р-не Орловской обл.; родники с названием *Глазной* существуют в Печорском и Порховском районах Псковской обл., а также в г. Белокуриха Алтайского края [11]. Согласно преданиям и поверьям, вода всех этих источников излечивает болезни глаз. К примеру, название родника в г. Изборск (Печорский

р-н) связывают с тем, что слепорожденная девочка прозрела, когда мать умыла ее родниковой водой, и с тех пор он считается святым [11].

По словам краеведа П. Е. Есакова, некий ручей *Глазной Колодезь* почитался жителями Казанской станицы Ростовской обл. как целебный источник. П. Е. Есаков предполагает, что он расположен за хут. Пухляковский на границе Ростовской и Воронежской областей [12] — это местоположение соответствует тому роднику, рядом с которым находилось исчезнувшее поселение. Возможно, с этим топонимом также было связано предание об исцелении.

Менее вероятно происхождение микрогидронима *Глазной Колодезь* от диалектизма *глаз* в значениях «окно воды на болоте», «место выхода мощного источника» [13, 143] и его последующее переосмысление под влиянием местных поверий.

Змеёвка — народное (неофициальное) название бывшего пос. Новомихайловка 2-я Верхнехавского р-на к северо-западу от с. Нижняя Маза [14, 2; 4]. Возле Змеёвки, на другой стороне лога, находился пос. Новомихайловка 1-я; его народное название — *Шкадановка*. В 1968 г. Новомихайловки были объединены и впоследствии исчезли [15, 424].

Местная уроженка, с которой мы беседовали в 2023 г., утверждает, что Змеёвкой, наоборот, называлась Новомихайловка 1-я, а Шкадановкой — 2-я. Неточности на картах и в справочниках не исключены, но возможна и ошибка информанта, поскольку официальные названия *Новомихайловка 1-я* и *2-я* практически не использовались в обиходе.

Краеведы В. Д. Березуцкий и А. А. Зацепин связывают название *Новомихайловка* с именем коллежского асессора Михаила Скюдан, чьи крестьяне достались помещице Елизавете Михайловне Ефимовой [15, 402]. При этом от фамилии *Скюдан/Скиадан*, очевидно, образовано название *Шкадановка*: в справочнике 1859 г. оно указывается как *Скиадановка* [16, 34], а в справочнике 1900 г. — уже в форме *Шкадановка* [14, 2].

Кроме того, в родословном сборнике упоминается коллежский секретарь Николай Феодорович *Змеев*, который в 1856 г. был заседателем Воронежской уголовной палаты, и его жена Екатерина Михайловна, в девичестве *Скиадан* [17, 325]. Таким образом, название *Змеёвка* также образовано от фамилии владельца.

Народная этимология дает иную версию: по словам жительницы с. Верхняя Маза, где мы провели опрос в 2023 г., название *Змеёвка* связано с тем, что «змеи водились, много змеев было там, и поэтому призвали [т.е. прозвали. — Прим. автора] — *Змеёвка*». Объяснение происхождения онима через подбор созвучного ему слова — яркая особенность народных преданий.

Костыль — исчезнувший хутор, относившийся к Давыдовскому сельсовету Острогожского уезда [3, 95], затем — к Почепскому сельсовету Лискин-

ского р-на [18, 21]. По словам лискинского краеведа И. А. Афанасьева, название хутора, основанного в нач. XX в. переселенцами из с. Старая Хворостань, местное предание связывает с причудливым изгибом реки Хворостань: этот участок реки назывался *Костыль*, а затем так стали именовать хутор. Данная версия представляется наиболее убедительной.

Далее И. А. Афанасьев ссылается на один из выпусков районной газеты 1960 г., где приводится иная этимология: в дореволюционное время на хуторе царили нищета и голод, местные крестьяне вынужденно обращались за помощью к зажиточным, попадая в еще большую зависимость, и хутору нужна была постоянная опора, как хромоту — костыль [18, 21]. Не исключено, что такая трактовка названия в соответствии с советской идеологией — не авторская метафора, а поздно возникшее народное предание, которое было лишь частично переосмыслено в районной газете. Оно действительно могло объяснять топоним *Костыль* через ассоциацию с *бедностью*: ср. вят. *довести до нищенского костыля* — 'разорить, пустить по миру'; *костыльник* — твер. 'нищий'; *костыльщина* — обл. «нищая братия» [19, 85–86].

Котовка (также *Котов*) — хутор Россошанского р-на, после 1959 г. присоединенный к с. Александровка [16, 124; 5, 190]. По местному преданию, опубликованному в «Воронежских епархиальных ведомостях», один из братьев-первопоселенцев украл кота у другого брата, и вора прозвали Котом [20, 137].

Стоит отметить, что имя-прозвище *Кот*, от которого образовывались фамилии *Котов*, *Котовский* и т.п., встречалось довольно часто [21, 433]. Краевед В. А. Прохоров характеризует предание об украденном коте как «несколько наивный рассказ» и, исследовав ревизские сказки, приходит к выводу, что хутор назван по первопоселенцу Алексею Котову, а фамилия *Котовы* была одной из самых распространенных среди местных жителей [20, 137].

Ломы — нежилой хутор Воробьевского р-на к востоку от с. Мужичье, вблизи границы с Волгоградской обл. Опустел вскоре после Великой Отечественной войны: по словам жителей соседних сел, большинство мужчин из Ломов погибли. Название хутора, по преданию, связано с тем, что первопоселенцы нашли в степях залежи камня и «ломали», т.е. добывали его для постройки домов [22].

Можно предположить, что ойконим имеет другое происхождение, поскольку на карте, составленной около 1780 г., на месте Ломов отмечены несколько хуторов без указания названий, а близлежащий овраг обозначен как *Ламовой* [23]. Диалектизм *ломы* означает 'пойма, заочкаренный пойменный луг' — к примеру, с ним связывают название с. Ломово Рамонского р-на: «Да на речке Студенке в ломех поляны ломавские» [24, 187]. Однако возможно, что в *Ламовой овраге* находилась каменоломня и предание отражает реальное происхождение топонима.

На месте хутора действует Ломовской ландшафтный парк, где проводятся фольклорные фестивали. В театрализованной постановке на фестивале «Русь песенная, Русь мастеровая», который мы посетили в 2024 г., было художественно переосмыслено предание о камне и название местного пруда *Иванда-Марья*. По сюжету постановки, девушка Марья, жившая на берегу пруда, долго ждала своего жениха Ивана с войны, и ее слезы растопили огромный белый камень. После того, как камень разломился, Иван вернулся домой.

Три Сосны — исчезнувший поселок Бобровского р-на к юго-западу от с. Семено-Александровка, вблизи Хреновского бора [4; 5, 17]. Появился, по-видимому, между 1928 и 1931 гг. в результате объединения нескольких мелких хуторов, обозначенных в справочнике 1928 г. [3, 8–9], или переселения жителей из других районов.

Очевидно, названием поселка стал уже существовавший к тому времени микротопоним — название урочища: три крупные старые сосны сохранились там до сих пор и являются местной достопримечательностью. По преданию, опубликованному на интернет-портале г. Бобров, они были посажены «Петром I, его женой Екатериной, ставшей в дальнейшем российской императрицей, и графом Меншиковым» [25]. На соснах закреплены таблички: «*Царь Петр-1*», «*Екатерина*» и «*Меншиков*».

Сюжеты о Петре I распространены в воронежской народной топонимике. Хотя они явно не соответствуют действительности, в их основе нередко лежат исторические факты: так, в Хреновском бору были корабельные рощи, предназначенные для петровских верфей.

Приведенные топонимические предания, несмотря на свою немногочисленность, ярко иллюстрируют народное мировосприятие.

Ойконимы, происхождение которых было забыто, переосмысляются и становятся отражением бытовых реалий, первоначально не имевших отношения к мотивировочным признакам. Например, предание о краже первопоселенцем кота (*Котовка*) могло возникнуть из-за того, что кошка в старину считалась ценным домашним животным.

«Искусственные» названия при этом органично встраиваются в локальный исторический контекст и становятся народными: так, *Вулкан* ассоциируется с жаркими спорами, которые, вероятно, действительно велись на собраниях колхоза. Происходит своеобразная трансонимизация — в данном случае переход официального названия колхоза в обиходное название поселка.

Кроме того, топонимические предания отражают особенности местной природы (*Змеёвка* — «змеи водились»). Некоторые ойконимы позволяют реконструировать предания, связанные с названиями природных объектов (*Глазной Колодезь*), а также предположить

существование в местном говоре народных географических терминов (*глаз* — ‘место выхода источника’; *ломы* — ‘пойменный луг’), которые со временем утратились и обусловили появление «наивной» этимологии.

Несмотря на то, что исследуемые нами поселения исчезли, топонимические предания сохраняются: некоторые из них дополняются художественными смыслами (*хутор Ломы*) и популяризируются жителями районов (показательный пример — установка табличек с именами персонажей предания о *Трех Соснах*).

Планируется продолжить сбор и исследование воронежской топонимии, сосредоточив внимание на названиях «исчезающих» поселений — тех, где осталось лишь несколько постоянных жителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топонимические предания Воронежской области. Вып. 2. / сост. Е. А. Орлова [под ред. Т. Ф. Пуховой]. — Воронеж, 2004. — 128 с.
2. Попов С. А. О роли «Топонимического мартиролога Российской Федерации» в лексикографическом описании исчезнувших имен собственных / С. А. Попов // XV Конгресс МАПРЯЛ: Избранные доклады [Электронный ресурс]. — СПб.: МАПРЯЛ, 2024. — С. 1635–1639.
3. Населенные места Воронежской губернии: [систематический перечень и алфавитный указатель к карте Воронежской губернии с приложением окружного и районного распределения населенных мест по данным на 23 мая 1928 г.]. — Воронеж: Издание Воронежского Губстатотдела, 1928. — 190 с.
4. Топографическая карта юга Европейской части СССР. Масштаб 1: 200 000. [Сборная карта, составленная из листов карт РККА, изданных в конце 1930-х — нач. 1940-х гг.]. — Режим доступа: http://www.etomesto.ru/markka_ug/ (дата обращения: 10.11.2024).
5. Населенные пункты ЦЧО. — Воронеж: Коммуна, 1932. — 357 с.
6. Воронежская область: административно-территориальное деление: [По состоянию на 1 апреля 1959 г.]. — Воронеж, 1959. — 252 с.
7. Шифрин Л. Заброшенные хутора: как пустеют воронежские деревни. Бобровский 1-й / Л. Шифрин // РИА «Воронеж». — 27.06.2016. — Режим доступа: <https://riavr.ru/districts/bobrowski/zabroshennye-khutora-kak-pusteyut-voronezhskie-derevni-bobrovskiy-1-y/> (дата обращения: 20.10.2024).
8. Ковалев Г. Ф. Словарь микропонимов Воронежской области: в 3 т. / Г. Ф. Ковалев. — Т. I. А–Й. — Воронеж: ВГУ, 2023. — 526 с.
9. Не хватает охраны труда // Звезда. — Орган Пермского Губкома РКП Губернского Исполкома и Губпрофсовета. — 1923, № 21. — С. 3.
10. Карта Европейской части России. Масштаб 1: 25 000. М.: Госгисцентр, [Ок. 2001–2010]. — Режим доступа: <http://retromap.ru> (дата обращения: 10.11.2024).
11. Святые России: сайт-путеводитель по храмам и монастырям России и зарубежья. — Режим доступа: <https://guist.ru/> (дата обращения: 20.10.2024).
12. Есаков П. Е. Мещеряковский музей и его посетители / П. Е. Есаков // Проза.ру — российский литературный портал. — 03.10.2013. — Режим доступа: <https://proza.ru/2013/10/03/944> (дата обращения: 20.10.2024).
13. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. — М.: Мысль, 1984. — 653 с.
14. Населенные места Воронежской губернии. Справочная книга / Издание Воронежского Губернского Земства. — Воронеж, 1900. — 482 с.
15. Березуцкий В. Д. Очерки истории Верхнехавской земли: факты, события, люди / В. Д. Березуцкий, А. А. Зацепин. — Воронеж: Кварта, 2014. — 430 с.
16. Воронежская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. — СПб.: Центральный Статистический комитет МВД, 1865. — 157 с.
17. Руммель В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий: в 2 т. / В. В. Руммель, В. В. Голубцов. — Т. I. — СПб., 1886. — 608 с.
18. Афанасьев И. Неперспективная деревня / И. Афанасьев. — Лиски, 2005. — 60 с.
19. Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Корпусы — Куделюшки / под ред. Ф. П. Филина. — Л.: Наука, 1979. — 400 с.
20. Прохоров В. А. Вся Воронежская земля. Краткий историко-топонимический словарь / В. А. Прохоров. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1973. — 367 с.
21. Веди́на Т. Ф. Энциклопедия русских фамилий: тайны происхождения и значения / Т. Ф. Веди́на. — М.: АСТ, 2008. — 765 с.
22. Воропаева М. Хутор Ломы / М. Воропаева // Портал муниципальных образований. — Режим доступа: <https://muob.ru/zhizn/interesnoe/319223/> (дата обращения: 20.10.2024).
23. План генерального межевания Богучарского уезда Воронежской губернии. [Ок. 1780 г.]. — Режим доступа: <https://raremaps.ru/vse/voronezhskaya-guberniya.html> (дата обращения: 20.10.2024).
24. Дьякова В. И. Словарь географической лексики Воронежского края (с историческими комментариями) / В. И. Дьякова, В. И. Хитрова. — Воронеж: ВГУ, 2009. — 344 с.
25. Три сосны // Бобров 24: городской портал. — Режим доступа: <https://bobrov24.ru/tri-sosny/> (дата обращения: 20.10.2024).

Воронежский государственный университет
Пархоц Э. О., преподаватель кафедры общего языкознания и стилистики
E-mail: perehodn@mail.ru

Voronezh State University
Parkhots E. O., Lecturer of the General Linguistics and Stylistics Department
E-mail: perehodn@mail.ru

НОВЕЛЛА В. Ф. ОДОЕВСКОГО «ПОСЛЕДНИЙ КВАРТЕТ БЕТХОВЕНА»: НАРРАТИВНАЯ СТРУКТУРА КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА

Е. М. Перевалова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 1 сентября 2024 г.

Аннотация: в статье рассмотрена проблема влияния нарративной структуры новеллы на построение образа персонажа. Выявлено, что благодаря «полифонической» системе точек зрения удается создать сложный образ композитора, совмещающий противоположные характеристики: сумасшествие и здравомыслие, бездарность и гениальность. В то же время имплицитная солидаризация нарратора с композитором позволяет подать образ Бетховена как исключительно гениальный, поставить его над упомянутыми противопоставлениями.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский; Бетховен; гениальный музыкант; точки зрения; нарративные инстанции.

Abstract: the article considers the problem of the influence of the narrative structure of the Short Story on the construction of the composer's image. It is revealed that thanks to the "polyphonic" system of points of view, it is possible to create a complex image of the composer, combining opposite characteristics: madness and sanity, mediocrity and genius. At the same time, the implicit solidarity of the narrator with the composer makes it possible to present the image of Beethoven as exceptionally brilliant, to put it above the mentioned oppositions.

Keywords: V. F. Odoevsky; Beethoven; a brilliant musician; points of view; narrative instances.

Образ композитора в новелле Одоевского «Последний квартет Бетховена» не был обойден вниманием исследователей. В контексте немецкой романтической традиции он рассматривался П. Н. Сакулиным, который видел сходство в противопоставлении музыканта толпе и использовании мотива двоемирия [1, 357]. А. Б. Ботникова подчеркивала также общность проблемы невыразимого и «соотношения безумия и творчества» [2, 286]. В последнее время ученые (например, М. А. Степанова [3] и А. А. Хамина [4]) анализируют роль музыкальных аллюзий в формировании интертекста новеллы, что позволяет дать представление о литературном образе Бетховена. И. В. Борисова делает акцент на использовании Одоевским музыкальной лексики как средства характеристики персонажей [5].

Можно заметить, что упомянутые исследования опираются на культурно-исторический и мотивно-образный методы, что не позволяет уделить внимание всем уровням произведения, а потому приводит к появлению неполных, а порой и навязанных интерпретаций. Так, несмотря на то, что образ Бетховена помещен в значительное количество противоречивых контекстов, о причинах такого построения мотивно-образной системы часто не идет речи. При этом ученые стремятся дать образу Бетховена од-

нозначную интерпретацию, игнорируя значимость других возможных.

Как представляется, установить границы интерпретации образа музыканта и более обоснованно говорить об авторском замысле позволит анализ нарративных особенностей текста. Предполагается выявить, как Бетховен воспринимается различными внутритекстовыми инстанциями (другими персонажами, нарратором, абстрактным автором).

Новелла «Последний квартет Бетховена» включена в роман «Русские ночи» (1844), однако мы будем рассматривать ее как самостоятельный текст. Это удобно методологически, так как позволяет говорить о нарраторах лишь двух уровней: «первичном» (повествователь) и «вторичном» (Бетховен в роли рассказчика)¹. Обратимся к анализу повествовательных инстанций и принадлежащих им точек зрения. Методологической базой послужат работы по теории нарратива [6; 7; 8].

Пространственно-временной план новеллы Одоевского служит выражению нарраторской оценки. Повествователь свободен в своих перемещениях, поэтому выбор хронотопа оказывается значимым. В новелле мы видим три локации: квартира, в кото-

¹ «Первичного» нарратора будем именовать просто «нарратор». Обозначения указывают на структурную подчиненность говорящих и их историй.

рой разыгрывают квартет; комната Бетховена и бал во дворце вельможи. О точности (и ангажированности) отбора данных свидетельствует последняя сцена: из всех произнесенных на бале реплик повествователь фиксирует лишь одну, так как она и только она была связана с именем Бетховена.

О Бетховене можно говорить как о «вторичном», более низкого уровня, нарраторе новеллы, чьи высказывания имеют собственные композиционные особенности, которые зачастую служат выражению отдаленности героя от мира. Так, представляемый им хронотоп фиктивен, — это пространство исполняемых или существующих в его фантазии произведений [9, 82]. Пространственно-временная позиция «вторичного» нарратора часто перемещается, фиксируя перемены в этом фиктивном пространстве: путь от восторга к борениям и последней усталости.

Итак, в пространственно-временном плане нарратор реализует две стратегии: сфокусировать внимание на Бетховене и показать композитора существующим внутри собственного, более значимого для него, хронотопа. На уровне системы персонажей вторая стратегия имеет значение объективного подтверждения странности, «безумия» композитора. Отношение же нарратора к образу композитора может быть выражено только с учетом обеих стратегий одновременно.

В психологическом плане Бетховен зачастую дан нарратором с внешней точки зрения, что преследует цель показать странность его поведения, которая затем будет противопоставлена стройности его рассуждений. Отдельный интерес вызывает мотив глухоты композитора. Нарратор имеет доступ к субъективной реальности героя: единственный раз, когда он занимает внутреннюю позицию по отношению к композитору, он сообщает о причине наклонов головы («...он наклонил голову то на ту, то на другую сторону, стараясь вслушаться в музыку; но тщетно» [9, 80]). Тем не менее сообщает о своих чувствах («слышу» / «не слышу») каждый раз сам композитор. То есть самоощущение и сознание персонажа в данном случае для читателя непрозрачно, а нарратором намеренно не оценивается соответствие представлений действительности. В кульминационный момент новеллы, когда Бетховен «слышит» симфонию Эгмонта, мы не находим подтверждений тому, что это действительно была она (как об объективной реальности «первичный» нарратор говорит просто о «гармонических звуках» [9, 83]). Это, как представляется, позволяет наделить биографический факт глухоты композитора дополнительным символическим значением. Замыслы композитора будто все больше приближаются к грани невыразимого, отдаляются от того, что может быть передано обыкновенными инструментами. То, что в конце новеллы композитор «слышит» увертюру к «Эгмонту», становится символом перехода в иное бытие и обре-

тения долгожданной гармонии.

Как видим, построение психологического плана также преследует двойственную цель: наделить образ Бетховена положительным символическим значением, но также представить сознание музыканта непрозрачным, а поведение странным. Нарратор, с одной стороны, солидаризуется с персонажами-филлистерами, а с другой — переосмысляет их позицию с помощью стратегии символизации.

Построение оценочного плана стремится к «полифоничности» по самостоятельности ценностных позиций. Нарратор включает в свою речь противоположные высказывания о композиторе, что можно проследить на примере словоупотребления: «знаменитый симфонист» (нарратор) — «театральный капельмейстер» (некто на бале); «бездарный контрапунктист» (играющие квартет) — «художник», «знаменитый симфонист» (нарратор). Вначале оценка производится с позиций разыгрывающих квартет. Она негативна и резко противоречит дальнейшим высказываниям нарратора о Бетховене. Тем не менее нарратор не оспаривает позицию критиков, а во фразеологическом плане будто сливает их высказывания со своими собственными («Исчезла прелесть оригинальной мелодии, полной поэтических замыслов; художественная отделка превратилась в кропотливый педантизм бездарного контрапунктиста...» [9, 79]). В то же время в речи нарратора находим положительную оценку произведений Бетховена: «...самые трудные фуги в 5 и 6 голосов проходили через все таинства контрапункта, сами собою ложились под пальцы творца “Эгмонта”» [9, 81].

О солидаризации нарратора с оценками обывателей не может идти речи: их мир нарратором никогда не оценивается положительно. Яркий пример негативной оценки, выраженной с помощью фразеологических инструментов, видим в конце: «— Как жаль! — сказал *кто-то*, — театральный капельмейстер Бетховен умер, и, говорят, не на что похоронить его. Но этот голос потерялся в толпе: все прислушивались к словам двух дипломатов, которые толковали о *каком-то* споре, случившемся между *кем-то* во дворце *какого-то* немецкого князя» [9, 84]. Нарратор противопоставляет свою позицию позиции большинства на основании различного значения, которое они придают смерти Бетховена. Кроме того, в художественной системе автора хронотоп бала (см. «Бал» и «Насмешка мертвеца») традиционно служит отрицательной характеристике общества.

Упомянутым оценочным позициям противостоит точка зрения самого Бетховена, которому нарратор передоверяет выражение романтических конфликтов: гений и толпа, невыразимое, борьба материального и духовного. Бетховен высоко оценивает свою музыку, что противоречит высказанным ранее суждениям. Представляет особый интерес взаимодействие этой позиции с точками зрения нарратора

и абстрактного автора. С одной стороны, положительная оценка задуманных произведений будто перекрывается иронической точкой зрения нарратора, ведь «колокол» и «тихое адажио», «гармония» и «ружейные выстрелы», о которых говорит Бетховен, представляются противоречащими друг другу: «...я открыл, что колокола — самый гармонический инструмент, который с успехом может быть употреблен в тихом адажио. В финал я введу барабанный бой и ружейные выстрелы» [9, 83]. С другой стороны, общая неоднозначность нарраторской оценки творчества композитора мешает сделать окончательный вывод.

Сходство же позиций нарратора и Бетховена нигде не выражается явно, но может быть выявлено при анализе фразеологического плана. Если сопоставить фрагменты речи Бетховена и речи нарратора, то становится очевидной родственность представлений обоих говорящих о музыке Бетховена. Нарратор: «...огонь, который прежде пылал в его быстрых аллегро и, постепенно усиливаясь, кипучею лавою разливался в полных, огромных созвучиях...» [9, 79]; Бетховен: «я понимаю тот восторг, когда целый мир для меня превращается в гармонию, всякое чувство, всякая мысль звучит во мне, все силы природы делаются моими орудиями, кровь моя кипит в жилах...» [9, 83].

На уровне больших композиционных фрагментов все более очевидной становится солидаризация нарратора с композитором. Так, новеллу можно достаточно легко разделить на три части в соответствии с пространственным делением. Начало и завершение новеллы представляют мир филистеров. Основная часть новеллы — лирический монолог главного героя, посвященный ключевым для романтизма конфликтам. Выбор этого монолога и большой его объем подтверждают идейную значимость его для нарратора. Противопоставленность этой части двум обрамляющим выражает конфликт гения и филистеров на композиционном уровне.

Итак, нарратор открыто не опровергает ни одну из точек зрения, но включает их в повествование на равных правах. Представления филистеров о Бетховене благодаря этому не столько опровергаются, сколько переинтерпретируются через включение в контекст романтической проблематики. На уровне нарратора речь идет не о бесталанности Бетховена, а о достижении предела выразимого. В то же время имплицитная солидаризация нарратора с Бетховеном позволяет сделать образ композитора наиболее авторитетным и значимым.

Эпиграф, который считается зоной доминирования позиции абстрактного автора, в данном случае проблематизирует безумие [9, 79]. Этот мотив является одним из ключевых в творчестве Одоевского: безумие, с одной стороны, становится символом дисгармонии, неполноты жизни, с другой стороны,

позволяет обнажить глубинные психологические процессы и противоречия творческих исканий. Благодаря особой композиции новелла не дает однозначного ответа на вопрос о безумии композитора и утрате им дара: его поведение действительно странно, но нельзя уверенно сказать того же о внутренней жизни. Эта двойственность формируется не только особенностями композиции, но и мотивно-образной составляющей, что, вероятно, входило в намерения Одоевского, во-первых, полагавшего, что нет четкой границы между безумием и здравомыслием, во-вторых, осознававшего невозможность окончательного разрешения конфликтов, в центре которых находится композитор, в-третьих, видевшего в творчестве Бетховена совмещение божественного и демонического. В связи с этим приобретает особое значение количество противоречивых контекстов, в которые помещен образ Бетховена: герой говорит о своей творческой сущности как о «Серафиме, заклепанном в человеческую одежду», чему противостоит эпизод, когда Бетховен пьет воду как вино и вспоминает песню Мефистофеля. В то же время мотивы безумия, огня, искусства и образ вина, по мнению М. А. Степановой, могут отсылать к образу Диониса [3, 12].

Итак, сознаниями различных внутритекстовых инстанций композитор воспринимается неодинаково, поэтому обращение к нарративным особенностям позволяет рассматривать несколько измерений образа Бетховена. Персонажи-филистеры видят Бетховена странным, жалким и утратившим дар «капельмейстером»; сам Бетховен видит себя гениальным композитором; позиция нарратора включает обе точки зрения, что создает двойственность образа композитора, используемую затем для символизации. Эта стратегия в совокупности с имплицитно выраженной солидаризацией нарратора и композитора создает образ романтического творца, стоящего выше привычных представлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма: Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель: в 2 ч. / П. Н. Сакулин. — М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. — Ч. 2. — 481 с.
2. Ботникова А. Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм / А. Б. Ботникова. — М.: Аспект Пресс, 2005. — 340 с.
3. Степанова М. А. Художественные функции музыкальных аллюзий в прозе В. Ф. Одоевского: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Степанова Мария Андреевна. М., 2013. — 16 с.
4. Хамина А. А. Творческое наследие В. Ф. Одоевского в аспекте интермедийного анализа: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Хамина Анастасия Алексеевна. Томск, 2011. — 23 с.
5. Борисова И. В. Рецепция немецкой музыкальной

классики в русской литературе XIX века: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Борисова Инна Владимировна. Ульяновск, 2009. — 20 с.

6. Успенский Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. — М.: Искусство, 1970. — 258 с.

7. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — М.: Языки

славянской культуры, 2003. — 312 с.

8. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса / В. И. Тюпа. — Тверь: ТвГУ, 2001. — 60 с.

9. Одоевский В. Ф. Русские ночи / В. Ф. Одоевский. — СПб.: Наука, 1975. — 325 с.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Перевалова Е. М., аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета

E-mail: perewalowa.elizaveta@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University

Perevalova E. M., Postgraduate Student of the History of Russian Literature Department, Faculty of Philology

E-mail: perewalowa.elizaveta@yandex.ru

ИДЕЯ «ВСЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» БРАТСТВА И ДОБРОДЕТЕЛЬ ТЕРПЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА И А. В. ВАМПИЛОВА (В КОНТЕКСТЕ УЧЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО)

Л. Г. Сатарова, Н. В. Стюфляева

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 2 сентября 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые аспекты духовного наследия святителя Тихона Задонского применительно к творчеству А. П. Чехова и А. В. Вампилова. Идея «всечеловеческого» братства и терпение как национальная черта русского характера анализируются в рассказах «Нищий», «Казак», а также в драматургии А. П. Чехова. В статье предпринята попытка рассмотрения «театра» А. Вампилова в контексте учения святителя Тихона Задонского о грехе и добродетели.

Ключевые слова: святитель Тихон Задонский, Чехов, Вампилов, рассказ, театр, грех, добродетель, вера, терпение, христианские ценности.

Abstract: the article examines some aspects of the spiritual heritage of St. Tikhon of Zadonsk in relation to the works of A. P. Chekhov and A. V. Vampilov. The idea of “universal” brotherhood and patience as a national trait of the Russian character are analyzed in the stories “The Beggar”, “The Cossack”, as well as in the dramaturgy of A. P. Chekhov. The article attempts to consider A. Vampilov’s “theater” in the context of the teachings of St. Tikhon of Zadonsk on sin and virtue.

Keywords: St. Tikhon of Zadonsk, Chekhov, Vampilov, short story, theater, sin, virtue, faith, patience, Christian values.

В прозе А. П. Чехова есть произведения, свидетельствующие о глубоком проникновении писателя в сущность христианства, весьма близкое тому, о чем святитель Тихон Задонский писал всю свою жизнь. Для анализа можно взять два рассказа, написанные в 1887 году, — «Нищий» и «Казак». Оба они посвящены теме христианской помощи ближнему, и их сюжет укладывается в духовную оппозицию истинного и ложного сострадания, милосердия, благочестия. В рассказе «Нищий» присяжный поверенный Скворцов, человек с добрым сердцем, считающий себя настоящим православным, с гневом и отвращением обличает нищего, который был вынужден лгать, чтобы выпросить себе на пропитание.

«Скворцов разошелся и самым **безжалостным** образом расpek просителя. Своею наглою ложью оборвыш возбудил в нем гадливость и отвращение, оскорбил то, что он, Скворцов, так любил и ценил **в себе самом**: доброту, чувствительное сердце, сострадание к несчастным людям; своею ложью, покушением на милосердие “субъект” точно осквернил ту милостыню, которую он от чистого сердца любил подавать ближним. Оборвыш сначала оправдывался, божился, но потом умолк и, пристыженный, поник головой» [1, 248–249].

Но Скворцов не просто обличил лжеца, он предложил ему вполне конкретное дело, где тот мог бы честно заработать небольшие деньги. Пьянице не хотелось работать, потому что он был голоден и не здоров, но он поплелся колоть дрова из-за уязвленного самолюбия. Скворцов видел, как его кухарка Ольга «со злобой хлопнула дверью» сарая, тем самым пробудив неприязнь и осуждение в самом хозяине: «Экое злое создание!» [1, 250]. Через час дрова были порублены, и довольный Скворцов предложил нищему постоянную работу во дворе своего дома. И нищий начал зарабатывать, так что однажды «даже ему были высланы старые брюки».

Скворцов принимал участие и в дальнейшей судьбе этого несчастного человека. Он дал ему рекомендательное письмо для устройства на работу по переписке. После этого Лушков (так звали нищего) больше уже не приходил к нему заниматься физическим трудом. Скворцов был очень доволен тем, что наставил человека на путь истины и «даже подал ему на прощанье руку» [1, 251].

Эта назидательная история имеет удивительный финал. Через два года Лушков и Скворцов случайно встречаются в театре, и последний напоминает ему о своем благодеянии. И тут бывший нищий сделал откровенное признание: «Вы отлично **говорили** тогда, я вам обязан, конечно, по гроб жизни, но спасла-то меня ... ваша кухарка Ольга» [1, 252].

И Лушков объясняет ему самую суть христианского понимания проблемы: «Бывало, придется к вам дрова колоть, она и начнет: “Ах ты, пьяница! Окаянный ты человек! И нет на тебя погибели!” А потом сядет против, пригорюнится, глядит мне в лицо и плачется: “Несчастный ты человек! Нет тебе радости на этом свете, да и на том свете, пьяница, в аду гореть будешь! Горемычный ты!” И всё в таком роде, знаете. Сколько она себе крови испортила и слез пролила ради меня, я вам и сказать не могу. Но главное — вместо меня дрова колола! Ведь я, сударь, у вас ни одного полена не расколол, а всё она! Почему она меня спасла, почему я изменился, глядя на нее, и пить перестал, не могу вам объяснить. Знаю только, что от ее слов и благородных поступков в душе моей произошла перемена, она меня исправила, и никогда я этого не забуду» [1, 252].

Сюжет рассказа движут два понимания обязанностей христианина по отношению к своему ближнему. Одно — почти фарисейское, основанное на **законе** выгодного взаимодействия людей друг с другом. Неслучайно автор упоминает о тайном самодовольстве Скворцова, который любит себя своим хорошим поступком. В сущности, можно предположить, что он видит в Лушкове «меньшего» брата, которого он снисходительно облагодетельствовал, поскольку этот добрый поступок необходим был прежде всего ему самому. Иное сострадание — истинное — автор раскрывает в образе кухарки Ольги (имя выбрано неслучайно!). Она спасает несчастного деятельной **любовью**, искренне, до слез желая ему исправления и помогая ему нести свой крест. Настоящая христианская любовь всегда жертвенна и бескорытна, она прозревает в человеке образ и подобие Божие, которые объединяют человечество в братьев и сестер Отца Небесного. Одно из качеств этой любви — долготерпение, которое особенно ценилось А. П. Чеховым как яркая национальная черта русского характера.

Если в рассказе «Нищий» два понимания христианского долга как бы дополняют друг друга, то в рассказе «Казак» нет и тени благостного соединения закона и благодати, а есть их яростное противостояние, приводящее к трагической развязке.

Рассказ написан на пасхальную тему. Его герои, молодая пара, возвращаются домой после пасхальной службы и везут освященный кулич.

«Торчаков ехал и думал о том, что нет лучше и веселее праздника, как Христово воскресение. Женат он был недавно и теперь справлял с женой первую Пасху» [1, 382]. Весь мир вокруг казался светлым, радостным и счастливым, а жена — «красивой, доброй и кроткой».

Неожиданно на обочине дороги появляется казак, который возвращался домой после службы, но в пути вдруг так заболел, что не мог ехать дальше. Таким образом, в рассказе возникает тема голодного и страждущего брата, требующего помощи и сочувствия.

Казак просит немногого: «Вы бы, православные, дали мне, проезжему, свяченой пасочки разговеться!» [1, 383].

Торчаков пожалел казака и хотел уважить его просьбу, но его молодая жена оказалась категорически против, ссылаясь на то, что кромсать кулич — грех, непорядок. И бедный больной казак оказался брошенным, одиноким среди ликующего, играющего солнечного света и праздничной весенней земли.

С этой обиды болящего, скорбящего брата во Христе, да еще в величайший православный праздник, когда все христосуются друг с другом и разделяют трапезу, началась в жизни Торчакова мрачная полоса скуки, тоски и сознания собственной вины перед другим человеком, которую невозможно исправить. Он пытается делиться своим покаянным настроением с женой (ведь семья — это малая Церковь!), но она упорно отстаивает свое понимание греха: нельзя было «нарушать» пасхальный кулич. Этот конфликт истинного и ложного благочестия, отсутствие сострадания и жалости к ближнему вырастает в рассказе А. П. Чехова до масштаба вселенской катастрофы. Муж и жена не просто спорят о том, что есть грех, а что добродетель, но они — наиболее близкие друг другу люди — не могут даже понять, насколько противоположны их представления о христианской любви и долге милосердия.

Разумеется, прав герой рассказа, когда рассуждает о казаке в духе евангельской притчи:

«— Он царю служил, может, кровь проливал, а мы с ним как со свиньей обошлись. Надо бы его, больного, домой привезти, покормить, а мы ему даже кусточка хлеба не дали» [1, 384].

Но жена настаивает на своем «законном» праве хозяйки обустроить, как надо, пасхальный стол.

Проблема спасения, истинного и ложного христианства, которая является краеугольным камнем в учении свт. Тихона Задонского, преломляется в рассказе Чехова в очень жесткое столкновение закона и благодати, формы и содержания, обрядоведения и сути христианского служения, любви и милосердия.

Торчаков пытался деятельно исправить свою ошибку в отношении болящего брата во Христе, но казак бесследно исчез. А вместе с ним пришла в полное расстройство и жизнь самого главного героя рассказа.

«Лошади, коровы, овцы и ульи мало-помалу, друг за дружкой стали исчезать со двора, долги росли, жена становилась постылой... Он все чаще и чаще напивался. Когда был пьян, то сидел дома и шумел, а трезвый ходил по степи и ждал, не встретится ли ему казак...» [1, 386].

Так идея «всечеловеческого» братства во Христе рассматривается А. П. Чеховым как единственно спасительная в мире, где ее отсутствие порождает дьявольское разделение людей друг с другом, чреватое распадом не только семьи, но и всех устоев совместной общественной жизни. Эта идея, сформу-

лированная в трудах свт. Тихона, развитая русской классической литературой, получит свое творческое продолжение в советскую эпоху в таком ее оригинальном, неповторимом явлении, как феномен «театра Вампилова». Но прежде чем обратиться к анализу его пьес, необходимо рассмотреть еще одну грань чеховского художественного мира, отраженного в его драматургическом наследии.

О том, насколько одиноки и отчуждены друг от друга герои чеховских пьес, написано немало. Они страдают от непонимания и элементарного невнимания к себе со стороны близких, которые замыкаются на собственном «я» и не в состоянии проявить истинного христианского милосердия к чужим бедам и горестям. Родственные, семейные отношения кажутся непоправимо искаженными, искореженными человеческим эгоизмом и меркантильностью. Это достойное жалости бездуховное существование давало повод критикам писать о «мертвых душах», пошляках, «недотепах» чеховской драматургии. Однако сострадание зрителей в театре к судьбам чеховских персонажей говорило о том, что зал не судил героев, а жалел их, сопереживал и видел в их жизни частицу собственного бытия. Это позитивное восприятие «вселенского» пессимизма в разрушенных отношениях и связях людей друг с другом выросло, на наш взгляд, из утверждения добродетели **терпения** как основы возможного воскресения души, ее преображения.

Святитель Тихон Задонский считал терпение не рядовым, а особенным духовным явлением в человеческой жизни. Он писал: «Высокая добродетель — терпение, с которою ничто не может сравниться. Терпение бед, глаголет Златоуст святой, милостыню и иные многие добродетели превосходит» [2, 1038]. И далее: «О! блаженны те дома, грады, веси, села и общества, в которых терпение обитает: оно бо более сохраняет общество, нежели оружие, более защищает град, нежели стены» [2, 1039].

В финале чеховской «Чайки», которая не без иронии определена автором как комедия, оказываются разрушенными судьбы главных героев — Нины и Треплева. Нина, чувствуя себя убитой чайкой, из своих страданий извлекает духовный урок, который дает ей силы «вытерпеть» жизнь: «Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле — все равно, играем ли мы на сцене или пишем, — главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а **умение терпеть**. Умей нести свой крест и веруй. Я верую, и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни» [3, 190]. Треплев не уверовал и в результате — самоубийство. Очевидно, что два исхода, два понимания смысла страданий, о которых писал автор «Чайки», актуальны и для современного человека, выбора его нравственного вектора — спасение в вечности или богоборческое своеволие.

Настоящий гимн терпению звучит из уст Сони

в финале пьесы Чехова «Дядя Ваня». В этой драме оказываются разрушены судьбы всех ее героев, общий трагизм усилен. У Сони и Астрова не состоялся брак, у Елены с Астровым взаимное чувство обречено на забвение, у дяди Вани страстная любовь к замужней женщине изначально не могла дать никакого положительного плода. Острота страданий персонажей по сравнению с «Чайкой» возрастает, но в этой драме нет главного смертного греха, которым заканчивается «Чайка», — нет самоубийства. Всем героям удастся преодолеть подобное искушение, найти якорь спасения в любых несчастливых обстоятельствах жизни. Он — в том терпении скорбей, которые посылаются Творцом для нашей же пользы. Терпение русского человека основано на вере в Божий Промысел, формулирует это Соня (имя героини выбрано параллельно с образом «вечной Сонечки» в романе Ф. М. Достоевского).

«Соня. Мы, дядя Ваня, будем жить... будем терпеливо сносить испытания, какие пошлет нам судьба... а когда наступит наш час, мы покорно умрем и там за гробом мы скажем, что мы страдали... и Бог сжалится над нами, и мы с тобой, дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой — и отдохнем. Я верую, дядя, я верую горячо, страстно... Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все **зло земное**, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую...» [3, 238].

Земные страдания, особенно если они претерпеваются человеком без всякой вины, ропота и возмущения, особенно благоугодны Богу. Их целебная сила пробуждает в личности искание высшего смысла своего существования. В мире Чехова герои, лишенные нравственного беспокойства, обладающие внутренним непоколебимым комфортом, — это люди со спящей совестью. Таковы Тригорин и Аркадина, Серебряков и Мария Васильевна, в «Вишневом саде» — фактически все персонажи, поскольку все они виноваты в том, что за потерей имени — символа земного сокровища — забывают о судьбе своего несчастного брата во Христе — старика Фирса. Так комедия с вишневым садом — а Чехов настаивал именно на таком жанре своей последней пьесы — превращается в трагифарс. Ведь «тема» Фирса — это по сути продолжение того образа «маленького» человека, над судьбой которого сокрушалась русская литература. Фирс подобно Башмачкину мог бы сказать любому владельцу именина: «Я брат твой!» Именно этот смысл можно прочесть в последней реплике бывшего слуги, неизвестно к кому обращенной: «Эх ты... недотепа!..»

Идея «всечеловеческого» братства и добродетель терпения как основные начала учения святы

теля Тихона Задонского об истинном христианстве, усвоенные и преображенные в лучших творениях русской литературы, не исчезли бесследно в безбожную советскую эпоху. Они получили свое преломление и дальнейшее развитие в шедеврах духовного постижения реальности в творчестве целого ряда писателей XX века. И «театру» А. В. Вампилова принадлежит в этом ряду далеко не последнее место.

А. В. Вампилова неслучайно называют «Чеховым XX века». Его биография способствовала тому, что у него как писателя проявился дар духовно-нравственного прозрения — в бытовых коллизиях, деталях, мелочах обнаруживать ядро человеческой личности, ориентированное на поиски смысла жизни и свою ответственность перед вечностью. Отца своего А. В. Вампилов не помнил: он был репрессирован и расстрелян. Его воспитывала мать, которая была родом из семьи потомственного православного священника, ее отец был учителем Закона Божьего в женской гимназии Иркутска, протоиереем кафедрального собора; в годы гонений на христиан он был осужден за участие в монархическом заговоре и расстрелян. Следует отметить, что Александр, который получил свое имя в честь великого Пушкина, часто гостил у своего дяди Владимира Никитича, у которого была богатейшая библиотека. Таким образом, А. Вампилов унаследовал практически весь багаж русской и зарубежной классики, что позволило ему органически влиться в сферу традиционных ценностей русского мира и развить их уже в условиях нового социокультурного пространства.

Весь «театр» А. В. Вампилова пронизывает тема покаяния — одна из краеугольных в Православии, она движет сюжет даже в пьесах-шутках, «провинциальных» анекдотах, небольших зарисовках и т.п. У А. В. Вампилова нет убийств и самоубийств, как в пьесах А. П. Чехова, его герои после перенесенных потрясений и страданий остаются жить, чтобы понять смысл существования и приобщиться к «искусству» терпения. В пьесе «Утиная охота» исповедь Зилова перед женой (поскольку в церковь ходить не полагалось, тем более говорить о ней на сцене как таинстве исцеления человеческой души) наряду с символикой утиной охоты отводит героя от рокового шага. Зилов оставляется автором «на пороге», у черты своего возможного нравственного воскресения.

В «Старшем сыне» идея «всечеловеческого» братства, столь популярная в русской классической литературе благодаря трудам святителя Тихона Задонского, получает свое второе рождение. В советскую эпоху ее идеологи любили рассуждать на тему: человек человеку друг, товарищ и брат. Однако возникает вопрос: а каким образом этот гуманистический пафос согласовался с теорией классовой борьбы, которая составляла основу социалистического мировоззрения? Ведь она предполагала уничтожение

классовых врагов как лишнего, «ненужного» элемента. К классовым врагам были причислены все сословия царской России, кроме пролетариев, ведь даже трудовое крестьянство вызывало подозрения. В «театре» А. Вампилова оживает истинное, традиционное представление о братстве всех людей без исключения, т.е. «всемирном» братстве во Христе. Ярким образцом такого возвращения к истокам является пьеса А. Вампилова «Старший сын». Эту тему в сюжете комедии воплощает ее главный герой Бусыгин.

Как известно, завязка действия в пьесе начинается с экзистенциального эпизода. Два студента, Бусыгин и Сильва, остаются без ночлега в незнакомом месте среди чужих людей. Им нужно немного: где-то переночевать. Однако сделать это, правдиво объяснив ситуацию, представляется фантастически сложным. У людей, живущих без Христа, образовалась «толстая кожа» равнодушия к судьбе ближнего, попирается заповедь Евангелия о милости к странникам. Спасает положение не только тот ловкий обман, который приносит студентам желанный кров и пищу, но забытый христианский мотив, который внезапно актуализировался:

«Бусыгин. Что нам надо? Доверия. Всего-навсего. Человек человеку брат, надеюсь, ты об этом слышал. Или это тоже для тебя новость? (Сильве). Ты только посмотри на него. Брат *страждущий, голодный, холодный* стоит у порога, а он даже не предложит ему присесть» [4, 80].

С этой скрытой цитатой из Евангелия в пьесе начинает развиваться конфликт между Бусыгиным и Сильвой, именно последнему приходит в голову мысль об обмане Сарафанова-отца и всего семейства. Необходимо подчеркнуть, что инициатором авантюры предстает именно Сильва, а не Бусыгин, который пытается его остановить. И развязка в комедии наступает после того, как Сильва раскрывает персонажам глаза на мнимое сыновство Бусыгина. Так в комедии формируются два подводных течения; одно из них, связанное с Сильвой, не поднимается выше бытового анекдота, жульничества, преследующего корыстные, эгоистические цели, чисто земные, меркантильные интересы. Второе, выражаемое позицией Бусыгина, постепенно поднимается до уровня духовного понимания и осмысления центральной идеи пьесы — «Все люди братья». Так называется кантата Сарафанова, которую он пишет всю жизнь.

Вечная библейская тема отца и сына звучит у А. Вампилова настолько новаторски, наполняется таким высоким христианским смыслом, что пьеса по праву может быть отнесена к шедеврам русской драматургии наравне с классическими образцами Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, А. П. Чехова. Как удастся А. Вампилову проследить внутренне духовное родство Сарафанова и Бусыгина? Это сделано автором с большим тактом и мастерством.

Бусыгин — безотцовщина, его подкупает искрен-

няя радость Сарафанова при его появлении в семье. Герой никогда не переживал подобных семейных чувств, и они предстают под пером А. Вампилова как высшая ценность в общении людей друг с другом. Сарафанов называет обретение старшего сына «счастьем» и «чудом», а для Бусыгина он становится «святым человеком». За этой возвышенной лексикой скрывается глубокое, серьезное содержание: два понимания — чисто житейское и бытийное — спорят между собой, переплетаются, и в конце концов их диалог разрешается победой христианских начал в человеческих отношениях. Вместо разделения и отчуждения, характерных для начала комедии, семья Сарафановых обретает настоящую почву для дальнейшего возрастания и укрепления в добре, сострадании и милосердии.

По сравнению с Чеховым, на первый взгляд может показаться, что его ученик А. В. Вампилов, продолжатель его традиции, принципа использования подтекста и других художественных приемов, в чем-то полемизирует со своим предшественником, утверждая подобный оптимизм и гармонию в финале «Старшего сына». Но это впечатление требует корректировки. Положительный итог соединения чужих, «случайных» людей в одну счастливую семью — результат недюжинных духовно-нравственных усилий большинства персонажей. И в этом плане есть смысл более подробно остановиться на некоторых эпизодах пьесы.

Такова сюжетная линия Бусыгина и Кудимова, ведь именно последний тоже претендует на сыновство в семье Сарафановых, но не обретает его. Он — правильный человек, т. е. живущий по правилам: никогда не опаздывает, не врёт и т. п. Но эти замечательные качества перечеркиваются его самодовольством и самолюбованием, тщеславием и эгоцентризмом, когда ради собственного «правила» он способен ранить другого человека. Он и Сарафанов — герои-антагонисты; отец семейства — смиренный, а жених его дочери — гордец, в данном случае говорить о каком-то братстве невозможно. Бескомпромиссный борец за правду, Кудимов вызывает всеобщее неприятие, а совравший, согрешивший Бусыгин, чувствующий свою вину и желающий ее искупить, — не только понимание, но и любовь всех членов семьи. Бусыгин, органично вписавшийся в семью, не жалеет своих сил, чтобы помочь развязать непростые узлы человеческих судеб и тем самым сохраняет своим появлением семейное единство. В художественном мире А. Вампилова игра по правилам вызывает «окамененное нечувствие», уничтожающее сам смысл человеческих отношений, тогда как добродетели терпения и всепрощения восстанавливают их духовную основу. Поединок двух систем ценностей: внешних «правил» и идеала христианской праведности — завершается в пьесе А. Вампилова торжеством последней. И формулирует этот вывод, как и полагается,

глава семейства:

«Кто что ни говори, а жизнь всегда умнее всех нас, живущих и мудрствующих. Да-да, жизнь справедлива и милосердна. Героев она заставляет усомниться, а тех, кто сделал мало, и даже тех, кто ничего не сделал, но прожил с чистым сердцем, она всегда утешит» [4, 122].

В евангельских заповедях блаженств чистота сердца человека является непременным условием веры истинного христианина: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Однако выполнение этой заповеди, как и всех остальных, требует от души человека постоянной терпеливой работы над собой.

Вампиловский гимн терпению прозвучал в последней, любимой пьесе-завещании автора — «Прошлым летом в Чулимске». Ее герой, Владимир Шаманов, чем-то напоминает чеховского Иванова, это новый вариант типа «лишнего» человека, который остро чувствует свою ненужность и одиночество, в свои 32 года он хочет одного — уйти на пенсию. Его безразличие к миру явилось результатом безуспешной борьбы за справедливость, он опустил руки и не «потерпел» неудачи. Его любят две женщины, которые ради него готовы пожертвовать многим. Шаманов уехал из города в таежный поселок Чулимск, оставил свою жену и комфортное существование. В Чулимске он сошелся с Зинаидой Кашкиной, которая по-своему полюбила его. Но пьеса А. Вампилова написана ради другой героини — Валентины, образ которой наполнен как бы мерцающими христианскими смыслами. Валентина полюбила Шаманова беззаветной, самоотверженной любовью, но она понимает свое чувство не как желание завоевать его сердце любой ценой. У Валентины есть своя положительная жизненная программа, основанная на вере в возможность преображения каждого человека. Эта идея реализует себя в чудесно найденном автором символическом эпизоде: его героиня терпеливо, неустанно восстанавливает палисадник, который постоянно ломают посетители «Чайной». Показателен диалог главных героев, который за бытовым разговором скрывает по-чеховски глубокий подтекст.

«Шаманов. Валентина...

Вот я все хочу тебя спросить... Зачем ты это делаешь?

Валентина (не сразу). Вы про палисадник?.. Зачем я его чиню?

Шаманов. Да, зачем?

Валентина. Но... разве непонятно?

Шаманов качает головой: непонятно.

И вы, значит, не понимаете... Меня все уже спрашивали, кроме вас. Я думала, что вы понимаете.

Шаманов. Нет, я не понимаю...

Валентина (делаясь серьезной). Я чиню его, чтобы он был цельный.

Шаманов. Зачем, Валентина?.. Стоит кому-нибудь пройти, и...

Валентина. И пускай. Я почию его снова.

Шаманов. А потом?

Валентина. И потом. До тех пор, пока они не научатся ходить по тротуару.

Шаманов (качает головой). Напрасный труд...

Валентина. Неправда! Увидите, они будут ходить по тротуару.

Шаманов. Ты возлагаешь на них слишком большие надежды.

Валентина. Да нет же, они поймут, вы увидите. Должны же они понять — в конце концов. Я посею здесь маки, и тогда...» [4, 313–314].

В данном диалоге сталкиваются две уже отмеченные нами системы ценностей, конфликт которых стал традиционным для русской культуры. Сталкиваются рациональное, сугубо утилитарное понимание несовершенства мира и вера в то, что вселенское зло можно победить деятельным добром. Необходимо только терпение в восстановлении разрушенных связей между людьми. Валентина активно участвует в этом процессе преодоления отчуждения, равнодушия и безразличия. Точнее сказать, со-участвует, потому что ее труд, ее работа направлены на всех без исключения людей, это ее жизненный принцип, ее нравственная позиция. Ее чувство к Шаманову принципиально иное, чем у Кашкиной. Та любит героя эгоистически, только для себя самой, она тоже старается пробудить в нем другого человека, способного начать новую жизнь. Но эта позиция — сочувствия, а не соучастия — непродуктивна, и русская литература неоднократно доказывала это. В вышеприведенном рассказе Чехова «Нищий» именно эта коллизия является центральной в сюжете.

В пьесе Вампилова Кашкина звонит по телефону и рассуждает следующим образом:

«Роза, ты?.. Привет... Роза, у меня к тебе просьба. Сейчас к тебе придет один старик... Эвенк, очень старый. Он насчет пенсии. Не удивляйся. Ему надо помочь, если можно... Во всяком случае, выслушай его, посоветуй что-нибудь, **посочувствуй... Посочувствуй** старому человеку — это само по себе неплохо» [4, 326].

Кашкина посылает человека в райздрав за пенсией, заранее зная, что это бессмысленно. Но можно только посочувствовать другому, и совесть будет чиста. Ни автора, ни его главных героев эта позиция не устраивает.

Духовные, религиозно-нравственные мотивы искусно и органично вплетаются в сюжет вампиловской пьесы, и они требуют специального комментария. Под влиянием любви Валентины Шаманов перерождается мгновенно, в течение дня. Он говорит об этом Зинаиде, его монолог отличается исповедальностью: «...Этот мир я обретаю заново, как пьяница, который выходит из запоя. Все ко мне возвращается: вечер, улица, лес, — я сейчас ехал через лес, — трава, деревья, запахи — мне кажется, я не слышал их с самого детства...» [4, 346].

Шаманов определяет свое чувство к Валентине как **чудо**. А от чуда любви недалек путь и к обретенному главному источнику чудес — всемилостивого и всеблагото Отца Небесного. В пьесе это выражено в прямом обращении Шаманова к Валентине: «А Бог все-таки существует... Слышишь, Валентина? Когда я сюда подходил, я подумал: если Бог есть, то сейчас я тебя встречу... Кто докажет мне теперь, что Бога нет?» [4, 351].

Вся ситуация с возрождением в Шаманове внутреннего человека пронизана библейскими ассоциациями. Здесь и подтекст, в котором угадывается чудо превращения Савла в апостола Павла, и история возвращения блудного сына, который был мертв и вдруг ожил, в объятия Отца. Это и возможность соотнесения высказывания героя с началом 13 псалма: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог». Смысл этой параллели состоит в том, что истинная любовь исходит от Творца, Который никогда не посрамляет того, кто со смирением, терпением и твердостью в вере исполняет Его заповеди. Там, где человек уклоняется от праведного пути и действует по своей воле, его ожидают духовная смерть и безысходность страданий. Так жил Шаманов до встречи с Валентиной, но и сама героиня была вынуждена пройти путь отказа от служения людям как несения креста. Символически ее выбор был выражен опять-таки через бытовую деталь: уходя с Пашкой, она сама отказывается чинить забор.

Падением Валентины пьеса не могла быть закончена, Вампилов находит развязку, которая позволяет утверждать, что автор сознательно отстаивает в своей пьесе-завещании ее итоговый христианский смысл. Все люди — падшие создания, но если упал верующий во Христа, то он обязан встать. В финале Валентина возвращается к себе истинной: «спокойная, строгая», перед глазами почти всех персонажей пьесы она продолжает делать то, к чему призывает Евангелие — со смирением и терпением восстанавливать разрушенный мир. Духовный урок, который она дает окружающим, прежде всего воспринят Шамановым, в нем просыпается совесть, которая не позволяет ему мириться со злом, и она диктует ему выбор активного сопротивления всякой неправде.

В заключение хотелось бы подчеркнуть следующее: само название пьесы представляется нам концептуальным, она не могла быть названа ни именем героя, ни героини. В центре — районный город Чулимск, и это произошло потому, что, какой бы трогательной и пронзительной ни была история любви, она носит частный характер, содержание же пьесы выходит за эти рамки фабулы. Еще раз отметим, что в учении святителя Тихона Задонского добродетель терпения определяется как венец всех добродетелей, «оно бо более сохраняет общество, нежели оружие, **более защищает град, нежели стены**» [2, 1039].

Образно говоря, за вампиловский Чулимск можно не беспокоиться, в нем осталась праведница, которая усвоила основную христианскую истину: братолюбие зиждется на умении терпеть.

Учение святителя Тихона Задонского о грехах и добродетели для многих русских классиков оказалось духовным фундаментом их творчества. Традиционные ценности русского мира, развитые А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, Н. С. Лесковым, А. Н. Островским, А. П. Чеховым и др., не исчезли в советскую эпоху, а продолжали составлять ядро литературного процесса XX века, обретая в лице лучших его представителей новую жизнь и новое наполнение. Таков «театр» А. В. Вампилова, который в условиях партийной цензуры не изменил

идеалам духовной жизни человека, а приумножил их грани, восстанавливая вертикальные связи блудных детей смутного времени с вечным Отцом Небесным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А. П. Собрание сочинений: В 12 т.— Т. 5.— М.: Правда, 1985.
2. Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского.— М.: Самшит, 2000.
3. Чехов А. П. Собрание сочинений: в 12 т. / А. П. Чехов.— Т. 10.— М.: Правда, 1985.
4. Вампилов А. В. Прощание в июне. Пьесы / А. В. Вампилов.— М.: Транзиткнига, 2005.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

*Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department*

Styuflyayeva N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: stuf77@mail.ru

РОМАН С. А. АНДРЕЕВСКОГО «КНИГА О СМЕРТИ» В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Т. И. Скрипникова

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Поступила в редакцию 20 ноября 2024 г.

Аннотация: в статье выявляются модернистские тенденции в малоизученном автобиографическом романе С. А. Андреевского «Книга о смерти» (1922) — литературного критика, писателя, пришедшего из юриспруденции. Его литературно-критические статьи, стихотворения публиковались во многих известных и популярных периодических изданиях, заслужив высокую оценку современников, в частности А. Г. Горнфельда, З. Гиппиус, З. Венгеровой, Ф. Д. Батюшкова, Д. С. Мережковского и др. Эта тема представляет интерес для изучения реалистического искусства начала XX века, когда происходит активное взаимодействие писателей реалистического направления с новыми модернистскими течениями, в том числе с символизмом.

Ключевые слова: С. А. Андреевский, автобиографический роман, писатели «второго ряда», автобиографические материалы, эсхатологические тенденции.

Abstract: the article reveals modernist tendencies in the little-studied autobiographical novel by S. A. Andreevsky, "The Book of Death" (1922), a literary critic and writer who came from jurisprudence. His literary-critical articles and poems were published in many well-known and popular periodicals, earning high praise from his contemporaries, in particular A. G. Gornfeld, Z. Gippius, Z. Vengerova, F. D. Batyushkov, D. S. Merezhkovsky, and others. This topic is of interest for the study of realistic art of the early twentieth century, when there was an active interaction between writers of the realistic trend and new modernist trends, including symbolism.

Keywords: S. A. Andreevsky, autobiographical novel, second-tier writers, autobiographical materials, eschatological tendencies.

Русская литература чрезвычайно богата на таланты, поэтому часто произведения писателей так называемого «второго ряда» остаются незамеченными или вовсе навсегда забываются. Однако в связи с появлением все большего количества архивных источников и новых материалов происходит переоценка многих явлений культурного, литературного процесса начала XX века. «Объектом внимания становятся не только общеизвестные, значимые события и явления, но и малоизученные, например, деятельность писателей «второго ряда», в частности пришедших в литературу из юриспруденции. Достаточно назвать такие имена, как А. Ф. Кони, С. А. Андреевский, А. И. Урусов» [1, 3] Известно, что крупнейшие явления литературы складываются, в том числе, и из усилий малозаметных или ныне забытых писателей и литературных деятелей. Поэтому так важно понимать историко-литературное значение малоизвестных или вовсе канувших в лету произведений, их роль и место в литературном процессе своего времени. В связи с этим обращение к творчеству писателей и литературных деятелей в том числе «второго ряда» в связи с крупными именами, такими, например, как И. А. Бунин, представляется актуальным и обоснованным. Объектом исследо-

вания для нашей работы стал малоизученный, автобиографический роман «Книга о смерти» (1922) С. А. Андреевского — литературного критика, пришедшего из юриспруденции. Его литературно-критические статьи, публицистика, стихотворения публиковались во многих известных и популярных периодических изданиях, таких как: «Новое время», «Русская мысль», «Мир искусств», «Ежегодник императорских театров» и др. Некоторые из этих работ были включены автором в сборник «Литературные чтения» (СПб., 1891, третье и четвертое издания под названием «Литературные очерки», СПб., 1902, 1913) и заслужили высокую оценку современников, в частности А. Г. Горнфельда, З. Гиппиус, З. Венгеровой, Ф. Д. Батюшкова, Д. С. Мережковского и др.

Жанр автобиографического романа в русской литературе начала XX века стал важной составляющей в многообразии литературного процесса рубежа веков. «Тяготение к автобиографизму в разных его проявлениях охватило почти все наиболее значимые литературные течения эпохи», — писал Д. Максимов о литературной ситуации конца XIX — начала XX века [2, 46]. Действительно, использование автобиографических материалов в художественном творчестве становится закономерностью как в XIX веке, в реалистической, так и литературе Серебряного века. Традиция автобиографической прозы представле-

на, например, такими известными классическим произведениями, как «Былое и думы» А. И. Герцена, «Детство», «Отрочество», «Юность» Л. Н. Толстого, «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, «Лето Господне» И. С. Шмелева, «Детство», «В людях», «Мои университеты» М. Горького, «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина и др. Поэтому творчество С. А. Андреевского здесь не стало исключением, текст «Книги о смерти», представляющий собой образец мемуарной литературы, созданный на рубеже XIX–XX веков в традиционном ключе классической автобиографии, и главный герой, по замечанию самого автора, автобиографично точны от начала и до конца. Документальная в своей основе «Книга о смерти» написана в лучших традициях классической русской литературы XIX — начала XX вв., на что указывали еще критики-современники: Д. П. Святополк-Мирский, З. А. Венгерова, З. Н. Гиппиус, А. Ф. Кони и др., сравнивавшие мемуары Андреевского с произведениями И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, И. А. Бунина. Современников поразила не только основная тема и сосредоточенность автора на собственных чувствах и размышлениях, связанных с осмыслением религиозно-философских аспектов жизни и смерти, но и особый характер повествования, своеобразие языка «Книги о смерти». Например, Д. П. Святополк-Мирский в статье «Адвокаты-литераторы» писал о том, что в конце XIX — начале XX века в адвокатской среде сложилась корпорация блестящих ее представителей, снискавших славу самых лучших ораторов того времени, порой прибегающих и к чисто литературной работе. Критик считает, что в главном своем произведении «Книга о смерти» Андреевский раскрылся как изящный и тонкий прозаик, прилежный и умный ученик Лермонтова, Тургенева и Флобера. А глава о смерти его старшей сестры Маши, по мнению Д. П. Святополк-Мирского, «заслуживает высокого места в русской литературе. Она великолепна по искреннему анализу собственных чувств, по живости рассказа и по выдержанному ритму, которого не встретишь ни у Лермонтова, ни у Тургенева. ... Это одно из прекраснейших достижений русской прозы» [3].

Не обошел своим вниманием творчество С. А. Андреевского и его друг, известный юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор, судебный оратор А. Ф. Кони. В статье «С. А. Андреевский (По личным воспоминаниям)» он писал: «Книга о смерти» представляет многолетний отчет Андреевского самому себе о всех его переживаниях, изложенных с большою искренностью и чрезвычайной откровенностью. Она отчасти напоминает собою «Confession» [«Исповедь»] Руссо, будучи своего рода исповедью сына последнего века, с большой душой и скептическим умом. Хотя в ней много ярких воспоминаний о жизни, о встречах, о далеком детстве и юности, много живых описаний современной

автору «злобы дня», но она все-таки вполне оправдывает свое название. Да! Ее главное содержание — смерть — царит во множестве художественно и просто, прочувствованно и строго написанных страниц. <...> ...однако былая его безнадежность уступает в ней, не без колебаний, под несомненным влиянием впечатлений ранней молодости, взгляду, более успокоенному и примиренному с «таинственным руководством судьбы». <...> Кроме рассуждений о тех вопросах, которые Гейне называл «проклятыми» и остающимися без «прямого ответа», «Книга о смерти» заключает в себе ряд остроумных афоризмов и во многом поучительные для историка нашей общественности картины былого помещичьего быта и барской обстановки, а также меткие характеристики многих из современных автору заметных деятелей» [4].

З. Гиппиус в работе под названием «Всё непонятно. О Сергее Аркадьевиче Андреевском», в целом рассказывая об идее создания «Книги смерти» и о главе «Смерть сестры Маши», отмечала: «...написал «Смерть сестры Маши». «Само написалось», — говорил он. Прочитал в тесном кружке, у нас. Все мы пришли в восторг от художественности отрывка. <...>. В художественном отношении эта часть не хуже лучшего Бунина; но есть в ней еще воздушная тонкость, нездешнее очарование первой влюбленности, тень тени от крыла Эроса, — тотчас вырастающая в черную тень крыла Смерти. Это, конечно, лучшая глава книги. Лишь отдельные страницы из последующих можно поставить с ней рядом» [5, 3–5].

Необходимо отметить, что в первой новой книге 10 тома «Литературного наследства» (2019), посвященного И. А. Бунину, публикуются неизвестные ранее стихотворения и проза писателя, его неоконченные литературно-критические статьи. Важной находкой для нас явился тот факт, что сам И. А. Бунин в III части «Наброски, тематически близкие роману «Жизнь Арсеньева»» приведенной им фразой «Отдался течению дней» [3] цитирует С. А. Андреевского. В примечаниях Е. Р. Пономарева находим следующую информацию: «Цитируется «Книга о смерти» С. А. Андреевского. В оригинале: «Я отдался течению дней»... Это сочинение в жанровом плане (автобиографический нарратив, начинающийся с детства и юности) могло повлиять на замысел «Жизни Арсеньева»» [6, 200]. Мы вполне согласны с этим утверждением, «Книга о смерти», напечатанная в 1922 году, имеет художественные параллели с романом И. А. Бунина, написанным спустя несколько лет, в 1927 году: оба произведения скреплены общностью концепции, например, объединены усадебной и эсхатологической топикой и способом отражения событий авторской жизни — автобиографизмом. Только у И. А. Бунина — это автобиографизм вымышленного лица, в то время как у С. Андреевского — это реальная автобиография его самого.

Как известно автобиографический роман, отличающийся большим видовым многообразием, современные исследователи по праву считают важной составной частью литературного процесса начала XX века, актуализирующей образ усадьбы. В автобиографической литературе для создания целостного и емкого образа национальной жизни известные русские писатели конца XIX — начала XX веков часто прибегали к «усадебной топике», то есть изображению дворянского быта. Речь идет о преемственности литературных связей художников, типологическом родстве личностного и творческого менталитета их прозы, воссоздающей, с одной стороны, усадебный быт, с другой — бытие типического героя-современника и его философское осмысления мира в произведениях. Хрестоматийный образ помещицы усадьбы и ее обитателей, берущий свое начало со страниц А. С. Пушкина, И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, сложился к концу XIX — началу XX веков, наконец, в «систему устойчивых художественных символов и лейтмотивов», окруженных узнаваемым «образно-семантическим ореолом». Так в литературе рубежа «усадебная топика» преобразовалась в «усадебный миф» [6, 216]. «Книга о смерти» С. А. Андреевского представляет собой классический пример реалистического искусства начала XX века, активно взаимодействующего с новыми модернистскими течениями, в том числе с символизмом, когда превалируют не столько события, сколько впечатления, которые и вызывают ослабление фабулы, при этом главенствует не развитие событийного действия, человеческих отношений, «а динамика внутренней, прихотливо и напряженно текущей жизни героя, метаморфозы его настроений, ощущений, эмоциональных реакций» [7, 13]. Текст «Книги о смерти» С. А. Андреевского представляет собой сложно организованное целое, включающее в себя написанную преимущественно в традиционном ключе автобиографию, где Андреевский рассказывает о своих детских и юношеских годах, приводит заметки, дневниковые записи, связанные с конкретными событиями из своей жизни или его друзей и знакомых, все это перемежая с философскими размышлениями о смысле человеческой жизни. Материалом для мемуариста служат истории жизни и смерти реальных людей, которых он знал лично, с которыми был связан родством или дружбой (например, А. Ф. Кони, Е. Чаплин, П. А. Александров, А. И. Урусов). Нередко сходным побудительным мотивом для повествования становится осмысление произведений русских и европейских классиков, известия о смерти известных писателей (например, Л. Н. Толстого), посещение в Париже могил выдающихся людей (Ги де Мопассана, М. Башкирцевой). Так писатель в рамках модели автобиографизма обращается к значимым явлениям общественно-политической жизни страны, отражая, например, события первой русской революции, похороны российского импера-

тора Александра III. Таким образом, одним из специфических признаков модернизма «Книги смерти» является ослабление фабулы в тексте, когда главенствует не динамика внешнего событийного действия, человеческих отношений, а внутренняя, прихотливо и напряженно текущая жизнь героя, метаморфозы его настроений, ощущений, эмоциональных реакций. Одним из проявлений модернизма в русской литературе является и обобщенный взгляд на жизненный поток, воспринятый в единстве и одновременно в многообразии и изменчивости, а именно пристальное внимание к «обыденности». Отсюда принципиально новое отношение писателя в тексте к случайному, «незначительному», когда неважное и знаменательное присутствуют одновременно, охваченные обобщенным (исчерпывающим) взглядом художника, составляя в целом сложную картину полноты бытия. Это отчетливо проявляется у С. А. Андреевского в многочисленных живописных портретных и пейзажных зарисовках, в изображении деталей интерьера и многого другого. Например: «Яркое солнце светит на скатерть. Узкий стакан с белым вином отбрасывает длинную тень, на которой внизу горит желтый треугольник, как в зажигательном стекле. Вино искрится и отливает цветами на тонком хрустале. И когда, отпив вина, поставишь стакан, то на его тени бегают извилистые светлые жилки с темными краями, — отражение стекающих капель... Как велика жизнь, когда она проявляется в этих волшебных мелочах!» [3]. Так пристальное внимание авторов к «мелочи», детали, хранящейся в памяти, личный экзистенциальный опыт постижения ее «границы» порождает преобразенный памятью образ-проекцию на бесконечно переменчивое, обусловленное жизненными контекстами, бытие — символ жизни, радости, противопоставленное небытию, смерти.

Центральное место в произведении С. Андреевского помимо становления автобиографического героя и памяти занимает тема рода и усадьбы, а одной из главных сюжетных линий произведения является постоянное ретроспективное возвращение героя в родительское гнездо, родовое поместье. Действие в «Книге смерти» начинается, как это и положено в автобиографических романах, с первых детских воспоминаний об усадьбе и семье, сначала отрывочных, потом все более связных. Андреевский пишет, что детство его (до 9 лет) проходило в поместье Веселая Гора — чудесном, живописном селе на берегу Донца, с громадным барским домом в сорок комнат. «Здесь я проживал с прабабушкой и ее компаньонкой почти в полном одиночестве» («Книга о смерти») [3]. Усадебная жизнь семьи героя, как и полагалась в прежние времена, зиждилась на православном укладе, на соборном предстоянии детей и взрослых перед Богом. Последнее подразумевало участие всех членов семьи в церковных Таинствах, молитве, посте, трудах и праздничных приготовлениях, напри-

мер, к Светлому дню Рождества или Пасхе. Все это задавало ритм и составляло сущностное содержание семейного быта, построенного в соответствии с православным церковным календарем, одухотворяло его, наполняя глубоким внутренним смыслом. «К Пасхе приготавлился длинный стол с волшебными блюдами и вокруг масляного барашка клалась первая травка — кресс-салат, — которую заранее сеяли в цветочный горшок и затем выращивали под стеклянной запотелой банкою на том окне, на котором чаще всего светило солнце. И эта курчавая нежная травка пахла такую свежую крепостью!» [3].

Последовательность фрагментов “Книги смерти”, хронологически обусловленной жанром, часто дается чисто ассоциативно, что способствует воссозданию не связанных между собою «впечатлений бытия», неразрывно связанных с главными темами, обозначенными в заглавии книг — темами жизни и смерти. Интерес к эсхатологической топике был характерен для многих известных деятелей культуры и модернистской литературы рубежа веков, тема смерти часто становилась предметом обсуждения в различных религиозно-философских и литературно-художественных собраниях. «Эсхатологичность революционной эпохи проявилась в трех предложенных историческим Апокалипсисом вариантах подхода к теме смерти, представленных в трех основных направлениях движения литературного потока: в модернистском, прежде всего символистском; в классическом, продолжающем реалистическую традицию; и в только зарождающейся, находящейся на стадии становления массовой литературе» [8, 68]. Характерной особенностью «Книги смерти» является то, что писатель пытается осмыслить явление эсхатологизма в произведении в контексте всей своей жизни. Ключевым переживанием героя, определяющим сюжетное и символическое содержание структуры автобиографического текста, становится смерть во всей ее материальной подлинности и грубости и в то же время в ее связи с жизнью, молодостью, непрерывностью бытия. Известно, что эта тема получает особое идейное и композиционное воплощение в автобиографической прозе о детстве, актуализирующей тему усадьбы, в творчестве многих известных писателей. «Художественное воссоздание мотива смерти в детских переживаниях автобиографических героев определяет глубину экзистенциального опыта, а также яркость истока формирования стиля и мироощущения писателя» [9, 79–84]. Неслучайно у главного героя в «Книге смерти» с раннего детства слово “мертвый” вызывало чувство холода и грусти. «Первый покойник», о котором услышал юный Андреевский, был дедушка Андрей Яковлевич, бывший владелец Веселой Горы, затем в первом томе показана череда смертей (полугодовалый ребенок тетки Евгений, убитый родной дядя по матери — Родион, смерть

от тифа одноклассников, от чахотки учителя математики, затем шестилетнего брата от дизентерии и др.). Необходимо заметить, что вся вторая глава полностью посвящена подробному описанию болезни, умирания и похорон старшей 17-летней сестры Андреевского Маши.

Мотив смерти является важным структурно-семантическим компонентом автобиографического текста в русской литературе, онтологическим событием, знаменующим собой окончание детства героя, начало нового этапа в жизни (например, у Л. Н. Толстого в повести «Детство» «счастливая пора детства» Николеньки Иртеньева заканчивается после кончины матери, через 3 дня все возвращаются в Москву). В «Книге смерти» утрата сестры также знаменует собой новый период учебы и взросления героя. По мысли П. М. Бицилли, с тайной смерти особой диалектикой мистики связана тайна рождения. «Исходным пунктом диалектической работы в этом направлении служит основная идея мистики смерти: смерть есть рождение в новую жизнь. *Stirb und werde!*» (Умири и стань!) (нем.) [10, 181]. Примечательно, что в первых главах «Книги смерти» С. Андреевского, как и в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», который ранее в литературной параллели уже приводили в работе, есть абсолютно схожие по смыслу и глубине авторского замысла высказывания: «Не рождаемся ли мы с чувством смерти? А если нет, если бы не подозревал, любил ли бы я жизнь так, как люблю и любил?» («Жизни Арсеньева») [11, 7]. «Словом, та именно жизнь, которую мы теперь так страстно любим, ни под каким видом не могла бы быть такою, как теперь, если бы не было смерти» («Книга о смерти») [3].

Полоса социального пессимизма, сгустившаяся атмосфера отчаяния, ощущение свершившейся катастрофы и утрата веры в завтрашний день заострили внимание известных писателей и поэтов начала XX века на вечной теме смерти, в трактовке которой появились новые оттенки. «Революция и война воздвигли вокруг свидетеля народившегося века живые картины изображающей смерти. В искусстве авангарда рухнули классическая геометрия прямой перспективы и эстетика жизнеподобия. <...> Мифология мирового зла, Танатоса и эстетские программы суицида заняли в быту и творчестве символистов центральное место» [12, 18]. Отражением концентрации апокалиптических тенденций в литературе стал, например, альманах с символическим названием «Смерть» (1910), где, по выражению критики, поэты, прозаики и публицисты разных литературных лагерей «кокотничали со смертью». В нем в широком диапазоне были представлены все вариации модной темы: «от бессильно-фаталистического приятия неизбежной смерти» («Земная» В. Муйжеля) и «пронзительного декадентского страха» перед ней («Западная» Г. Чулкова) до извращенной поэтизации

(«Страдания» Н. Архипова) и цинично-величавой проповеди («Смерть старика Тона» А. Каменского)» [13, 593]. Альманах содержит также 3 статьи В. Розанова, И. Репина, Н. Абрамовича, посвященные одному герою — смерти. В статье «Смерть» художник И. Репин пишет: «Только у животных, у диких да у нас, русских, жизнь не имеет никакой цены. Особое счастье полудиких — в преступности <...>; в грабежах, в убийствах дикарь срывает свою злобу на все, что подвергается ему укором его злодейству. <...> Завладеть всем и загадить *все собою*... Может ли быть что-нибудь отвратительнее такого бессмертного!!» [12, 229]. Н. Я. Абрамович в эссе «Смерть и художники слова “Взыскующие Града”» отмечает: «Но пока что — века за веками — из тесноты кишащей на земле человеческой жизни раздаются крики тоски и алкания... А отъединившиеся в пустынях отшельники страдают пустотой своего одиночества при незаглушаемом душевном голоде» [12, 219]. В статье «Смерть» философ В. Розанов также делает страшное заключение: «Смерть — ужас, безобразия, разлом. Смерть — катастрофа. Всякая. Для всякого. Смерть — зло, которое приходит разрушить жизнь, а точнее, конкретную частную жизнь... Смерть вырывает человека из тепла, уюта и любви, поэтому главное отношение к смерти — ужас [12, 180].

С. А. Андреевский в своем творчестве, модернизируя автобиографический жанр, не прошел мимо эсхатологических тенденций начала XX в. Однако в отличие от упомянутых художников Серебряного века в «Книге смерти» нет отказа от христианского взгляда на вечную жизнь, скорее наоборот, показано принятие смерти, которая для него не менее значительна и таинственна, чем жизнь, обозначено философское смирение перед неизбежным. Доминантой «Книги смерти» является сама жизнь, наполненная «случайностями», на первый взгляд незначительными событиями, конечная в эмпирическом времени, но бесконечная в Боге. Незадолго до смерти (9.11.1919 г.) С. А. Андреевский сказал: «Но после долгих терзаний, в конце концов, я чувствую, что со смертью мы отходим к Богу, под его крыло. Из-под этого крыла мы вышли на свет — и под него укроемся... Да будет!» [3]

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Скрипникова Т. И., к. филол. н., доцент кафедры русского и иностранного языков

E-mail: skripnikova77@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Жиглий Ю. В. Литературно-критическая деятельность С. А. Андреевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Жиглий Ю. В.; Казанский гос. ун-т. — Казань, 2006. — 24 с.
2. Максимов Д. Е. Идея пути в поэтическом сознании Блока / Д. Е. Максимов // Блоковский, сборник, том 11. — Тарту, 1972. — С. 25–122.
3. Андреевский Сергей Аркадьевич: Собрание сочинений / С. А. Андреевский. — Режим доступа: http://az.lib.ru/a/andreewskij_s_a/index.shtml#gr5. (Дата обращения 20.11.2024).
4. Кони А. Ф. Воспоминания о писателях / А. Ф. Кони / Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. — М.: Правда, 1989. — 656 с.
5. Гиппиус З. Н. Звено. «Все непонятно. О Сергее Аркадьевиче Андреевском» // Гиппиус З. Н. Париж, 1926. — 9 мая. — № 171.
6. Литературное наследство/Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. — М. 1931. Том 110: И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Кн. 1. — М.: ИМЛИ РАН, 2019. — 1184 с.
7. Кундаева Н. Н. Жанровые тенденции в русской малой импрессионистской прозе первой трети XX века: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2013.
8. Цветова Н. С. Эсхатологическая топика русской традиционной прозы второй половины XX в. — СПб.: Факт филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 220 с.
9. Кудряшова А. А. Стилистическое своеобразие мотива смерти в автобиографической прозе Л. Н. Толстого и И. А. Бунина // Приволжский научный вестник. — Том 2–2013. — № 8 (24). — 346 с.
10. Бицилли П. М. Трагедия русской культуры: исследования, статьи, рецензии / сост., вступ. ст., коммент. М. Васильевой. — М.: Рус. путь, 2000. — 608 с.
11. Бунин И. А. Собрание сочинений в 9 томах / И. А. Бунин. — М.: Художественная литература, 1966. — Т. 6. — 340 с.
12. Исупов К. Г. Русская философия смерти (XVIII–XX вв.) / К. Г. Исупов // Русская философия смерти. Антология / Сост., вступ. ст., коммент. К. Г. Исупова. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. — 664 с.
13. История русской литературы: В 4-х томах. Т. 4: Литература конца XIX — начала XX века (1881–1917) / Редкол.: гл. ред. Н. И. Пруцков и др.; Ред. тома К. Д. Муратова. — Ленинград: Наука, 1983. — 782 с.

Voronezh State Agrarian University named after Peter the Great

Skripnikova T. I., Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages

E-mail: skripnikova77@rambler.ru

ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЙ В «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» И. С. ШМЕЛЕВА

Сюе Чэнь

Педагогический университет Центрального Китая

Поступила в редакцию 4 июня 2023 г.

Аннотация: цель статьи заключается в выявлении художественной специфики заглавий в «Солнце мертвых» И. С. Шмелева. Ключевые лексемы «солнце» и «мертвых», объединенные в заголовочный комплекс, коррелируют с изображением искаженного крымского бытия начала 1920-х годов, выступают как лейтмотивы повествования, несут в себе апокалиптическую эсхатологию. Приведен литературный контекст интерпретации солярного мотива как маркера моральности (Гомер, Данте, И. Бабель, А. Ширяевец и др.).

Ключевые слова: заглавие, «Солнце мертвых», И. С. Шмелев, бытие, Крым.

Abstract: the purpose of the article is to identify the artistic specifics of the titles in the "Sun of the Dead" by I. S. Shmelev. The key lexemes "the sun" and "the dead", combined in the title complex, correlate with the image of the distorted Crimean existence of the early 1920s, act as the leitmotives of the narrative, carry an apocalyptic eschatology. The literary context of the interpretation of the solar motif as a marker of morality (Homer, Dante, I. Babel, A. Shiryayevets, etc.) is given.

Keywords: title, "The Sun of the Dead", I. S. Shmelev, genesis, Crimea.

Иван Сергеевич Шмелев – один из самых ярких и влиятельных представителей русской литературы зарубежья. До октябрьской революции писатель уже завоевал себе всероссийскую известность. После эмиграции Шмелев создал ряд замечательных произведений, которые активно изданы и переведены на более десяти европейских языков. Среди них повесть «Солнце мертвых» (1923), которая принесла ему всеевропейскую славу и вызвала огромный резонанс среди читателей и критиков. Впервые повесть была напечатана в парижском альманахе «Окно» (1923. № 2; 1924. № 3), в 1924 г. вышла отдельной книгой, вскоре была переведена на многие иностранные языки. В повести «Солнце мертвых» (1923) И. С. Шмелева изображается крымское бытие конца 1920–1921 гг., представляющего собой единую для крымчан, животных, природы картину мира; формирование литературного контекста, характеризующего литературу СССР и русской эмиграции первой «волны». Текст представляет собой комплекс общих для литературы 1920-х годов и самосознания эмигрантов вопросов. Шмелев запечатлел в повести общественно-политическую жизнь страны во время Гражданской войны, эпизоды личной жизни и жизни жителей Крыма. Восприятие бытия пронизано религиозным чувством и философскими размышлениями. В заглавии повести уже заключен ассоциативный образ с библейскими текстами и славянской мифологией.

По определению С. Кржижановского, «десяток-другой букв, ведущих за собой тысячи знаков текста,

принято называть заглавием» [1, 3]. Лапидарность заглавия, как правило, выражает суть текста. Акцентируя внимание на внутренней связи книги и ее заглавия, С. Кржижановский прибегал к выразительному, но не вполне исчерпывающему заключению: «книга и есть — развернутое до конца заглавие, заглавие же — стянутая до объема двух-трех слов книга» [1, 3]. Заглавие книги представляет собой сильную позицию ее содержания. В заглавии повести Шмелева лексемы «солнце» и «мертвых» обозначены как семантическое целое, наделенное *символическим* смыслом. Как отметил И. Ильин, «заглавия Шмелева всегда символически существенны и центральны: они выражают главное содержание художественного предмета» [2, 159]. Символические значения образа «солнце» в заглавии повести Шмелева вырастают из *реального* бытия и авторского размышления о ценности человека в социальном катаклизме, из *библейских* сюжетов и образов, из *мифопоэтики* народов мира. По мысли М. Элиаде, символическое мышление органично человеку, поскольку первично в его когнитивной практике, «предшествует языку и описательному мышлению» [3, 129]. Символ в системе образов может быть оптимальным средством выражения и обобщения событий и явлений, как заметил М. Элиаде, в символе запечатлены глубинные «аспекты реальности, не поддающиеся иным способам осмысления», а функциональность символа заключается в «выявлении самых потаенных модальностей человеческого существа» [3, 129]. Приходим к несомненному выводу, что заглавие с лексемами «солнце» и «мертвых» отражает живую реальность в Крыму 1920-х годов.

Мы исходим из того, что, по выражению Кржижановского, «заглавное слово должно быть так относимо к словам текста, как слова текста к разрабатываемому книгой слою слов жизни» [1, 17]. Парадоксальное словосочетание «солнце мертвых» коррелирует с темой искаженного крымского бытия начала 1920-х годов. В повести образ солнца наделен неоднозначностью, он выполняет две противоположные функции. Во-первых, солнце выступает как космическое светило и «ориентир течения времени» [4, 107] в сознании персонажей. Это солнце живых. Во-вторых, оно является свидетелем трагедии крымчан, проводником человека в царство мертвых. Это солнце мертвых.

Солярная образность широко представлена в русской прозе и поэзии. До появления повести в литературе XX в. уже прозвучали «Аромат солнца» (1899), «Солнце удалилось» (1902) и другие стихотворения в составе книги «Будем как солнце» (1903) К. Бальмонта, его же «Сонеты солнца, меда и луны» (1917); «Золото в лазури» А. Белого (1904); «Солнце светлое восходит...» (1904) и «Два солнца горят в небесах...» (1904) Ф. Сологуба; «Дети солнца» М. Горького (1905); цикл «Солнце-сердце» (1905–1907) Вяч. Иванова с рядом стихотворений, в заглавиях которых есть лексема «солнце»; «Солнцеворот» (1917) В. Брюсова и др. Можем предположить, что Шмелев был знаком с интерпретациями солнца в произведениях современников и с народной солярной мифологией. И заглавие, и собственно образ солнца в его повести соотнесены с неоднозначными мифопоэтическими представлениями о солнце.

В художественном тексте заглавие может соотноситься с авторской концепцией, сюжетом, системой персонажей и главным действующим лицом, спецификой эпохи, оно может содержать диалогичную фразу (например, «Что делать?») [5, 64], но может быть направлено и вовне произведения — соотноситься с литературным контекстом. С одной стороны, в художественных текстах отражена жизнеутверждающая сила солнца, его образ символизирует красоту природы, использован в философских размышлениях о взаимоотношениях природы и человека. Например, у Пушкина «Мороз и солнце; день чудесный!..» («Зимнее утро», 1829); у Тютчева «Сияет солнце, воды блещут, / На всем улыбка, / Жизнь во всем» («Сияет солнце, воды блещут...», 1852), «Солнце светит золотое» («Тихо в озере струится...», 1866), «И солнце нити золотит» («Весенняя гроза», 1828); в поэзии Фета «Солнце теплое ходит высоко / И душистого ландыша ждет» («Весенние мысли», 1848); в лирике Бальмонта — «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце / И синий кругозор» («Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...», 1903).

С другой — солнце изображается светилом мертвых. Обратимся к народным представлениям о солнце, коррелирующим с семантикой заглавия повести: «По народным представлениям, <солнце> опускает-

ся на ночь под землю или в море. В связи с этим оно, как и луна, в некоторых случаях осмысливается как светило мертвых. В похоронных причитаниях девушка-лебедушка после смерти удаляется «За горюшки она за высокия, / За облачка она за ходячии, / К красну солнышку девица во беседушку, / К светлу месяцу она в приберегушку!» [6, 362]. Д. Мережковский также соотносил солнечные лучи с танатологией: «Мы — над бездною ступени, / Дети мрака, солнце ждем, / Свет увидим — и, как тени, / Мы в лучах его умрем» [7, 737] («Дети ночи», 1895). О. Манделштам ввел в поэтический текст образ черного солнца и придал ему негативную коннотацию стихии страсти: «Страсти дикой и бессонной / Солнце черное уйдем», «Солнце черное взошло» [8, 108] («Как этих покрывал и этого убора...», 1915). Этот же образ есть у М. Цветаевой: «Ночь! Я уже нагляделась в зрачки человека! / Испепели меня, чёрное солнце — ночь!» («Бессонница», 1916) [9, 69]. Символичен образ черного солнца в «Тихом Доне» (1928–1932, 1940) М. Шолохова. В «Одиссее» Гомера образ закатного солнца — предвестие тьмы, сопровождающей героя в царство мертвых: «солнце померкло и тьма наступила <...> и все потемнели дороги» [10, 93]. По мнению А. Н. Робинсона, в «Слове о полку Игореве» судьба сыновей Святослава зависит от знамений солнца, образу солнца придана смертность. В «Божественной комедии» Данте Алигьери мотив солнца связан с пространством царства мертвых. В латинском, греческом, древнеиндийском языке одно из значений слова «солнце» соотносится с понятиями «подземный мир», «царство смерти», «загробный мир» [11, 210]. Шмелев создал образ солнца, символизирующий смерть, но солнце мертвых в его повести — не деталь, не эпизод, а лейтмотив.

Функциональность заголовка заключена в краткой интерпретации темы. В заглавии повести сочетаются лексемы «солнце» и «мертвые», они же являются ключевыми словами в тексте. Слово «солнце» встречается в повести 126 раз. Помимо его частотности в повествовании, помимо его символического содержания отметим следующую особенность: солнце — реальная данность, соотносящаяся с климатической спецификой Крыма. Сюжет развивается на южном берегу полуострова (в Алуште), которому свойствен субтропический средиземноморский климат с большим количеством солнечных дней в году.

Слова «мертвый», «мертвец», «помертветь» встречаются 32 раза. Слово «смерть» — 56 раз. Образ, давший название повести, упомянут в главах «Что убивать ходят» и «Хлеб с кровью»: «Вижу в ваших глазах оловянное солнце, солнце мертвых. Никогда не вспыхнет оно, живое, как вспыхивало даже в моей Торпедке, совсем незнайке!» [12, 481]; «Никто не придет из далей. И далей нет... Воистину — солнце мертвых! Самые дали плачут» [12, 621]. Заголовочный комплекс, отражая семантические и ситуативные особенности повести, акцентирует внимание на оксюморонности

бытия — сочетании взаимоисключающих понятий «жизнь» и «смерть», на восприятии самого солнца как смертельной реальности. Он отражает экзистенциальное и онтологическое содержание повести. Экзистенциальное (лирическое) содержание подчеркнуто дневниковым характером описания авторских восприятий, сомнений и озарений рассказчика; онтологическое соотносено с жанровым подзаголовком «эпопея», философскими коннотациями пейзажей, религиозной темой, описанием повседневности как бытия многонационального Крыма.

Заглавие повести *объединяет в целостный текст* самостоятельные в сюжетном и лирико-интеллектуальном отношении эпизоды и коррелирует с содержанием и заголовками по всему тексту. В повести нет основной событийной линии, повествование осуществляется как поток сознания и восприятия рассказчика, в форме внутреннего монолога, однако все главы последовательно связаны. Поэтика заглавия повести подтверждает выводы С. Кржижановского о том, что «заглавная строчка, требующая книги, возникающая в сознании писателя как некий императив, постепенно в процессе работы, прикрепляет к себе главу за главой, ищет их на разных путях, как локомотив, собирающий свой подвижной состав» [1, 22]. В повесть входит 35 глав. Их заглавия соотносены с лейтмотивами (солнце, смерть, жизнь, голод, насилие), которые составляют основу содержания повести и ее композиции.

В первых шестнадцати главах действие происходит в некий день августа. Повествование начинается (глава «Утро») со сна рассказчика о солнце с подводным светом и бледной жутью, тогда как в реальности светит восходящее ослепительное солнце. В следующей главе («Птицы») главный «персонаж» — павлин, с трудом приспособившийся к голодной жизни там, где все выжжено солнцем. Далее (главы «Пустыня», «В виноградной балке») описано опустошенное пространство человека (в виноградной балке солнце выжгло виноградные лозы), где «смеется солнце» [12, 467], оно «умеет смеяться», «обманывает» [12, 471]. В главе «Хлеб насущный» описаны голодные дети, голодные курочки, им противопоставлен ястреб, на крыльях которого отливает солнце. В главе «Что убивать ходят» появляется тема карателей: при жгучем солнце, которое «плавится и играет в море» [12, 480] и от которого глаза как оловянная ложка, «пришли и в городок люди, что убивать ходят» [12, 478]. «Нянины сказки» начинаются с ожидания, когда скроется солнце, даны образы умирающего с голоду человека, умирающих коней, голодных мальчиков, грызущих копыто и кости. В главе «Про Бабу-Ягу» мотив русских интеллигентов-мечтателей — насельников татарской земли — опять же соотносён с мотивами репрессий и солнца, которое помнит антропофага Бабу-Ягу. В следующих главах («С визитом», «Моменто мори», «Сады миндальные») рассказано

об истории доктора, чья гибель предсказана угасающим солнцем. В «Волчьем логове», «Чудесном ожерелье» образ солнца вновь окрашен смертностью: «<...> какой же погост огромный! И сколько солнца!» [12, 516]. В главах «В глубокой балке», «Игра со смертью» и «Голос из-под горы» даны истории семерых узников, молодого писателя Шишкина, почтальона Дрозда в сопровождении мотива солнца, поднимающегося над горами; упомянуто солнце над убитым фабрикантом.

Сквозной мотив повести — смерть или близкое к ней состояние жителей Крыма. В главах «На пустой дороге», «Миндаль поспел», «Жил-был у бабушки серенький козлик» действие происходит в сентябре, описаны голодающие жители, радующиеся «собачине»; в следующих главах — зимой, когда приближается конец всех в адском кругу, что отражено в заглавиях «Конец павлина», «Круг адский», «Конец Бубика», «Земля стонет», «Конец доктора», «Конец Тамарки», «Хлеб с кровью», «Три конца» и др.

Вместе с тем ряд заглавий («Жива душа!», «Праведница-подвижница», «Тысячи лет тому...») выражает идею жизнеутверждения, противостояния «кругу адскому». Восход солнца в начале произведения и заход солнца в его конце образуют кольцевую композицию повествования и демонстрируют неумирающий космический порядок. Название последней главы «Конец концов» коррелирует с апокалиптической эсхатологией: вслед за концом света Иоанн Богослов видит новое небо, новую землю, Новый Иерусалим, что символизирует спасение народов. В повести Шмелева «тощее солнце светит, больное, мертвое» [12, 630], но в «конце концов» наступает весна — вестница новой жизни. Как писал Ильин, «заглавие “Солнце мертвых” — с виду бытовое, крымское, историческое, таит в себе религиозную глубину: ибо указывает на Господа, живого в небесах, посылающего людям и жизнь, и смерть» [2, 159].

Подзаголовок представлен жанровым определением — *эпопея*. Он, как и заглавие, отражает сильную позицию содержания повести. Шмелев настаивал на этом определении и после издания повести: «<...> это — *эпопея*, ибо захватывает эпоху, *весь* народ, скажу — мир!» [13, 301]. Несмотря на то, что по формальным признакам жанр определяется как повесть, полагаем, что авторское жанровое определение текста «эпопея» убедительно. Как считает С. И. Кормилов, повесть Шмелева сочетает в себе очерки лирического и трагического содержания, окрашенные прежде всего «глубоко личностной интонацией» [14, 30], но не эпической объективностью, что не отвечает типологии эпопеи, но выражает, скорее всего, изображение судьбы народа. Анализируя специфику повести Шмелева, Р. Горюнова полагает, что жанр произведения прежде всего определяет тема национальной истории, в которой проявился как географический, так и трагический пафос. Эпопеи Шмелева

придана трагичность через описание личных судеб персонажей. При этом в повести эпопея народной судьбы складывается из судеб конкретных людей. Н. М. Солнцева акцентирует внимание на том, что Шмелев описывает как «трагизм собственного существования» [15, 122], так и катастрофу, которую пришлось испытать народу. Отметим, что в повести достаточно много персонажей, их количество могло составить романную систему персонажей.

В произведении Шмелева сочетаются личная судьба, исторический фон, бытовые картины, философские и лирические размышления о разрушении культуры и цивилизации, изображение пейзажей. При этом все описанное Шмелевым отражает как совокупность частных событий, так и судьбоносное для народа и страны событие, составляет картину бытия. Как полагал Г. Гачев, предмет эпопеи составляет не действие (под ним он понимает судьбу), а «бытие во всем объеме» [16, 161] (под бытием он понимает событие). В описании картины мира крымчан начала 1920-х годов показаны доминанты, определяющие такое бытие, а внимание автора сконцентрировано не столько на действии, сколько на бытийных вопросах. С древней эпопеей как собранием сказаний «Солнце мертвых» сближает объединение автономных историй в единое целое. Однако эпопею нового времени характеризуют «многоголосый человеческий хор» [17, 1238], большой объем (листаж эпопеи может исчисляться томами), тогда как для повести характерен умеренный, средний объем; повесть определяется как жанр, «промежуточный между рассказом и романом» [14, 752], что свойственно «Солнцу мертвых». Кроме того, в произведении Шмелева изображен не такой большой временной период, как в эпопее, ограничен круг персонажей, нет массовых сцен, нет широкого пространственного охвата, что отличает «Солнце мертвых» от эпопеи.

Таким образом, в заглавии «Солнце мертвых» И. С. Шмелева фокусируется символический смысл и сама крымская реальность во время Гражданской войны. Заглавие повести соотнесено с литературным контекстом, солярной мифологией жизнетворения и смертности, выражает идею дуальности бытия, объединяет сюжетно автономные главы в целостное произведение. Названия и лейтмотивы глав коррелируют с заглавием повести. Композиционная роль заголовочного комплекса состоит в объединении самостоятельных сюжетных ситуаций и лирических фрагментов в единый текст. Жанровый подзаголовок «эпопея» отражает авторскую точку зрения на масштабность событий 1920–1921 гг. и судьбу народа.

*Педагогический университет Центрального Китая
Сюе Чэнь, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы
E-mail: xuechen0430@yandex.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий / С. Д. Кржижановский. — М.: Никитинские субботники, 1931. — 36 с.
2. Ильин И. А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев / И. А. Ильин. — М.: Скифы, 1991. — 216 с.
3. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское / М. Элиаде / Пер. с франц. М.: Ладомир, 2000. — 414 с.
4. Федотов О. И. Черное солнце Ивана Шмелева / О. И. Федотов // Вестник московского университета. Сер. 9. Филология. — 2013. — № 4. — С. 93–109.
5. Бабичева Ю. В. Поэтика заглавия / Ю. В. Бабичева // Вестник ТГПУ. Сер. Филология. — 2000. — С. 61–64.
6. Топорков А. Л. Солнце / А. Л. Топорков // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М.: Эллис Лак, — 1995. С. 361–363.
7. Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы / Д. С. Мережковский; вступ. ст., сост и примеч. К. А. Куман. — СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000. — 926 с.
8. Мандельштам О. Сочинения: в 2 т. / О. Мандельштам. — Т. 1. — М.: Художественная литература, 1990. — 638 с.
9. Цветаева М. И. Сочинения: в 2 т. / М. И. Цветаева. — Т. 1. — М.: Художественная литература, 1980. — 575 с.
10. Гомер. Одиссея / Вступ. ст. С. Маркиша; примеч. С. Ошерова. М.: Эксмо, 2018. — 702 с.
11. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. — М.: ВЛАДОС, 1996. — 416 с.
12. Шмелев И. С. Солнце мертвых // Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 5 т. — Т. 1. — М.: Русская книга, 1998. — С. 453–636.
13. И. С. Шмелев и О. А. Бредиус-Субботина. Роман в письмах: в 2 т. — Т. 1. — 1939–1942. — М.: РОССПЭН, 2004. — 760 с.
14. Кормилов С. И. Русская литература 20–90 годов XX века: Основные закономерности и тенденции / С. И. Кормилов // История русской литературы XX века (20–90-е годы): Основные имена. — М., 1998. — 283 с.
15. Солнцева Н. М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество / Н. М. Солнцева. — 510 с.
16. Гачев Г. Д. Содержательность формы (Эпос. «Илиада» и «Война и мир» / Г. Д. Гачев // Вопросы литературы. — 1965. — № 10. — С. 149–170.
17. Кожин В. В. Эпопея / В. В. Кожин // Литературная энциклопедия терминов и понятий. — М.: Интелвак, 2001. — С. 1236–1238.

*Central China Normal University
Xue Chen, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer
of the Russian Language and Literature Department
E-mail: xuechen0430@yandex.ru*

СВЯЩЕННЫЕ ТАЙНЫ КОРАНА В СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ И. А. БУНИНА «ИСЛАМ»

О. Н. Фенчук

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 октября 2024 г.

Аннотация: в данной статье речь идет о произведениях И. А. Бунина, связанных с загадочными символами и эмблемами Корана. Ислам в его стихах становится понятным европейцу благодаря прекрасному стилю письма. Познания писателя в области древних символов позволили ему расшифровать суть восточных культурно-исторических картин, артефактов и религиозных концепций. Иван Бунин создал яркие поэтические образы, представляющие Священную книгу мусульман. Эти стихи написаны в традициях восточных культур. Произведения, основанные на цитатах из Корана, передают смысловую канву оригинала. Талант писателя — это лаконичность поэтических фраз и умение передать в стихах суть ислама.

Ключевые слова: знак, ислам, символ, запах, традиция.

Abstract: in this article we are talking about Bunin's works associated with cryptic symbols and emblems of the Quran. Islam in his poems becomes closer to the European, thanks to the excellent writing style. Thanks to the knowledge of the writer in the field of ancient symbols, he deciphered the essence of eastern cultural-historical paintings, artifacts and religious concepts. Ivan Bunin has created a vivid poetic image representing the Sacred book of Muslims. These verses are written in the tradition of Eastern cultures. Works based on quotations from the Quran convey the semantic outline of the original. The talent of the writer is concise poetic phrases, and the ability to convey the essence of Islam in verse.

Keywords: sign, Islam, symbol, smell, tradition.

Иван Алексеевич Бунин — поэт широкого художественного диапазона и разносторонних философско-религиозных взглядов. Более сорока его стихотворений посвящены теме ислама. Хотя произведения поэта принадлежат к реалистическому направлению русской литературы, в них можно обнаружить и многочисленную символику. В стихотворениях мусульманской тематики присутствует обширная система символов. Эта символика связана с кораническими текстами, исламскими святынями, выражается в чувственном восприятии.

И. Б. Ничипоров справедливо считает, что «бунинские образы-символы не поддаются внешней интеллектуальной расшифровке, как это порой бывало в поэзии символистов (взять, к примеру, некоторые образы А. Белого), но неотделимы от целостного восприятия конкретно-вещественного и бесконечного, предельно явленного и предельно сокровенного [1, 56–57. Курсив в оригинале. — О. Ф.]. Т. е. следует говорить о вещественности и конкретности символа, привязке его к «земному», а не к мистически-иррациональному кругу явлений.

В апреле 1903 г. И. А. Бунин впервые отправился в Турцию. Впоследствии В. Н. Муромцева вспоминала: «Он взял с собой книгу персидского поэта Саади «Тезкират», он всегда, когда отправлялся на Восток,

возил ее с собой. Он высоко ценил этого поэта, мудреца и путешественника, «усладительного из писателей». «Родившись, употребил он тридцать лет на приобретение познаний; тридцать — на странствования и тридцать — на размышления...» [2, 226]. Поэт с жадностью погрузился в культуру Востока: «Он в первый раз целиком прочел Коран, который очаровал его, и ему хотелось непременно побывать в городе, завоеванном магометанами, полном исторических воспоминаний, сыгравшем такую роль в православной России, особенно в Московском царстве» [2, 219]. Во время этой поездки и от впечатлений путешествия Иван Бунин написал несколько стихотворений, среди них «Айя-София», «Тайна», «Тэмджид» и др.

В Стамбуле Иван Бунин посетил мусульманскую мечеть Айя-София, которая произвела на него сильное впечатление. Вдохновленный посещением этого храма поэт написал стихотворение, заключающее следующие строки:

Светильники горели, непонятный
Звучал язык — Великий Шейх читал
Святой Коран, — и купол необъятный
В угрюмом мраке пропадавал.

Кривую саблю вскинув над толпой,
Шейх поднял лик, закрыл глаза — и страх
Царил в толпе, и мертвую, слепую

Она лежала на коврах... [3, 254].

В стихотворении Иван Алексеевич описывает древний мусульманский обряд. Это описание детально и лаконично по форме и таинственно по своему содержанию. Перед читателем предстает картина намаза в мечети. Богослужение в исламской традиции обычно проводит имам. В стихотворении же не имам, а шейх читает Коран. Обычно шейхом на Востоке называли святого, праведного человека. В Турции тех лет, когда там побывал И. А. Бунин, «Великим Шейхом» или «Шейх-уль-Исламом» называли муфтия, имеющего религиозное и светское образование и обладающего глубокими знаниями Корана.

Османская традиция, когда имам читает проповеди с мечом в руках, появилась много веков назад. Пятничная молитва в Айя-Софии отличалась тем, что имам читал хутбу (проповедь) с мечом в руке. Этот ритуал стал традицией, восходящей к Османской эпохе в истории Турции. Он имеет различные значения в зависимости от способа обращения с мечом и места его использования. Если меч зажат в правой руке, то он показывает намерение использовать его с целью запугивания врага. Меч, зажатый в левой руке, призван вселить уверенность в союзников. В стихотворении «Айя-София» Иван Бунин описывает этот обряд, проводимый «Шейх-уль-Исламом». Меч здесь символ духовной силы, символ власти Аллаха.

В стихотворениях Ивана Бунина, написанных под впечатлением религиозных сюжетов, инструментом образного мышления зачастую выступают эмблема и символ. Это нашло отражение и в стихотворениях восточной тематики. Одно из стихотворений, входящих в круг произведений мусульманской направленности, поэт назвал «Тайна», оно посвящено знакам «Элиф», «Лам», «Мим», которыми открываются несколько сур священной книги мусульман. До сих пор происхождение этих знаков вызывает многочисленные споры, т.к. неизвестно, что это — отдельные буквы, содержащие некий шифр, или сочетания букв, смысл которых сознательно скрыт или утерян. Считается, что в них скрыты великие тайны, известные лишь аллаху, пророку и ангелам. Эти таинственные знаки и послужили эпиграфом стихотворения:

Он на клинок дохнул — и жало
Его сирийского кинжала
Померкло в дымке голубой:
Под дымкой ярче заблестали
Узоры золота на стали
Своей червонною резьбой [3, 221].

В исламской традиции меч является символом священной войны мусульман против неверных, а также означает поединок человека и его собственного зла. «Ятаган» переводится с турецкого как «укладывающий». Есть основания полагать, что ятаган был личным оружием, что находит подтверждение в надписях, которые, наряду с именем мастера, всегда несут имя владельца. Таким образом, клинок, украшенный

буквами, смысл которых известен только Богу, является подарком Вышнего для борьбы с неверными, а сами загадочные буквы — эмблема тайного знания (по-арабски слово «наука» звучит «эльм» и состоит именно из указанных букв).

В стихотворении «Айя-София» поэт изобразил ритуал, где имам во время проповеди использовал меч, в стихотворении «Тайна» он раскрывает суть этого обрядового действия, обращаясь к знакам, изображенным на холодном оружии. Его владелец обладает божественной силой, благодаря заключенному в этих знаках высшему знанию:

«Элиф, Лам, Мим? Но эти знаки
Темны, как путь в загробном мраке:
Сокрыл их тайну Мохаммед...»
«Молчи, молчи! — сказал он строго, —
Нет в мире бога, кроме бога» [3, 222].

Исследователь И. Таварацян приводит пример, когда Бунин употребляет в стихотворении «Тайна» «целые религиозные формулы: (Во имя Бога и пророка) [БиСМи ЛЬЛЯХИ Ва РаСУЛиХи] — «Во имя Бога и пророка. / Прочти, слуга небес и рока», (Нет в мире бога Кроме Бога) [ЛЯ ИЛЯХА ИЛЬЛЯ ЛЛАХ]» [4, 69]. Многие толкователи Корана говорят, что знаки «Элиф», «Лам», «Мим» являются символами, которые и есть имя Бога.

Вторая сура Корана «Аль-Бакара» (в переводе с арабского — «Корова») предваряется знаками «Элиф», «Лам», «Мим». В «Бакаре» идет речь о единобожии и о тех знамениях Творца, которые подтверждают эту мысль. Сура повествует о недопустимости веры в различные божества, о запретной к приему верующими пище и т.д. Содержатся в этой главе Священной книги мусульман и наставления Всевышнего относительно жизни и быта верующего человека: взгляды на пост, на принципы раздела имущества и т.д. Сура содержит описание действий во время брака и развода, обстоятельства и порядок их совершения, права и обязанности мужчины и женщины, т.е. является основополагающей в Коране.

Не вызывают сомнений слова исследователя О. Ю. Алейникова, подтверждающие нашу мысль: «Очевидно, Бунин, внимательно читавший Коран, раньше многих истолкователей и переводчиков пришел к пониманию, что таинственные арабские буквы могут служить особыми знаками, подчеркивающими «путеводительный» смысл «Священной книги». Поэтому «тайна тайн», о великой силе которой упоминает один из участников воссозданного в стихотворении спора, заключается не в значении самих букв арабского алфавита, а в их соотношенности с различными частями «ясного писания» (владелец кинжала произносит слова из суры «Открывающей»: «Нет в мире Бога, кроме Бога»), а надпись на клинке воспроизводит слова из второй суры, сообщающей, почему смысл «прямого пути» может открыться не всем. «Страшная тайна» букв, вызывающая у не-

посвященных мысли о «пути в загробном мраке», вызвана незнанием (или поверхностным знанием) Корана...» [5, 7].

Уже во время первой поездки в Турцию Иван Бунин заинтересовался традициями различных школ суфизма — одного из мистических течений в исламе. Существует ряд суфийских «орденов» — религиозных школ, называемых по имени их основателей: Бекташи от Хаджи Бекташа, Кадирия от Абдуль Кадира Джилыни, Чиштия от Муинуддина Чишти, Ясавия от Ахмеда Ясави и т.д. В стихотворении «Тэмджид» упоминается суфийский орден Джелвети, основателем которого был Азиз Махмуд Худайи. Последователей ордена можно было встретить в городе Скутари. Правильнее говорить о том, что Скутари — это предместье Стамбула. Здесь расположен султанский дворец, множество мечетей, базары и склады, казармы и община поющих дервишей. На башне Махмуд-эфенди в Скутари круглый год в полночь пели в утешение страдающим бессонницей монахи ордена Джелвети гимн Тэмджид (молитву, славящую Аллаха), который в других мечетях поют только во время Рамазана (мусульманский пост):

В тихом старом городе Скутари,
Каждый раз, как только надлежит
Быть середине ночи, — раздается
Грустный и задумчивый Тэмджид.

На середине между ранним утром
И вечерним сумраком встают
Дервиши Джелвети и на башне
Древний гимн, святой Тэмджид поют [3, 221].

Стихотворения «Ковсера», «Ночь Аль-Кадра», «Тэмджид», «Тайна», «Путеводные знаки», «Птица», «Нищий», «Завеса» имеют эпитафии из Корана. Эти произведения не только связаны с легендами, но скорее являются свободными пересказами преданий Священной книги мусульман. Исследователь Аль-Рубаиави Хуссейн Шайяль справедливо считает, что «актуализация цитат из Корана в поэзии о мусульманском Востоке в 1903–1906 годах уже осознавалась И. Буниным как значимая творческая стратегия: названия сур и строки из Священной книги мусульман обыгрывались в заголовочных комплексах произведений, эпитафии, отсылающие к Корану, были предпосланы многим стихотворениям из цикла «Ислам»» [6, 93].

Коран служил и служит источником и вдохновителем поэтического творчества многих поэтов. Небезынтересным является тот факт, что определенные аяты, выполненные в каллиграфической технике, служат украшением многих мусульманских святынь: культовых зданий, надгробий, амулетов. Эпитафией к стихотворению «Птица» являются слова: «Мы привязали к шее каждого его птицу». Они взяты из корана: «И всякому человеку Мы прикрепили птицу к его шее и выведем для него в день воскресения книгу,

которую он встретит разверстой» [7, 17: 14–15]. Речь идет об амулетах с изображением птиц, надеваемых по мусульманскому обряду на шеи мертвых. Птица как образ в Коране имеет значение «судьбы». Где-то на небесах наши пути расписаны в книге, которую откроют перед каждым из нас в свой срок.

Арабская каллиграфия часто обращается к мотиву птицы. Мастера каллиграфической техники письма изучали «небесных обитателей», их движения, чтобы использовать их в применении к определенным арабским буквам. Различные буквы использовались для изображения головы, крыльев, хвоста. Как известно: «Силу своего художественного воздействия мусульманская религия основывала на слове, а не на изображении. Священное кораническое слово, выученное наизусть с детства, написанное на страницах манускриптов, на порталах и стенах зданий, вплетенное в архитектурный декор, в орнаменты надгробий, в узоры тканей, ковров, изделий из керамики, металла, стекла, включало для мусульманина целый мир, выполняло *духовную, изобразительную и декоративную функции*» [8, 25. Курсив мой. — О. Ф.].

На всех на вас — на каждой багрянице,
На каждом пыльном рубище раба —
Есть амулет, подобный вещей птице,
Есть тайный знак, и этот знак — Судьба [3, 259].

В стихотворении амулет на одежде — это эмблема, которая изображает птицу. Эмблема птицы становится знаком судьбы, благодаря многозначности слова «таир», одно из значений которого — птица. «Скрытая тема смерти обнаруживается также в стихотворении «Птица», раскрывается через кораническое понятие *таир* («птица», «судьба»). С помощью лексико-семантического анализа делается вывод, что эта «тайна» смерти так и не разгадана человеком. Она и «тайный знак», и «судьба» [9, 11. Курсив в оригинале. — О. Ф.]. По воскресении из мертвых каждый получит награду по результатам дел на земле, но пока лишь смерть хозяйничает над носителями талисмана, пески хранят останки ушедших поколений:

От древности, когда он путь свой начал,
Он совершал его среди гробов:
Он, проходя, следы свои означил
Зловещей белизною черепов [3, 259].

Тематически стихотворение обращено к памяти, и суть его на европейский лад звучала бы как известный афоризм: «Помни о смерти».

Иван Бунин вводит в поэзию коранические образы и эмблемы в качестве символов, хранящих глубинную священную суть. Поэтическая обработка сакральных понятий ислама позволяет наполнить их дополнительным содержанием. Данная мысль находит подтверждение в работах исследователей восточной тематики в поэзии Бунина: «Больше всего в текстах стихотворений содержатся устоявшиеся в русской (и западной) литературе *символы и образы Востока*, которым И. А. Бунин помимо широко

известных значений придает свои» [8, 13. Курсив мой.— О. Ф.].

Глубокий символический смысл несет в себе и поэзия И. А. Бунина, насыщенная запахами. Во многих стихотворениях восточной тематики запах становится символом древности, погибших цивилизаций, знаком памяти. В стихотворении «Зеленый стяг», написанном под впечатлением посещения одного из стамбульских дворцов, поэт выражает чувства правоверного мусульманина к древнему знамени пророка Мухаммеда:

Ты почишь в ларце, в драгоценном ковчеге,
Ветхий деньми, Эски,
Ты, сзывавший на брань и святые набег
Чрез моря и пески.

\.

И восстанет Ислам, как *самумы* пустыни,
На священную брань! [3, 256. Курсив мой.— О. Ф.]

С целью передачи восточного колорита, достоверности описываемого поэт использует тюркскую и арабскую лексику. «Эски» по-турецки «старый», «самум» арабское — «знойный ветер». Одно из указанных слов связано с памятью — «старый», другое опосредованно связано с запахом — «ветер». При чем возрождение былой мощи и славы ассоциируется с ветром, символом свежести, обновления, тогда как настоящее «Зеленого стяга» — тлетворный, но сладкий сон:

Ты уснул, но твой сон — золотые виденья.
Ты сквозь сорок шелков
Дышишь запахом роз и дыханием тленья —
Ароматом веков [3, 256. Курсив мой.— О. Ф.].

Напомним, что знамя пророка Мухаммеда («Укап» — в переводе «Орел») хранится в сорока чехлах из тафты. По преданию, в золотой наконечник его древка положен Коран, переписанный лично основателем Османской империи — султаном Османом.

Показательно, что запах древности предстает в двух ипостасях: запаха роз и дыхания тления, т.е. чего-то благовонного и одновременно тлетворного. Смысл символа в значении запахов. «Запах розы» ассоциируется в исламе с пророком Мухаммедом. «Дыхание тления» — знак древности. «Аромат веков» — символ тысячелетнего сохранения памяти о жизни пророка Мухаммеда. Таким образом, постулат о «дыхании» знамени «ароматом веков» несет в себе не только сакральный смысл, но и представляет его как религиозный артефакт, символизирующий веру. Если сам знак ислама и подвержен тлению,

то дух религии подобен нетленному аромату роз.

В бунинских стихах представлены ключевые эмблемы и образы Корана. Осмысление культурно-исторических эмблем, запечатленных в артефактах и религиозных книгах, основано на знании древней символики и эмблематики. Эмблемы и символы в поэзии И. А. Бунина представлены в виде переложения религиозного текста. Это может быть раскрытие значения культурных артефактов для мусульман. В представленных стихотворениях символы раскрывают суть исламских обрядов, поясняют читателю строки Корана, несут в себе расшифровку сущности знаковых для мусульман предметов. Символизация запахов в поэзии И. А. Бунина расширяет контекст культурных и национальных связей. Запах может служить символом процветания древнего государства, тленности земного бытия, обозначать «национальный дух».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ничипоров И. Б. «Поэзия темна, в словах невыразима...». Творчество И. А. Бунина и модернизм: монография / И. Б. Ничипоров. — М.: Метафора, 2003. — 256 с.
2. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / В. Н. Муромцева-Бунина. — М.: Сов. писатель, 1989. — 512 с.
3. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. — М.: Худ. лит., 1965. — Т. I: Стихотворения. 1887–1917. — 595 с.
4. Таварацян И. А. Зеленое знамя жизни: Бунин и Ислам / И. А. Таварацян // Русская литература XX века: восприятие, анализ и интерпретация художественного текста: сб. статей межд. науч. конф. — М., 2007. — С. 67–70.
5. Алейников О. Ю. «Потаенные» смыслы в лирике И. Бунина о мусульманском Востоке / О. Ю. Алейников // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. — 2020. — № 4. — С. 5–7.
6. Аль-Рубаиави Х. Ш. А. Стихотворения И. А. Бунина о мусульманском Востоке: культурные коды и семантика образов / Аль-Рубаиави Х. Ш. А., О. Ю. Алейников // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. — 2022. — № 1. — С. 92–95.
7. Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. — 2-е изд. — М.: Наука, 1986. — 727 с.
8. Виноградова Н. А. Традиционное искусство Востока: терминологический словарь / Н. А. Виноградова. — М.: Эллис Лак, 1997. — 360 с.
9. Таирова И. А. Восточные традиции в творческом восприятии Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Таирова. — М., 2010. — 21 с.

Воронежский государственный университет
Фенчук О. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы
E-mail: olnof@yandex.ru

Voronezh State University
Fienchuk O. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian Literature Department
E-mail: olnof@yandex.ru

СТИХОТВОРЕНИЕ И. С. НИКИТИНА «РУСЬ» — ГИМН РОДНОЙ ЗЕМЛЕ. СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

О. А. Швецова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 ноября 2024 г.

Аннотация: в статье анализируется стихотворение И. С. Никитина «Русь». Подчеркивается его значимость для формирования русского национального сознания, русского мира. Рассматриваются этимология названия Русь, языковые средства, способствующие созданию эпичности и масштабности изображаемых картин и событий, проводятся параллели с сегодняшним временем, делается вывод о важности культурных кодов для формирования русской ментальности.

Ключевые слова: И. С. Никитин, эпичность, былинность, этимология, языковые средства, русская ментальность, русское национальное сознание.

Abstract: the article analyzes the poem by I. S. Nikitin «Rus». Russian language emphasizes its importance for the formation of the Russian national consciousness, the Russian world. The etymology of the name Rus is considered, the linguistic means contributing to the creation of epicness and scale of the depicted paintings and events, parallels with today's time are drawn, and the conclusion is made about the importance of cultural codes for the formation of the Russian mentality.

Keywords: I. S. Nikitin, Russian epics, epics, etymology, linguistic means, Russian mentality, Russian national consciousness.

Велико, знать, о Русь, твое значенье.
Мужайся, стой, крепись и одолей.
Ф. И. Тютчев

«Для поэтов, даже не самых великих, выпадают благоприятные времена, когда их строки как бы выходят из запасников и предстают перед взором удивленного читателя, исполненные свежести, красоты и особого смысла. Такое время для Никитина вновь наступило. Именно теперь нам следует хорошо прислушаться к нему — в его скромных и несколько старомодных песнях есть важные для нас уроки», — писал В. М. Акатин в предисловии «Песни правды» к сборнику произведений поэта, вышедшему в Центрально-Черноземном книжном издательстве в серии «Отчий край» в 1980 году [1, 21]. Почти четверть века прошло с момента написания этих строк, но они не теряют актуальности и по сей день. Поэзия И. С. Никитина по-прежнему наполнена особым смыслом, в ней по-прежнему есть важные для нас уроки [9].

Одним из значимых и актуальных для сегодняшнего дня, сегодняшних событий, происходящих в России и в мире, является первое опубликованное стихотворение И. С. Никитина «Русь». Оно было написано в 1851 году, вышло в свет 21 ноября 1853 года в № 47 «Воронежских губернских новостей», через месяц после начала Крымской войны, и поэтому остро

воспринималось читателями того времени как глубоко патриотическое сочинение. В наши дни это стихотворение тоже не теряет своей злободневности, а также значимости для формирования русского национального сознания, русского мира. Многие строки из этого стихотворения стали крылатыми [5, 76].

«Понять поэта — значит почувствовать главный нерв его творчества, принять условия его задачи и захотеть решить ее заодно с ним», — считает В. М. Акатин [1, 8]. И мы с этим мнением полностью согласны. Давайте же попробуем почувствовать и понять главный нерв стихотворения «Русь», его основную задачу в формировании русской ментальности, а также рассмотрим, какие языковые средства участвуют в этом.

Обратимся вначале к заглавию, абсолютно сильной текстовой позиции, и определим его функцию в данном поэтическом произведении.

В заглавие вынесен топоним *Русь*. Согласно «Словарю русской ментальности», «*Русь* — коренная русская земля, соединяющая восточнославянский народ («русские люди» и их государственное объединение, идеально понимаемое как Святая Русь)». *Русь* — слово древнерусское, оно появилось в 882 году. Национальным названием стало после объединения нескольких славянских племен в народ со своей государственностью (Россия — новорусское слово 1517 года) [4, 197].

Диалектное значение понятия *Русь* следующее: *белый свет, мир, европейская часть России, поселение на ровном открытом месте, о русском в нерус-*

ском окружении [4, 197].

Интересно определение этому названию, данное Л. А. Аннинским: «*Русь* — не племя, не этнос, ясный по крови. *Русь* — дружина, воинское объединение, становящееся этносом по ходу дела (иногда — по ходу кровавых дел)» [4, 197].

В «Словаре русской ментальности» приводится одна из гипотез, которая «связывает имя *Русь* с прагерманским *dreug- (ие. dhreugh-), которое обозначает “прочно держаться вместе”. Слова этой группы означают всякий человеческий союз, основанный из прочной естественной или установленной обетом, обязательной связи. При таком прочтении внутренняя форма имени *Русь* указывает на одну из возможных интерпретаций мира через язык, выявляя глубинную психологическую доминанту русского народа: единство, общность» [4, 198].

Четыре значения этого слова выделяет и историк В. О. Ключевский. Он пишет: «Государственная территория у нас в старину носила название *Руси* или *Русской земли*. *Русь* — слово, пережившее чрезвычайно разнообразные значения; из этих значений можно различить четыре: 1) этнографическое: *русь* — племя; 2) социальное: *русь* — это сословие; 3) географическое: *Русь* — область; 4) политическое: *Русь* — государственная территория» [4, 198].

Таким образом, мы видим, что *Русь* — слово древнее, обладающее мощным историко-культурным ментальным кодом. Это не только название этноса, страны, это объединение и единение, союз людей, прочно держащихся вместе, людей, особенно тесное сплочение которых происходит в минуты смертельной опасности, угрожающей их национальным интересам.

Не случайно именно это имя И. С. Никитин вынес в название своего первого стихотворения. Так что же значит слово *Русь* в стихотворении И. С. Никитина? *Русь* — это постоянный адресат всей монологической речи лирического героя, предмет его размышлений, переживаний, гордости и любви; неслучайно автор использует прием обращения. Лирический герой не мыслит себя вне Руси. На это указывает дважды употребленное притяжательное местоимение *моя*: *Это ты, моя Русь державная, Моя родина Православная!* [7, 70].

Русь для него — это, в первую очередь, держава, могучее, мощное государство. В «Словаре русской ментальности» находим такое определение понятия **держава**: могучее независимое государство, под властью которого находятся многие народы и племена [3, 200].

Слово *держава* является старославянской калькой с греческого κράτος, что значит “сила, мощь, власть” (от *держати*); др. рус. “могущество” (988), “основание”, “основа” и “сила” (XI в.), “удел” (1150) и “власть” (1305), с XIII в. — в эпоху ига — “государство”, “управление” [3, 200].

Русь для лирического героя — это также православная родина, мать (именно этот ментальный код *Родина-мать* спас наш народ и нашу страну в годы Великой Отечественной войны, когда шел бой «святой и правый, Смертный бой не ради славы — Ради жизни на земле», спасает и сейчас): *Уж и есть за что, Русь могучая, Полюбить тебя, Назвать матерью...* [7, 73].

Русь характеризуется в произведении следующим образом: *Русь державная, царственная краса, вольная душа, воля смелая, громкая слава, Русь могучая* и др.

В самом начале стихотворения мы вместе с лирическим героем словно бы пролетаем над страной, видим, как далеко она раскинулась на север и на юг, вдаль, вширь и ввысь. Поэт здесь прибегает к приему панорамного изображения (с высоты птичьего полета), а затем фокусируется, как в кинематографии, на характерных деталях, средних и крупных планах.

Для создания этого приема И. С. Никитин прибегает к использованию бессоюзных сложных предложений, части которых связаны между собой точкой с запятой, передающей перечислительную интонацию, и в которых вторая часть дополняет смысл первой, раскрывает, детализирует панорамное описание природы родной страны: *Посмотрю на юг — Нивы зрелые, Что камыш густой, Тихо движутся; Гляну к северу — Там, в глуши пустынь, Снег, что белый пух, Быстро кружится ...* [2, 69].

Для И. С. Никитина, прекрасно понимающего «живой язык природы» [2; 8, 252], пространство Руси открытое, широкое, необъятное, наделенное несметными природными богатствами (*голубые небеса, зеленые степи, горы-великаны, синие моря, реки, зрелые нивы, мурава лугов, наливающийся виноград, пустыни, поля, леса, груды золота*).

Для его изображения поэт использует различные тропы, помогающие создать лирическую зарисовку эпического масштаба, изобразить необъятные просторы Родины: метафоры (*большой шатер небес; цепи гор стоят великанам; глушь пустынь; виноград в садах наливаются; пожар небес ярким заревом освещает мглу непроглядную* и др.), олицетворения (*подымает грудь море синее; бури о них плакали; горами лед ходит по морю* и др.), сравнения (*выше темных туч, цепи гор стоят великанами; нивы зрелые, что камыш густой, тихо движутся; мурава лугов ковром стелется; снег, что белый пух, быстро кружится* и др.), эпитеты (*поля чистые, нивы зрелые, густой камыш, глухие степи, бури снежные, бури севера, седые моря* и др.).

Возвратные глаголы, употребляющиеся в этих строфах, подчеркивают вневременность, постоянство и неизменность природных богатств страны: *даль степей зеленеется; реки катятся; нивы зрелые тихо движутся; мурава лугов ковром стелется; виноград в садах наливаются; снег быстро кружится*.

Восклицательная интонация в предложениях, употребляющихся в двух четверостишиях, показы-

вающих красоту необъятной страны, дает читателям понять, как сильно лирический герой восхищается величием царственной Руси: *Это ты, моя Русь державная, Моя родина Православная! Широко ты, Русь, По лицу земли В красе царственной Развернулася!* [7, 70].

Пространство Руси наделено богатой цветовой палитрой: *голубые небеса, зеленеет даль степей, синее море, белый снег, пожар небес, яркое зарево*. О. Н. Трубачев так писал о цветовой гамме Руси: «Само название Русь — цветное, по всей вероятности, и тем самым, скорее всего, — ориентационное!» [4, 198].

Однако когда Руси грозят недруги, цветная палитра меняется с яркой, красочной на темную, мрачную, зловещую: *облегла тебя туча темная, злоеющий дым, черное облако* [7, 71].

Поэт рисует трагическую, но славную героическую историю родной страны: победу над татаро-монгольским игом, русско-литовские войны конца XV и начала XVI веков, русско-польские войны (с Польшей Россия за свою историю воевала двенадцать раз!), извечное противостояние с Западом, в частности Отечественную войну 1812 года. Все эти войны закончились блистательной победой русских войск и сокрушительным поражением неприятеля (мы видим, что практически всё те же противники противостоят России и сегодня!): *На полях своих, Под курганами, Положила ты Татар полчища. Ты на жизнь и смерть Вела спор с Литвой И дала урок Ляху гордому.* [7, 71].

В связи с этим интересно следующее высказывание, приведенное в «Словаре русской ментальности»: «Полтысячелетия христианская Русь сдерживала динамичную и агрессивную Азию от нашествия на Европу, другое полтысячелетие она сдерживала и агрессивную Европу от нашествия на Азию, сохраняя в своем сердце "галилейскую жалость и любовь"» [4, 197].

Что же помогло Руси выстоять в этой нелегкой страшной борьбе и сокрушить врага? Это, как бывало всегда в годину смертельной опасности, объединение всех русских людей, их сплоченность, единение, соборность: *Но лишь кликнул царь Свой народ на брань — Вдруг со всех концов Поднялася Русь. Собрала детей, Стариков и жен, Приняла гостей На кровавый пир* [7, 71–72]. (Как тут не вспомнить строки А. С. Пушкина: «Есть место им в полях России Среди нечуждых им гробов!»)

Восклицательные предложения, употребляющиеся в приведенных выше строфах, передают высокий эмоциональный фон произведения, а бессоюзное сложное предложение, в котором рисуется быстрая смена событий, подчеркивает мгновенное и безоговорочное единение русского мира перед лицом смертельной внешней угрозы.

Употребление противительного союза *но*, участвующего в выражении отношений противопоставления,

также акцентирует внимание читателя на мгновенном единении всех русских людей, невзирая на смертельную опасность.

Лирический герой по-сыновьи искренне любит родную страну, он гордится как ее прошлым, так и настоящим, а ради благополучия и процветания родины, за честь ее готов в борьбе с недругом отдать жизнь: *Уж и есть за что, Русь могучая, Полюбить тебя, Назвать матерью, Стать за честь твою Против недруга, За тебя в нужде Сложить голову!* [7, 73].

В. М. Акаткин говорил: «Никитин скорее поэт темы и сюжета, чем глубокой мысли и сложного настроения. Но он нашел стиль, соответствующий теме. Угадать подобное соответствие дано таланту истинному и сильному. И в этом один из "секретов" Никитина» [1, 26].

Давайте посмотрим, что же помогает поэту создать столь вдохновенный гимн родной земле и является приметой его стиля. Следует заметить, что для творчества И. С. Никитина характерно слияние фольклорного начала и традиции русской поэтической практики [6, 135].

Стихотворение написано былинным стихом. Такой выбор не случаен. Былина — это русская народная эпическая песнь, главные герои которой — богатыри, стоявшие на страже Руси. Они славились большой силой и совершали подвиги, носившие религиозный или патриотический характер (Отметим, что богатыри до сих пор почитаются и уважаются в нашей стране. Не случайно так популярны сегодня в России как у детей, так и у взрослых все серии современного мультфильма «Три богатыря»).

В стихотворении И. С. Никитина богатырю подобна сама Русь, мощная, могучая держава, обладающая не только величественными просторами и несметными богатствами, но и славной историей и древними православными традициями: *У тебя ли нет Богатырских сил, Старины святой, Громких подвигов?* [2, 70].

В создании былинного стиха поэту помогает использование следующих средств языковой выразительности:

1. лексических, в частности архаической лексики и торжественных слов: *недруг, полчища, лях, брань, православный люд* и др.;

2. фонетических, в частности ассонанса, участвующего в создании напевности, мелодичности, протяжности былинного стиха;

3. стилистических:

— инверсии, приема, присущего народной поэзии, в том числе и былинной, служащего для выделения наиболее важных слов: *родина православная, Русь державная, света белого, камыш густой, муравьем кишит православный люд* и др.;

— серии риторических вопросов (шесть вопросов!) в сочетании с анафорой, что помогает подчеркнуть близость стихотворения к фольклорной тради-

ции: *У тебя ли нет Поля чистого, Где б разгул нашла Воля смелая? У тебя ли нет Про запас казны, Для друзей — стола, Меча — недругу? У тебя ли нет Богатырских сил, Старины святой, Громких подвигов? Перед кем себя Ты унизила?* [2, 70–71].

4. грамматических:

— использование определенно-личных предложений: *Вижу — даль степей зеленеется; Посмотрю на юг...; Гляну к северу...* [2, 69].

— использование видовременной системы глаголов: настоящего времени несовершенного вида при описании природных богатств Руси, прошедшего времени совершенного вида при описании трагической, но славной истории, и опять настоящего времени несовершенного вида при описании современного положения страны.

Таким образом, мы видим, что стихотворение И. С. Никитина «Русь» представляет собой гимн родной стране, написанный по велению сердца. Русь показана страной необъятной, величественной, красивой, вольной, сильной, смелой, не боящейся трудностей, способной их преодолевать и никому не позволяющей диктовать свою волю, готовой дать самый решительный отпор любому врагу. Для поэта понятие чести — «святыня святая». Он искренне любит свою родину, гордится ею и готов отдать за нее жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаткин В. М. Песни правды / В. М. Акаткин // И. С. Никитин Стихотворения. Дневник Семинариста. — Воронеж: Центрально-черноземное книжное изд-во, 1986. — С. 5–27.

Воронежский государственный университет
Швецова О. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка
E-mail: shvetsova@phil.vsu.ru

2. Зарин С. М. Нравственный облик и характерные особенности поэтического творчества Ивана Савича Никитина / С. М. Зарин. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Zarin/nravstvennyj-oblik-i-harakternye-osobennosti-poeticheskogo-tvorchestva-ivana-savicha-nikitina, свободный.

3. Колесов В. В. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — В 2 т. — Т. 1. А-О. — С.-Петербург. — Златоуст, 2014. — 592 с.

4. Колесов В. В. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — В 2 т. — Т. 2. П-Я. — С.-Петербург. — Златоуст, 2014. — 592 с.

5. Кольцова Л. М. «Пусть ум твой пробудит и душу потрясет...» (Крылатое слова И. С. Никитина в русском языковом пространстве) / Л. М. Кольцова, С. А. Чуриков // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2022. — № 1. — С. 74–80.

6. Максимова М. В. Поэзия Н. Никитина: эстетика, традиция, перевод / М. В. Максимова, Н. Н. Орехова. — Вестник Удмуртского университета. — 2015. — Т. 25. — Вып. 2. — С. 135–140.

7. Никитин И. С. Стихотворения. Дневник Семинариста. — Воронеж: Центрально-черноземное книжное изд-во, 1986. — 382 с.

8. Романов Д. А. Лирика И. С. Никитина в ракурсе современной лингвопоэтики (к 200-летию со дня рождения поэта) / Д. А. Романов. — Теория языка и межкультурная коммуникация. — Вып. 2(53). — С. 243–257. — Режим доступа: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5359/, свободный.

9. Чернышова Г. П. Поэзия И. С. Никитина в литературном процессе 1840-х — начала 1860-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. П. Чернышова. — М., 2012. — 28 с.

Voronezh State University
Shvetsova O. A., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian Language Department
E-mail: shvetsova@phil.vsu.ru

О СУБЪЕКТНОЙ СФЕРЕ ТУРГЕНЕВСКОЙ НОВЕЛЛИСТИКИ: НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА И. С. ТУРГЕНЕВА «ЧАСЫ» (1875)

Г. А. Шпилевая, В. А. Бондаренко, У. Ю. Борисова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 2 сентября 2024 г.

Аннотация: в данной статье рассматривается взаимодействие носителей слова в тургеневском рассказе «Часы», так как при анализе субъектной сферы обнаружено присутствие нарратора-подростка, нарратора-взрослого и экзегетического нарратора, наиболее близкого к «концептированному» автору. Изучение интерференции позиций рассказчиков и повествователя в данном произведении позволяет определить идеологическую точку зрения самого творца созданного текста.

Ключевые слова: экзегетический нарратор, Тургенев, диегетический нарратор, сюжетно-композиционная система, фабула, «концептированный» автор, «концептированный» читатель.

Abstract: this article examines the interaction of word bearers in Turgenev's short story "The Clock", since the analysis of the subjective sphere revealed the presence of a teenage narrator, an adult narrator and an exegetical narrator closest to the conceptualized author. The study of the interference of the positions of the narrators and the narrator in this work allows us to determine the ideological point of view of the creator of the created text.

Keywords: exegetical narrator, Turgenev, diegetic narrator, plot-compositional system, plot, "conceptualized author", "conceptualized" reader.

Тургеневская новеллистика, как известно, характеризуется стремлением автора сделать каждый свой рассказ для читателя незабываемым, «постаринному» занимательным, интересным в своей коллизии и в изображении социально-бытовых деталей. И. С. Тургенев в подзаголовке указал, что «Часы» — это *рассказ*, то есть такой жанр эпоса, где представлены значимые «ситуация, факт, случай», отражающие «весь мир» личности [9, 51], раскрывающие характер персонажа в его эмоциональной и социальной полноте.

Упомянутый жанр содержит в себе такой «неподвижный» (стабильный) элемент (это может быть деталь или персонаж, например Толстый (Михаил) в знаменитом чеховском рассказе), который при этом влияет на динамику событий; в рассматриваемом нами произведении — это *часы*, которые и представлены в названии произведения. Все герои «Часов» так или иначе связаны с названной деталью, она их не отпускает, ими управляет, заставляет действовать, проявляя свои основные черты: подросток Алексей, пока еще неуверенный в себе, учится понимать и оценивать поступки людей; его брат Давыд, не по годам мудрый и принципиальный, демонстрирует силу характера, стремится к достижению поставленной цели; незлой, но слабый отец Алексея, не имея возможности повлиять на события, испытывает угрызения совести; ограниченная тетка Пульхерия жад-

ничает и вредит (как может) племянникам; слуга Василий везде ищет свою выгоду и т.д. Очевидно, что часы являются отнюдь «не периферийным моментом образного мышления» [4, 300] Тургенева, а центром рассказа, настоящей проверкой человека, его убеждений, нравственных принципов, силы; например, подросток Давыд едва не погиб (бросая часы в реку), борясь с нечестными людьми. В своеобразном эпилоге «старик», предающийся воспоминаниям, расскажет, что эта «погибшая» в пучине весенней реки вещица имеет для него такое большое значение, что он всю жизнь приобретал различные часы (включая очень дорогие, от известных европейских производителей, например воспетый А. С. Пушкиным «Брегет»), помня о своих самых первых, дешевых и весьма плохеньких.

Отметим, что рассказ создан виртуозно с точки зрения его формы, например, злосключения часов стали основным условием развития фабулы (если согласиться с тем, что это «цепь действий и перемен <...>, мыслимая как нечто внешнее, что могло бы совершаться за пределами произведения» [5, 17]), в рамках которой события объединяются причинно-следственными (каузальными) связями, создавая приключенческую интригу, любопытную для читателя любого возраста (как ребенка, так и зрелого человека). Сюжетно-композиционная система («цепь действий и перемен, но взятая в развитии, совместном с развитием авторского взгляда от начала к концу произведения» [5, 18]) также зависит от движения часов, перехода от персонажа к персо-

нажу. Благодаря этой значимой (центрообразующей) детали в сюжетно-композиционной системе формируется и отражается, пожалуй, самая главная задача писателя, а именно: создание образа Времени, демонстрирующего не только формирование личности, но и ее связь с жизненными обстоятельствами, так как, по утверждению В. М. Марковича, в тургеневском мире «натура человека не замкнута в себе: она открыта для объективных воздействий со стороны общества» [7, 128].

Эта авторская задача подтверждается и образом Пространства рассказа, названные топоры которого охватывают город Рязань, где живут все герои, Москву, куда планирует перебраться Давыд (чтобы строить училища «для бедных»), Сибирь — место ссылки отца Давыда, «дяди Егора», пострадавшего из-за доноса своего родного брата — отца подростка Алексея. Отмечается, что столь далекое недобровольное путешествие Егора было типичным наказанием для свободолюбивых натур в эпоху правления императора Павла I, а слово «якобинство» отсылает читателя к Франции («центру якобинства»), сотрясаемой бурными революционными страстями.

Образ Времени также не ограничивается рязанским детством двух главных героев, так как упоминается 1801 год (смерть Павла и начало царствования Александра I), легендарный 1812 год (мы из рассказа Алексея узнаем, что Давыд падет смертью храбрых, обороняя знаменитый Шевардинский редут, опорный пункт русской армии на Бородинском поле), говорится о 1850-м годе (именно тогда «пишутся» воспоминания Алексея-старика), отмеченном началом заката тридцатилетнего Николаевского правления, развитием тревожных общественных событий в странах Европы.

Столь объемный хронотоп рассказа, сложное фабульное и сюжетное движение центральной детали (часов) требовали создания не менее сложной субъектной сферы произведения, так как «Часы» не ограничиваются малым количеством событий и персонажей. Перипетии героев отразились в речи не одного, а нескольких нарраторов, на наш взгляд, их три: Алексей (пятнадцатилетний мальчик), взрослый Алексей («старик»), предающийся воспоминаниям и, видимо, создающий мемуары в 1850 г., а также *нейтральный* повествователь, близкий к «концептированному» автору (по определению Б. О. Кормана, это «автор как некий взгляд на действительность, выражением которого является все произведение» [6, 8]). Последний (третий) субъект речи по своим морально-этическим, идеологическим взглядам наиболее близок к творцу — к самому Тургеневу. Первый и второй нарраторы являются *диегетическими*, они имеют «собственное имя», «биографию», принадлежат «миру текста», в этом мире они существуют и «совершают какие-то поступки» [8, 203]. Третий нарратор — абстрактный или экзегетический, не-

персонафицированный, он не стал действующим лицом рассказа, а явился «субъектом оценок или диалогических реакций» [8, 203]. Введение трех нарраторов позволяет Тургеневу постепенно раскрывать характеры героев, показывать процесс становления их психологической зрелости, представлять меняющуюся оценку событий внешнего мира, мотивации поступков людей. Многомерное, «ступенчатое» приближение читателя к персонажам, к пониманию их духовного развития, способности отразить события можно видеть и в «Герое нашего времени», однако в лермонтовском романе все три нарратора (Максим Максимыч, странствующий писатель, сам Печорин) — диегетические.

С первым носителем речи, Алексеем-подростком, читатель знакомится в самом начале рассказа, в экспозиции; очевидно, что это личность еще психологически незрелая, его речь характеризуется короткими предложениями, он пересказывает значимые для него события, не анализируя их: «Зовут меня — вы знаете — Алексеем. Я родился 7, а именинник я 17 марта...»; «Егоров сын, Давыд, мой двоюродный брат, остался у моего отца на руках и проживал с нами...»; «Давыд положил часы на стол и отошел прочь молча...» [10, т. 8]. Безусловно, так говорить и писать не может взрослый человек, «старик», которому принадлежат воспоминания. Детская речь, «наивный» синтаксис, осторожные, нечеткие реакции на поступки людей дают возможность читателю и поверить в честность первого нарратора, и задаться вопросом: устоят ли братья в столкновении с недоброжелательными взрослыми? не будут ли они сломлены натиском ограниченных хитрецов, жадин и невежественных глупцов?

Однако уже первый нарратор, безусловно, демонстрирует свои ценные качества (сочувствие бедным людям, желание помочь несчастному Юшке, сыну «сражанта»), стремится понять мотивы поведения окружающих, что является попыткой психологического анализа. Алексею принадлежат портретные характеристики, вот как описан брат Давыд: «Малый он был не глупый, с характером, из себя плечистый, плотный, лицо четырехугольное, весь в веснушках, волосы рыжие, глаза серые, небольшие, губы широкие, нос короткий, пальцы тоже короткие — крепыш, что называется — и сила не по летам!»; обрисован и сребролюбивый жуликоватый крестный Настасей: «Из себя он был пухлый да круглый; а лицо как у лисицы, нос шилом; глаза карие, светлые, тоже как у лисицы». Однако по силам Алексею-мальчику только выстраивать фабульную канву событий («внешний жест»), передать фабульно значимые события: дарение часов, желание отдать их бедным детям (неуверенный в своей правоте Алексей вскоре пожалеет об этом и захочет вернуть часы). Сообщается, что вскоре Алексей и Давыд их закапывают, а впоследствии отбирают у слуги Василия; Алек-

сей крадет их из спальни тетки Пульхерии («я вор, я герой, я молодец...»); в конце концов Давыд бросает в речку этот злополучный томпаковый (сплав меди с цинком) подарок крестного отца. Как видно, развиваясь согласно авантюрной фабуле (что подчеркивает прием градации), злоключения выявляют не только качества сильного характера Давыда, но и демонстрируют становление Алексея: от послушного, робкого, сомневающегося в себе подростка до достаточно смелого озорника, отважившегося на протест: украсть у грозной тетки часы, хотя при этом обмирать от страха (например, при появлении домашнего кота).

Со временем мы можем ознакомиться с рассказом второго нарратора, который назван «стариком», в 1850 г. сообщившим потрясшую его в юности историю, однако это уже, если воспользоваться терминологией Уэйна К. Бута, «unreliable narrator» [3, 159] («ненадежный», говорящий не всю правду). Если первый диегетический нарратор-подросток хотя и наивно, но искренне ведет повествование, то второй, также диегетический, но отдаленный во времени от событий, вводит читателя в заблуждение, несколько обесценивает «бесхарактерного» мальчика, переживающего отъезд дяди Егора и Давыда: Алексея «разлука <...> уничтожила», он «словно осиротел на первых порах и потерял всякую опору в жизни и всякую охоту к ней». Такую характеристику приняли за достоверную и комментаторы рассказа «Часы», противопоставляя двух братьев как *слабого* и *мужественного*. На наш взгляд, в данном случае проявилась авторская интрига, состоящая в том, что мнение «концепированного» автора не совпадает с сообщениями второго нарратора. «Концепированный» автор «виден» в сообщениях об исторических событиях (Отечественная война 1812 года, упоминаниях о сибирской каторге и пр.), его речь отличается не только от речи мальчика, она более сложная, литературная, психологически насыщенная, нежели «слово» самого старика-мемуариста. Подобная картина в субъектной сфере напоминает отношения рассказчик/автор в новелле Л. Н. Толстого «После бала» (1903), где Иван Васильевич после увиденной экзекуции не женился на Вареньке, которую страстно любил, а также решительно отказался делать карьеру («служить»). Сам герой объясняет это тем, что он «никуда не годился», и причиной такого резкого поворота в судьбе стал «случай», управляющий жизнью человека. «Концепированный» автор, скрыто выразивший позицию биографического автора (Л. Н. Толстого), имеет противоположное мнение: дело не в случае, а в *совестливости*, не позволившей Ивану Васильевичу принять социальные устои (вполне «законное» избиение бежавшего из армии татарина), которые, как видно, принимает и поддерживает жестокий и равнодушный отец Вареньки.

Стиль речи второго нарратора, разумеется, сложнее манеры Алексея-мальчика, но именно поэтому у читателя возникает вопрос: для чего «стариком» понадобилось сохранить неприкосновенным «слово» психологически незрелого человека (ребенка)? Проявленное лукавство «старика» заставляет предположить, что именно поэтому временами подключается экзегетический нарратор, а это уже вынуждает настороженно отнестись к создаваемой литературной игре. Например, читая обращение отца к чудом спасенному «утопленнику» Давыду и своему сыну, ощущаем объективность и склонность к артистически разыгранному поведению, что не свойственно первым двум нарраторам: «Тебя, любезный мой, — обратился он ко мне, — я выпорю непременно, не сомневайся, хоть ты поперек лавки уже не ложишься. — Потом он подступил к постели, на которой лежал Давыд. В Сибири, — начал он внушительным и важным тоном, — в Сибири, сударь ты мой, на каторге, в подземельях живут и умирают люди, которые менее виноваты, менее преступны, чем ты! Самоубийец ты, или просто вор, или уже вовсе дурак? — скажи ты мне одно, на милость?!»

Появление *иронии* (по словам Т. Манна, «интеллектуальной оговорки») также позволяет почувствовать присутствие третьей персоны в субъектной сфере «Часов». Формально именно второму нарратору позволено обозначить кульминационное событие, содержащее катарсис, ведь юный Алексей не смог бы передать напряженный момент временного перемирия всех «врагов» двух мальчиков (Василий, Трофимыч и др.), спасших Давыда. Однако упомянутая ирония снова напоминает об экзегетическом нарраторе («И несколько мгновений спустя, Давыд, несомый на рогоже, торжественно вступил под кров нашего дома»), что маркирует «запланированное автором участие читателя в интерпретации текста» [8, 216].

Второй нарратор не все рассказывает о любви Давыда и Раисы-Черногубки (наивный первый нарратор вообще не понял суть этих отношений), но сам Тургенев не мог не создать столь красивую историю, охарактеризовавшую всех главных героев (удивление Алексея, ярость отца и лицемерной Пульхерии, благородство Давыда). С девушкой, безусловно, связан образ «красоты» как «уникальный источник движения к лучшему, в пределе — к спасению» [2, 235], ведь Давыд спасает свою будущую невесту, ее глухонемую сестру, их парализованного отца от нищеты, голода. Выскажем предположение, что так мог бы поведать о любви и сам Тургенев, если бы эти события произошли с ним.

С какой же целью Тургенев создавал такую сложную нарративную картину, и какова роль «просвещающего» в тексте экзегетического нарратора, присутствие которого «концепированный» читатель («видящий» в тексте автора, ловящий его сигналы) явно ощущает? Очевидно, что таким образом созда-

ется задержание сюжетного развития, позволяющее читателю оценить ментальные процессы в сознании героев, а также вспомнить об исторических и политических событиях, врывающихся в жизнь человека. К тому же третий нарратор «заступается» за Алексея, столь низко себя оценивающего (на фоне смелого Давыда и мужественного дяди Егора); становится понятно, что Алексей развивался медленнее Давыда, но молчаливый, деятельный Давыд, пожалуй, не смог бы столь тонко и эмоционально передать события из «молодых дней».

С появлением в тексте третьего нарратора повествование меняется: уходят просторечия, связанные со сказовой манерой, добавляется философичность, расширяющая коллизию от личной (частной) до общечеловеческой: «С тех пор много утекло воды и много часов у меня перебивало; я дошел даже до такого великолепия, что приобрел себе настоящий брегет, с секундной стрелкой, обозначением чисел и репетицией... Но в потаенном ящике моего письменного стола хранятся старинные серебряные часы с розаном на циферблате <...> От времени до времени, когда я один и никого к себе не жду, я вынимаю их из ящика и, глядя на них, вспоминаю молодые дни и товарища тех дней, безвозвратно утекших...»

Участие третьего нарратора в «остро конфликтном» и динамичном произведении делает его истинно тургеневским, потому что в нем «обнаруживается важнейший закон или внутренняя логика согласования любых противоречий (социальных, исторических, природных) без какого-либо противоестественного их разрешения» [1, 112]. Отмеченная авторская стратегия Тургенева реализуется в рассмотренной нами субъектной сфере рассказа «Часы» в полной мере.

Воронежский государственный педагогический университет

Шpileвая Г. А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: 19alex04@mail.ru

Бондаренко В. А., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E-mail: vikabondarenko1@rambler.ru

Борисова У. Ю., кандидат филологических наук, ассистент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: bananka-ulyanka@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева И. А. «Отцы и дети» И. С. Тургенева как вечный «сюжет» русской жизни / И. А. Беляева // Тургеневские чтения: сборник статей. — М.: Экон-Информ, 2018. — С. 111–125.
2. Беляева И. А. Тургенев, Фет и «идеалы явлений невозможных»: к вопросу о рецепции второй части «Фауста Гете» / И. А. Беляева // Тургеневские чтения [Вып. 10]. — М., 2023. — С. 227–240.
3. Booth W. C. The Rhetoric of Fiction / W. C. Booth. University of Chicago Press, 1961. — 572 p.
4. Добин Е. С. Сюжет и действительность. Искусство детали / Е. С. Добин. — Ленинград: Советский писатель, 1981. — 432 с.
5. Зарецкий В. А. Об основных направлениях сюжетологии / В. А. Зарецкий, Л. М. Цилевич // Сюжетосложение в русской литературе. Сб. статей. — Даугавпилс: Даугавпилсский педагогический институт, 1980. — С. 13–24.
6. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения / Б. О. Корман. — М.: Просвещение, 1972. — 113 с.
7. Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева / В. М. Маркович. — Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1975. — 154 с.
8. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. / Е. В. Падучева. — М.: Языки славянской культуры, 2010. — 480 с.
9. Скобелев В. П. Поэтика рассказа / В. П. Скобелев. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. — С. 51. — 156 с.
10. Тургенев И. С. Часы / И. С. Тургенев // Собрание сочинений: в 10 т. — Т. 8. Повести и рассказы. 1870–1882. — Москва: ГИХЛ, 1962. — С. 189–224. Все цитаты из текста тургеневского рассказа в настоящей статье даются по указанному изданию.

*Voronezh State Pedagogical University
Shpilevaya G. A., Doctor of Philology, Professor of the Theory, History and Methods of Teaching the Russian Language and Literature Department
E-mail: 19alex04@mail.ru*

*Bondarenko V. A., Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature Department
E-mail: vikabondarenko1@rambler.ru*

*Borisova U. Y., Candidate of Philological Sciences, Assistant of the Theory, History and Methods of Teaching the Russian Language and Literature Department
E-mail: bananka-ulyanka@yandex.ru*

СВЯТОЧНЫЕ ПЕСНИ ПСКОВО-ПЕЧОРСКОГО ОБОЗЕРЬЯ И ВЕЛИКОРЕЧЬЯ

Л. А. Юрчук

Псковский государственный университет

Поступила в редакцию 12 августа 2024 г.

Аннотация: в статье на основе анализа материалов фольклорного архива Псковского государственного университета, записанных на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья в ходе фольклорных экспедиций 1978–2014 гг., представлено место колядок и виноградий (одного из видов святочных обходных песен) в контексте святочной обрядности и выявлены устойчивые элементы их структуры. Выявлены отличия в структуре колядок и виноградий, проявляющиеся в составе сюжетных мотивов.

Ключевые слова: колядка, виноградь, святочный обрядовый комплекс, обрядовый обход дворов.

Abstract: based on the analysis of materials from the folklore archive of Pskov State University, recorded on the territory of the Pskov-Pechora Obozerye and Velikorechye during the folklore expeditions of the 1978–2014, the article defines the place of carol songs and Vinogradyo (a type of christmas song) in the Christmas and New Year roundabout complex and identifies stable elements of their structure. Differences in the structure of carols and Vinogradyo have been identified, which are manifested in the composition of plot motifs.

Keywords: carol songs, Vinogradyo, caroling, ritual, folklore, tradition.

Даты основных земледельческих праздников у восточных славян приурочены к поворотным моментам движения земли вокруг солнца, сопряженным со сменой времен года. Выполнявшиеся в эти дни обрядовые действия, связанные с заботой земледельца о судьбе кормившего его поля, дают понимание мировоззрения крестьян, их мифологических представлений и верований. Зимний солнцеворот был отмечен Святками (время от кануна Рождества (24 декабря) до кануна Крещения (6 января)) — периодом, связанным с древним языческим обычаем встречи нового солнечного года. Комплекс приуроченных к Святкам обрядовых действий должен был способствовать возрождению солнца, оживлению плодоносящих сил природы и в конечном счете получению богатого урожая, хорошего приплода скота, крепкого здоровья и благополучия семьи. Большинство этих действий, в частности обрядовый обход дворов, восходят к глубокой древности и имеют ярко выраженный языческий характер. Как обход, так и обрядовые песни, составлявшие его неотъемлемую часть, имели магический смысл: укрепляя границу между «своим» и «чужим», участники обряда программировали будущее, формируя его облик в тех параметрах, которые мыслились в качестве желательных.

С принятием Русью христианства на архаическую основу Святков наложились новые представления, поскольку к святочному периоду церковью были приурочены евангельские события, связанные с Рождеством Иисуса Христа. Соответственно, произошло «удвоение» святочного обрядового ком-

плекса, который оказался дополнен обходом домов христословами, исполнявшими христианские гимны.

На Псковской земле дополнительной причиной структурно-семантического усложнения зимнего обходного комплекса и увеличения состава включенных в него песенных форм является особое географическое положение региона, южные районы которого находятся на пограничье России и Белоруссии, восточные — в сфере влияния новгородских и тверских традиций, западные — государств Балтии. Последнее особенно важно: согласно выводам Т. А. Бернштам и В. А. Лапина, именно в пограничных с нерусским населением зонах европейской части России (наряду с Псковщиной это Муромщина, Сумщина и Поволжье), также как и «в местах переселения русских, возникших, видимо, в результате самых ранних волн этого движения на Север, а затем в Сибирь и на Дальний Восток», получил распространение такой вид святочной народной поэзии, как виноградь — поздравительные песни с припевом «виноградь красно-зелёное», отмеченные устойчивостью системы поэтики и музыкально-песенной структуры (музыкально-песенная строфа, ритмическая форма, интонационно-ладовая характеристика) [1, с. 8, 100]. Этот вывод скорректировал концепцию В. И. Чичерова о том, что виноградь являются исключительным достоянием Русского Севера [2].

Материалом данного исследования являются записи, сделанные с 1978 по 2014 гг. экспедициями Псковского государственного университета на территории современных Псковского, Печорского, Палкинского, Островского и Пыталовского районов Псковской области, составляющих в совокупности этнокультурную зону Псково-Печорского Обозерья

и Великоречья, отмеченную своеобразием народной художественной традиции [3, 225]: всего более 1 тыс. записей, содержащих информацию о святочной обрядности. Исполнение на Псковщине виноградий не отменяло бытования здесь традиционных колядок. Среди имеющихся записей 52 включают тексты виноградий, 34 — тексты колядных песен. Кроме того, материал содержит большое число песенных фрагментов, состоящих из 1–2 строк, отнести которые к одному из видов святочной народной поэзии бывает затруднительно.

Цель работы — определение места святочных песен (колядок и виноградий) в зимнем обходном комплексе Псково-Печорского Обозерья и Великоречья и сопоставление их структуры. Указанная территория выбрана не случайно: в то время как колядные песни фиксируются во всех районах Псковской области, виноградьи встречаются именно в данной местности, которая находится на западной границе региона, отделяющей его от государств Балтии.

Анализ распределения записей внутри данной этнокультурной зоны показывает, что периферийные с точки зрения бытования песенных форм территории (Островский и частично Псковский районы) демонстрируют незначительное преобладание колядок, тогда как в остальных районах (в особенности в Пыталовском и Печорском, непосредственно граничащих с Латвией и Эстонией) доминируют виноградьи. Близкий результат в Псковской области получен Фольклорно-этнографическим центром Санкт-Петербурга: наибольшее число записей виноградий участники его экспедиций 1978–1999 годов сделали в Печорском и Палкинском (пограничном с Латвией) районах [3, 232]. Отметим также, что в деревнях, в которых бытовали виноградьи, как правило, не исполнялись колядки (например, в деревнях Лавровской, Изборской вол. Печорского района, Качановской, Новоуситовской, Родовской вол. Палкинского района), и наоборот. Исключения редки: песни обоих видов записаны только в Гавровской и Жоговской вол. Пыталовского района и в Тямшанской вол. Псковского района.

В то же время забвение обрядовой практики, с одной стороны, и усилия священнослужителей по возрождению традиции рождественских обходов, с другой, в отдельных местностях приводят к утрате памяти об исполнении святочных песен, что соответствует общей тенденции постепенного их вытеснения христианскими гимнами, отмечавшейся у русских уже в XIX–XX вв. [2, 163–164]. Одновременно происходит некоторое размывание границ между колядованием и славлением. Так, не только христославы, но и колядовщики совершают обход со «звездой», которую могут называть «Колядой» («Делают специальную такую звезду красивую, называется «Калид́а»» (зап. в 2001 г. в г. Острове, инф. 1941 г.р.)); как те, так и другие могут рядиться и устраивать обрядовые бесчинства [4]; рождественские гимны

в целом ряде записей имеют «колядный» финал — требование подарка, угрозы скупым хозяевам и даже крайне редкую в псковских колядках заклинательную часть [5, 691]. В отношении обоих обходов используются универсальные или «перекрестные» термины: «коляда», «колядовать», «христославить коляду» и т.д. Они же применяются и в отношении обхода с пением «виноградий». Только два наши информанта из Печорского и Палкинского районов назвали песни с припевом «виноградьи красно-зелёное» *виноградьем*, правда, в одном из этих случаев это слово информант повторил вслед за собирающими: «Соб: Различались колядки и виноградьи? Инф.: Винагра́дьи бы́ла» (зап. в 1999 г. в д. Горино Палкинского р-на, инф. 1930 г.р.). Лишь в двух записях (и только в текстах песен) из Палкинского р-на фиксируется именование участников обхода *виноградщиками* наряду с традиционным *колядовщиками*:

Как по ётай па парбшке калядóвщи́чки прашли́.
Винагра́ду красна-зелёнава!

Калядóвше́чки, винагра́дше́чки!

(зап. в 1996 г. в д. Медниково Палкинского р-на, инф. 1931 г.р.)

Во всех остальных случаях как в воспоминаниях местных жителей об обрядовой практике, так и в текстах песен используются лексемы «коляда» или «колядка» вне зависимости от наличия или отсутствия в песне припева, а участники обряда именуются «колядовщиками». Ср.:

Колядовщики-то люди добрые.

Мы ходили, мы искали коляду святую.

Виноградьи красно-зелёное.

(зап. в 1985 г. в д. Гверздонь Псковского р-на, инф. 1917 г.р.)

Подобную же контаминацию отмечаем в записи 1983 г., сделанной в Палкинском районе экспедицией Ленинградской консерватории («Кылядовщики — винагра́дщички» [6, 42]), в тексте, записанном в 1873 г. в Псковском уезде П. Шейном («Колядовщички шли да винограднички» [7, 339]), в публикации 1912 г. псковского краеведа Э. Я. Заленского: «Повсеместно в деревнях Псковского уезда существует обычай вечером первого дня рождества ходить «кликать» коляду. Кликает коляду только женское население деревни — девки и бабы», — и далее приводится текст виноградьи [8, 181]). Диахронический срез позволяет предположить, что «смешение» терминов при доминировании «колядной» терминологии является не следствием трансформации обряда в данной местности, а устойчивым его признаком. Исследования показывают, что для этого имеются определенные основания.

Если В. И. Чичеров (1957) называл песни с припевом «виноградьи красно-зелёное» виноградьями, исходя из принципа деления святочного фольклора в зависимости от припева, то уже А. Н. Розов (1981) использовал этот термин только в отношении север-

но-русского вида обходных песен, тогда как псковские песни называл «смешанными» («колядки с припевом «виноградие красно-зелёное»»), мотивируя это их сюжетным сходством с колядками и упоминанием в них Коляды [9, 55]. Т. А. Бернштам и В. А. Лапин (1981) в отношении псковских песен предложили термин «коляда-виноградье»: по их мнению, финальная часть псковского винограда представляет собой колядку, присоединившуюся к виноградию вследствие эволюционных процессов [1, с. 21, 24]. Кроме того, именно колядный сюжет является единственным сюжетом псковских виноградий в отличие от песен этого вида, записанных на других территориях. В соответствии с этим, на Псковщине имел место только обобщенный тип святочных песен: как колядки, так и виноградады исполнялись не для определенных групп (семейные, неженатая молодежь и т.д.), а для всей семьи.

Как колядовщики, так и виноградчики могли совершать обход дворов в любой день Святков, но преимущественно в сочельник либо рождественским вечером. При этом святочные песни следовали за рождественскими гимнами («Перва христалáвили мы, а Каляда́ ужé — ésta сáди» (зап. в 2005 г. в пос. Палкино, инф. 1938 г.р.); «Прийдёшь домой в 3–4 часа ночи» (зап. в 1996 г. в д. Старый Изборск Печорского р-на, инф. 1930 г.р.)). Это соотносится с замечанием краеведа Э. Я. Заленского, который, цитируя текст виноградады, писал, что в деревнях Псковского уезда коляду «кликают» вечером первого дня Рождества [8, 181].

Вопреки наблюдению Э. Я. Заленского о том, что «кликают коляду только женское население деревни — девки и бабы» [8, 181], и выводу Т. А. Бернштам и В. А. Лапина об исполнении виноградий группами молодежи «в святочный период — один из узловых моментов предбрачной обрядности» [1, 11], наш материал показывает, что примерно равное число групп колядующих формировалось из молодежи обоих полов и из подростков. Наш материал не подтверждает также и вывод Т. А. Бернштам и В. А. Лапина о том, что на Псковщине смешанные группы парней и девушек пели перед домом, а женские и девичьи — в доме [1, 17]. После исполнения песни хозяева могли пригласить в дом для наделения группу любого состава. Дифференциация по признаку «под окном — в доме» происходила не в рамках оппозиции «смешанная — женская» группа, а по линии противопоставления колядовщиков христославам: последние обыкновенно исполняли рождественские гимны в доме под иконой.

Святочные песни являлись одним из видов аграрно-магической поэзии («А с колядой ходили — ну это уже старинный такой, ну это тоже своего рода пожелать хорошего урожая на будущий год» (зап. в 2002 г. в д. Шелино Пыталовского р-на, инф. 1934 г.р.)). Этим представлением обусловлен обычай наделения колядующих. В отличие от христославов, которых обычно наделяли мелкими деньгами, колядовщики получали

изделия из теста либо зерно: ««Рождество» пропоёшь и... Там хозяин сколько там тебе денег вынесе... [...] А в первый день Рождества бегали коляду кликать. Бегают, поют: «Ходили, гуляли колядовщики, то там пирога давали» (зап. в 2000 г. в д. Волково Псковского р-на, инф. 1930 г.р.). После обхода собранные продукты делили или устраивали общее застолье.

Большой интерес представляет содержание исполнявшихся в процессе обхода колядных песен и виноградий, структура которых на общеславянском материале детально описана исследователями [2; 9; 1; 10]. В соответствии с этой схемой, святочная песня состоит из зачина, величания и концовки; в состав виноградий кроме того входит припев.

Исполнению святочной песни на Псковщине в отдельных случаях предшествовала просьба, обращенная к хозяевам дома: «Можно ли коляду пропеть?». В этом случае песня исполнялась только после получения положительного ответа. Зачин имел ритуальный характер: он сообщал о действиях и намерениях колядующих. Универсальными его формулами являются слова «Пришла Коляда накануне Рождества», а также сообщение о поисках богатого двора. При этом для зачина псковских колядок, в отличие от виноградий, характерна некоторая индивидуализация текста, проявляющаяся в именовании хозяина, перед домом которого колядующие остановились:

Пришла Коляда накануне Рождества.

Сочили Коляду по пещурочкам.

Сочили Коляду по закоулочкам.

Как нашли Коляду во Прасковьем дворе.

(зап. в 1988 г. в д. Медли Печорского р-на, инф. 1903 г.р.)

Колядка может начинаться и иначе — с выкрика «Коляда! Коляда!», сопряженного с призывом «отворять ворота» либо переходящего в припев. В свою очередь исключительно в зачинах виноградий встречается мотив «выпала порошка»:

Выпала парóшка снегу бéлава.

Винагра́дья красна-зялёна.

А па éstaй па парóшки кылядóвшшы́чки шли,

Кылядóвшшы́чки — люди дóбрые.

(зап. в 2000 г. в д. Верхний Крупск Печорского р-на, инф. 1911 г.р.)

Что касается величальной части песни, то само по себе ее наличие обусловлено магическим характером текста: создавая «для хозяина ту идеальную обстановку, о которой поется» [11, 58], колядующие программируют будущее в желаемом направлении, обеспечивая достаток и здоровье семьи в предстоящем календарном году, — и затем получают вознаграждение как часть богатств хозяина («дар за дар»). В то время как в составе псковских коляд величальная часть не представлена, виноградады разрабатывает в ней целый ряд «общих мест» — сюжетных ситуаций и формул, общих для славянских народов, хотя и представленных у них с разной степенью полноты.

В центре внимания величания — хозяева дома и те объекты хозяйства, которые свидетельствуют о благополучии семьи. В виноградыях Псково-Печорского Обозерья и Великоречья величание начинается с восхваления хозяйского двора. Наиболее часто встречается следующая формула:

Гаспадінав двор далекó в полé стайт.
Винагра́ду красна-зелёнава!
Далекó в полé стайт во семí верста́х.
Винагра́ду красна-зелёнава!
Во семí верста́х, на залата́х сталба́х.
Винагра́ду красна-зелёнава!

(зап. в 1996 г. в д. Медниково Палкинского р-на, инф. 1931 г.р.).

В вариантах она может быть дополнена сообщениями о том, что «возле этого двора да всё шелковая трава», «да всё серебряны тыны», что дом стоит «на желтых песках», вокруг него — «лазоревы цветы», «железный тын», «на каждой тынинке по жемчужинке». Данные мотивы в тексте величания связаны с магией и элементами древних культов [2, 123–124; 12, 52].

В публикациях псковских виноградий И. Д. Фридриха и Н. Л. Котиковой величание дома-двора завершает мотив триады небесных светил: солнце, месяц и звезды по мере развития песенного сюжета оказываются метафорическим указанием на домочадцев. Содержание этого мотива — «благопожелание семье, освященной и защищенной персонификацией с могущественными силами природы» [1, 58]:

Посерёд двора три терема стоят.
Во первом терему́ — светел месяц.
В другом терему́ — часты звездочки.
Светел месяц — сам хозяин во дому,
Красно солнышко — его мбóлода жена,
Часты звёздочки — малы детушки [13, 25].

Наличие мотива триады небесных светил обеспечивает логический переход от величания дома-двора к величанию хозяев, из которых особое внимание — главе семьи. В развернутом варианте псковское виноградые сообщает об отсутствии хозяина, который уехал в Москву (в Новгород) «суды судить» (либо на охоту / за покупками) и везет семье богатые дары:

Как уехал наш хозяин в каменну Москву.
Как приехал наш хозяин с каменной Москвы.
Привез-то наш хозяин по подарочку.
Своим девушкам по серёженькам.
Сынкам-соколам коня доброго,
Коня доброго вездеходного.
Свет-женушке — шубку беличью.

(зап. в 1986 г. в д. Шаврово Псковского р-на)

Благодаря наличию развернутого величания псковское виноградые обладает большей семантической связностью частей текста, нежели колядка, в которой ритуальная часть сменяется требованием подарка и аграрной угрозой. В частности, именно завершающее величание сообщение о богатых дарах,

которые хозяин везет домочадцам, позволяет исполнителям виноградыя перейти к финальному требованию об их наделении в благодарность за песню. В этой части псковское виноградые полностью смыкается с колядкой, в которой так же детально в императивной форме перечисляются возможные дары:

Не сто́й в переду́,
Надяляй Коляду́.
Или с пёчки пиро́гом,
Или с засе́ка решато́м,
Или с карма́на питако́м.

(зап. в 1996 г. в г. Острове Псковской обл., инф. 1932 г.р.),

Не забудьте подарить колядовщикам.
Виноградыя, красно-зялёная.
Или с печи пиро́гом или с клети решето́м.
Виноградыя, красно-зялёная.

(зап. в 1997 г. в д. Лавры Печорского р-на, инф. 1930 г.р.)

По мнению Т. А. Бернштам и В. А. Лапина, сходство финальных частей святочных песен — результат присоединения к виноградыю колядки в процессе развития обходного обряда [1, с. 21, 24].

Типичные для святочных песен угрозы скупым хозяевам в псковских записях встречаются нечасто и являются достаточно однотипными:

А ня да́шь пиро́га –
Мы карóву за рага́.

(зап. в 1997 г. в д. Городище Печорского р-на, инф. 1914 г.р.)

Ня дашь пирага́ — падапрём вора́та.

(зап. в д. Кононово Палкинского р-на, инф. 1935 г.р.)

По словам В. И. Чичерова, подобные угрозы — «отзвук того, что колядующие приходят не скромными просителями-нищими, а коллективом людей, совершающих магический обряд» [2, 126].

Угроза причинить вред хозяйству нередко получила реальное воплощение в обрядовом бесчинстве: как известно, колядующие могли подпереть дверь дома, заложить трубу, раскидать поленицу дров, что, впрочем, не всегда было связано с объемом полученных ими даров.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие как в колядках, так и в виноградыях, записанных экспедициями ПсковГУ на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья, заклинательной части, традиционно содержащей благопожелания. Единственный пример такого рода — колядка, записанная в д. Подосье Псковского р-на:

Подай тебе Бог <...>
Полон двор животов, в конюшню конёв,
В избушку ребят, а под печку телят.

(зап. в 1996 г. от инф. 1928 г.р.)

Согласно выводам Л. Н. Виноградовой, известный славянам мотив «приплод скота», входящий в состав благопожелательных формул, не типичен

для русских коляд, но встречается в песнях из областей, близких к Белоруссии [10, 92]. Что же касается практически полного отсутствия благопожеланий в псковских святочных песнях в целом, то, по мысли В. И. Чичерова, в подобных случаях его заменяет изображение богатства и обилия в величальной части [2, 126]. Поскольку же в публикациях 1960–1970-х гг. благопожелания представлены [13, 26; 14, 108], надо полагать, что в более поздних записях фольклорного архива ПсковГУ мы имеем дело с редукцией сюжета.

Традиционный финал псковских коляд и виноградей — благодарственная формула, которая содержательно примыкает к песне, но произносится речитативом уже за ее рамками: «Хазя́йн, хазя́юшка, с пра́здни́чком!» (Островский р-н), «Благодарим хозяйина и хозяйюшку с малым детушкам» (Печорский р-н).

Подводя итог, отметим, что одним из важнейших компонентов святочного обходного обряда на территории Псково-Печорского Обозерья и Великоречья было исполнение святочной песни, которая являлась одним из видов аграрно-магической поэзии. Святочная песня исполнялась преимущественно в рождественский сочельник или вечером первого дня Рождества группой молодежи или подростками под окнами домов. На Псковщине фиксируются два вида святочных песен — колядки и винограды, при этом в рассказе об их исполнении информантами используется «колядная» терминология, что отчасти обусловлено содержательным сходством псковских коляд и виноградей, которое объясняется эволюционными процессами.

Сопоставление структуры двух видов псковских святочных песен выявило некоторые отличия между ними. Так, открывающая песню ритуальная часть коляд и виноградей, обладая определенным сходством, включает отличающийся набор мотивов («пришла Коляда», выкрик «Коляда! Коляда!» / «выпала порошка»). В отличие от винограды, колядка в отдельных случаях допускает индивидуализацию текста, проявляющуюся в именовании хозяина дома. Винограды более сюжетно развернуто за счет разработанной величальной части, включающей восхваление дома-двора и хозяев, которое формируется совокупностью традиционных в славянском мире мотивов. В псковской колядке величание отсутствует. Более всего сходны финальные части коляд и виноградей, включающие требование подарка и аграрную угрозу. Сходство проявляется также в отсутствии заклинательной части текста, обусловленном сюжетной редукцией, которая обусловлена забвением традиционных обрядовых практик.

Псковский государственный университет

Юрчук Л. А., профессор кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного, доктор филологических наук, доцент

E-mail: lk2185@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштам Т. А. Винограды — песня и обряд / Т. А. Бернштам, В. А. Лапин // Русский Север: проблемы этнографии и фольклора: [сборник]. — Л.: Наука, 1981. — С. 3–109.
2. Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX веков (Очерки по истории народных верований) / В. И. Чичеров. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 234 с.
3. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор материалов Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: В 2 т. Т. 1. — Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002. — 686 с.
4. Юрчук Л. А. Обходы «со звездой» в контексте святочной обрядности Псково-Печорского Обозерья и Великоречья / Л. А. Юрчук // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2023. — № 4(49). — С. 382–386.
5. Юрчук Л. А. Колядные песни в контексте святочной обрядности Псково-Печорского Обозерья и Великоречья / Л. А. Юрчук // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2023. — № 6 (51). — С. 685–693.
6. Песни Псковской земли. Вып. 1. Календар.-обрядовые песни: (По материалам фольклор. экспедиций Ленингр. консерватории) / Сост. А. Мехнецов. — Л.: Сов. Композитор, 1989. — 149 с.
7. Шейн П. В. Великорусе в своих песнях, обрядах, обычаях. Т. I. Вып. 1 / П. В. Шейн. — СПб.: Тип. Императорской АН, 1898. — 393 с.
8. Заленский Э. Я. Что поет современная деревня Псковского уезда / Э. Я. Заленский. — Псков, 1912. — 184 с.
9. Розов А. В. К сравнительному изучению поэтики календарных песен / А. В. Розов // Русский фольклор. Т. 21. — Л.: Наука, 1981. — С. 47–69.
10. Виноградова Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования / Л. Н. Виноградова. — М.: Наука, 1982. — 258 с.
11. Поттебня А. А. Объяснения малорусских и сродных народных песен. Т. 2: Колядки и щедровки / А. А. Поттебня. — Варшава: Тип. М. Земкевича, 1887. — 809 с.
12. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники / В. Я. Пропп. — СПб.: Азбука, 1995. — 176 с.
13. Фридрих И. Д. Русский фольклор в Латвии: Песни, обряды и детский фольклор / И. Д. Фридрих. — Рига: Лиесма, 1972. — 484 с.
14. Котикова Н. Л. Народные песни Псковской области / Н. Л. Котикова. — М.: Музыка, 1966. — 371 с.

Pskov State University

Yurchuk L. A., Professor of the Philology, Communication and Russian as a Foreign Language Department, Doctor of Philology, Associate Professor

E-mail: lk2185@rambler.ru

ВЛИЯНИЕ RT ARABIC И AL ARABIYA НА АРАБОЯЗЫЧНУЮ МЕДИАСФЕРУ

Аббуд Мохаммед Вахаб Аббуд

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Поступила в редакцию 30 сентября 2024 г.

Аннотация: статья учитывает растущую популярность арабского спутникового телевидения как в арабском мире, так и за его пределами. Отмечается двойственная роль этого медиа: с одной стороны, оно выступает спорным стимулом демократизации, а с другой — влиятельным фактором социальных, культурных и политических изменений в регионе.

Ключевые слова: источник новостей, актуальные средства массовой информации, информационная среда, сфера массовых коммуникаций, телерадиокомпании арабского мира, глобализация.

Abstract: the article takes into account the growing popularity of Arab satellite television both in the Arab world and beyond. It notes the dual role of this medium: on the one hand, it acts as a controversial stimulus for democratization, and on the other hand, it is an influential factor in social, cultural and political changes in the region.

Keywords: news source, current media, information environment, mass communications, Arab world television and radio companies, globalization.

Традиционно в арабских СМИ доминировали контролируемые государством издания, которые часто отражали взгляды правящих сил, а не предоставляли независимые репортажи. Эта ситуация начала меняться в конце XX века с появлением спутникового телевидения, которое позволило диверсифицировать голоса и точки зрения. Поскольку люди искали информацию и анализ за пределами контролируемых государством нарративов, рос спрос на независимую и критическую журналистику. Этот контекст подготовил почву для влияния *RT Arabic* и *Al Arabiya*, которые вышли на сцену с различными редакционными уклонами и целями.

Исследователи медиа уделяют значительное внимание тому, как СМИ влияют на поведение индивидов и групп, как возникают разносторонние информационные эффекты — психологические, социальные, культурные, экономические и политические — и их последствия. Анализу подвергаются не только устоявшиеся демократии и стабильные общества, но также и развивающиеся страны, регионы, подверженные нестабильности [1]. *RT Arabic* был запущен в 2007 г. Его миссия заключается в предоставлении альтернативной точки зрения на повествования западных СМИ, особенно в отношении проблем на Ближнем Востоке. *RT Arabic* стремится бросить вызов тому, что он воспринимает как предвзятость в западных репортажах, и предложить российскую точку зрения на региональные и мировые события. Он привлекает зрителей, чув-

ствующих себя маргинализированными традиционными медиа-повествователями. Для многих *RT Arabic* представляет возможность взаимодействовать с новостями, которые резко контрастируют с основными новостными агентствами в арабском мире. Эта альтернативная точка зрения нашла отклик у аудитории, особенно в странах, где западное влияние воспринимается скептически [2].

Спутниковый телеканал *Al Arabiya* отличается от других своим уникальным подходом, направленным на достижение изменений через интерпретацию и представление действительности. Он, запущенный саудовской *MBC Group* в 2003 г., зарекомендовал себя как ведущий новостной канал в арабском мире. Подход *Al Arabiya* к освещению новостей характеризуется приверженностью более умеренной и сбалансированной перспективе, часто подчеркивая арабские взгляды на международные события [3]. Канал создал себе положительную репутацию за предоставление своевременного и всестороннего освещения последних новостей, что помогло ему сформировать лояльную аудиторию [4]. Однако деятельность *Al Arabiya* не лишена противоречий. Финансируемый правительством Саудовской Аравии, канал столкнулся с обвинениями в предвзятости в своих репортажах, особенно в отношении таких деликатных тем, как вмешательство коалиции под руководством Саудовской Аравии в Йемен и продолжающийся дипломатический кризис в Катаре. Критики утверждают, что *Al Arabiya* часто отражает политическую повестку дня саудовского государства. Эта ситуация подчеркивает проблемы, с которыми сталкиваются СМИ, пытаясь

сбалансировать редакционную честность с интересами своих финансовых спонсоров [5].

В сегодняшнюю цифровую эпоху привлечение аудитории имеет решающее значение для СМИ, и *RT Arabic* и *Al Arabiya* используют социальные сети для охвата своей аудитории. *RT Arabic* эффективно использовал социальные сети для взаимодействия с молодой аудиторией, которая все чаще обращается к онлайн-платформам для получения новостей. Используя визуально привлекательный контент и интерактивные форматы, *RT Arabic* создал сильное присутствие в интернете, которое находит отклик у поколения, скептически относящегося к традиционным СМИ [6]. Такое взаимодействие позволило *RT Arabic* расширить свое присутствие за пределами телевидения, привлекая зрителей, которые, возможно, не взаимодействовали с его контентом через традиционные каналы.

Аналогично действует и *Al Arabiya*. Канал поощряет зрителей участвовать в обсуждениях и делиться своим мнением по актуальным вопросам, создавая чувство общности среди своей аудитории. Стратегия *Al Arabiya* в социальных сетях способствовала укреплению его позиции как ведущего игрока в арабском медиaprостранстве [7].

Конечно, *RT Arabic* и *Al Arabiya* могут столкнуться с вызовом со стороны новых игроков, которые могут предложить альтернативные нарративы. Тем не менее, например, значительное число людей считает, что *RT Arabic* играет важную роль в расширении спектра мнений в медиaprостранстве. Согласно этой точке зрения, канал предоставляет возможность для выражения идей и взглядов, которые нередко остаются без внимания или намеренно исключаются из повестки крупных средств массовой информации [8]. В целом, рост популярности *RT Arabic* и *Al Arabiya* свидетельствует о более широкой тенденции в арабском медиaprостранстве, где начинают появляться разнообразные голоса и точки зрения. По мере того, как потребление медиа продолжает развиваться, вполне вероятно, что аудитория будет требовать от новостных агентств большей ответственности и прозрачности. Этот сдвиг может побудить как *RT Arabic*, так и *Al Arabiya* адаптировать свои редакционные практики для лучшего соответствия ожиданиям аудитории. Внедрение цифровых инноваций и содействие более тесному взаимодействию со зрителями может помочь обоим каналам сохранить актуальность в условиях все более конкурентной медиасреды. Более того, текущая геополитическая динамика

в регионе продолжит формировать повествования, представляемые этими агентствами. По мере развития конфликтов и возникновения новых проблем *RT Arabic* и *Al Arabiya* придется ориентироваться в этих сложностях, стремясь при этом поддерживать журналистскую честность и авторитет.

Таким образом, *RT Arabic* и *Al Arabiya* играют значительную роль в формировании мировой повестки дня и влиянии на общественное восприятие, часто отражая более широкую геополитическую динамику. Их будущее зависит от способности адаптироваться и реагировать на меняющийся ландшафт ожиданий аудитории. В конечном счете, влияние этих каналов на арабское медиaprостранство служит напоминанием о сложном взаимодействии между СМИ, политикой и общественным восприятием в регионе, отмеченном быстрыми изменениями и неопределенностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Guerrero-Solé, F., Terribas Sala, M., Gifreu Pinsach, J. People on Media Effects: An Exploratory Study of People's Theorization on the Influence of Mass Media // *Estudios sobre el Mensaje Periodístico*.— 2018.— № 1 (24).— С. 583–601.
2. Al Ibrahim, D., Shi, Y. Framing terrorism: A comparative content analysis of ISIS news on RT Arabic and Sky News Arabia websites // *Journal of Arab & Muslim Media Research*.— 2020.— № 2 (13).— С. 215–234.
3. El-Nawawy, M., Elmasry, M. H. Revolution or crisis? Framing the 2011 Tahrir Square protests in two pan-Arab satellite news networks // *Journal of Applied Journalism & Media Studies*.— 2015.— № 2 (4).— С. 239–258.
4. Othman, R. A., Muhammad, A. I., Ali, H. M. News Coverage of Syrian Kurdish Issues on Arab Satellite Channels // *Journal of University of Raparin*.— 2022.— № 3 (9).— С. 409–432.
5. Al-Kuwari, R. B. *Al-Arabiya Channel in the Dock for its Professional Transgressions (1–2)*.— 2018.
6. Al-Kanani, A., Shakir, A. M. B. The Syrian public's reliance on Russian channels as a source of information in covering military operations in Ukraine — Russia Today Channel (Arabic-language) as a model // *Damascus University Journal of Arts and Humanities*.— 2023.— № 39 (4).
7. Belamri, R. *News sources in news TV channels, Al Arabiya and BBC Arabic as models: PhD Thesis*.— Algiers: University of Algiers 3, Faculty of Media and Communication Sciences, 2023.
8. Berti, B., Paris, J. *Beyond Sectarianism: Geopolitics, Fragmentation, and the Syrian Civil War* // *The Institute for National Security Studies*.— 2014.— С. 22–28.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Аббуд М. В. А., аспирант
E-mail: muhamedaboud19@gmail.com

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia
Abbood M. W. A., Postgraduate Student
E-mail: muhamedaboud19@gmail.com

ЖУРНАЛИСТСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД

С. А. Базикиян

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

Поступила в редакцию 3 апреля 2024 г.

Аннотация: *проектные методики обучения, анализу которых посвящена данная статья, по утверждению ряда ученых и медиапедагогов, оказываются наиболее эффективными и продуктивными в журналистском образовании.*

Ключевые слова: *проект, медиа, журналистское образование, практико-ориентированный подход, тренды.*

Abstract: *the project-based teaching methods analyzed in this article, according to a number of scientists and media educators, turn out to be the most effective and productive in journalistic education.*

Keywords: *project, media, journalistic education, practice-oriented approach, trends.*

Технологии в медийной сфере не стоят на месте, поэтому пассивные методики обучения в журналистском образовании оказываются менее эффективными, чем активные формы. Игры, тренинги, кейс-стади обеспечивают «погружение» в профессию, позволяя методом проб и ошибок понять реалии медиарынка и идентифицировать себя с представителями профессии (журналистами, редакторами, операторами, монтажерами и т.д.). По мнению ряда медиааналитиков и теоретиков медиаобразования [1–5] наиболее универсальным и эффективным в этом плане оказывается метод проектов.

Вообще, проектная деятельность в журналистском образовании явление не новое: на базе многих факультетов журналистики уже не одно десятилетие функционируют печатные, телевизионные, электронные медиапродукты. Но сама проектная деятельность до недавнего времени не носила здесь системного характера: в образовательных программах как отдельная образовательная деятельность она не предусматривалась. В связи с трансформациями цифровой среды взгляд на место проектной деятельности в системе журналистского образования несколько поменялся. Как утверждают медиапедагоги, с целью оптимизации образовательного процесса, который должен идти в ногу со временем, необходимо сделать проектную деятельность неотъемлемой частью образовательной программы. Так, Л. П. Шестеркина утверждает, что «в контексте современных условий развития системы профессиональной подготовки и переподготовки журналистов в мире, а также происходящих в ней эволюционных изменений актуальными задачами являются не просто подготовка отдельных проектов, а теоретическая

разработка и внедрение системы проектного обучения, позволяющего оптимизировать учебный процесс в конкретных условиях» [6, 195].

Для нашего исследования актуальным представляется введение термина «**медиаобразовательный проект**» — это «уникальная медиаобразовательная деятельность, имеющая начало и конец во времени, направленная на создание определенного, уникального продукта: газеты, журнала, теле- или радиопередачи, интернет-сайта и т.д.» [2]. Таким образом, отличительной чертой любого медиаобразовательного проекта является направленность на достижение, прежде всего образовательно-воспитательных целей, посредством производства уникального медиа, решающего общественно-важную проблему. Еще одна существенная особенность проектного образования заключается в наличии большей заинтересованности у учащегося, в отличие от традиционных форм обучения. Оно «строится не в логике учебного предмета, а в логике деятельности, имеющей личностный смысл для ученика, что повышает его мотивацию» [7, 51]. При этом медиаобразовательные проекты являются лишь «частной формой реализации проектной технологии» [7].

В рамках тематики нашего исследования целесообразным представляется анализ специфики и особенностей функционирования в современном образовательном процессе нашей страны непосредственно медиаобразовательных проектов.

Интересны в этой связи попытки разделения медиаобразовательных проектов на виды. По принципу деления всей медиаобразовательной деятельности, в основу которого положен такой критерий, как цель, медиаобразовательные проекты также можно разделить на профессиональные и непрофессиональные, то есть проекты, рассчитанные на под-

готовку специалистов, непосредственно связанных с медиаиндустрией (журналистика, кинематограф, программирование, веб-дизайн и т.д.) и проекты, направленные на формирование дополнительных информационно-коммуникативных компетенций у учащихся, специальность которых не будет напрямую связана с медиасферой. Исчерпывающую классификацию медиаобразовательных проектов дала И. А. Фатеева, разделив медиаобразовательные проекты на виды по различным критериям: по технологическому аспекту, по видам деятельности; по количеству исполнителей; по масштабам деятельности и др. [7].

На основе анализа образовательных медийных проектов российских вузов медиаэксперты и медиapedагоги выделяют их ведущую функцию — реализацию творческого потенциала студентов и формирование профессиональных навыков на основе реальных запросов медиаотрасли посредством создания уникального востребованного аудиторией медиапродукта. А. Р. Марфицына и Л. П. Шестеркина, например, приходят к выводу, что в ходе создания и реализации проекта студенты приобретают навыки комплексного разрешения проблем, а сама проектная деятельность мотивирует их к осмысленному освоению профессии [8], чего достаточно сложно добиться в рамках традиционных форм обучения. Кроме того, поэтапно создавая медийный продукт (от планирования до эксплуатации и рефлексии результатов), студенты не только приобретают такие базовые профессиональные компетенции, как работа с текстом, поиск и анализ информации, ее верификация, взаимодействие с целевой аудиторией, умение использовать новейшие цифровые технологии, но и осваивают в целом все стадии редакционного производства, тем самым формируя собственную профессиональную идентичность.

Мониторинг медиаобразовательных проектов 10 отечественных вузов¹ позволил выявить основные формы их функционирования: это учебные медиа (печатные газеты и журналы, интернет-издания, телепрограммы, видеосоюжеты, радиопередачи, подкасты), интеллектуальные игры (тренинги), научно-исследовательские проекты (например, выполненные в форме ВКР), проекты по формированию медиаграмотности, внеучебные проекты студенческих медиацентров (инициируются журфаками и создаются с образовательными целями, но вне рамок учебных дисциплин).

Наиболее востребованной оказывается печатная периодика: на всех факультетах (кафедрах) издаются учебные газеты и журналы. Предположим, что непреходящая популярность подобных медиа связана

с тем, что из всех указанных нами форм именно печатная газета, несмотря на все более настойчивые сентенции медиасообщества о ее неактуальности в современных реалиях, способна стать полноценной площадкой для реализации творческого потенциала и оттачивания профессионального мастерства будущих журналистов.

Газету, в отличие от интернет-издания, теле- или радиопрограммы, можно назвать полижанровым продуктом, тяготеющим к тому же к объемным текстам. Поэтому именно газета оказывается той площадкой, на которой студенты могут в полной мере попрактиковаться в написании не только сжатых новостных материалов, но и более «солидных» аналитических и публицистических текстов, которые в интернет-среде могут оказаться неуместными. Более того, не забывая про формирование трендовых сегодня цифровых компетенций, принтовую версию газеты или журнала всегда можно дополнить онлайн-овой площадкой, превратив последнюю, например, в дайджест основных публикаций печатного издания и сделав ее впоследствии первичной по отношению к печатной.

Основной проблемой печатных учебных СМИ является высокая стоимость производства, поэтому их тиражи с каждым годом становятся все меньше: образовательной организации оказывается достаточно сложно выпустить в печать большое количество экземпляров. Выходом из сложившейся ситуации может стать поиск учредителей-издателей вне вуза (школы). Примером подобного симбиоза является факультет журналистики ЧелГУ, где силами студентов осуществляется работа над общегородским изданием «Челябинский рабочий», а издателем является местный предприниматель Василий Серодонин, по убеждению которого подобное сотрудничество оказалось весьма продуктивным. «Стоит понимать, что это не частная инициатива некоторых студентов, а официальный выпуск издания в рамках образовательного процесса государственного вуза. Таким образом, новый собственник издания смог найти удивительный и по-своему уникальный симбиоз сотрудничества, при котором газета будет максимально близка к высоким стандартам печатного издания» [9].

Еще одним существенным минусом печатного издания, особенно газеты, является настороженное отношение к ней молодежи: некоторые студенты считают данный формат устаревшим — намного инициативнее они оказываются при создании цифровых медиа. Но, как справедливо отмечает главный редактор студенческой редакции, руководитель службы выпуска газеты «Челябинский рабочий» Виктория Котова, многие страхи студентов проходят, когда они начинают погружаться в процесс: ищут релевантные информационные поводы, знакомятся с программой верстки. «У некоторых есть запрос научиться писать

¹ При сборе некоторых эмпирических данных использованы материалы IX Медиафорума ImPro (Челябинский государственный университет).

тексты, им неважно, что они публикуются для газеты или для интернет-издания, другим важно разобрататься в *Индиазайне*, поверстать — их напрямую интересует сфера дизайна. Всегда можно адаптировать любую тему под формат газеты» [10].

Следуя последним трендам в развитии медиаиндустрии, ведущие вузы, занимающиеся подготовкой журналистов, активно развивают и учебные электронные проекты. В СПбГУ, например, интернет-издание «Развилка», имея, помимо двух сайтов, многочисленные представительства в социальных сетях и видеохостингах, активно развивает такие форматы, как подкасты, видеоистории, мультимедийные лонгриды. В ЧелГУ, МГУ, ЮУрГУ, РУДН функционируют подобные проекты в форме сообществ в социальных сетях, отдельных сайтов, блог-платформ, трансмедийных проектов, но активного развития в других вузах такая форма проектного обучения пока еще не получила, что говорит о недостаточной заинтересованности педагогического сообщества в развитии новейших цифровых компетенций.

Систематизируя проекты, которые на сегодняшний день реализовываются в системе высшего журналистского образования, можно выделить их характерные черты:

1. Проекты связаны с реальным запросом медиаиндустрии, т.е. у многих проектов есть заказчики — медиаменеджеры-практики, в случае отсутствия заказчиков редакции студенческих медиа проводят социологические опросы аудитории с целью создания востребованного контента. Связь с реальным миром, в свою очередь, по утверждению медиапедагогов, «позволяет студентам активно приобретать, развивать профессиональные компетенции и применять свои навыки и знания» [11, 150]. О востребованности на медийном рынке свидетельствует и тот факт, что некоторые проекты оказываются впоследствии независимыми и из корпоративных медиа превращаются в самостоятельные и продолжают развиваться даже после окончания студентами вуза, например издание «Развилка» (имеет более трех тысяч подписчиков в группе «ВКонтакте»); Include (КФУ) (почти шесть тысяч подписчиков в «ВКонтакте»); The Vyshka (ВШЭ) (больше 60 тысяч подписчиков).

Кроме того, постоянная работа с «оглядкой» на аудиторию, в отличие от выполнения традиционных контрольно-рейтинговых заданий, единственным читателем которых оказывается преподаватель, вырабатывает в студентах привычку скрупулезной работы с информацией. Таким образом, одной из важнейших задач проектной деятельности в журналистском образовании становится «подготовка специалистов, владеющих всеми современными инструментами фактчекинга, а также воспитание журналистов с оглядкой на один из основополагающих принципов работы с информацией — ее перепроверки и фактической достоверности» [12].

2. Аудитория проектов (в большей степени это относится к учебным медиа) максимально приближена к их создателям: зачастую авторами и читателями учебных медиа являются студенты, они говорят на одном языке, что повышает уровень доверия к проекту со стороны пользователей

3. Поэтапная работа над проектом позволяет студентам уже во время учебы адаптироваться к редакционному производственному процессу и понять его специфику.

Итак, специфика медиаобразовательных проектов, реализующихся в системе высшего журналистского образования России на сегодняшний день, определяется общими тенденциями диджитализации медиаиндустрии: это трансформация журналистских текстов, тяготение к мультимедийности, трансмедийности, проблема верификации информации. Инициаторы инновационных форм обучения стараются учитывать позитивные и негативные аспекты функционирования современной медиасферы, конструируя алгоритм проектной деятельности так, чтобы ее результат отвечал требованиям времени.

При этом сам проектный подход в обучении будущих журналистов представляется весьма перспективным и продуктивным: в результате создания учебных медиа, прохождения образовательных курсов, выполнения научно-исследовательских проектов студенты не только учатся применять на практике теоретические знания посредством создания публичного продукта (получив тем самым возможность обратной связи от аудитории), но и формируют навыки работы в команде (социализации в том числе), самостоятельности мышления, получают возможность попробовать себя в разных ролях и тем самым осознать правильность выбора профессии.

Поэтому внедрение метода проектов в образовательный процесс — действенный способ решения актуальных задач современного журналистского образования, и, как утверждают специалисты, эффективный инструмент «подготовки и переподготовки востребованного на современном рынке СМИ всесторонне развитого, компетентного, универсального медиаспециалиста, чей профессиональный и личностный потенциал соответствовал бы запросам современного общества» [8, 46].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фатеева И. А. Медиаобразование: теоретические основы и опыт реализации / И. А. Фатеева. — Челябинск, 2007.
2. Фатеев В. Н. Медиаобразовательные технологии в профессиональном обучении менеджеров / В. Н. Фатеев // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2010. — Т. 2. — № 6. — С. 27–34. — Режим доступа: https://mediaznak.ucoz.ru/arhiv/2010_2_6.pdf (дата обращения: 01.04.24).
3. Гонне Ж. Школьные и лицейские газеты: становление и развитие школьной и лицейской самодеятельной

прессы во Франции / Ж. Гонне. — М., 2000.

4. Марфицына А. Р. Проектное обучение как способ формирования научно-исследовательских навыков у студентов-журналистов / А. Р. Марфицына // Наука ЮУрГУ. — Челябинск, 2020. — С. 96–100.

5. Шестеркина Л. П. Проекты совместного творчества преподавателей и студентов: от идеи до реализации: из опыта инновационного проектирования в процессе обучения студентов-журналистов / Л. П. Шестеркина, Т. Д. Николаева. — Челябинск, 2013.

6. Шестеркина Л. П. Инновационная модель подготовки журналистов: основные принципы построения / Л. П. Шестеркина // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. — 2011. — № 6 (41). — С. 194–197.

7. Фатеева И. А. Актуальные проблемы медиаобразования / И. А. Фатеева. — Челябинск, 2015.

8. Шестеркина Л. П. Проектная журналистика и современные тенденции журналистского образования / Л. П. Шестеркина, А. Р. Марфицына // Ученые записки Забайкальского государственного университета. — 2019. —

Т. 14. — № 1. — С. 40–48.

9. Газета «Челябинский рабочий» вернулась в печать // Альянс независимых региональных издателей. — Режим доступа: <https://anri.org.ru/2020/01/27/gazeta-cheljabinskij-rabochij-vernulas-v-pechat> (дата обращения: 01.04.24).

10. Телемост журфаков России // Материалы IX Медиафорума ImPro. — Режим доступа: <https://nauka-jourcsu.ru/impro2023> (дата обращения: 01.04.24).

11. Шестеркина Л. П. Журналистское образование в условиях конвергенции СМИ: монография / Л. П. Шестеркина и др.; под ред. профессора Л. П. Шестеркиной. — Челябинск: РЕКПОЛ, 2012. — 114 с.

12. Королев Е. А. Фактчекинг как основа медиаобразовательных проектов кафедры цифровых медиакоммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета / Е. А. Королев // Фактчекинг как инструмент развития медиа и современного медиаобразования. — Новосибирск, 2021. — Режим доступа: https://nammi.ru/sites/default/files/monografiya_zhurn-obr-konverg.pdf (дата обращения: 01.04.24).

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

Базикян С. А., кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики

E-mail: Stanislava83@yandex.ru

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Bazikyan S. A., Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Journalism Department
E-mail: Stanislava83@yandex.ru*

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ТОЧНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА)¹

Л. А. Брусенская

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Э. Г. Куликова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Поступила в редакцию 26 июля 2024 г.

Аннотация: в статье на материале актуальных медиатекстов предлагается прагматическое измерение языковых ресурсов, основанное на категории «прагматической точности», которая вбирает в себя все виды точности — понятийную, семантическую и эмоциональную. Прагматическая точность анализируется как основа прагматической уместности. Исследованы случаи нарушения прагматической точности, объяснены их истоки и последствия для коммуникативного процесса.

Ключевые слова: медиадискурс, коммуникация, лингвистическая экология, лингвопрагматика, точность, уместность и красота речи.

Abstract: on the material of current media texts, the article proposes a pragmatic research of language resources based on the category of “pragmatic accuracy”, which includes all types of accuracy — conceptual, semantic and emotional one. The authors analyze pragmatic accuracy as the basis of pragmatic relevance, investigate the cases of pragmatic accuracy violations, explain their origins and consequences for the communicative process.

Keywords: media discourse, communication, linguistic ecology, linguistic pragmatics, accuracy, relevance and beauty of speech.

В современной науке утвердилось широкое понимание лингвистической экологии, при котором в ее задачи включают не только спасение вымирающих языков, но также широкий спектр проблем, связанных с адекватным использованием речевых ресурсов вполне благополучного языка, с риторическим канонами и нормативностью средств выражения [1–7]. Для экологического подхода к языку характерно исследование ситуативности выбора и функционирования лингвистических единиц, так как их семантические и прагматические характеристики трансформируются в зависимости от ситуации.

Одна из сфер повышенного внимания — прагматические значения, которые являются результатом постоянной динамики социокультурных ценностей. Учет прагматики слова позволяет отправителю речи адекватно реализовать интенции, используя различные маркеры их выражения, а адресату — интер-

претировать интенции автора текста, в том числе небуквальный смысл, иронию, пейоративную или мелиоративную оценочность. Как известно, Ч. Моррис разработал теорию трех измерений семиозиса, и в моррисовской трехчастной системе свойств языковых знаков прагматика толкуется предельно широко (в отличие от семантики и синтактики). По сути, к прагматике относятся речевые функции знака, его оценка коммуникантами и в целом закономерности вербального общения [8]. Прагматика, как встроенное в содержание языковых единиц отношение адресанта к действительности, к содержанию используемых знаков, подвижна и динамична. Это составляет особую трудность в различных типах коммуникации. Но экологическому мышлению соответствуют прагматически точные номинации, в которых учтена динамика прагматических значений. «Точность имеет три аспекта реализации: семантический (уровень словоупотребления), коммуникативно-прагматический (отношение между знаками и теми, кто их использует), а также синтаксический, реализующийся на уровне предложения, синтаксического целого или текста» [9]. Думаем, что коммуникативно-прагматический аспект реализации точности включает в себя и семантический, и синтаксический уровни, поскольку прагматические значения могут реализовываться как на уровне отдельной номинации, так

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001 «Лингвоэкологические параметры межкультурной коммуникации на постсоветском пространстве».

The reported study was funded by RFBR and MES RSO, project number 21-512-07001 «Linguoecological parameters of intercultural communication in post-Soviet space».

и на уровне целого текста.

Многие авторы разграничивают типы прагматических сознаний — системные (общезыковые), контекстуальные, ситуативные и отмечают, что незнание или игнорирование прагматических компонентов представляет серьезную лингвоэкологическую проблему [10–13]. В дальнейшем изложении будет показано, как акцент на прагматической составляющей может быть либо источником эмоциональной точности, либо, напротив, сбоя коммуникации.

Цель статьи — уточнить объем и границы понятия «прагматическая точность». Объектом настоящей статьи является категория прагматической точности, предметом — лингвоэкологический потенциал рассматриваемой категории и особенности его репрезентации в современном медиaprостранстве с учетом успешности/неуспешности.

На материале современных медиа (газет «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Литературная газета», «Правда», «Советская Россия», «Республика», «Союзное Вече», «Коммерсантъ», «Экспресс газета») исследованы контексты с нарушениями прагматической точности. Для анализа применялись когнитивно-коммуникативный и лингвокультурный подходы к материалу. Применялся также метод интроспекции, который состоит в апелляции к языковой интуиции исследователя в отношении медийного словоупотребления, а также моделирования наиболее точного использования прагматических ресурсов.

Самым очевидным (в смысле причины) случаем нарушения экологических параметров коммуникации является пренебрежение ограничениями в сочетаемости единиц, составляющих фразеологическую единицу или клишированное выражение. Если серьезная, даже программная статья по материалам выступления лидера КПРФ Г. А. Зюганова называется «**Основы побед закладывает школьная скамья**» [14, 6], это вызывает комическое впечатление, на которое меньше всего рассчитывал автор. Фразеологизм «со школьной скамьи» в значении ‘давно, с давних лет, со школьных лет’ этимологически связан с представлениями либо о скамьях вдоль классных стен в старинной школе, либо с образом парты советских времен, но метонимический перенос «скамья» в значении ‘школа’ в общем языке не сформировался. Поэтому нормальным вариантом было бы: «Основы побед закладывает школа».

Еще пример неудачной трансформации ФЕ:

«При этом у Баку, в отличие от соседей, оказалось одно серьезное преимущество в виде огромных запасов энергоресурсов (нефть, газ). И он этим образцово воспользовался: **ударилась в рост хозяйственные показатели...**» [15, 3].

В русском языке есть фразеологизмы «удариться в бега», «удариться в слезы», «удариться в крайность», но не «удариться в рост». Важно и то, что существу-

ющие ФЕ с опорным словом «удариться» передают, помимо интенсивности события, еще и достаточно яркую пейоративность, которая неуместна в информации о высоких хозяйственных показателях.

В работе [16] показано, как самое незначительное нарушение этикетного клише может в корне исказить семантику и прагматику высказывания. «3 октября 2019 года после известия о смерти чешского певца Карела Готта по каналу ТВ «Мир» прошла передача, в которой Карел Готт сказал: *«Российская публика всегда была внимательна ко мне. Я вам никогда этого не забуду»*. Местоимение “вам” превращает слова признательности (именно эта интенция была у певца) в не осознаваемую адресантом угрозу, которая, конечно, с недоумением опознается русскими реципиентами» [16, 308].

Трансформация фразеологизмов в игровых целях — один из традиционных медийных приемов. Ср. медийный заголовок *Бойцам процент не писан* — речь о том, что, по предложению Минфина РФ, участники СВО должны будут возмещать только основную сумму долга по потребительскому кредиту, то есть они будут освобождены от уплаты процентов [17, 2]. Очевидно, автор зря «накреативил»: ассоциация с известным выражением *Дуракам закон не писан* здесь абсолютно лишняя.

Источником неточности может стать неразличение паронимов, один из которых возможен в составе устойчивого выражения, а другой — нет: «Одна их терминология для инакомыслящих чего стоит — «страны-изгой», развитие которых надо «сдерживать», **вторгая в нищету**» [18, 1]. Нормативным является глагол «**вторгаться**», который без форманта -ся не употребляется и, естественно, не может образовывать деепричастия «вторгая».

В рассмотренных случаях ошибка легко выявляется, опознается как таковая (в последнем случае она обусловлена, скорее всего, сбоем корректорской службы). Исправление ошибки и восстановление необходимой прагматической окраски высказывания трудностей не вызывает.

Но, как известно, помимо общезыковой прагматики, есть и иные ее формы, связанные с дифференциацией носителей языка с точки зрения идеологических предпочтений, индивидуальных пристрастий. Так, слово «пакт», которое в словарях лишено прагматических помет или помечается только как «книжн.», «офиц.», может использоваться в качестве нейтрального синонима к слову «договор», а может восприниматься в качестве пейоратива, ср.: «У власти и у культуры должен быть своеобразный **пакт** о взаимном ненападении. Они обязаны существовать как равноправные партнеры» [19].

Как видим слово «пакт» в таком употреблении включает в семантику коннотативные составляющие, связанные с негативной оценкой, что с точки зрения говорящего (Я. Кедми) не является прием-

лемым (интервью с Я. Кедми «Не стыдитесь своей историей») [20, 3]. В лексикографических источниках слово «пакт» сопровождается пометой «офиц.», для которой характерно отсутствие оценочности.

Однако мнение Я. Кедми, который блестяще владеет русским языком, заслуживает самого пристального внимания. Дело, очевидно, в том, что пейоративность имеет множество градаций, и у слова «пакт» она не явная, не отчетливая, однако ее тоже надо иметь в виду.

Отчетливой пейоративностью отличаются суффиксальные производные имена: *игрища* вместо *игры* (в качестве особой номинации Олимпийских игр в Париже в 2024 г.): *Вслед за гимнастами и боксерами ехать на игрища отказались и наши пловцы* [21, 14].

При использовании этой лексемы намеренно создается контекст неразличения нескольких лексико-семантических вариантов с закрепленной в семантике негативной оценочностью.

МОК, продолжая санкционную политику в отношении российских спортсменов настоял на их участии без флага и гимна (так называемый нейтральный статус) и при этом обязал их воздерживаться от любой деятельности, связанной с национальным флагом, гимном, эмблемой или любым другим символом РФ, а также от поддержки спецоперации на любом официальном мероприятии или в СМИ до, во время и после Олимпиады. Естественно, большинство наших атлетов отказалось от участия в «игрищах», далеких от принципов олимпизма.

Суффиксальные образования от наименований лиц, особенно с суффиксами *-уг(a)/юг(a)*, *-яг(a)*, *-ак(a)*, чаще всего имеют яркое пейоративное звучание: «*Журналиги* продолжают называть Александра Борисовича «отцом русского рока», при том что сам Градский не раз повторял, что никакого русского рока не существует» [22, 22].

Здесь интенции автора считываются предельно ясно: пейоративная номинация закономерна в отношении известного типа пишущей братии. Но вот зачем статью о дефиците рабочих специальностей как общественной проблеме назвали «Бой за *трудягу*»? [23, 14]. В самом тексте читаем: «В конце XX века рабочие специальности вышли из моды — денег таким *трудягам* платили мало, а то и вовсе забывали о зарплатах сотрудников заводов и сельхозпредприятий».

Если общество эпохи импортозамещения и противодействия западным санкциям берет курс на восстановление былого уважения к человеку труда, то вряд ли уместно обозначение главного персонажа этого процесса номинацией с суффиксом *-яг(a)*.

Интересно, что если по отношению к человеку *трудяга*, *работяга* звучит уничижительно, то когда эти наименования применяются метафорически, пейоративность пропадает.

Ср.: «*Заслуженный работяга*» — заголовок статьи о монументе, памятнике истории, одном из пер-

вых паровозов. И в тексте: «Паровоз, поднятый на постамент, стал памятником нескольких поколений трудолюбивых людей, посвятивших себя железной дороге. Облик «*железнодорожного работяги*» удивительно гармоничен» [24, 30]. Ясно, что нейтральное «работник» здесь подошло бы меньше (если вообще подошло бы).

Журналист А. Гамов публикует интервью с доктором Леонидом Рошалем [25, 6], где доктор говорит, что в День Победы присоединяется к акции «Бессмертный полк» и идет с портретом отца. Далее слова доктора воспроизведены так: «Я с гордостью смотрю на этот портрет полковника с орденами Ленина и Красной Звезды. У него непростая судьба. Он был беспризорником где-то с трех лет. Но пошел в военное училище. И был *настоящий служака*. Дослужился до командира дивизии авиабазирования». Конечно, читатель ощущает некий диссонанс, неуместность слова «служака», памятного как название сатирического стихотворения В. Маяковского. Очевидно, пейоративная прагматика сформировалась недавно (классическая литература дает многочисленные примеры типа «хороший служака»), словари отмечают только разговорный характер, но ясно, что сегодня это слово мало годится для выражения пиетета. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой отмечают устаревший характер слова в значении «опытный, усердный служащий (обычно о военном)». Думаем, устарела и нейтральная прагматика этого слова, оно явно переместилось в разряд пейоративов. Мы не знаем точно автора номинации — журналист А. Гамов или сам Л. Рошаль, но в любом случае это пример прагматической неточности — того, что не соответствует экологическому мышлению.

Показательно, что по поводу прагматической неточности в речи чиновника высказался президент В. В. Путин. Во время совещания президента с правительством губернатор Тюменской области Александр Моор заявил, что эвакуироваться из подтопленных регионов отказываются только «*самые упертые*». «Вы сказали, что людей вывозим, «*остались самые упертые*». *Не надо так о людях, не надо*. Послушайте меня, не смешно. Я понимаю, что вы стараетесь, все устали, работаете, недосыпаете и искренне стараетесь людям помочь. Но люди почему не едут? Боятся за свое имущество, за свои дома. Надо, чтобы поверили в то, что все будет надежно обеспечено», — сказал в ответ Путин [26, 2]. Как и слово «служака», слово «упертый» квалифицируется словарями только как разговорное, то есть из толковых словарей нельзя почерпнуть информацию, которая поможет адекватно использовать это слово.

Отображение прагматической информации в толковых словарях — одна из проблемных зон практической лексикографии. В теории лексикографии предложено «зональное устройство словарной статьи, в которой информация о денотативном и прагматиче-

ском (коннотативном) компоненте разнесены в разные зоны» [27], однако «в настоящее время отсутствуют ресурсы, позволяющие осуществлять поиск прагматически маркированной языковой единицы по семантической, прагматической, функциональной, стилистической характеристике» [28, 72]. Поэтому так важно накопление информации о динамике прагматических созначений, о возможностях пейоративного звучания лексики, которая не зафиксирована в таком качестве в лексикографии.

Прагматические корреляты (слова с общей семантикой, но различным прагматическим звучанием) нередко становятся источником (точнее — маркерами) ценностных конфликтов. Когда М. Виторган заявил о том, что необходимо прекратить праздновать День Победы, поскольку «нынешнему поколению праздновать уже нечего», это имело большой общественный резонанс. Говорили о забвении подвига нашего народа, о молодежи, равнодушной к истории отечества и т.п. Ср. также:

— Как Звезду Героя вручали, помнишь?

— Ну, первые две недели вообще не понимал, что происходит. Огромная благодарность командованию моего отряда, части, что ходатайствовали, оценили заслугу моей группы так высоко. Здесь каждый какую-то частичку вложил — от командира части до солдата в моей группе. В зале (Кремля. — Ред.) волнение было, потом как-то отпустило. Подошел к Верховному главнокомандующему, он **нацепил**, поздравил — все, ушел [29, 7].

Думаем, что даже если «Кощей» употребил именно это слово — «нацепил», А. Коцу следовало использовать нейтральное — «прикрепил». Единицы субстандарта по природе своей не способны формировать пафос, они его разрушают, но вряд ли такая цель была у хорошего журналиста А. Коца и героя его публикации. Как известно, проникновение просторечия и жаргона хотя и является мощной тенденцией в развитии медиакоммуникаций, однако в каждом конкретном случае встает вопрос о прагматической уместности субстандарта. Ср.:

«Возможно, бывший моряк Володя (Вдовиченков) покорила Тараторкина своей любовью к книгам. Кто бы мог подумать, что в детстве этот мачо **тащился от классики**.

— Да, я читал **запоями**, — подтвердил Верникам актер» [30, 24].

Создает впечатление, что чтение классики не пошло впрок актеру, если он выбирает такой способ выражения — **тащился от классики**. Что касается фразеологизма «читать запоем», то он не предполагает плюрализации наречного образования, ибо это актуализирует первичное значение существительного «запой».

Неразграничение паронимов с разной прагматикой может стать источником неудачного высказывания. После инаугурации Путина 7 мая 2024 года

состоялся благодарственный молебен, и патриарх Кирилл очень проникновенно сказал **о дерзновенности, дерзновенных решениях** нашего президента. Депутат Госдумы О. В. Морозов (филолог по образованию), обсуждая это, говорит **о дерзости** Путина (ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым», 7 мая 2024 г.) [31]. Если «дерзновенный» — это всегда положительная оценка человека смелого, отважного, то «дерзкий» — это характеристика, противоположная робости, боязливости и стыдливости, которая в зависимости от контекста имеет различную моральную оценку. И во всяком случае это не то определение, которое применимо к президенту.

Как известно, проблемной зоной современного русского этикета является система обращений. Не одобряются в реальной коммуникативной практике используемые в качестве стилистически маркированных обращений разговорные, даже просторечные лексемы «мужчина», «женщина», поскольку представляют собой гендерно доминантные с точки зрения семантики лингвистические единицы. Такие свойства препятствуют их выбору в качестве элементов, реализующих категорию когезии: «Юрий рос в семье шофера и учительницы... В течение последних двух лет **мужчина** практически не бывает дома...» [32, 3].

Думаем, что слова «мужчина», «женщина» как средство когезии, в чем-то сходное с катафорическим местоимением, ощущаются как некий прагматический дефект и потому их стремятся заменить: «В городе Шахты убили сотрудницу следственного изолятора. Трагедия произошла 18 ноября. Около полуночи в переулке Писарево между Юлией Муравиной и ее 20-летней знакомой произошел конфликт. Когда он дошел до точки кипения, **горюжанка** достала нож и несколько раз ударила им Юлию» [33, 3]; «Журналистка из Ростова стала победителем в номинации «Хозяйка села» <...> Родилась **дончанка** в Красновском сельском поселении...» [34, 10].

Лучше всего, если есть возможность использовать в качестве когерентного элемента наименование по профессии или роду занятий: «Не стоит сводить реформу лишь к отказу от Болонской системы и созданию ее альтернативы, согласен руководитель экспертного совета Экспертного института социальных исследований Глеб Кузнецов: «Именно разные направления модернизации образовательной системы могут помочь ее развитию. И искусственный интеллект, и развитие инженерного образования, и международное сотрудничество — все это дает возможность комплексно развиваться и оставаться на острие. Чем мобильнее система, тем она эффективнее и успешнее». **Эксперт** полагает, что мобильность должна быть не только в образовательных программах...» [35, 3].

Случаи со словами «мужчина», «женщина» в роли связочного средства в тексте — это яркий пример

противоречия точности понятийной, семантической (которая соблюдена в полной мере) и точности прагматической. И совершенно неслучайно авторы качественных медиа, как правило, избегают такого использования указанных лексем.

Учет принципов экологического мышления предполагает осознанный выбор лингвистических единиц. Лингвоэкологический подход опирается на поддержание всех полезных качеств языка, одно из которых, причем важнейшее, связано с прагматической точностью. Серьезной лингвоэкологической проблемой является отсутствие реализованных и закреплённых соответствий таким категориям, как точность, уместность. Анализ материала подтверждает, что несоответствие этим категориям отражает недостаточное развитие навыков использования лексем, словосочетаний и предложений с учетом их семантических трансформаций и прагматического потенциала.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07001 «Лингвоэкологические параметры межкультурной коммуникации на постсоветском пространстве».

The reported study was funded by RFBR and MES RSO, project number 21-512-07001 «Linguoecological parameters of intercultural communication in post-Soviet space»

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабаш В. В. Динамика нормативности и экологическое мышление (на материале русского языка XXI века) / В. В. Барабаш, Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова. — М.: Флинта, 2023. — 220 с.
2. Кодалаева Х. Г. База данных прагматически маркированной лексики русского языка: материал, принципы описания, возможности использования / Х. Г. Кодалаева, З. К. Тедеева // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. — 2021. — № 3. — С. 109–118.
3. Копнина Г. А. Актуальные лингвоэкологические идеи и проблемы / Г. А. Копнина // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. — 2021. — № 1. — С. 208–226.
4. Курашкина Н. А. Основные направления современной российской эколлингвистики / Н. А. Курашкина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 2. — № 1. — С. 166–170.
5. Молчанова Г. Г. Когнитивная лингвоэкология и лингвотоксичность: как защитить язык от человека? / Г. Г. Молчанова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 2. — С. 7–14.
6. Сковородников А. П. О некоторых нерешенных вопросах лингвоэкологии / А. П. Сковородников // Политическая лингвистика. — 2019. — № 5. — С. 12–25.
7. Хазагеров Г. Г. Риторический манифест / Г. Г. Хазагеров. — Ростов-на-Дону: Издательство Ростовской риторической школы. — 2020. — 45 с.
8. Моррис Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика. Антология. — М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. — 2001. — С. 45–97.
9. Глушко М. А. Точность как аспект логичности с точки зрения веерной матрицы качеств речи / М. А. Глушко, Г. Г. Хазагеров // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1–1. — С. 1157.
10. Афанасьева О. М. Реализация прагматических свойств языковых единиц в медиатексте: подходы к изучению / О. М. Афанасьева, Я. Е. Каневская // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2018. — № 11 (44). — С. 132–142.
11. Столетова Е. К. Как учить взаимопониманию: к вопросу о роли прагматического компонента в методике преподавания РКИ / Е. К. Столетова // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. — Вып. 3. — М.: КДУ, Университетская книга. — 2021. — С. 294–298.
12. Трубкина А. И. Эмотивность ценностных смыслов художественного текста: прагматика декодирования / А. И. Трубкина // Верхневолжский филологический вестник. — 2023. — № 4 (35). — С. 153–160.
13. Finke P. Transdisciplinary Linguistics. Ecolinguistics as a Pacemaker into a New Scientific Age perspective / P. Finke // The Routledge handbook of ecolinguistics. A. Fill, H. Penz (eds.). — New York, London: Routledge. — 2018 — P. 406–419.
14. Основы побед закладывает школьная скамья // Правда. — 2023. — 13–16 окт.
15. Харебов Б. Кавказские шахматы или о «заморозках» и «разморозках» на постсоветском пространстве / Б. Харебов // Газета Южной Осетии «Республика». — 2021–21 янв.
16. Акай О. М. Феномен грамматической лакунарности: когнитивный и лингвопрагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук / О. М. Акай. — Ростов н/Д., 2020. — 406 с.
17. Трушина Н. Бойцам процент не писан / Н. Трушина // Московский комсомолец. — 2024. — 29 фев.
18. Аграновский Д. Путь к справедливости / Д. Аграновский // Советская Россия. — 2023. — 3 окт.
19. Редичкина К. Юрий Поляков: У власти и культуры должен быть пакт о взаимном ненападении / К. Редичкина. — Режим доступа: <https://www.pnp.ru/interview/2016/01/21/yuriy-polyakov-u-vlasti-i-kultury-dolzhen-byt-pakt-ovzaimnom-nenapadenii.html> (дата обращения: 25.07.2024).
20. Барова Е. «Не стыдитесь своей истории». Яков Кедми о том, что может дать силу России / Е. Барова // Аргументы и факты. — 2021. — № 41.
21. Российские спортсмены говорят Парижу adieu (прощай!) // Союзное Вече. — 2024. — № 17.
22. Пухнавцев О. Наследие Градского / О. Пухнавцев // Литературная газета. — 2021. — № 48.
23. Алфеева У. Бой за трудягу / У. Алфеева // Аргументы и факты на Дону. — 2023. — № 17.
24. Замостьянов А. Заслуженный работяга / А. Замос-

стьянов // Литературная газета.— 2023.— № 45.

25. Гамов А. Интервью с доктором Леонидом Рошале / А. Гамов // Комсомольская правда.— 2023.— 2 мая.

26. Не надо так о людях, это не смешно»: Путин отчитал тюменского губернатора // Союзное Вече.— 2024.— № 17.

27. Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря / Ю. Д. Апресян // Прагматика и проблемы интенциональности.— М.: ИЯ АН СССР.— 1988.— С. 3–22.

28. Булыгина Е. Ю. База данных прагматически маркированной лексики русского языка: материал, принципы описания, возможности использования / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета.— 2016.— № 6 (34).— С. 70–85.

29. Коц А. Как командир спецназа «Кощей» стал ге-

роем / А. Коц // Комсомольская правда.— 2023.— 24 окт.

30. Флерова Э. Как Вдовиченков научился в койке зажигать / Э. Флерова // Экспресс газета.— 2024.— № 20.

31. Вечер с Владимиром Соловьевым.— 2024.— 7 мая.— Режим доступа: https://my.mail.ru/mail/gvozdenis/video/_myvideo/31309.html (дата обращения: 25.07.2024).

32. Федоровская С. Не на мягких диванах / С. Федоровская // Аргументы и факты на Дону.— 2023.— № 45.

33. Папахчян М. Покойся с миром, Юленька! В Шахтах зарезали молодую сотрудницу СИЗО / М. Папахчян // Московский комсомолец на Дону.— 2023.— 22–28 ноября.

34. Корреспондент «АиФ-Ростов» получила награду в конкурсе для журналистов // Аргументы и факты на Дону.— 2024.— № 15.

35. Габдуллина Э. Магистрам повысят регистр / Э. Габдуллина // Коммерсант.— 2023.— 28 ноября.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Брусенская Л. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи

E-mail: brusenskaya_l@mail.ru

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Куликова Э. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций

E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

Rostov State University of Economics

Brusenskaya L. A., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Speech Culture Department

E-mail: brusenskaya_l@mail.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Kulikova E. G., Doctor of Philology, Professor of the Mass Communications Department

E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ В СТРАНАХ БРИКС И СНГ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Е. В. Валюлина

Алтайский государственный университет

Поступила в редакцию 8 сентября 2024 г.

Аннотация: в статье представлен обзор программ медиаобразования в крупнейших университетах стран БРИКС и СНГ с акцентом на выявлении общих и отличительных характеристик.

Ключевые слова: медиакоммуникации, СМИ, контент, блогинг, продвижение, площадки, видео, фото, медиаобразование.

Abstract: the article provides an overview of media education programs at the largest universities in the BRICS and CIS countries with an emphasis on identifying common and distinctive characteristics.

Keywords: media communications, media, content, blogging, promotion, platforms, video, photo, media education.

В России медиаобразование активно развивается с 1990-х гг. Основное внимание уделяется развитию критического мышления, анализу медиаконтента и подготовке педагогов, способных интегрировать медиаобразование в школьные программы. Значительную роль играют государственные программы и инициативы, направленные на повышение медиаграмотности населения. Ведущие университеты, такие как МГУ, ВШЭ, МПГУ, а также ряд региональных вузов активно развивают научные исследования и образовательные программы в этой области. Предлагаются различные подходы, каждый из которых формируется под влиянием уникальной академической культуры и регионального контекста. Например, Московский педагогический государственный университет уделяет большое внимание подготовке учителей, и медиаобразование интегрировано в более широкую педагогическую программу. Подчеркивается важность медиаграмотности для будущих педагогов, особая роль медиа в формировании мировоззрения молодежи, в образовании (как эффективно использовать медиаинструменты в классе, как развивать у студентов критическое мышление и т.п.).

Медиапедагогика признана официальной дисциплиной в системе высшего образования РФ, разработаны специализированные программы для дополнительной подготовки учителей в этой сфере. Применяются разнообразные методики обучения, включая те, что основаны на передаче информации, диалоге, совместном конструировании знаний [1, 192].

Можно условно выделить два основных направления в определении сути медиаобразования, которые исторически сложились и развивались параллельно, в тесной связи с эволюцией медиасферы:

1. *Узкоспециализированный/профессиональный подход.* Традиционно медиаобразование понималось как обучение в сфере медиа, охватывающее подготовку профессионалов в специализированных образовательных учреждениях. Этот подход был вполне оправданным в эпоху, когда традиционные медиа доминировали, и система подготовки специалистов часто была ориентирована на узкие профессиональные профили, предназначенные для работы в условиях жесткой профессиональной стратификации. Со временем сформировались такие направления, как радиожурналистика и тележурналистика, которые были напрямую связаны с методами передачи информации. Однако с распространением информационно-коммуникационных технологий, особенно интернета, произошла значительная трансформация как самих каналов передачи информации, ставших более доступными, интерактивными и разнообразными, так и требований к компетенциям медиаспециалистов, которые должны соответствовать принципу конвергентности. Таким образом, сущность подготовки медиапрофессионалов сохраняется, но содержание профессионального образования меняется, чтобы соответствовать новым условиям в медиасфере.

2. *Синергетический/универсальный подход.* В условиях глобального распространения медиа и их значительного влияния на все аспекты жизни человека, требуется расширение понятия медиаобразования. Теперь это не только подготовка специалистов в медиасфере, но и обучение всех пользователей, которые включены в современное медиaprостранство. Появилась необходимость в развитии навыков поиска, интерпретации, критического анализа информации, а также создания и распространения медиапродуктов, что описывается понятием «медийно-информационная грамотность», разработан-

ным ЮНЕСКО. Это подчеркивает универсальный характер медиакомпетенций, которые необходимы независимо от рода профессиональной деятельности. Владение критическим мышлением и основами медиаторства стало необходимым для развития личности и ее самореализации.

Используя морфологическую модель культуры, предложенную российским исследователем Е. Н. Никоновой, которая делит культуру на обыденную и специализированную, можно отметить двойственность процесса медиаобразования [2, 102]. Оно одновременно реализуется как на специализированном уровне (преимущественно в профессиональном обучении в сфере медиа), так и на обыденном уровне, став частью повседневных практик. Специализированная культура основывается на профильном образовании и профессиональных компетенциях, в то время как обыденная культура формируется в процессе повседневного общения и общего воспитания. Оба типа культуры являются открытыми системами, между которыми происходит постоянный обмен. С распространением цифровой культуры и изменением медиасреды это взаимодействие стало более частым и практически непрерывным.

Школа Е. Л. Варгановой по медиа — это влиятельное направление в медиакультуре и медиаисследованиях, связанное с именем декана факультета журналистики Московского государственного университета, одного из ведущих исследователей в области медиатеории и медиаобразования в России.

Факультет журналистики МГУ стал центром академических исследований в области медиа. Школа фокусируется на изучении современных медиа, медиаэкономики, цифровой трансформации медиаиндустрии, а также на влиянии медиа на общество и культуру. Ее исследования охватывают широкий спектр вопросов, связанных с медиаэкологией, журналистикой, информационной политикой, и являются важным вкладом в понимание функционирования медиа в цифровую эпоху. Школа также известна своей активной интеграцией теоретических и практических подходов, что позволяет готовить студентов к работе в условиях современных медиа, развивая их навыки как журналистов, так и медиааналитиков [3, 10].

Высшая школа экономики — ведущий исследовательский университет в России, уделяющий большое внимание экономике, социальным наукам и гуманитарным дисциплинам. Подход ВШЭ к медиаобразованию более междисциплинарный, интегрирует медиадоследования с такими областями, как социология, политология и коммуникации. Университет предлагает специализированные программы и курсы по медиа и коммуникациям, где студенты изучают теорию медиа, цифровые медиа и роль медиа в современном обществе. ВШЭ также активно проводит исследования в области медиа и коммуникаций, часто

изучая влияние цифровизации и интернета на общество и образование.

Таганрогский государственный педагогический институт (ныне часть Южного федерального университета) стал важным центром медиаобразования во многом благодаря работам таких ученых, как А. В. Федоров и И. В. Чельшева. Федоров является одним из ведущих специалистов по медиаобразованию в России, известным своими работами в области теории и практики медиаграмотности. Его работы подчеркивают важность критического мышления и способности критически анализировать медиаконтент. Подход Таганрога к медиаобразованию глубоко укоренен в этих принципах, направлен на развитие у студентов аналитических навыков и понимания роли медиа в обществе.

В Воронеже уже традиционными стали Пензинские чтения¹, которые собирают исследователей медиаобразования из России и стран СНГ [4].

Челябинский государственный университет (ЧелГУ) разработал свой подход к медиаобразованию, отражающий промышленный и культурный ландшафт Урала. Университет предлагает курсы по медиа и коммуникациям, с акцентом на практические навыки, такие как журналистика, связи с общественностью и медиапроизводство. Большое внимание уделяется также этическим аспектам медиаработы, студентов готовят к работе в сложной медийной среде как в России, так и за ее пределами.

В Калининграде медиаобразование формировалось под влиянием таких ученых, как М. М. Друкер, которая внесла вклад в развитие программ медиаграмотности в регионе. Подход Калининграда уникален из-за его географического и культурного контекста, так как это эксклав России, окруженный странами Европейского союза. Это влияет на медийный ландшафт региона и, соответственно, на подход к медиаобразованию. Здесь часто акцентируется внимание на понимании медиасреды с межкультурной точки зрения, включая стандарты медиаграмотности, принятые в Европе, но адаптированные к местному контексту.

Таким образом, медиаобразование в России разнообразно и отражает сложный социальный, культурный и политический ландшафт страны. По мере того как медиа продолжают играть все более значительную роль в обществе, эти вузы находятся на переднем плане в подготовке следующего поколения педагогов, журналистов и медиапрофессионалов к работе в этом меняющемся ландшафте.

Медиаобразование в Китае фокусируется на использовании медиа как инструмента для воспитания патриотизма и социальной стабильности. В образо-

¹ Пензин С. Н. — один из пионеров отечественного медиаобразования, советский и российский киновед, медиапедагог.

вательных программах важную роль играет государственная идеология, что проявляется в контроле над контентом и в акценте на национальных ценностях. Исследования в этой области начались поздно, и термин «медиаобразование» появился в Китае только в 1990-х гг. Важную роль СМИ в образовании страна начала признавать еще в середине XX в., используя их как инструмент для передачи идеологических и культурных ценностей [5, 70]. Однако развитие медиаобразования в Китае сдерживается рядом факторов. Государственный запрет на формирование медиаграмотности ограничен, поскольку правительство контролирует доступ к информации. Это приводит к ограниченному внедрению медиаобразования в образовательные программы, особенно в школах. Кроме того, среди населения отсутствует понимание важности медиаграмотности, что усугубляется низким уровнем владения современными ИКТ и социальной пассивностью. Китайские ученые начинают исследовать эту проблему, но процесс идет медленно. С другой стороны, потребности информационного общества требуют изменений в образовательной системе. Новые медиа и цифровые технологии оказывают значительное влияние на образ жизни и ценности общества, что делает медиаобразование необходимым. Несмотря на существующие барьеры, в Китае постепенно осознается необходимость развития медиаграмотности для адаптации к вызовам глобализации и сохранения культурной идентичности.

В современном мире БРИКС стал важным институтом, влияющим на глобальное экономическое и политическое управление. Объединение Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки постепенно превратилось в значимую и влиятельную силу на мировой арене, формируя мощный экономический альянс. Взаимодействие стран БРИКС в различных сферах содействует укреплению международных норм и организаций. Однако в контексте изучения этого сотрудничества внимание к вопросам взаимодействия средств массовой информации до сих пор остается недостаточным, и исследовательская работа на эту тему практически отсутствует [6].

Медиаобразование в Индии находится на стадии активного развития. Основное внимание уделяется цифровой грамотности и обучению молодежи эффективному использованию новых медиатехнологий. Индийское общество отличается высоким уровнем разнообразия культур и языков, что также находит отражение в подходах к медиаобразованию. Ведущие индийские вузы, такие как Университет Дели и Индийский институт массовых коммуникаций, играют ключевую роль в разработке программ, ориентированных на подготовку специалистов в области медиа и коммуникаций.

В ЮАР медиаобразование развивается на фоне постапартеидного общества с его сложной социальной структурой. Важное место занимает обучение

критическому восприятию медиа и борьба с дезинформацией, что связано с историей и современными вызовами страны. Университеты, такие как Университет Кейптауна и Витватерсрандский университет, разрабатывают программы, направленные на подготовку специалистов в области медиа с акцентом на социальную ответственность и этику.

Медиаобразование в Бразилии сосредоточено на развитии критического мышления и борьбе с социальным неравенством, которое часто отражается в медиаконтенте. В Бразилии развиваются программы, направленные на расширение доступа к информации и повышение уровня медиаграмотности среди населения, особенно в неблагополучных районах. Ведущие университеты, такие как Университет Сан-Паулу, активно исследуют вопросы медиа и их влияние на общество.

В Казахстане медиаобразование развивается под влиянием постсоветского наследия и современного акцента на цифровую трансформацию. В образовательных программах уделяется внимание вопросам цифровой грамотности, кибербезопасности и критического анализа медиаконтента. Университеты, такие как Казахский национальный университет им. аль-Фараби, развивают курсы и исследования, ориентированные на подготовку специалистов в новых медиа и коммуникациях.

В Беларуси медиаобразование развивается в контексте государственной политики, направленной на контроль и регулирование информационного пространства. Медиаобразование здесь фокусируется на критическом восприятии информации и формировании у молодежи навыков анализа медиаконтента. Основное внимание уделяется традиционным медиа, в то время как цифровые медиа изучаются в меньшей степени.

Медиаобразование имеет огромный ресурс для развития в современной системе образования, предоставляя широкий спектр методов, приемов и технологий обучения. Методы медиаобразования включают в себя использование различных форматов медиаматериалов, активное обучение, интерактивные технологии, проектную деятельность, игровые и дискуссионные формы обучения. Все это способствует развитию критического мышления и творческих способностей обучающихся. Исследователи делают акцент на важности реализации практической модели медиаобразования, для удовлетворения потребностей и интересов обучающихся в создании медиаконтента.

Медиаобразование в странах БРИКС и СНГ развивается по-разному, что отражает уникальные социальные, политические и культурные контексты каждого государства. В России, Китае, Индии, ЮАР и Бразилии существует разнообразие подходов, от акцента на государственную идеологию и национальные ценности до борьбы с дезинформацией и неравенством.

В странах СНГ, таких как Казахстан, Беларусь, медиаобразование также развивается в ответ на специфические вызовы, связанные с цифровизацией, политической ситуацией и необходимостью формирования критического восприятия информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симакова С. И. Роль университетов в развитии медиаобразования / С. И. Симакова // Межкультурные коммуникации в современном мире: роль СМИ. — Екатеринбург, 2014. — С. 190–193.

2. Никонова Е. Н. Университеты стран с развивающейся экономикой. Путь к признанию / Е. Н. Никонова // Отечественная и зарубежная педагогика, 2019. — № 1 (57). — С. 102–126.

3. Вартанова Е. Л. К вопросу о теоретическом осмыслении процесса медиасоциализации молодежи / Е. Л. Вартанова // Медиа в современном мире. — Т. 2. — СПб., 2020. — С. 10–12.

4. Медиаобразование: опыт и перспективы / Под ред. В. В. Тулупова. — Воронеж. — Вып. 1. — 2016; Вып. 2. — 2023; Медиаобразование: история, теория, практика // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — 2024. — № 3–4. — С. 32–48.

5. Лунев С. И. Развитие образования (базовое и высшее образование, аспирантура) и науки в Китае и Индии / С. И. Лунев // Сравнительная политика. — 2023. — № 2 (12). — С. 70–81.

6. Федоров А. В. Медиаобразование в зарубежных странах / А. В. Федоров. — Таганрог, 2022.

Алтайский государственный университет

Валюлина Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры медикоммуникаций, технологий рекламы и связей с общественностью

E-mail: serev@ya.ru

Altai State University

Valyulina E. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Media Communications, Advertising Technologies and Public Relations Department

E-mail: serev@ya.ru

ПАМЯТНИК «ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ РОССИИ» В ОСВЕЩЕНИИ НОВГОРОДСКИХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ (1862 И 2012 ГГ.)¹

И. В. Василенко, А. М. Владимирова, А. А. Иванова

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Поступила в редакцию 29 августа 2024 г.

Аннотация: В статье рассматриваются публикации, посвященные памятнику «Тысячелетие России». Для сравнения были выбраны материалы в газетах «Новгородские губернские ведомости» 1862 года и «Новгородские ведомости» 2012 года, опубликованные, в первом случае, к празднованию тысячелетия России и открытию одноименного памятника, во втором случае — к празднованию 150-летия со дня открытия монумента.

Ключевые слова: Тысячелетие России, новгородская журналистика, Новгородские губернские ведомости, Новгородские ведомости, газета.

Abstract: The article deals with the publications devoted to the monument «Millennium of Russia». The materials in the newspapers «Novgorodskie Gubernskie Vedomosti» of 1862 and «Novgorodskie Vedomosti» of 2012, published in the first case to celebrate the millennium of Russia and the opening of the monument of the same name, in the second case — to celebrate the 150th anniversary of the opening of the monument, were chosen for comparison.

Keywords: Millennium of Russia, Novgorod journalism, Novgorodskie Gubernskie Vedomosti, Novgorodskie Vedomosti, newspaper.

В новгородской истории немало событий общероссийского масштаба. Одним из них стало открытие памятника «Тысячелетие России» 20 сентября 1862 г. в Новгороде.

Решение о строительстве монумента было принято в 1857 г. в преддверии тысячелетия со дня летописного призвания варягов. Его реализация была доверена художнику М. О. Микешину и скульптору И. Н. Шредеру в ходе конкурсного отбора. После плодотворной работы 8 сентября (по старому стилю) 1862 г. состоялось открытие памятника «Тысячелетие России» в торжественной обстановке в присутствии царя, царской семьи, его свиты, высших чиновников, новгородской знати и другой многочисленной публики [1]. Этот памятник уникален по замыслу — он посвящен не отдельному событию или исторической персоне, его задача увековечить тысячелетнюю историю Российского государства.

Подготовка к открытию памятника не могла не отразиться в новгородской прессе того периода. Главным официальным изданием Новгородской губернии на тот момент были «Новгородские губернские ведомости», которые выходили еженедельно [2]. Как отмечает А. Л. Семенова, газета была поделена

на две части: официальную и неофициальную. Официальная часть предполагала строгое следование канонам официально-делового стиля и состояла из административных и юридических текстов, в то время как неофициальная часть была публицистичной [3].

Первая публикация об открытии памятника и праздновании тысячелетия России за исследуемый 1862 г. появилась в неофициальной части «Новгородских губернских ведомостей» в № 25 от 23 июня. В рубрике «Местная хроника» был опубликован очерк, в котором автор (материал был опубликован без подписи) не только повествовал о подготовке города к празднику, но и размышлял о пользе отмены крепостного права. Кроме того, автор отмечал, что местными властями были приняты меры по увеличению мест для размещения гостей города, но выражал беспокойство о возможной нехватке еды, припоминая случай на ярмарке, после которой для гостей закончился хлеб. Таким образом автор показывал, что для него важен не только общероссийский контекст — крестьянская реформа, но и детали местной жизни.

Рассказ о самом торжественном мероприятии был поручен сотруднику столичного официального издания. С № 26 в неофициальной части началась серия публикаций «Письма изъ Новгорода» от корреспондента из «Северной почты», который прибыл в Новгород перед празднованием тысячелетия. В своих материалах в экскурсионном стиле он рассказывал о главных достопримечательностях города и их истории. В № 28 от 14 июля в третьей части цикла писем автор упоминал подготовку города к празднику и открытию памятника. Но стоит

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Правительства Новгородской области, проект № 24-18-20074 «Новгородская журналистика (1838-1900): становление, развитие, традиции и новации», <https://rscf.ru/project/24-18-20074/>.

отметить его нелицеприятное высказывание о закладке памятника 2 мая 1861 г.: «К сожалению, присутствовали при этой торжественной церемонии немногие избранные власти, а прочий православный люд, plebs, любовался изящным забором и домиками, воздвигнутыми на время постройки монумента. Теперь эти изящные домики разрушаются весьма поспешно» («Новгородские губернские ведомости», 1862, № 28 от 14 июля).

Также стоит отметить, что в № 28 и № 29 в неофициальной части было опубликовано приглашение, в котором сообщалось, что в преддверии открытия памятника все желающие могут присутствовать в Софийском соборе на переложении нетленных мощей Святого Благоверного князя Владимира Ярославовича из ветхой деревянной раки в новую серебряную. После этого «Тысячелетие России» с № 32 (от 11 августа) по № 36 (от 8 сентября) было упомянуто в неофициальной части в рубрике «Библиографическое известие» в заметке о поступлении в продажу книги Н. Отто и И. Куприянова «Биографические очерки лиц, изображенных на памятнике тысячелетия России». А также в официальной части в объявлении в № 34 от 23 августа: «По случаю предстоящего открытия в Новгороде памятника тысячелетия России, в видах доставления удобства путешественникам, сделано распоряжение, чтобы движение существующих ныне на тракте между Чудовом и Новгородом почтовых экипажей по возможности усилить» («Новгородские губернские ведомости», 1862, № 34 от 23 августа).

Таким образом, можно отметить, что подготовка к празднованию тысячелетия России и к открытию памятника практически не обсуждалась и была упомянута в двух публицистических материалах, приглашении, объявлении и заметке о выходе книги. От рассмотренных публикаций создается впечатление информационной недостаточности в освещении столь важного события, хотя на самом деле подготовка к нему была серьезной, так как город ожидал приезда высокопоставленных лиц, в том числе и императора Александра II. Именно этот факт обусловил то, что местные власти воздержались от публикации деталей планируемого события, вероятно, исходя из мер безопасности, а также чтобы избежать возможных цензурных проблем.

После торжественного открытия памятника в № 37 от 13 сентября в неофициальной части был опубликован список лиц, которые присутствовали в Новгороде на церемонии открытия, но без каких-либо комментариев, поскольку они были запрещены регламентом официального местного издания. В нем были упомянуты командующие корпусов, свита Его Величества, советники, полковники, майоры и другие высокопоставленные лица, которые посетили торжественное событие. В № 38 от 22 сентября в официальной части была опубликована заметка о высочайших наградах, в которой перечислялись лица,

получившие 9 сентября награды от императора. Среди них был новгородский вице-губернатор Э. В. Лерхе, награжденный орденом св. Владимира 3 степени.

Непосредственно открытие памятника было освещено в № 39 от 29 сентября в неофициальной части. Было опубликовано торжественное стихотворение Г. Кулжинского о тысячелетии России, после него — репортаж с места событий от корреспондента «Северной Почты», в котором были подробно описаны все торжества в период с 8 по 10 сентября. Автор, повествуя о передвижении императора по городу и о положительной реакции народа на приезд Александра II, не забывал делиться и своими впечатлениями от Новгорода: «Вечером Новгород был великолепно люминирован. Весь город украсился транспарантами и разнообразными декорациями, изящно и богато устроенными» («Новгородские губернские ведомости», 1862, № 39 от 29 сентября). В этом же номере в неофициальной части было опубликовано извещение об издании художником В. А. Гертманом рисунков памятника «Тысячелетие России» и о том, что они обойдутся покупателям дешевле, если будет много желающих их купить.

В № 40 от 6 октября в официальной части было опубликовано объявление о благодарности новгородскому купечеству со стороны императора за угощение обедом войск, присутствовавших на открытии памятника. В следующем номере от 15 октября в неофициальной части был опубликован очерк с элементами репортажа от корреспондента газеты «Сын Отечества» про события 7 сентября в преддверии празднования тысячелетия и о князе Владимире Ярославовиче. В № 42 от 20 октября в неофициальной части также был опубликован материал из «Сына Отечества» от Новгородца, который поздравлял город с праздником тысячелетия России, вспоминал исторические события и положительно воспринял открытие памятника в Новгороде: «В тебе теперь стоит знамя России, как знамя дорогое всякому верному воину, который скорее погибнет, нежели даст врагу завладеть этою святынею. Да будет же, стоящий в тебе, великий и славный Новгород! памятник знаменем для всех россиян». Последнее упоминание «Тысячелетия России» было в официальной части № 45 от 10 ноября в заметке о высочайших наградах, в которой были отмечены труды по устройству открытия памятника народного советника Гуссаковского.

Таким образом, можно сказать, что материалы по случаю празднования тысячелетия России и открытия памятника в «Новгородских губернских ведомостях» были преимущественно перепечатаны из других газет и в основном носили сугубо позитивный и торжественный характер: авторы в своих текстах с пафосом описывали происходящее. Официальные публикации были посвящены награждениям и благодарностям за высокий уровень организации и проведения столь важного мероприятия. Отметим

тот факт, что редакция не привлекла местных авторов для освещения событий, вероятно, избегая возможных цензурных проблем и предполагая, что авторы столичных авторитетных изданий на достойном уровне опишут значимое для страны и Новгорода событие. Если рассматривать тексты об открытии памятника в контексте всех публикаций «Новгородских губернских ведомостей» за 1862 г., можно сказать, что открытие памятника, несмотря на всю торжественность и значимость, затерялось на страницах издания среди объявлений о торгах, продажах имений, официальных документах о питейных сборах и банковских реформах.

Дальнейшая судьба памятника «Тысячелетие России» не была легкой. После революции памятник долгое время воспринимался как дань самодержавию, хотя демонтирован не был. Во время Великой Отечественной войны немецкая армия, оккупировав Новгород, планировала вывезти монумент в Германию. Плану не суждено было реализоваться — в январе 1944 г. Новгород был освобожден, а памятник восстановлен в короткие сроки, уже к ноябрю 1944 г.

Спустя 150 лет со дня открытия памятника, в 2012 г. в официальной областной газете «Новгородские ведомости» (наследнице «Новгородских губернских ведомостей») по случаю юбилейного празднования также публиковались материалы, посвященные «Тысячелетию России». Первой публикацией с упоминанием памятника стал фрагмент из книги академика Д. Лихачева «Воспоминания» в № 4 от 20 января с комментарием от журналиста Г. Рявкина. В своей книге академик рассказывает о том, каким был Новгород после оккупации, отмечая ситуацию вокруг монумента: «Памятник Тысячелетию России был разобран, отдельные фигуры были помечены белыми номерами: ясно, что его хотели увезти и где-то собрать» («Новгородские ведомости», 2012, № 4 от 20 января).

В № 12 от 7 февраля была опубликована статья Н. Вылегжаниной «Детализация художественной реальности» о создании мультимедийной информационно-справочной системы по картине Б. Виллевалде «Открытие памятника “Тысячелетие России”». В своем материале автор, помимо информации о художнике и музее, приводит описание открытия памятника из книги В. Смирнова «Памятник государства Российского», и информацию об идентификации лиц, изображенных на картине. В статье можно найти анонс предстоящего мероприятия по случаю 1150-летия зарождения российской государственности — театрализованного представления «История государства Российского»: «Здесь планируется воссоздать церемонию торжественного открытия памятника в 1862 году, которая будет сопровождаться отрывками из оперных и театральных постановок, посвященных российской истории» («Новгородские ведомости», 2012, № 12 от 7 февраля). В конце автор

пишет об интерактивном проекте, предполагавшем, что все желающие могут поучаствовать в создании виртуального яруса памятника с героями новой и новейшей истории.

В новостной публикации Л. Тимофеевой в № 32 от 27 марта приведены слова губернатора С. Г. Митина о предстоящих праздничных мероприятиях: «Ключевым днем для новгородских торжеств планируется сделать 21 сентября, вместившим в себя сразу три события: Рождество Богородицы, круглую дату с момента установки в 1862 году памятника «Тысячелетие России» в Новгородском кремле и годовщину битвы на Куликовом поле» («Новгородские ведомости», 2012, № 32 от 27 марта). Также губернатор отметил, что в городе будут проведены ремонтные работы на дорогах, чтобы впечатления от праздника у жителей и гостей города не были испорчены.

В № 34 памятник был упомянут дважды. В новости Н. Вылегжаниной «На день рождения стране» вновь был размещен анонс предстоящего театрализованного представления. Также памятник «Тысячелетие России» был упомянут в статье М. Клапатнюк «Марфин путь» о Марфе-посаднице, фигура которой расположена на горельефе монумента.

В майском № 51 был опубликован репортаж А. Бериашвили об экскурсии по Великому Новгороду. В нем автор приводит занимательный комментарий экскурсовода А. Ефимова, относящийся к памятнику: «Из какого бы города группу я ни вел, велика вероятность, что в ней найдется человек, который назовет наш памятник “Тысячелетие России” памятником “Тысячелетие Крещения Руси”» («Новгородские ведомости», 2012, № 51 от 12–18 мая). О предстоящих празднованиях автор не упоминала.

В сентябрьском № 30 интерес вызывает опубликованный фотофакт, в котором помимо фотографии памятника была изложена информация о проводимом специалистами из Санкт-Петербурга комплексе профилактических и противоаварийных работ накануне празднования 1150-летия Российской государственности. Это подчеркивает тот факт, что власти города готовились к масштабному празднованию. В № 33 от 10–16 сентября можно найти дайджест, в котором были отмечены важные события, происходившие в сентябре в тот или иной исторический период. Внимание было уделено и дате открытия «Тысячелетия России» с краткой исторической справкой о создании памятника и его параметрах.

Информации о праздновании в № 35 от 21 сентября оказалось не так много. В основном были представлены материалы о 1150-летию Российской государственности. На первой полосе по этому поводу были опубликованы поздравления от и.о. губернатора С. Г. Митина, председателя Новгородской областной думы Е. В. Писаревой и от председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ В. И. Матвиенко. На второй полосе была размещена новость

Л. Тимофеевой «Осмысление истории» об открытии конференции «Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века». В ней были приведены слова С. Г. Митина о памятнике: «*Именно в Великом Новгороде 150 лет назад в день Рождества Пресвятой Богородицы, в день победы русского оружия на Куликовом поле, императором Александром II был открыт памятник “Тысячелетие России”*» («Новгородские ведомости», 2012, № 35 от 21 сентября). Также в новости «Дань памяти» шла речь об открытии в Музее изобразительных искусств бюста Александра II, который, как отмечает автор, издал тот самый указ об установке памятника «Тысячелетие России».

После празднования в № 36 от 17–23 сентября была опубликована новость М. Клапатнюк «Из сердца кремля» в торжественном, даже возвышенном стиле о прошедшем праздновании: «*Действо, собравшее у памятника “Тысячелетие России” в самом сердце Новгородского кремля сотни новгородцев, представителей 25 субъектов Российской Федерации и 12 государств, было посвящено более чем одиннадцативековой истории нашего государства и его основам — любви к своей земле, свободе, объединяющей жителей в один многонациональный народ, вере в свою Родину и преданности Отечеству*» («Новгородские ведомости», 2012, № 36 от 17–23 сентября).

Более поздние упоминания памятника за 2012 г. были найдены только в двух номерах. В № 49 от 23 октября на первой полосе в новости «Сергей Митин вступил в должность губернатора» было отмечено, что С. Г. Митин возложил цветы к памятнику «Тысячелетие России». В № 51 от 29 октября была опубликована статья А. Мельниковой «В ноябре 1944-го» о неопределенности даты открытия реконструированного памятника. В материале автор приводит разные мнения о дате открытия монумента в 1944 г. и исторические данные о реконструкции памятника: «*После реставрационных работ его сотрудники отчитались, что всего на памятник было возвращено 350 разных его частей и деталей, вес которых составил 80 тонн. Обо всем этом было сообщено уже 1 ноября 1944 года в “Новгородской правде”*» («Новгородские ведомости», 2012, № 51 от 29 октября).

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Василенко И. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики
E-mail: niv05@mail.ru

Владимирова А. М., ассистент кафедры журналистики
E-mail: vasilevsckaya.anuta@yandex.ru

Иванова А. А., студент направления подготовки 42.03.02
Журналистика
E-mail: s251098@std.novsu.ru

Таким образом, можно отметить как сходство, так и различия в освещении торжеств вокруг памятника «Тысячелетие России» в двух официальных изданиях. И в «Новгородских губернских ведомостях» 1862 г., и в «Новгородских ведомостях» 2012 г. основной упор в публикациях делался на празднование — в первом случае, тысячелетия, во втором, 1150-летия России. Открытие памятника и его 150-летний юбилей имели большое значение и упоминались в публикациях до торжеств в качестве инфоповода. Также стоит заметить, что в обеих газетах нет полемики относительно готовящихся и происходящих событий. Открытие памятника и его юбилей рассматриваются в материалах сугубо с положительной точки зрения, при этом стиль изложения в публикациях и XIX, и XXI веков торжественный, с нотами пафосности.

Говоря о различиях, стоит отметить, что в «Новгородских ведомостях», в отличие от второго издания, не было перепечаток из других газет о подготовке к празднику и его проведении: освещением торжества занимались новгородские журналисты. Также материалы в силу современных возможностей дополнялись фотографиями памятника и проходящего празднования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захаренко А. Г. История сооружения памятника «Тысячелетие России» в Новгороде / А. Г. Захаренко // «Ученые записки» историко-филологического факультета Новгородского государственного педагогического института. — Новгород, 1957. — Вып. 2. — С. 51–82.

2. Козлов С. А. К типологии официальной печати российской провинции («Новгородские губернские ведомости», «Новгородские епархиальные ведомости», «Северный беженец», 1838–1920) / С. А. Козлов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2015. — № 3 (44). — С. 22–27.

3. Семенова А. Л. Официальность и публицистичность на страницах новгородской дореволюционной периодики / А. Л. Семенова // Сопряжение идей... сопряжение смыслов...: Сборник статей. — Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2015. — С. 222–233.

Yaroslav the Wise Novgorod State University
Vasilenko I. V., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Journalism Department
E-mail: niv05@mail.ru

Vladimirova A. M., Assistant at the Journalism Department
E-mail: vasilevsckaya.anuta@yandex.ru

Ivanova A. A., Student of the Field of Study 42.03.02 Journalism
E-mail: s251098@std.novsu.ru

ИМАГОЛОГИЯ КАК ОБЛАСТЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ОТ КОМПАРАТИВИСТИКИ К НОВЕЙШИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

К. И. Дагаева

Московский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 21 июля 2024 г.

Аннотация: В статье предложен комплексный анализ русскоязычных исследований по имагологической тематике в период с 1999 по 2022 гг. На базе комплексного анализа 256 диссертаций и 1603 научных статей автор представляет периодизацию развития имагологии как научного направления, реализуемого в рамках Российской Федерации. Выделяются основные направления и проблематика исследований в диахроническом аспекте. Основываясь на квалиметрическом анализе научных работ, автор определяет отечественные центры, специализирующиеся на исследовании образов России в инокультуре, а также выявляет их особенности и специализацию.

Ключевые слова: имагология, образ России, стереотип, имидж, национальный образ, этнический стереотип; медиаобраз.

Abstract: The article studies the complex analysis of scientific papers on imagology in Russia from 1999 to 2022 years. The empirical material includes texts of 256 theses and 1603 articles. Author proposes the periodization of imagological studies in Russian Federation from the beginning to the nowadays. The paper reveals the main problems, concepts and research direction in imagology in Russia in the diachronic aspect. As the result of qualimetric analysis of scientific works, the author identifies centers specializing in the study of images of Russia in foreign cultures, and identifies their features and specialization.

Keywords: *imagology, image of Russia, stereotypes, image, foreign culture, ethnic stereotype, media image.*

Введение. В контексте высокого уровня напряженности геополитической обстановки, приводящей к «островизации» международных отношений [1], а также появление термина «холодная война 2.0.» [2–3] в медийном дискурсе на первый план выходит необходимость выработки алгоритмов по уходу от эскалации конфликтов, в том числе, и в средствах массовой информации. Выявление и грамотная интерпретация особенностей формирования образа и имиджа нашей страны в зарубежных медиа способствует лучшему пониманию исторического контекста современных международных отношений. Следует учитывать, что наследие Холодной войны продолжает формировать алгоритмы взаимодействия между странами. Тщательный анализ медийных процессов позволит приблизиться к пониманию истоков ряда трендов и проблем, а также выработать оптимальную стратегию по созданию позитивного образа нашей страны на международной арене. Изучение вопроса с позиции имагологии, науки рассматривающей процессы формирования образа и имиджа страны и ее жителей в инокультуре позволяет выявить новые контексты и смыслы в медийных текстах, уйти от парадигмы информационных войн, снизить уровень социальной напряженности, позволит оценивать сообщения в СМИ более критично и беспристрастно.

Имагология (от лат. *imago* — образ) представляет собой достаточно молодую науку, вышедшую из области компаративистики, сравнительного литературоведения, в 40–60-х годах прошлого века. Ее основоположниками традиционно считаются французские литературоведы П. Журда [4], Ж. М. Каррэ [5], А. Лортолари [6], Ш. Корбэ [7], М. Л. Кадо [8], Ф. М. Гийяр [9]. Широкий круг вопросов, поднимаемых в рамках имагологии привел к росту ее популярности в других гуманитарных направлениях: в истории, социологии, лингвистике, политологии. Основная проблема, которую изучают ученые имагологи, феномен формирования этностереотипов, особенности функционирования образов государств и их жителей в инокультуре, имеет междисциплинарный характер. Результаты исследований имеют важное значение для развития отраслей науки, связанных с межкультурной коммуникацией.

Материалы и методы. В ходе исследования были проанализированы 2411 научных работ, посвященных проблемам имагологии. Из них — 256 диссертаций, 1603 научных статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях, входящих в список ВАК РФ, а также тезисы научных конференций, отчеты по реализации грантов и проведению научных мероприятий в вузах Российской Федерации. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1999 по 2022 гг. Нижняя граница хронологических

рамок обусловлена первыми упоминаниями имагологии в отечественных научных работах.

Анализ материала. Имагология представляет собой достаточно молодую науку, в фокусе которой находятся проблемы формирования образа страны и ее жителей в инокультуре. В Европе она выделилась в отдельное направление в рамках сравнительного литературоведения в 40–60-х гг. прошлого века. Достаточно быстро имагологические исследования стали междисциплинарными. Они охватывали проблемы истории и межкультурной коммуникации [10], социологии и журналистики [7].

В отечественных исследованиях проблемы формирования и развития образов государств и их жителей в инокультуре рассматривались задолго до введения в научный оборот термина «имагология». Основоположниками данного направления считают Н. А. Ерофеева [11] и Н. П. Михальскую [12], изучавших динамику образов русских в английской литературе. Однако ни в их работах, ни в первых исследованиях ведущих российских имагологов таких, как А. Р. Ощепков [13] и В. И. Журавлева [14], сам термин отсутствует. Что позволяет определять в качестве отправной точки отечественных имагологических исследований 1999 г., в связи с вводом понятия «имагология». Первые тезисы по указанной проблематике были опубликованы в рамках культурологических исследований Н. Б. Бакач [15]. Первая диссертация была защищена на базе МГУ также по специальности культурология [16]. Примечательно, что в данном диссертационном исследовании рассматривались вопросы формирования образа России в американской и британской прессе, что является, преимущественно журналистской проблемой.

Имагология в отечественных диссертационных исследованиях. Анализируя диссертации и научные статьи, вышедшие в свет в период с 1999 по 2022 гг., следует отметить, что имагология наиболее востребована в области истории, литературы, языкознания и журналистики (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение имагологических исследований по темам

Тематика	Статьи	Диссертации
история	951	95
литература	592	80
языкознание	298	8
педагогика	64	4
журналистика	56	40
философия	43	0
политические науки	46	5
культурология	33	24

За исследуемый период лидерами по количеству защищенных диссертаций на имагологическую тематику можно считать РУДН — 20 диссертаций, из них 18 — по специальности «журналистика», МГУ — 14

диссертаций, из них 9 — по журналистике. РГГУ — 6 диссертаций, из них 1 по журналистике, остальные — по истории. При этом в 1999, 2000 и 2003 гг. диссертации по имагологической тематике защищались исключительно в МГУ. Примечательно, что у 20 диссертационных исследований по журналистике, в котором рассматриваются проблемы образов России в инокультуре и особенности этностереотипов, в тексте отсутствует термин имагология как таковой.

Учитывая общую хронологию и частотность публикаций на имагологическую тематику, представляется возможным выделить три этапа в развитии данного направления в России. Первый этап — период с 1999 г. по 2008 г., представляющий собой появление и постепенное развитие имагологии в отечественных исследованиях. Второй этап — с 2009 г. по 2018 г. — всплеск и активное развитие данного направления. Третий этап — с 2018 г. до настоящего времени — новейший этап, характеризующийся бурным ростом публикаций, стремительно увеличивающимся количеством конференций, проводимых, преимущественно, в удаленном формате.

Отечественные имагологические исследования, первый этап. В первое десятилетие присутствия имагологической науки в российском поле (1999–2008 гг.) было защищено всего 9 диссертаций, а также были опубликованы 93 научные статьи, посвященные проблемам образов стран и народов в инокультуре (см. рис. 1).

Рис. 1. Публикации по имагологической тематике 1999–2008 гг.

На этапе зарождения отечественных имагологических исследований, в фокусе научного интереса оказались проблемы русско-польских литературных связей [17–18], особенности взаимовосприятия русских и испанцев [19], активно обсуждались различные аспекты формирования образов русских во Франции [20–21], а также специфика репрезентации немцев в произведениях Дж. К. Джерома [22].

Постепенно «география» в имагологических исследованиях отечественных авторов расширялась. Появились первые публикации, посвященные Австралии, Китаю [23], Швеции [24], Японии [25]. В 2005 г. особое внимание отечественных ученых было обращено на Украину [26–29]. Общее количество публикаций, посвященных конкретным странам в первое десятилетие присутствия имагологии в российском научном поле составило 65% от общего числа опубликованных работ (см. рис. 2)

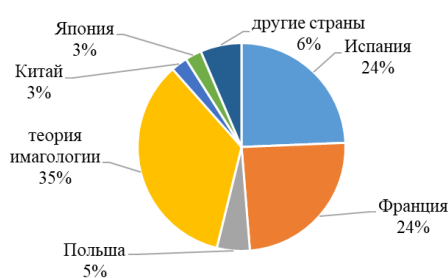

Рис. 2. Тематическое распределение публикаций по имагологии в 1999–2008 гг.

На первом этапе развития отечественных имагологических исследований наибольшее внимание уделялось практическому аспекту — непосредственному анализу образов стран и их жителей в инокультуре. В качестве теоретических аспектов рассматривались особенности процессов формирования образа врага [30], в контексте этнокультурных стереотипов, ксенофобии и этноконфессиональных конфликтов [31]. Существенное расширение тематики прослеживается с 2007 г. Появляются первые работы, касающиеся проблем «дешифровки» рекламных сообщений и интерпретации «смысловых кодов визуального восприятия» в различных культурах и этносах [32–34]. Также появились исследования о значении образов государств и их жителей в области преподавания русского языка как иностранного [35–36]. В этот же период в свет вышли важные теоретические исследования, представляющие подробный обзор первых работ французских компаративистов [37].

Отечественные имагологические исследования, второй этап. Второе десятилетие присутствия имагологии в отечественном поле научных исследований (2009–2018 гг.) ознаменовалось поиском новых тем и источников, а также существенным ростом публикационной активности (см. рис. 3).

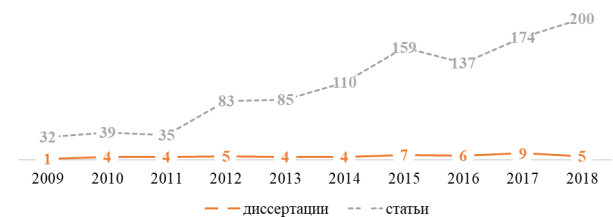

Рис. 3. Публикации по имагологической тематике 2009–2018 гг.

В этот период в российском научном поле формируется множество новых направлений исследований. Актуальность и междисциплинарность изучаемых проблем приводит к активному развитию терминологического аппарата и активному введению новых терминов и определений. В оборот вводятся такие термины как «лингвоимагология» [38, 10], «музыкальная имагология» [39, 61], «образоведение» и «филологическая имагология» [40, 256], «религиозная имагология» [41, 38], «протестарная

имагология» [42, 5]. Появляются обширные обзоры отечественных исследований [43–44], работы, посвященные вопросу становления и развития категориального аппарата имагологии [45], феномене «чужого» и его закреплении в культуре через стереотипы [46], сопоставительный анализ отечественного и зарубежного пути на примере Китая [47].

В этот период существенно расширилась «география» исследований. Если в первые 10 лет в фокус интереса отечественных исследований попали всего десять стран, то в период с 2009 г. по 2018 г. их насчитывалось уже 30 (см. рис. 4).

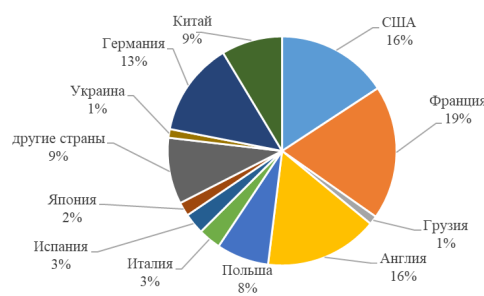

Рис. 4. Общее количество публикаций, посвященных конкретным странам в 2009–2018 гг.

Общее количество публикаций, посвященных конкретным странам во второе десятилетие присутствия имагологии в российском научном поле составило 38% от общего числа. Из 405 публикаций, посвященных вопросам образов различных стран в инокультуре, на первом месте по количеству — Франция, на втором — Англия, на третьем — США. В этот период существенно расширилась «география» имагологических исследований. Появились работы, посвященные Индии [48], Турции [49], Грузии [50–52], Палестине [53], Норвегии [54], Шотландии [55–56] и др.

В этот период были опубликовано большое количество работ, посвященных образу России во французских травелогах XIX в. [57–64]. В рамках имагологической проблематики вышли в свет публикации отечественного историка В. И. Журавлевой, внесшей большой вклад в анализ процессов формирования образа России в США [65]

Следует отметить, что внимание обращалось не только на восприятие России среди иностранцев. В этот период появилось довольно большое количество исследований, посвященных народам, входящим в состав Российской Федерации — образу «чужого» в чеченской [66], адыгской [67] культуре, анализу русско-татарских [68] и русско-угорских [69] литературных контактов. В этот же период было выполнено исследование образов СССР в среде русской эмиграции [70]. Таким образом понятие «инокультура» было выведено за рамки концепции «иностранец».

Следует отметить, что именно в этот период на базе Национального исследовательского Томского государственного университета был основан

первый научный журнал, специализирующийся непосредственно на имагологической проблематике — «Имагология и компаративистика» [71].

Отечественные имагологические исследования, третий этап. В рамках предложенной периодизации последний период (2019–2022 гг.) можно определить как «новейший». Основная особенность которого — рост количества опубликованных статей и защищенных диссертаций (см. рис. 5).

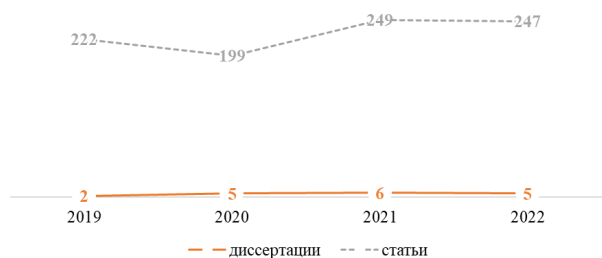

Рис. 5. Публикации по имагологической тематике 2019–2022 гг.

Во многом этот процесс определяется реализацией дистанционных технологий при проведении различных конференций и симпозиумов. Наибольшее внимание исследователей также привлекают Китай, Англия, Франция и Германия (см. рис. 6).

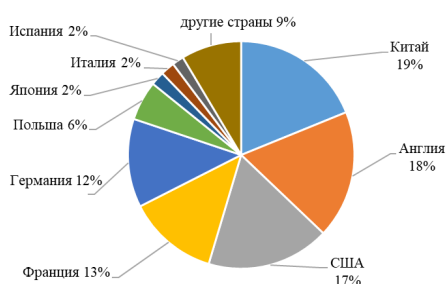

Рис. 6. Общее количество публикаций, посвященных конкретным странам в 2019–2022 гг.

Наибольшее количество публикаций, анализирующих образ России в США принадлежит кафедре истории РГГУ, на базе которой работает научный кружок исторической имагологии в рамках института американистики под руководством В. И. Журавлевой. Большое количество публикаций, посвященных образу России во Франции, было опубликовано исследователями филологического факультета МПГУ. Подавляющее большинство работ на материале африканских и латиноамериканских источников принадлежит факультету журналистики РУДН, где уже много лет работает научный имагологический кружок под руководством Е. А. Котеленец и В. В. Барабаша [72].

Таким образом, имагология в отечественных исследованиях наиболее востребована в таких областях, как история, филология и журналистика. Наибольшее внимание разработке имагологического направления уделяется в таких вузах как МГУ, РГГУ,

РУДН, МПГУ, ТГУ. Можно предложить, что толчком к росту интереса к имагологии стала растущая конфликтность на международной арене, требующая новых подходов и механизмов для интерпретации медийных сообщений и улучшения имиджа России на международной арене.

ЛИТЕРАТУРА

1. Песков Д. С. Остров Россия / Д. С. Песков. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/09/06/2022/62a0e95b9a79472d8b713207> (дата обращения: 29.04.2023)
2. Саква Р. Неуставные международные отношения / Р. Саква // Россия в глобальной политике. — 2023. — Т. 21. — № 1. — С. 34–50.
3. Фрейнберг А. Костин заявил о конце глобализации и «холодной войне 2.0» / А. Фрейнберг. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/14/06/2022/62a6ec439a7947583c1c1d32> (дата обращения: 29.04.2023)
4. Jourda P. L'exotisme dans la littérature française depuis Chateaubriand. Le romantisme. Paris: Boivin, 1938.
5. Carré J. M. Les écrivains français et le mirage allemand. Paris: Boivin, 1947.
6. Lortholary A. Le Mirage Russe En France Au XVIIIe Siecle. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 1951.
7. Corbet Ch. A l'ère des nationalismes. L'Opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris: Didier, 1967
8. Cadot M. L'Image de la Russie dans la vie intellectuelle française (1839–1856). Paris: Fayard, 1967.
9. Guyard M. F. La littérature comparée. Paris: Presses universitaires de France, 1969.
10. Woolf L. Inventing Eastern Europe The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford university press, 1994.
11. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825–1853 гг. / Н. А. Ерофеев. — М., 1982.
12. Михальская Н. П. Пути развития английского романа 1920–1930-х гг.: дис. ... д. филол. н. / Н. П. Михальская. — М., 1968.
13. Ощепков А. Р. Марсель Пруст в отечественном литературоведении 1920–начала 1980-х гг.: дисс. ... канд. филол. н. / А. Р. Ощепков. — М., 2002.
14. Журавлева В. И. Проблемы политической и социальной жизни России конца XIX века в общественном мнении США: дисс. ... канд. истор. н. / В. И. Журавлева. — М., 1992.
15. Бакач Н. Б. Культурологический аспект имагологии // XXI век: будущее России в философском измерении / Н. Б. Бакач. — Екатеринбург, 1999. — С. 39–40.
16. Ужегова З. А. Образ «новой» России на Западе: по материалам американской и британской прессы: дисс. ... канд. культурол. н. / З. А. Ужегова. — М., 1999.
17. Хорев В. А. Имагология и изучение русско-польских литературных связей // Поляки и русские в глазах друг друга / В. А. Хорев. — М., 2000.
18. Мальцев Л. А. Россия и Польша: книги и юбилей / Л. А. Мальцев // Балтийский филологический курьер. —

2003. — № 3. — С. 368–374.

19. Багно В. Е. Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания) / В. Е. Багно. — СПб., 2001.

20. Партаненко Т. В. Взаимовосприятие России и Франции / Т. В. Партаненко // *Studia Culturae*. — 2002. — № 4. — С. 215–222.

21. Борщ Е. В. Франция — Россия: проблемы культурных диффузий / Е. В. Борщ. — Екатеринбург, 2007.

22. Филюшкина С. Н. «С англосаксонской точки зрения...» (Образ немца в повести Дж. К. Джерома «Трое на велосипеде» и проблемы имагологии) / С. Н. Филюшкина // XIII Пуршевские чтения. Всемирная литература в контексте культуры. — М., 2001. — С. 281–282.

23. Козулин В. Н. Об исторической специфике восприятия Китая в России / В. Н. Козулин // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. — 2004. — № 19–20. — С. 312–319.

24. Кан А. В поисках порядка. Взаимные представления шведов и русских друг о друге в начале века разума / А. Кан // *Отечественная история*. — 2006. — № 5. — С. 147–149.

25. Ложкина А. С. Источники формирования образа Японии в политическом сознании советского руководства 1930-х гг. / А. С. Ложкина // *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*. — 2008. — № 4. — С. 85–100.

26. Бамбизова К. В. Проблемы имагологии в современной историографии / К. В. Бамбизова // *Наука и образование*. — 2005. — С. 48–55

27. Галинская И. Л. Проблемы современного сравнительного литературоведения / И. Л. Галинская // *Культурология*. — 2005. — № 3 (34). — С. 37–42.

28. Орехов В. В. Реконструкция национального имиджа как поведенческая и литературная тактика / В. В. Орехов // *Культура народов Причерноморья*. — 2005. — № 69. — С. 46–50.

29. Михайлова М. В. международная научная конференция «художественный текст в диалоге культур» / М. В. Михайлова // *Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология*. — 2007. — № 1. — С. 192–196.

30. Сенявский А. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) / А. С. Сенявский, Е. С. Сенявская // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. — 2006. — № 2. — С. 54–72.

31. Чернышов Ю. Г. Дискуссии о ксенофобии и этноконфессиональных конфликтах (предисловие ответственного редактора) / Ю. Г. Чернышов // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. — 2006. — № 22. — С. 3–10.

32. Трушина Л. Е. Реклама в информационном пространстве современного общества / Л. Е. Трушина // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения*. — 2007. — № 4. — С. 215–223;

33. Трушина Л. Е. Социокультурное значение рекламы / Л. Е. Трушина // *Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки*. — 2007. — № 3. — С. 160–164.

34. Зуляр Ю. А. Идеология и реклама / Ю. А. Зуляр // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. — 2007. — № 1. — С. 150–164.

35. Милославская С. К. Образ России в учебниках РКИ XVI — начала XX века / С. К. Милославская // *Русский язык за рубежом*. — 2008. — № 2 (207). — С. 21–29.

36. Милославская С. К. Учебник русского языка как иностранного — уникальное средство формирования образа России в мире: к теоретическому обоснованию лингвопедагогической имагологии / С. К. Милославская // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. — 2008. — № 4. — С. 10–15.

37. Трыков В. П. Западная литературоведческая «россика» рубежа XX–XXI веков: основные фигуры, тенденции и подходы / В. П. Трыков, А. Р. Ощепков // *Вестник Международной академии наук (Русская секция)*. — 2008. — № 2. — С. 70–75.

38. Иванова Л. П. Лингвоимагология как краеугольный камень теории коммуникации и практические основы межкультурного общения / Л. П. Иванова // *Коммуникативные исследования*. — 2014. — № 1 (1). — С. 9–16.

39. Новоселова Е. Ю. Голос Иоанны Д'Арк: к проблеме музыкальной имагологии / Е. Ю. Новоселова // *Музыка. Искусство, наука, практика*. — 2015. — № 3 (11). — С. 59–75.

40. Томберг О. В. Изучение литературы в контексте филологической имагологии / О. В. Томберг // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. — 2015. — № 2–2. — С. 255–259.

41. Андрейчева М. Ю. Религиозная имагология: предмет и задачи нового историко-имагологического направления / М. Ю. Андрейчева // *Манускрипт*. — 2016. — № 11–2 (73). — С. 37–40.

42. Бойцов М. А. Что такое протестарная имагология / М. А. Бойцов // *Власть и образ: очерки потестарной имагологии*. — СПб., 2010. — С. 5–3.

43. Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина / Е. В. Папилова // *Rhema. Рема*. — 2011. — № 4. — С. 31–40.

44. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы / О. Ю. Поляков, О. А. Полякова. — Киров, 2013.

45. Поляков О. Ю. Становление и развитие категориального аппарата имагологии / О. Ю. Поляков // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. — 2014. — № 9. — С. 125–134.

46. Алиева З. К. Оппозиция «свой — чужой» в современной имагологии / З. К. Алиева // *Образование. Наука. Научные кадры*. — 2014. — № 6. — С. 262–266.

47. Тен Н. В. Россия в современных китайских имагологических исследованиях (1990–2010) / Н. В. Тен // *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*. — 2012. — Т. 13. — № 1. — С. 69–76.

48. Поплавская И. А. Образ Индии в русской литературе XVIII–XX вв // *Современные образовательные технологии — средство и инструмент преподавания русского*

- языка и литературы / И. А. Поплавская, 2017. — С. 84–87.
49. Листопадова О. Ю. Образ Стамбула в военный период (на материале журналистских очерков Эрнеста Хэмингуэя) / О. Ю. Листопадова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 7–3 (73). — С. 45–47.
50. Астахов Н. Представление о Грузино-югоосетинском конфликте в карикатурах французского журналиста Мартина Видберга / Н. Астахов // Материалы межвузовской конференции «Средства массовой коммуникации в многополярном мире». — М., 2010. — С. 5–10
51. Дагаева К. И. Грузино-Югоосетинский конфликт в публикациях французских газет «Le Parisien» и «Le Figaro» / К. И. Дагаева // Материалы межвузовской конференции «Средства массовой коммуникации в многополярном мире». — М., 2010. — С. 16–24
52. Иванова Н. В. Война в Осетии: «черная» пропаганда западных СМИ / Н. В. Иванова // Материалы межвузовской конференции «Средства массовой коммуникации в многополярном мире». — М., 2010. — С. 45–56
53. Камалова С. Д. Имагологический образ палестинца в палестинско-израильском конфликте / С. Д. Камалова // Филологические науки в МГИМО. — 2017. — № 4 (12). — С. 92–100.
54. Топтунов А. А. Образы России в письмах Олафа Брока / А. А. Топтунов // Русский Север и Арктика: фундаментальные проблемы истории и современности. — Архангельск, 2018. — С. 15–18.
55. Шешунова С. В. Шотландцы на русской службе: литературные образы / С. В. Шешунова // Мировая литература в контексте культуры. — 2015. № 4 (10). — С. 16–21
56. Еремин В. С. Образ российских императоров на страницах шотландского ежеквартального книжного обозрения «The Edinburgh Review» в первой четверти XIX в. / В. С. Еремин // Гуманитарные и юридические исследования. — 2018. — № 2. — С. 43–51.
57. Ощепков А. Р. Образ России по французской прозе XIX века: дисс... д. филол. н. / А. Р. Ощепков. — М., 2011.
58. Ощепков А. Р. Россия в книге Т. Готье «Путешествие в Россию» / А. Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. — 2009. — № 2. — С. 154–157
59. Ощепков А. Р. Русский концентр во французском литературном сознании XIX века Знание. Понимание. Умение / А. Р. Ощепков, В. П. Трыков. — 2010. — № 2. — С. 146–151.
60. Ощепков А. Р. Образ России во французских путевых записках XIX века. М.: Флинта, 2015.
61. Трыков В. П. Имагология и имагопоэтика: два подхода к изучению образа «другого» / В. П. Трыков // Россия в литературе Запада. — М., 2017. — С. 17–28
62. Трыков В. П. Концепция высшего образования Жана-Франсуа Лиотара как теоретическая модель современной высшей школы / В. П. Трыков // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 3. — С. 45–50.
63. Трыков В. П. Имагология и имагопоэтика / В. П. Трыков // Знание. Понимание. Умение. — 2015. — № 3. — С. 120–129.
64. Ганин В. Н. Россия в литературе Запада / В. Н. Ганин. — М., 2017.
65. Журавлева В. И. Понимание России в США: образы и мифы, 1881–1914. / В. И. Журавлева. — М., 2012.
66. Ибрагимов Л. М. «Свой/чужой» в русскоязычной чеченской литературе / Л. М. Ибрагимов // Рефлексия. — 2011. — № 1. — С. 62–65
67. Амбарцумян К. Р. «Свой-другой-чужой»: взгляд на черкесов изнутри и извне в XIX веке / К. Р. Амбарцумян // Северо-Западный Кавказ: от прошлого к настоящему. — Ростов-на-Дону, 2014. — С. 119–127.
68. Бреева Т. Н. Татарский компонент в русской литературе XX века / Т. Н. Бреева // Tatarica. — 2014. — № 2 (3). — С. 47–67.
69. Ершов М. Ф. Трикстер и город в традиционной культуре обских угров / М. Ф. Ершов // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации. — Ханты-Мансийск, 2015. — С. 129–138.
70. Урядова А. В. Возможности использования имагологии для изучения образа советской России (СССР) в среде русской эмиграции / А. В. Урядова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. — 2015. — № 4 (34). — С. 32–36.
71. Киселев В. С. О журнале // Имагология и компаративистика / В. С. Киселев. — Режим доступа: <http://journals.tsu.ru/imagology/> (дата обращения: 20.11.2023).
72. Барабаш В. В. Образы России в мире / В. В. Барабаш, Г. А. Бордюгов, Е. А. Котеленец. — М., 2010.

Московский педагогический государственный университет

Дагаева К. И., аспирант Московского педагогического государственного университета

E-mail: dagaevakira@yandex.ru

Moscow Pedagogical State University

Dagaeva K. I., Postgraduate Student

E-mail: dagaevakira@yandex.ru

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА» В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

О. В. Дегтярева, О. Ф. Волочаева

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Поступила в редакцию 30 мая 2024 г.

Аннотация: статья резюмирует приоритетные направления и специфику функционирования архива изданий, собранных в Музее истории журналистики и PR факультета социальных технологий СЗИУ РАНХиГС. В результате анализа массива публикаций представлена структура фрейма «блокада Ленинграда» по случаю 80-летия трагедии снятия блокады Ленинграда.

Ключевые слова: концепт, фрейм, историческая память, военная блокада Ленинграда.

Abstract: the article summarizes the priority directions and specifics of functioning of archive of publications, collected in the Museum of the history of journalism and PR faculty of social technologies of SJI RANHHIS. As a result of the analysis of the mass of publications, the structure of the frame «Leningrad blockade» on the occasion of the 80th anniversary of the tragedy of lifting the blockade of Leningrad is presented.

Keywords: concept, frames, historical memory, military blockade of Leningrad.

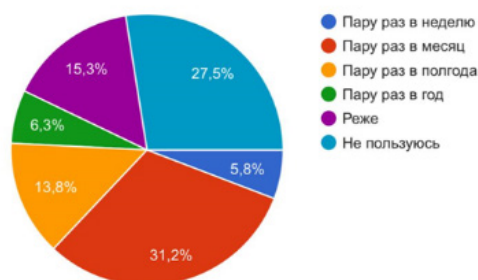
На базе факультета социальных технологий СЗИУ РАНХиГС был сформирован Музей истории журналистики и PR факультета социальных технологий СЗИУ РАНХиГС (далее — Музей). Экспозиция составляет более 3 тысяч разнообразных артефактов и экспонатов: фотокамеры, печатные машинки *Rheinmetall Borsig*, диктофоны, редкие печатные издания. Представлены первые номера легендарных газет «Правда» и «Искра», а также знамя газеты «Ленинградская правда» (1928 г.) и грамота о награждении газеты «Орденом Ленина». За пять лет существования музея была собрана обширная коллекция периодических изданий времен Великой Отечественной войны. Среди них — уникальные экземпляры фронтовых и флотских газет с пометкой «Из части не выносить». Основателем музея выступил декан факультета социальных технологий СЗИУ РАНХиГСУ — Олег Сергеевич Кузин [1], по мнению которого «это наглядное учебно-методическое пособие для студентов, повествующее о том, как развивалась журналистика на протяжении двух веков. Причем каждый печатный экспонат находится практически в открытом доступе [2].

В рамках исследования было проведено фокусированное интервью со студентами 3 и 4 курсов направления «Журналистика» факультета социальных наук СЗИУ РАНХиГС¹. Опрос на тему «Как часто и с какой целью вы интересуетесь архивом газет и жур-

налов музея ФСТ?» показал, что среди 189 человек интерес к архиву проявили 13,8% — достаточно небольшая, но значимая доля респондентов, которая интересовалась архивом «из личных побуждений, не связанных с работой или учебой (хобби — история, краеведение, исследовательская деятельность, студентка Ксения)». Выполнение студенческих работ (40,7%) — наиболее популярная причина обращения к материалам архива, а именно «для написания курсовых, дипломных и других студенческих работ». Меньшая часть респондентов (12%) обращалась к подшивке для решения профессиональных задач. При этом наблюдалась дихотомия: большая часть респондентов либо вовсе не интересовалась архивом, либо, наоборот, обращалась регулярно («пару раз в месяц стабильно»).

Как часто Вы интересуетесь архивом газет и журналов музея ФСТ?

189 ответов

 Копировать

¹ НИР СЗИУ РАНХиГС «Типологическая модель муниципальной и общественно-политической прессы (по материалам архива музея журналистики и PR факультета социальных технологий СЗИУ РАНХиГС)» 2022–2024 гг.

С какой целью Вы интересуетесь архивом газет и журналов музея ФСТ?

189 ответов

 Копировать

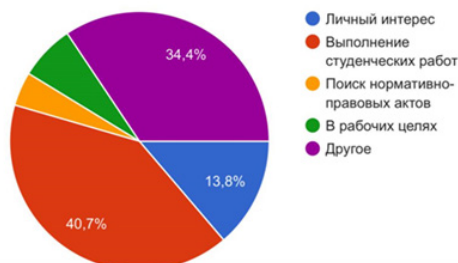

Рис. 1 Результаты социологического опроса студентов 3 и 4 курсов направления «Журналистика» ФСТ СЗИУ РАНХиГС.

В рамках работы фокус-группы студентам было предложено использовать метод количественного анализа текстов, целью которого стало выявление и интерпретация смысловых единиц в их совокупности. В качестве источников исследования была сформирована выборка статей по теме «блокада Ленинграда», сформированная на основе периодических изданий Музея. Для определения основных тем отобрали публикации, содержащие во всех возможных грамматических формах слова или словосочетания «блокада» и «блокада Ленинграда», «город-герой Ленинград». Выборку составили 4 газеты: «Ленинградская правда», «Комсомольская правда», «Советская культура», «Санкт-Петербургские ведомости». Данные издания содержали материалы о блокаде Ленинграда (№ 217, 11 сентября 1941 г.; № 15, 18 января 1943 г.; № 15, 19 января 1943 г.; № 24, 28 января 1944 г.).

В лингвистике «концепт» понимается как элемент психической структуры, который представляет собой оперативную единицу содержания в памяти, отражающей общую картину мира в человеческом сознании. В трактовке Е. С. Кубряковой, «концепт — это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга (*lingva mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [3]. «Блокада Ленинграда» — это один из знаковых концептов русской культуры. Событие имеет огромное историческое значения для России. Немецкие, финские войска и их союзники окружили город, обрезав все сухопутные пути связи [4]. Во время блокады погибли около 1 млн. жителей, в том числе более 600 тыс. — от голода. Известными мемориалами является Памятник «Памяти блокадников Ленинграда» на Площади Победы в Санкт-Петербурге, который был открыт еще в 1975 году и Музей-памятник «Оборона Ленин-

града» (Мемориальный комплекс «Пискаревское») в Санкт-Петербурге. Помимо этого, в различных городах России расположены другие объекты, посвященные блокаде Ленинграда. 27 января 2024 г. Санкт-Петербург отметил историческую дату — 80 лет со дня полного освобождения Ленинграда от блокады [5].

Исследование статистики запросов с использованием *wordstat*² в период с декабря 2018 г. по февраль 2024 г. позволило нам выявить интерес общественности к теме «блокада Ленинграда». По результатам анализа, установлены ежегодные пики запросов, которые приходились на январь — месяц снятия блокады. Это свидетельствует о сохраняющемся интересе к памятной дате. Наибольшее количество запросов было зафиксировано в январе 2024 г. — 80-летие с момента снятия блокады Ленинграда. Высокий интерес отмечен в январе 2023 и январе 2019 (юбилей 75 лет) гг. (рис. 2–4.).

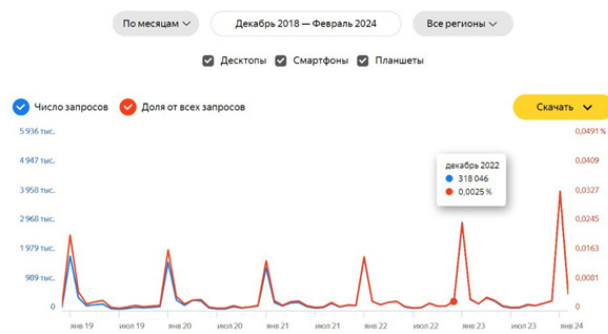

Рисунок 2. Частота введения запроса «блокада Ленинграда»

Формулировка	Число запросов
блокада ленинграда	370 308
блокада ленинграда сколько	36 860
день блокады ленинграда	31 919
снятие блокады ленинграда	27 293
прорыв блокады ленинграда	25 796
блокада ленинграда даты	24 617
блокада ленинграда длилась	22 392
блокада ленинграда годы	21 674
блокада ленинграда суть	21 280
сколько длилась блокада ленинграда	21 262

Рисунок 3. Количество запросов «блокада Ленинграда»

Анализ запросов показал, что из десяти первых шесть касались конкретных дат, связанных с событием. Два запроса относились к прорыву блокады и последующему ее снятию. Два запроса были направлены на изучение самого феномена блокады.

² Яндекс *wordstat*. — Режим доступа: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения: 10.04.2024).

Полученные данные демонстрируют проявление интереса к истории и подчеркивают важность этого трагического периода для всей России. В ходе дефиниционного анализа было установлено, что «блокада» и «блокада Ленинграда» поданы в двух значениях: 1) осада города, крепости или территории с целью прекращения поставок продовольствия, воды, оружия и других ресурсов, чтобы вынудить обороняющихся сдать. В лексикографии это слово может быть описано как синоним — «осада», «обложение», «окружение»; 2) военная блокада Ленинграда немецкими и финскими войсками и их союзниками во время Великой Отечественной войны с 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г.

Регион	Число запросов №	Доля от всех запросов, %	Индекс интереса, % ©
Россия	362 833	0,003226	104,43
Центр	107 290	0,002604	85,43
Северо-Запад	65 555	0,005228	172,05
Поволжье	63 258	0,003104	101,86
Москва и область	61 074	0,002261	74,20
Санкт-Петербург и Ленинградская область	49 295	0,006219	204,06
Сибирь	41 864	0,003539	116,11
Урал	29 406	0,003060	100,40
Юг	24 870	0,002629	86,26
Дальний Восток	16 133	0,003830	126,39

Рисунок 4. Регион запроса

Одним из ключевых значений слова «блокада» является военное окружение города — военный прием, заключающийся в изоляции сил противника, блокада, блокадный город, окружение, «котел», «мешок», «кольцо» [6]. Субфрейм «историческое событие» относится к юбилею прорыва блокады Ленинграда 1944 г.: юбилей; торжество, посвященное освобождению Ленинграда; дни блокады; великий Ленинград; освобождение Ленинграда; прорыв блокады; блокадный город; героические дни победы; город-герой [7]. Выпуск газеты № 15 «Ленинградской правды» начинается с яркого, громкого заголовка: «Блокада Ленинграда прорвана!». Вчера войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились. Крепче удар по немецко-фашистским захватчикам! Вперед за нашу победу!» [8].

Субфрейм «блокада» также актуален в значении «заграждение» — препятствие для движения чего-либо: сооружение, устройство, минное заграждение, противопехотное заграждение, противотанковое заграждение, затруднение продвижения войск. Наиболее объемным по количественным параметрам и структурно сложном в содержательном отношении является субфрейм «символ». Фактически в каждом из проанализированных текстов, какой бы субфрейм в нем ни актуализировался, есть апелляция к символическому значению блокады: 1) символ народной памяти и скорби о погибших мирных жителях; 2) символ мужества советских солдат, сражавшихся против захватчиков; 3) символ победы над злодейством фашистского режима; 4) символ преодоления трудностей через активную трудовую деятельность,

работу.

Результаты исследования говорят о том, что за последние 80 лет возросло общее количество публикаций по теме «блокада Ленинграда». Рассматривая тональность материалов газеты «Ленинградская правда» от 11 сентября 1941 г. (№ 217), следует отметить положительный характер публикаций: «наши силы с каждым днем крепнут, растет военная продукция наших заводов, пополняются ряды Народного ополчения, все граждане нашего города, способные носить оружие, осваивают военное дело. Вокруг Ленинграда воздвигается стена могучих укреплений. Одной мыслью — защититесь во что бы то ни стало, отстайте родной, любимый Ленинград — живем сегодня мы» [9]. Для определения жанровой стилистики нами был проведен анализ наиболее часто используемых фраз в выпусках газеты. В результате, мы выявили, что слово «наш» и «мы» составило 1% от всего текста; «великий» и «родной» — 3,5%; «гордость» — 4%; «надежда» — 2% соответственно:

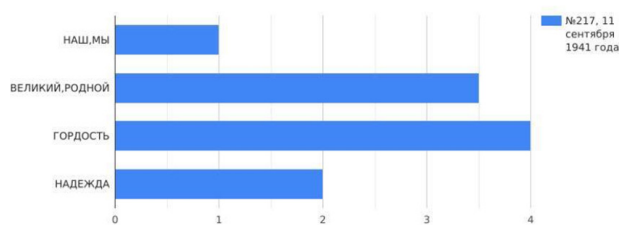

Рисунок 6. Анализ наиболее часто встречаемых слов и именованных существностей («Ленинградская правда» № 15, 18 января 1943 г. [10])

Выпуск газеты, приуроченной ко дню прорыва блокады, открывался вдохновляющим заголовком: «Пламенный привет героическим воинам Ленинградского и Волховского. Товарищи бойцы и командиры, еще крепче бейте ненавистного врага, истребляйте его без пощады!». Все заметки в выпуске сопровождались мотивационными подзаголовками: «Радостный, незабываемый день», «Великий час», «Победа зовет к новым трудовым подвигам». Среди ключевых слов доминировало «товарищи» — составило 4% всей статьи, «бойцы» — 3,5%; «победа» — 2% [11]. На передовице газеты в шапке выделяется: «Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады. Слава воинам Ленинградского фронта! Слава трудящимся города Ленина! Слава великому Сталину!». Газета начиналась с заметки «Приказ войскам ленинградского фронта». Настроение — боевое, наполненное гордостью и счастьем. Большая часть материалов содержит сведения о грандиозном салюте, «составившем 24 залпа из 324 орудий». Среди ключевых слов следует выделить: «войска» — 1%; «Ленинград» — 2%; «слава» — 3%; «выдержка» — 2,5%; «труд» — 2,6%. Несомненно, тематика представлена шире. Кроме того, изменился стиль подачи информации о блокаде Ленинграда. Анализ газетных материа-

лов показал, что крайне важной видится проблема представления информации о событии. В течении пяти лет запрос «блокада Ленинграда» увеличился почти в 2 раза (январь 2019 г.— январь 2024 г.). Интересно, что наибольшее количество запросов приходится не на г. Санкт-Петербурга и Ленинградскую область, а на другие регионов.

Таким образом, анализ газетных материалов, посвященных блокаде Ленинграда показал, что на фоне увеличения потока печатных материалов по этой теме формируется устойчивая тенденция — события Великой Отечественной войны остаются объектом пристального внимания журналистов [4]. Чаще всего материалы по теме «блокада Ленинграда» появлялись в центральной и муниципальной прессе, что свидетельствует о высокой роли и значении концепта «блокада Ленинграда» в сохранении исторической памяти населения. Материалы архива позволили студентам не только проследить и изучить опыт прошлого, но и произвести работу над выпуском студенческой газеты «Просто», приуроченной 80-летию снятия блокады Ленинграда [12]. Архив музея журналистики и PR факультета социальных технологий СЗИУ РАНХиГС является важным инструментом сохранения живой памяти и формирования исторической памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Я человек творческий!»: декану ФСТ РАНХиГС Санкт-Петербург Олегу Кузину исполнилось 70 лет! — Режим доступа: <https://spb.ranepa.ru/news/primer-podlinnogo-professionalizma-dekanu-fakulteta-sotsialnyh-tehnologij-ranhigs-sankt-peterburg-olegu-kuzinu-ispolnilos-70-let/> (дата обращения: 20. 05. 2024).
2. Музей «Истории журналистики и PR» СЗИУ отметил годовщину со дня основания. — Режим доступа: <https://spb.ranepa.ru/news/muzej-istorii-zhurnalistiki-i-pr-sziu-otmetil-godovshhinu-so-dnya-osnovaniya/?ysclid=lxggl>
3. Кубрякова Е. С. Концептуализация // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. — М., 1996.
4. Фролов М. И. Блокада. Битва за Ленинград. Мифы. Легенды. Реальность / М. И. Фролов. — М., 2014.
5. 80-летие снятия блокады Ленинграда — программа мероприятий в Санкт-Петербурге // Известия. — Режим доступа: <https://iz.ru/1636453/2024-01-25/80-letie-sniatiia-blokady-leningrada-programma-meropriatii-v-sankt-peterbure> (дата обращения: 26.03.2024).
6. Лапина И. Ю. Кольцо блокады: оккупационный режим и информационная война // И. Ю. Лапина. — Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/koltso-blokady-okkupatsionnyu-rezhim-i-informatsionnaya-voyna> (дата обращения: 10. 04. 2024).
7. Газета «Советская культура». — Режим доступа: <https://portal-kultura.ru/upload/iblock/8cc/1994.01.22.pdf> (дата обращения: 10. 04. 2024).
8. Ленинградская правда: ежедневная газета / орган Ленинградского обкома и горкома КПСС, областного и городского Советов депутатов трудящихся. — 1943, 18 января — № 15. — Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/679118> (дата обращения: 10.04.2024).
9. Ленинградская правда: ежедневная газета. — 1941, 11 сентября — № 217. — Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/679427> (дата обращения: 10.04.2024).
10. Ленинградская правда: ежедневная газета. — 1943, 18 января — № 15. — Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/679118> (дата обращения: 10.04.2024).
11. Ленинградская правда: ежедневная газета. — 1943, 28 января — № 22. — Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/679110> (дата обращения: 10.04.2024).
12. Студенческая газета «Просто», 26 января 2024 г. — Режим доступа: <https://www.fst-sziu.ru/portfolio-posts/gazeta-prosto/> (дата обращения: 10.05.2024).

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Дегтярева О. В., кандидат политических наук, доцент СЗИУ РАНХиГС

E-mail: olgaspb2008@mail.ru

Волочаева О. Ф., кандидат социологических наук, доцент СЗИУ РАНХиГС

E-mail: volochaeva-of@ranepa.ru

North-West Institute of Public Administration — branch of the National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Degtyareva O. V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Journalism (RANEPA)

E-mail: olgaspb2008@mail.ru

Volochaeva O. F., Candidate of Sociology Associate Professor of the Department of Journalism (RANEPA)

E-mail: volochaeva-of@ranepa.ru

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МУЛЬТИПЛАТФОРМЕННОГО КОНТЕНТА (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА ОТР «ВСЁ ПО-ВЗРОСЛОМУ»)

Ю. В. Ермилова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 июля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается один из актуальных способов сохранения телевидением детской аудитории — создание конвергентного контента путем одновременного или отложенного распространения его в интернете и на эфирном телеканале с адаптацией под разные среды. Примером такого опыта может служить проект «Всё по-взрослому» телеканала «Общественное телевидение России».

Ключевые слова: медиаиндустрия, цифровые технологии, трансформации, медиапотребление, «цифровая молодежь», конвергенция.

Abstract: the article discusses one of the current ways of preserving the children's audience on television — the creation of convergent content through simultaneous or delayed distribution on the Internet and on a broadcast TV channel with adaptation to different environments. An example of such experience is the project «Everything in an adult» of the Public Television of Russia.

Keywords: media industry, digital technologies, transformations, media consumption, «digital youth», convergence.

Введение. Устойчивая тенденция к снижению времени, проводимого детьми и подростками за просмотром телевизора, существующая в 2020–2024 гг. [1], отказ от данной модели потребления контента в пользу интернет-площадок [2] становятся новым вызовом для телевидения. Что касается возрастной группы 6–18 лет, исследователи отмечают: интернет стал привычным и предпочтительным способом получения информации благодаря своей индивидуализированности и доступности в любое время [3]. Прогнозные исследования указывают на дальнейшее усиление тенденции перехода к онлайн-платформам [4]. Таким образом, чтобы оставаться актуальным и конкурентоспособным, телевидению необходимо пересмотреть свои стратегии, выполнить ряд стратегических задач. Это разработка гибридных моделей, интеграция телевизионного и интернет-контента, создание приложений и онлайн-платформ для потокового вещания; создание индивидуализированного контента; активное присутствие в социальных сетях для продвижения контента и взаимодействия с аудиторией; внедрение интерактивных элементов. Принятие этих стратегий позволит телевидению сохранить свою актуальность и привлечь внимание молодой аудитории в условиях цифровой эры.

Целевая аудитория программы «Всё по-взрослому». Интерактивная образовательно-развлекательная передача «Всё по-взрослому» впервые вышла в прямом эфире Общественного телевидения России (ОТР) в 2022 г. Журналистам и режиссе-

рам передачи удалось создать уникальный формат, аналога которому в российском телепространстве не существует. По своим типологическим характеристикам передача «Всё по-взрослому» обладает возможностями передач федерального телеканала, входящего в первый мультиплекс, и имеет особенности, свойственные передачам, выходящим на современных онлайн-площадках.

«Всё по-взрослому» выходит в прямом эфире по выходным в 9.30 по московскому времени. Однако ее нельзя назвать передачей утренней: у ОТР — пять орбит с двухчасовым шагом, однако сложность вещания в том, что прямозфирные передачи идут «сквозняком» и как бы «пронизывают» все орбиты. Соответственно, передача идет в одно и то же время по Москве и вместе с тем в разных часовых поясах: в Калининграде — в 8.30, в Самаре — в 10.30, в Красноярске — в 13.30 и на Камчатке — в 18.30.

Целевая аудитория программы — дети 7–14 лет. Чтобы удовлетворить непростые требования подростковой аудитории был проведен конкурсный отбор ведущих, который выиграла Соня Волкова, выпускница Омской детской телестудии. Победительница на телевидении с десяти лет, имеет опыт работы над сюжетами, создала собственную передачу в Youtube и на омском телеканале «Продвижение».

Формат познавательной викторины и конвергенция телевидения и интернета. Тематико-жанровая структура передачи нового типа «Всё по-взрослому» состоит из нескольких смысловых блоков. Это познавательная викторина в прямом эфире; детские новости, снятые учащимися школьных телесту-

дий из разных регионов России; интервью с гостем в студии, ребенком, победителем викторины в предыдущем выпуске; мультфильм-короткометражка, сделанный студентами творческих вузов или детьми из анимационных студий; обзор детских книг, сделанный юными блогерами; познавательные и развлекательные сюжеты, снятые детьми-блогерами из разных регионов; мастер-классы от юных блогеров.

Передача представляет собой один из первых детских форматов, созданных в конвергенции телевидения и интернета.

Формат *познавательной викторины* используется как на телевидении, так и в интернете. Однако из-за того, что отечественное телевидение много лет не создает программы для детской аудитории в прямом эфире, «Всё по-взрослому» воспринимается как интернет-контент. С блогингом роднит ее и то, что запускается викторина одновременно в телеэфире, в стриме на сайте канала и в telegram-канале.

Детские новости — старый телеформат. Но, как правило, на современном телевидении они выходят в записи. Здесь же прямой эфир, который можно соотнести как с копированием «взрослых» новостей, так и с интернет-стримами.

Интервью в студии — традиционный жанр, интернет позаимствовал его у классических медиа. В структуре передачи «Всё по-взрослому» мультфильм-короткометражка воспринимается в большей степени как интернет-контент за счет своей неформатности: почти примитивистские ролики, лаконичная анимация, короткий хронометраж — на телевидении такая мультипликация, как правило, не размещается, зато успешно используется в интернете.

Обзор — также телевизионный формат, который с удовольствием подхватили блогеры, и теперь он прочно ассоциируется с интернетом. Жанр видеобзора на Youtube породил целую специализацию среди блогеров, которую на профессиональном сленге называют «обзорщики». В их функцию входят задачи рассматривать и оценивать весь жанрово-форматный спектр потребления — от видеоигр до школьных ластиков. К сотрудничеству с передачей редакция пригласила детей-обзорщиков, у которых есть свои каналы с оценкой книг. Теперь обзоры книг выходят одновременно в интернет-блогах и на федеральном телеканале. Но если обзоры книг делают несколько блогеров, с которыми сотрудничает телеканал, то записанные мастер-классы в редакцию могут присылать любые дети-блогеры. Редакция определила хронометраж и несложные правила публикации.

Познавательные и развлекательные сюжеты — формат телевизионный, но снимаются они, как правило, в виде субъективного рассказа от первого лица, часто с использованием экшен-камеры или смартфона, без обязательного соблюдения телевизионных канонов съемки сюжетов. Монтаж таких сюжетов тоже далек от классической телевизионной схемы:

планы могут не состыковываться по крупности, быть существенно короче, переходы оформляются с помощью спецэффектов.

В то время как федеральные каналы с 2010 по 2022 г. сознательно уходили от прямоэфирного вещания (за исключением ОТР), интернет-площадки активно осваивали формат онлайн-стримов. Однако с марта 2022 г. телеканалы первого мультиплекса вернулись к информационным передачам в прямом эфире. Можно считать, что уникальный для детского контента формат общения со зрителем «здесь и сейчас» в равной степени взят из эфира (ОТР с самого начала вещания развивает прямоэфирные форматы, которые по будням занимают не менее семи часов ежедневно) и из интернета.

Недостаток телевидения — его отделенность от аудитории. Телевидение производит, зрители воспринимают. Существуют классические приемы вовлечения зрителей в телевизионное действие: письма с предложениями тематики, видеовопросы, псевдоголосования и др. Однако в эпоху интернета с его возможностями мгновенной реакции, отклика, вступления в дискуссию, беспрепятственной публикации своего контента этого явно недостаточно. Зритель, особенно ребенок, не хочет быть пассивным реципиентом, его задача — создавать. Соавторство зрителей — прием, который широко использует общественное телевидение.

Интерактивность передачи «Всё по-взрослому». Передача «Всё по-взрослому» полностью интерактивна. Она строится на вовлечении телезрителей в создание контента, наподобие принципа взаимодействия с аудиторией социальной сети. Зрители коммуницируют с ведущим посредством телефонных звонков в студию во время прямого эфира или отправки сообщения с помощью СМС, WhatsApp, Telegram. Содержание общения — ответы на вопрос викторины, комментарии к эфиру, предложения по тематике сюжетов. Премодерация незначительная: звонок или сообщение, соответствующее теме программы, должно быть направлено от ребенка.

Победитель викторины текущего эфира — первый дозвонившийся или написавший ребенок, который дал правильный ответ на вопрос, во многом определяет следующую передачу: выбирает тему следующей викторины — стержневого элемента программы; приезжает в студию с рассказом о себе, своих увлечениях, своей семье и своем городе; привозит для демонстрации видеовизитку или видеоролик о себе, семье, друзьях; привозит фотографии родных мест, своего хобби, и они становятся частью визуального контента программы, транслируясь в процессе беседы как на плазменных экранах, так и в полный растр; вместе с ведущим принимает звонки и ведет часть программы.

Образ ведущей перешел в передачу «Всё по-взрослому» полностью из авторской передачи Сони

Волковой на Youtube: худи, пестрые заколки в волосах, свободный стиль общения. Она со зрителями и гостями студии «на ты». Откровенность — вот ее естественный стиль поведения в экране. Соня, не стесняясь, рассказывает о том, как подвергалась буллингу в школе, как не смогла понравиться мальчику, как делала шпаргалки к контрольным. Она не злоупотребляет молодежным сленгом, однако использует общепотребительные молодежные слова.

С блоготом передачу роднит и четко выраженный авторский стиль: если не брать во внимание выпускающую эфирную бригаду, передачу делают три человека, причем Соня выступает и автором, и режиссером, и ведущей.

Визуальное оформление передачи во многом базируется на принципах детских интернет-блогов. Яркие, модные у подростков цвета; стол и микрофоны, предназначенные не для телевизионного эфира, а для подкастов; активное использование несложных графических элементов, стикеров, нарочитая простота — функциональность важнее эстетики.

В передаче используются интернет-приемы, подчеркивающие некую обособленность аудитории. Для закрепления этих способов взаимодействия со зрителями авторы передачи создали в сети Telegram специальный канал для общения, где рассказывают о внутренней кухне съемок, дают советы начинающим журналистам и т.д. Телеграм-канал передачи — полноценный информационный продукт, который запускает викторину одновременно с эфирной телеверсией, дает возможность пообщаться с ведущей в формате ответов на вопросы зрителей по субботам и воскресеньям после выхода передачи на телеканале, собирает аудиовизуальный материал для телеэфира, проводит опросы и т.д.

При этом телеграм-канал создает тот контент, который невозможен на телеканале: сиюминутные мемы, показ событий за кадром официальной съемки, превью — начало съемки передачи (за пять минут до команды «мотор»), личные высказывания гостей о том, что понравилось, что нет, как справились с волнением, фото и видео гостей из Telegram, «Тик-Тока» или «ВКонтакте» и т.д. В телеграм-канал можно писать сиюминутные комментарии, делиться замыслами или впечатлениями, благодаря чему канал приобретает функции дополнительного контура локальной социальной сети. Зрителям нравится быть вовлеченными в создание передачи и входить в некое сообщество единомышленников. При праздничных эфирах, во время которых формат позволяет собрать до десяти гостей в студии, дети имеют возможность познакомиться лично.

Передача «Всё по-взрослому» как кроссплатформенный мультимедийный продукт. Таким образом, можно говорить о создании не столько телевизионной передачи, сколько кросс-платформенного мультимедийного продукта.

Преимущества федерального канала: в способе донесения контента до аудитории, возможности семейного проведения досуга, поскольку телевидение — привычный и интерактивный способ времяпрепровождения и получения информации для аудитории 45+.

Преимущества интернета: современный инструментарий онлайн-площадок, гибкий, быстро меняющийся, привычный и понятный детям.

Передача начиналась с хронометража 30 минут (викторина, мультфильм от молодого режиссера-аниматора и беседа с гостем в студии), однако за год в нее были интегрированы новые элементы, увеличен хронометраж, наработана своя устойчивая целевая аудитория.

Прирост детской аудитории на канале ОТР с момента выхода в эфир новой образовательно-развлекательной передачи «Всё по-взрослому» в 2023 г. составил 82%. Согласно опросу детей-зрителей, который проводили сотрудники передачи, более половины из них присоединились к просмотру передачи по совету бабушки и дедушки, а это основные зрители утреннего контента ОТР по выходным. Очевидно большую роль сыграло доверие старшей аудитории к каналу, познавательный характер передачи, возможность семейного просмотра (включенность в жизнь ребенка, совместное действие, общение), а также контролируемое и прогнозируемое полезное digital-развлечение.

Ключевое значение в росте показателей составили совместные интерактивные программы, осуществляемые на деньги государственных грантов. В 2023 г. каналом ОТР совместно с АНО «Наш пресс» и при поддержке Президентского фонда культурных инициатив был осуществлен проект «Детские новости»: 75 выпусков, около 250 репортажей. Все новости сняты и смонтированы детьми в возрасте от 7 до 17 лет и выходили в рамках передачи «Всё по-взрослому».

За 2023 г. канал ОТР расширил сеть партнерских отношений с детскими медиастудиями, в том числе, в новых регионах ЛНР и ДНР, а также построил самостоятельную корреспондентскую сеть, состоящую из репортеров 6–17 лет. Это стало возможным благодаря развитию детских и подростковых медиастудий. Взрывной рост учеников в этих студиях вызван популярностью у школьников блогерского контента и желанием научиться его снимать.

Наиболее активные участники — детские медиастудии из следующих населенных пунктов: с. Батырево (Чувашия), п. Горноуральский (Свердловская обл.), г. Елец (Липецкая обл.), г. Железногорск-Илимский (Иркутская обл.), п. Заречный (Пензенская обл.), г. Казань (Татарстан), с. Ключи (Алтайский край), г. Красногорск (Московская обл.), г. Кунгур (Пермский край), г. Лыткарино (Московская обл.), г. Минеральные воды (Ставропольский край), с. Нижнетро-

ицкий (Башкортостан), г. Нижний Новгород, станица Новомалороссийская (Краснодарский край), г. Новосибирск, г. Омск, г. Ростов-на-Дону, д. Путилково (Московская обл.), г. Сергиев-Посад (Московская обл.), пос. Соцгородок (Иркутская обл.), г. Уфа, г. Чебоксары, г. Якутск, с. Яльчики (Чувашия), г. Екатеринбург, г. Нижний Тагил (Свердловская обл.), г. Апрелька (Московская обл.), г. Ишим (Тюменская обл.), г. Луганск, г. Санкт-Петербург, г. Москва.

Помимо привлечения детей-блогеров на постоянной основе, передача сумела объединить в своих рамках разовый блогерский контент, создаваемый для участия в федеральных детских конкурсах и чемпионатах, таких как «ТопБЛОГ» (организатор АНО «Россия — страна возможностей»), научно-популярный Всероссийский конкурс «Знаешь? Научи!» (организаторы АНО «Национальные приоритеты» и научно-образовательная платформа «Атомариум | Homo Science»), Всероссийский конкурс «Знание», выставка «Россия», чемпионат по робототехнике в Казани «Битва роботов», международный фестиваль комиксов Epic Con.

Все это приводит к тому, что у передачи появляется косвенная образовательная функция: объединенные общим телеграм-каналом, дети начинают изучать творческие работы друг друга, делиться секретами работы с информацией, устраивать импровизированные онлайн мастер-классы и обучаться медиамастерству.

У передачи появляется также функция социализации: проактивные, творчески развитые дети общаются с единомышленниками из разных регионов, получают одобрение, чувствуют себя частью социума, находят понимание, поддержку. Они подписываются на блоги друг друга, следят за успехами, комментируют, удовлетворяют свои развлекательные, познавательные и эстетические потребности.

Согласно опросу, проведенному программой в 2023 г., 63% детей, помимо этой передачи, приобрели привычку смотреть телеканалы «Карусель», СТС, ТНТ, «Пятница» и телевидение своих регионов. Из всего числа опрошенных 22% практически не смотрят телеканалы. Оставшиеся 15% смотрят телепередачи не чаще чем раз в неделю. При этом 74% опрошенных при просмотре телепередач используют компьютер, планшет, телефон, и только 26% — телевизионный приемник (и то, как правило, речь идет о семейном просмотре). В опросе участвовали 110 детей от 7 до 14 лет из 15 регионов России.

Заключение. Анализ типологических особенностей мультимедийного контента телевизион-

ного вещания показывает, что на каналах первого мультиплекса крайне мало передач, ориентированных на детско-юношескую аудиторию. Каналы практически отказались от борьбы за зрителя в сегменте 7–14 лет, полагая, что эту категорию удовлетворяет телеканал «Карусель» [5]. При этом не учитывается желание разнообразия передач, подходов, лиц, проблематики, героев [6]. ОТР не может полностью удовлетворить эту потребность в силу небольшой популярности у аудитории. Вместе с тем это единственный телеканал, понимающий необходимость конвергенции детского контента. Взаимопроникновение интернет-форматов и телевизионных форматов, привлечение блогеров — успешный эксперимент, позволивший в короткие сроки заинтересовать и постепенно увеличить объем детской аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ачкасова К. CSTB-2024 / К. Ачкасова // Медиаскоп. — Режим доступа: <https://mediascope.net/upload/iblock/fb5/b9kuwguwc85zse94uatkds2ay2fkdp/CSTB%202024.pdf> (дата обращения: 25.05.2024).
2. Ачкасова К. Телепросмотр и телеизмерения / К. Ачкасова // Медиаскоп. — Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/4f0/ies9yvvhepsbbpsi0cjlbsjyn2fos2p/TeleMultiMedia_Forum%202024.pdf (дата обращения: 29.05.2024).
3. Пикулева М. Kids&Teens: Большим о маленьких / М. Пикулева // Медиаскоп. — Режим доступа: https://conf.mediascope.net/media/2023/mediascopeconf_2023_m_pikuleva.pdf (дата обращения: 27.05.2024).
4. Бальмонт Е. В. Исследование «МТС Медиа»: детско-родительский контент стал одной из самых растущих категорий в цифровых сервисах / Е. В. Бальмонт // МТС Медиа. — Режим доступа: <https://moskva.mts.ru/about/media-centr/soobshheniya-kompanii/novosti-mts-v-rossii-imire/2024-05-31/issledovanie-mts-media-detsko-roditelskij-kontent-stal-odnoj-iz-samyh-rastushhih-kategorij-v-cifrovyyh-servisah> (дата обращения: 06.06.2024).
5. Долгова Ю. И. Контент-стратегии телеканалов «большой тройки»: тематика, жанры, форматы / Ю. И. Долгова, Г. В. Перипечина, О. В. Тихонова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2019. — № 61. — С. 237–255.
6. Корниенко Д. С. Одиночество и социальная поддержка как характеристики социального здоровья и факторы зависимости от социальных сетей у подростков / Д. С. Корниенко, Н. А. Руднова, Т. О. Гордеева и др. // Социальная психология и общество. — 2023. — Т. 14. — № 2. — С. 28–48.

Воронежский государственный университет
 Ермилова Ю. В., соискатель
 E-mail: u.v.ermilova@gmail.com

Voronezh State University
 Ermilova Yu. V., Postgraduate Student
 E-mail: u.v.ermilova@gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК КАТАЛИЗАТОР ИНФОДЕМИИ

А. В. Землянский

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 25 апреля 2024 г.

Аннотация: статья посвящена исследованию причин распространения дезинформации в социальных сетях в период пандемии COVID-19. В условиях информационного общества, в котором информация и ее качество становятся одним из наиболее ценных ресурсов, именно социальные медиа стали главной площадкой для генерации и распространения фейков, связанных с новым заболеванием.

Ключевые слова: инфодемия, пандемия COVID-19, эхо-камера, пузырь фильтров, дезинформация, фейк.

Abstract: the article is dedicated to investigating the reasons for the spread of misinformation on social media during the COVID-19 pandemic. In the information society, where information and its quality become one of the most valuable resources, social media platforms have become the primary arena for generating and disseminating fakes related to the new disease.

Keywords: infodemic, COVID-19 pandemic, echo chamber, filter bubble, misinformation, fake.

С началом пандемии COVID-19 медиаплатформы были вынуждены предпринимать больше усилий по борьбе с дезинформацией, так как количество недостоверных данных в информационном пространстве значительно возросло. Это связано в первую очередь с доступностью самой информации, публикуемой в интернете, за счет чего она распространяется с феноменально высокой скоростью.

В статье «Научная дезинформация: о проблеме фейковых новостей» Т. В. Гербиной [1] особое внимание уделяется публикации фейковых научных новостей во время пандемии COVID-19. Мы согласны с выводом автора о том, что колоссальную роль в распространении псевдонаучной информации играют инфлюенсеры, то есть блогеры, транслирующие фейк-ньюз своим подписчикам в социальных сетях. На наш взгляд, это также стало одной из причин возникновения инфодемии.

Результаты исследования «Выход за рамки проверки фактов для борьбы с дезинформацией о здоровье: многоуровневый анализ реакции Twitter¹ на новости о здоровье» Бу Чжуна [2] показывают, что новости из области здравоохранения, которые эксперты оценили как непроверенные и недостоверные, обсуждаются чаще, сохраняются дольше и вызывают более сильные эмоции, чем достоверная информация.

В статье «Социальные сети как быстрое распространение знаний: ранний опыт пандемии COVID-19» Джаверия Хан [3] приходит к выводу о том, что во время пандемии социальные площадки сыграли главенствующую роль как в процессе распростра-

нения дезинформации, так и в информировании пользователей о важнейших событиях, связанных с борьбой с коронавирусом. Мысль о том, что в период кризисов реципиенты часто под воздействием сильных эмоций выбирают и публикуют ту или иную информацию, получила свое развитие и в исследовании «Изучение влияния алгоритмов социальных сетей на распространение дезинформации и ее влияние на общество» Сиддхеша Чалка и Дипака Мишры [4]. Именно сильные эмоции часто становятся триггером для перепостов в соцсетях или отправки друзьям и знакомым дезинформационных сообщений в мессенджерах, что приводит к развитию инфодемии и хаотизации медиапространства.

Большую роль в идентификации фейкового контента в соцсетях в период пандемии сыграли (и продолжают играть) автоматические алгоритмы проверки, которые за короткое время смогли верифицировать большое количество публикаций, не привлекая модераторов. Тем не менее обнаружить все фейковые материалы алгоритмам не удалось, что привело к тому, что инфодемические нарративы не только продолжали «жизненный цикл» в соцсетях, но и попадали на страницы традиционных глобальных и локальных медиа.

В ходе анализа социальных сетей китайские исследователи выяснили, что в начале пандемии COVID-19 в обществе наблюдались ярко выраженные негативные настроения, в связи с чем и количество негативных постов было значительно выше, чем позитивных [5]. Однако по мере развития событий их характер претерпевал изменения и становился более позитивным. Так, еще один вывод, к которому пришли ученые, гласит, что лучшим способом противодействия распространению негативной информации является именно информация позитивного

¹ Заблокирован на территории РФ.

характера, вызывающая соответствующие настроения. То есть модель эмоционального заражения работает в обе стороны: пользователи одинаково заражают друг друга как отрицательными настроениями, так и положительными.

Для того чтобы снизить риск распространения недостоверной информации, крупнейшие соцсети изменили алгоритмы поисковых запросов по слову «коронавирус». Они стали выдавать ссылки только на авторитетные источники, а посты, не прошедшие проверку, удалялись автоматически. В России эта задача была возложена на Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, которая занимается мониторингом соцсетей и рассылает уведомления с требованием удалять недостоверные публикации. При этом рядом сервисов, в частности Mail.ru, «ВКонтакте» и «Яндексом», были запущены отдельные новостные ленты с актуальной статистикой распространения болезни. Все это было направлено на отслеживание ложной вредоносной информации.

Чтобы объяснить, как именно алгоритмы социальных сетей способствуют развитию инфодемии, приведем результаты исследования Эли Паризера, который выделил два взаимосвязанных компонента любой онлайн-платформы — «пузыри фильтров» и «эхо-камеры» [6].

Под «пузырями фильтров», или, как их еще называют, «фильтрующими пузырями», понимаются уникальные информационные оболочки, которые создаются алгоритмами социальных сетей вокруг пользователя, в зависимости от его потребностей и предпочтений. Каждый «пузырь» обладает тремя характеристиками: пользователь находится в своем «пузыре» один; этот «пузырь» невидим для других пользователей и для исследователей; он возникает без согласия человека и активных действий с его стороны. Расширив концепцию Паризера, международная группа исследователей пришла к выводу, что «пузырь» возникает в результате алгоритмической фильтрации для персонализации контента в социальных сетях [7], т.е. это уникальный и ограниченный набор сообщений, которые получает конкретный пользователь, исходя из его интересов. Южнокорейские исследователи пришли к выводу о том, что во время пандемии создание «пузырей» помогло укрепить веру людей в то, что их друзья и окружающие думают похожим образом, что давало чувство уверенности [8]. С другой стороны, такого рода «самоизоляция» от альтернативных источников информации с другим набором мнений (или других «пузырей»), с нашей точки зрения, привела к тому, что пользователи имели однобокое представление о процессах, связанных с распространением и борьбой с новым вирусом.

«Эхо-камера», согласно исследователям Дюбуа и Бланку, представляет собой процесс, в результате

которого пользователи делятся друг с другом только определенного типа информацией, поскольку в общение между собой вступают лишь люди с похожими интересами и взглядами, то есть с похожими «пузырями». Это способствует укреплению убеждений, принятых в «пузырях», даже если они не соответствуют действительности [9]. В результате происходит контентная изоляция: пользователи получают и воспринимают только те данные, которые согласуются с уже сформированным у них мнением.

И «фильтрующие пузыри», и «эхо-камеры» тесно связаны между собой. При этом «эхо-камера» скорее описывает поведение человека в социальных сетях, а «фильтрующие пузыри» — действия алгоритмов социальных сетей, которые от человека не зависят. Именно они приводят к фрагментированности информации, когда пользователь получает адаптированные к его «пузырю» сообщения. Так, набравшее популярность во время пандемии антиваксерское движение использовало для продвижения своих идей именно социальные медиа. Пользователи, которые интересовались темой вакцинации и, например, побочными эффектами, так или иначе в выдаче получали ссылки на контент, который описывал теории заговора, активно обсуждавшиеся в группах антипрививочников [10].

Проблема фрагментированного потребления также усугубляется перенасыщением информационного поля за счет ежедневно поступающего непрерывного потока новых сообщений, подкастов, фото, видео, твитов, мемов, записей в блогах и т.д. [11]. Ограниченность временных и психологических ресурсов человека не позволяет ему охватить весь этот массив, и перед ним неизбежно встает вопрос о выборе той информации, которую он готов обработать. Как правило, реципиенту проще всего отказаться именно от информации, которая противоречит его убеждениям.

Профицит информации и, как следствие, выборочное ее восприятие породили высокую конкуренцию на медиарынке за внимание пользователей. Американский психолог Герберт Саймон назвал текущую экономическую модель «экономикой внимания» [12]. По его мнению, одной из характеристик этого типа экономики является снижение качества генерируемых данных.

Команда исследователей во главе с Филиппо Менцером из Университета Индианы и Томасом Хиллсом из Университета Уорика в Англии провела эксперимент, в ходе которого группа испытуемых должна была просмотреть сгенерированную учеными ленту новостей и выбрать мемы, которыми они поделились бы в соцсетях [11]. Чтобы имитировать ограниченность человеческого восприятия, респондентам давалась возможность просмотреть только определенное количество материалов. В результате исследования, состоящего из нескольких этапов, выясни-

лось, что внимание испытуемых сужалось по мере появления новой информации, которая, очевидно, вызывала информационное перенасыщение. По итогам исследования были выделены мемы-лидеры, которые репостили множество раз, в то время как некоторые мемы не репостили вовсе. Оказалось, что чем больше испытуемых изначально поделилось мемом (их ленты пересекались друг с другом в режиме реального времени), тем больше репостов те же мемы получили на втором и третьем этапах исследования.

Таким образом, контент в социальных сетях распространялся по модели «победитель получает все», когда определенная информация начинает настолько доминировать, что вытесняет из инфополя альтернативные варианты. Чтобы соблюсти чистоту эксперимента, исследователи сгенерировали мемы самостоятельно, лишив их характерных для культуры мемов ценностей и идей, значит, их вирусность была обусловлена исключительно статистикой репостов (число которых постоянно росло) и ограниченностью человеческого восприятия. Даже когда некоторые участники сами создавали мемы более интересные и запоминающиеся, чем предложенные экспериментаторами, они все равно не могли обогнать те мемы, которые уже успели войти в цикл репостов.

Томас Хиллс и Роберт Ягелло обнаружили закономерность: чем чаще информация транслируется в обществе, тем более она устойчива к корректировкам [13]. Так, на первом этапе пандемии в традиционных медиа и русскоязычном сегменте интернета использовались успокоительные фреймы: «мы справимся», «это у них проблемы, а не у нас», «вирус не страшнее обычного ОРВИ» [14]. Когда количество заболевших стало резко увеличиваться, СМИ переориентировались и стали продвигать новый фрейм: «вирус опасен, и нужно оставаться дома». Аудитория как медиа, так и соцсетей долго не воспринимала новую информацию, так как уже успела сформировать отношение к заболеванию.

Исследователи Ф. Менцер и Т. Хиллс, в свою очередь, установили так называемую «социальную цепочку распространения информации» [11]. Они выявили, что она, передаваясь от человека к человеку, претерпевает неизбежные искажения и приобретает негативный характер, даже если изначально была нейтральной. Ученые предложили респондентам ознакомиться с нейтральной по интонации статьей о загрязнении окружающей среды углекислым газом. Первый человек в цепочке распространения, прочитавший статью, должен был передать ее содержание второму, второй — третьему и т.д. В результате чем дальше уходила информация от первоисточника, тем более негативной она становилась. В конце цепочки информация стала полностью негативной, в ней содержались сведения лишь о вреде углекислого газа для климата и здоровья. При этом наибольшие искажения в сообщении вносили люди с самыми ра-

дикальными убеждениями, как бы заражая других пользователей негативной информацией.

Исследование 2015 г., проведенное Эмилио Феррарой и Цзэю Яном, было посвящено изучению феномена эмоционального заражения в социальных сетях [15]. Выяснилось, что индивиды, отличающиеся в повседневной жизни пессимистическим мышлением, в интернете тоже склонны распространять негативный контент. И наоборот: те, кто склонен к позитивному мышлению, чаще делятся позитивными материалами. Но поскольку негативный контент распространяется быстрее позитивного (что является одной из характеристик современной медиасреды, описанной американскими исследователями [16]), инфодемия за счет высокой доли в ней негативных дезинформационных материалов распространяется быстрее, чем нейтральная или позитивная информация. С помощью фейк-ньюз легче манипулировать настроениями и поведением пользователей, которые охвачены чувством страха и тревогой.

Ускорять инфодемию может и такой фактор, как «иллюзия объяснительного знания», которую Леонид Розенблит и Фрэнк Кейл из Йельского университета описывают как когнитивное искажение: некоторым людям кажется, что они понимают мир более ясно, глубоко и детализированно, чем другие [17]. Исследователи считают: чрезмерная уверенность людей в том, что они лучше остальных видят причинно-следственные связи, часто делает их источниками искажения информации и в целом повышает их восприимчивость к распространению инфодемических нарративов.

Таким образом, инфодемия в значительной степени не только определила психоэмоциональное состояние людей, но и значительно повлияла на их поведение во время пандемии. Существует связь между инфодемией и алгоритмами социальных сетей, которые способствуют формированию «фильтрующих пузырей» и «эхо-камер», ограничивая доступ пользователя к альтернативной информации. Тем не менее стоит отметить, что ключевым элементом в распространении инфодемии являются не сами социальные сети, а пользователи, когнитивные паттерны и привычки, которые способствовали образованию «непроницаемых» групп и пабликов и, как следствие, популяризации фейк-ньюз. Все это является результатом избирательного мышления, которое формируется у современного человека в условиях перенасыщения информацией. Именно с этим связана тенденция пользователей выбирать те новости, которые соответствуют их убеждениям.

Отдельной проблемой в случае с инфодемией является задержка реакции администрирования социальных сетей, а именно несвоевременный фактчекинг и удаление инфодемических нарративов; как правило, это происходит уже после того, как дезинформация успевает распространиться на другие каналы и соцсети вместе со смежным трафиком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gerbina T. Science Disinformation: On the Problem of Fake News / T. Gerbina // National Library of Medicine.— 2021.— Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8879168/> (дата обращения: 22.04.24).
2. Zhong B. Going beyond fact-checking to fight health misinformation: A multi-level analysis of the Twitter response to health news stories / B. Zhong // International Journal of Information Management.— 2023.— Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0268401223000075> (дата обращения: 22.04.24).
3. Khan J. Social Media for Rapid Knowledge Dissemination: Early Experience from the COVID-19 Pandemic / J. Khan.— International Islamic University Islamabad, 2023.— Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/367531496_Social_Media_for_Rapid_Knowledge_Dissemination_Early_Experience_from_the_COVID-19_Pandemic (дата обращения: 22.04.24).
4. Chalke S. Studying the Impact of Social Media Algorithms on the Spread of Misinformation and its Effects on Society / S. Chalke // International Journal of Advanced Research in Science, Communication and Technology.— 2023.— Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/374300955_Studying_the_Impact_of_Social_Media_Algorithms_on_the_Spread_of_Misinformation_and_its_Effects_on_Society (дата обращения: 22.04.24).
5. Cai M. Influence of information attributes on information dissemination in public health emergencies / M. Cai, H. Luo, X. Meng, Y. Cui, W. Wang // Humanities and Social Sciences Communications.— 2022.— Vol. 257.— Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/s41599-022-01278-2> (дата обращения: 22.04.24).
6. Паризер Э. За стеной фильтров. Что интернет скрывает от нас? / Э. Паризер.— М., 2012.
7. Dutton W. Social Shaping of the Politics of Internet Search and Networking: Moving Beyond Filter Bubbles, Echo Chambers, and Fake News / W. Dutton, B. Reisdorf, E. Dubois, G. Blank // Quello Center Working Paper.— No. 2944191.— 2017.— Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2944191 (дата обращения: 22.04.24).
8. Lee J. The role of online news and social media in preventive action in times of infodemic from a social capital perspective: The case of the COVID-19 pandemic in South Korea / J. Lee, K. Kim, G. Park // Telematics and Informatics.— 2021.— Vol. 64.— Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0736585321001301> (дата обращения: 22.04.24).
9. Dubois E. The echo chamber is overstated: the moderating effect of political interest and diverse media / E. Dubois, G. Blank // Information, Communication & Society.— 2018. Vol. 21, № 5.— Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1369118X.2018.1428656> (дата обращения: 22.04.24).
10. Lieneck C. Facilitators and barriers of COVID-19 vaccine promotion on social media in the United States: a systematic review / C. Lieneck, K. Heinemann, J. Patel, H. Huynh, A. Leafblad, E. Moreno, et al.— Healthcare (Basel). 2022.— Режим доступа: <https://www.mdpi.com/2227-9032/10/2/321> (дата обращения: 22.04.24).
11. Menczer F. Information Overload Helps Fake News Spread, and Social Media Knows It. / F. Menczer, T. Hills // Scientific American.— 2020.— Режим доступа: <https://www.scientificamerican.com/article/information-overload-helps-fake-news-spread-and-social-media-knows-it/> (дата обращения: 22.04.24).
12. Krieken R. Economy of Attention and Attention Capital / R. Krieken // The Blackwell Encyclopedia of Sociology.— 2020.— Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/344333906_Economy_of_Attention_and_Attention_Capital (дата обращения: 22.04.24).
13. Jagiello R. Bad News Has Wings: Dread Risk Mediates Social Amplification in Risk Communication / R. Jagiello, T. Hills // Risk Analysis.— 2018.— Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/325431776_Bad_News_Has_Wings_Dread_Risk_Mediates_Social_Amplification_in_Risk_Communication_Social_Amplification_in_Risk_Communication (дата обращения: 22.04.2024).
14. Косолапова Т. Вирусолог: Россиянам не стоит беспокоиться из-за китайского коронавируса / Т. Косолапова // Взгляд.— 2020.— Режим доступа: <https://vz.ru/news/2020/1/9/1017338.html> (дата обращения: 22.04.24).
15. Ferrara E. Measuring Emotional Contagion in Social Media / E. Ferrara, Z. Yang // PLoS ONE.— 2015.— Режим доступа: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0142390> (дата обращения: 22.04.24).
16. Vosoughi S. The spread of true and false news online / S. Vosoughi, D. Roy, S. Aral // MIT Initiative on the Digital Economy Research Brief.— 2017.— Режим доступа: <https://ide.mit.edu/wp-content/uploads/2018/12/2017-IDE-Research-Brief-False-News.pdf> (дата обращения: 22.04.24).
17. Rozenblit L. The misunderstood limits of folk science: an illusion of explanatory depth. national Library of Medicine / L. Rozenblit, F. Keil.— Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3062901/> (дата обращения: 22.04.24).

Московский педагогический государственный университет

Землянский А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций

E-mail: av.zemlyanskii@mpgu.su

Moscow Pedagogical State University
Zemlyanskiy A. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Journalism and Media Communications Department

E-mail: av.zemlyanskii@mpgu.su

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ-КРИТИК КАК ИДЕЙНЫЙ НАСЛЕДНИК П. Я. ЧААДАЕВА

О. М. Кириллина

Российская государственная академия искусств

Поступила в редакцию 21 июня 2024 г.

Аннотация: в статье исследуются взгляды Мережковского на отечественную литературу. В статье особое внимание уделяется критическим работам, посвященным наследию А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого, так как Мережковский, доказывая, что развитие русской литературы можно представить как падение, как предательство заветов Пушкина, часто противопоставлял этих писателей. Изучение критического наследия Мережковского позволяет сделать вывод о том, что главным «грехом» русской литературы он считал проповедь жертвенности и сострадания.

Ключевые слова: западники, славянофилы, Л. Н. Толстой, А. С. Пушкин, «опрощение», женское начало, «Отец Сергий».

Abstract: the article examines Merezhkovsky's views on Russian literature. Special attention is paid to critical works devoted to the legacy of A. S. Pushkin and L. N. Tolstoy, because Merezhkovsky, proving that the development of Russian literature can be represented as a fall, as a betrayal of Pushkin's precepts, often contrasted these writers. The study of Merezhkovsky's critical legacy allows us to conclude that he considered the preaching of sacrifice and compassion to be the main «sin» of Russian literature.

Keywords: the Westerners, the Slavophiles, L. N. Tolstoy, A. S. Pushkin, «forgiveness», the feminine principle, «Father Sergius».

В произведениях Д. С. Мережковского многие деятели и творцы прошлого представляли пророками, которых не поняли современники, не оценили потомки. Свою миссию он видел в воскрешении и развитии их идей. П. Я. Чаадаев он воспринимал как одну из ключевых и недооцененных фигур в духовной жизни России. К списку критикуемых Чаадаевым явлений русской жизни Мережковский добавил русскую литературу.

После публикации «Философического письма» (1836) Чаадаев был официально объявлен сумасшедшим [1]. Однако в обществе скептическое отношение сформировалось, скорее, к его оппонентам славянофилам. Их образ жизни и их идеи многими воспринимались как блажь, как барская забава: «Вне литературного круга на них смотрели как на чудачков, которые хотят играть маленькую роль и отличаться от других оригинальными костюмами» [2, 240]. Но были у славянофилов и противники, которые видели в их деятельности серьезную угрозу. Николай I и многие представители правительственных кругов воспринимали критику современности со стороны славянофилов с не меньшим раздражением, чем мнения западников [3]. С точки зрения революционно настроенной интеллигенции, идеи славянофилов были примером вполне обаятельного, а потому особенно опасного консерватизма. Так,

В. Г. Белинский утверждал, что их взгляд на народ слишком поверхностный, что их любовь к России незрела, а потому некритична. Например, в статье «Русская литература в 1844 году» он подверг суровой критике стихотворения Н. Языкова, в которых тот пытался передать народный дух через мотив бесшабашного удалства и экспериментировал с просторечной, грубоватой лексикой. Белинский считал, что долг поэта обличать в народе все, что отдаляет его от благородного образа жизни и мыслей на европейский лад. А в полемике с Гоголем по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847) «неистовый Виссарион» продемонстрировал, какого жесткого отпора заслуживают реакционные проповеди. На рубеже XIX–XX вв. Д. С. Мережковский, не разделявший антирелигиозный пафос революционных демократов, соглашался с ними в оценке отношения Гоголя к православной церкви. В статье «Революция и религия» он был не менее резок, чем Белинский в письме к Гоголю: «Самодержавие погубило в Чаадаеве великого русского мыслителя; православие в Гоголе — великого русского художника. Судьба Гоголя — доказательство от противного, что в России новая религиозная стихия, не соединенная со стихией революционной, неизбежно приводит к старой церкви, которая не только мертвеет сама, но и все живое умерщвляет» [4, 152].

Серьезным аргументом в пользу идеи особого пути России без опоры на западные ценности ста-

ла русская литература. А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский сходились на том, что потенциал России заключается в особом строе души ее народа, на который, по большому счету, не повлияли западные идеи. На рубеже XIX–XX вв. молодые литераторы попытались, подобно Петру I, кардинально изменить курс развития русского искусства. Старшие символисты к западной культуре относились, пожалуй, с большим пиететом, чем их французские учителя, которые не просто констатировали кризис европейской цивилизации, но и в разной степени выражали желание ее конец приблизить. Недаром А. Рембо уехал в Эфиопию и жил в городе Харар, в котором первый европеец появился лишь за 25 лет до него.

Старшие символисты мечтали о новом Ренессансе, основой которого должно было стать возрождение на российской почве той западной культуры, которая не была еще заражена духом буржуазности и мещанско-ханжеского благочестия. В частности, Мережковский утверждал, что только в России возможно оживить дух старой Европы, о чем он писал П. П. Перцову [5, 132–159].

Одним из серьезных препятствий к этой культурной революции было влияние таких титанов, как Толстой и Достоевский. Молодые поэты противопоставили ясному, изысканно простому слову «отцов» свои смелые идеи и творческие эксперименты. Символисты верили, именно их новое слово, проникая почти как мистическое заклинание внутрь человека, способно существенно изменить его мировоззрение. К. Бальмонт в программной статье «Элементарные слова о символической поэзии» (1900) выражал уверенность в том, что новому поколению открылись невиданные горизонты: «...каждый символист, хотя бы самый маленький, старше каждого реалиста, хотя бы самого большого. Один еще в рабстве у материи, другой ушел в сферу идеальности...» [6, 38]. Мережковский выражал готовность взять на себя роль пророка: «Ведь нам дано большее сознание, чем Л. Толстому и Достоевскому и Ницше. Мы уже видим то, что за ними, дальше них. И это неимоверно увеличивает нашу ответственность... Слишком многое от нас зависит, от наших слов и действий» [5, 147].

А. Белый писал о необыкновенном воздействии на читателя Мережковского-критика: его пророческий, уверенный тон, талант филолога, художественность, выражавшаяся в обилии эмоциональных образов (даже там, где читатель мог бы ожидать более обоснованных, рациональных аргументов) — все это завораживало людей творческих, утонченных. В Розанов описывал, как сложно было сбросить с себя обаяние стиля Мережковского даже его оппонентам, когда, например, тот «пинал ногами, бил дубьем — безжалостно, горько, мучительно» [7, 3] веховцев, близких во многом славянофилам: ««Браво! Браво! Браво!» И я кричал «браво». Ну что же: талант обма-

нывает» [7, 3].

Взгляды Мережковского были не менее радикальны, чем у Чаадаева. Тот отказал русским в принадлежности к цивилизации, к культуре: «...мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий... Лучшие идеи, лишенные связи и последовательности, как бесплодные заблуждения парализуются в нашем мозгу... Я нахожу даже, что в нашем взгляде есть что-то до странности неопределенное, холодное, неуверенное, напоминающее отличие народов, стоящих на самых низших ступенях социальной лестницы» [8, 326–327]. В романе Мережковского «14 декабря» (1918) С. И. Муравьев-Апостол, герой, близкий по взглядам автору (его «Православный Катехизис» Мережковский охарактеризовал с явной симпатией как «пророческий лепет русской религиозной революции» [4, 143]) спорил с Чаадаевым: «Нет, Чаадаев не прав: Россия не белый лист бумаги, — на ней уже написано: Царство Зверя. Страшен царь Зверь; но, может быть, еще страшнее Зверь-народ» [9, 249].

Мережковский в программной статье «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893) отказал отечественной литературе и, в частности, Толстому в принадлежности к мировой культуре: «Нет, Гёте не презирал того, что создал. Такое отношение, как у Толстого, к собственным творениям показалось бы ему святотатством. Вот бездна, отделяющая поэзию от литературы. В сущности это та же самая бездна, которая отделяет стихийное от человеческого» [10, 436]. Мережковский уверял, что нет ничего губительнее для писателя в России, чем любовь к Родине: «Изнуряющее, губительное чувство *напрасной любви* к родине было у Гоголя еще сильнее, чем у Пушкина. Оно нарушило навеки его внутреннее равновесие, довело до безумия. Лермонтов... стыдился названия русского литератора как чего-то унижительного и карикатурного» [10, 432]. После революции Мережковский цитировал Чаадаева с особым пафосом, призывая большевистскую Россию покаяться: ««Мы не спасемся, пока не вырвется из наших сердец крик боли и раскаяния, отзвук которого наполнит весь мир» (Чаадаев)... Мы захотели быть выше и оказались вне человечества» [11, 552].

Тем не менее Мережковский по-своему верил и в Россию, и в народ. Он приписывал подобные убеждения Чаадаеву: «Он верит в особое, отличное от Европы и Византии всемирное предназначение России... Он почти сознает, что Россия должна не бежать от Европы и не подражать Европе, а принять ее в себя и преодолеть до конца. В этом смысле Чаадаев... будучи крайним западником, в то же время крайний и обратный — революционный славянофил» [4, 148].

Мережковский видел огромный потенциал в русском народе, в его стихийной религиозности. Он со-

глашался с Чаадаевым, что Россия — страна варварская, но отмечал особую чувствительность дикарей к красоте, их открытость страстной религиозной проповеди. Как и Чаадаев, он считал, что эта новая проповедь должна быть направлена против основ православия. Чаадаев видел опасность христианства византийского толка в том, что оно воспитывает раболепство, безвольность, а Мережковский добавлял, что не меньшую опасность представляет православная проповедь жалости и аскетизма. Он считал, что задача русского писателя заключается в том, чтобы перебороть эти «заблуждения» восточной формы христианства и адаптировать для народа католические ценности, выражавшиеся, по его мнению, наиболее ярко в рыцарстве, в мужественном служении Богу с мечом в руке.

Для Мережковского Пушкин — единственный носитель истинной мужественности в русской литературе: «Воля к мере — победа над безмерным, дионисовским, женственным — есть высшая воля к мужеству. Может быть, с эллинской древности не было такого совершенного гения мужества, гения меры, как Пушкин. Стоит вспомнить о нем, чтобы поверить: русский народ способен к мужеству» [11, 552]. Мережковский считал, что история русской литературы была изменой заветам Пушкина, так гениально освоившего лучшие достижения европейской культуры. В статье «Пушкин» (1897) он утверждал: «...в презрении к науке у Льва Толстого, в презрении к «гнилому Западу» у Достоевского, вся последующая русская литература есть как бы измена тому началу мировой культуры, которое было завещано России двумя одинокими и непонятыми русскими героями — Петром и Пушкиным» [10, 277].

Символисты увидели в простоте пушкинского стиля проявление целостности его взгляда на мир. Мережковский утверждал: «...все по сравнению с Пушкиным — неудачники. Он один — круг; все остальные — части круга, незаконченные сегменты или бесконечные параболы» [12, 431]. Мережковский считал, что Толстой, к примеру, во многом эпигон Пушкина, но не столь гениальный: «Вся проповедь Льва Толстого против городской жизни, внешней власти, денег, есть только развитие, повторение того, чему Пушкин в... немногих словах дал неистребимую форму совершенства» [10, 250]. По мнению Мережковского, в Толстом в крайних формах и односторонне проявился лишь русский вектор, заданный в творчестве Пушкина. Мережковский восхищался пушкинской аристократичной простотой, а «опрошение» Толстого воспринимал как отпадение от культуры, самоотрицание, варварство, как «...ответ русской демократии на вызов Пушкина» [10, 265]: «Когда великий художник, во имя какой бы то ни было цели — корысти, пользы, блага земного или небесного, во имя каких бы то ни было идеалов, чуждых искусству, — философ-

ских, нравственных или религиозных, отрекается от бескорыстного и свободного созерцания, то тем самым он творит мерзость в святом месте, приобщается духу черни» [10, 265].

Историю русской литературы после Пушкина Мережковский воспринимал как падение, которое ярче всего выражалось в проповеди жертвенности. При этом он считал, что такая траектория наметилась уже в творчестве Пушкина. Так, финал «Евгения Онегина», по его мнению, отражает ложный выбор России: «Пред лицом старого порядка, «старого хрыча», которому на съедение отдана, как Татьяна, вся Россия, — «смирись, гордый человек!» — есть проповедь полнейшего мертвения, тупого, подневольного, грубого жертвоприношения» [14, 240].

В героях Толстого Мережковский отмечает ту же неспособность воспарить. Он пронизательно указывает, что духовное возрождение у героев Толстого связано с мотивом размягчения, слабости тела: «В этой-то телесной, чувственно-сладостной слабости, как в самой первой семенной ячейке, зачинается все толстовское «христианство». Телом «настрадался», телом «ослаб вовсе», почувствовал тело свое «бессильным, бескостным, жидким» — и заплакал, умилился, полюбил и духом «воскрес»... И здесь, как везде, как всегда у Л. Толстого, не тело следует за душой, а, наоборот, душа за телом» [13, 301]. Мережковский в своих произведениях развивает идею синтеза вечного и тленного, когда в красоте тела видится сила Творца, а душа проявляет себя через конкретное, мощное действие, через борьбу и бунт, и чем крепче одно, тем сильнее другое. Не жалеть человека, а видеть в нем потенциал Богочеловека призывал Мережковский. Так в романе «Петр и Алексей» царевич выдерживает самые жестокие пытки и как будто крепчает духом, но хитрый царедворец, предок Льва Толстого, добивается от Алексея признаний, проявив жалость к нему: «Подписав, он вдруг опомнился, как будто очнулся от бреда... Хотел закричать, что все это ложь, схватить и разорвать бумагу. Но язык и все члены отнялись, как у погребаемых заживо... Без движения, без голоса, смотрел он, как Толстой складывал и прятал бумагу в карман» [15, 711].

Мережковский считал, что Иисус проповедовал любовь-ненависть к близкому во имя любви к далекому, презрение к человеку во имя Богочеловека: «Трудно человеку понять, что Бог иногда требует от него любви, как будто ненавидящей, безжалостной к людям... Может быть, главная мука Его — уже начало Креста — вовсе не то, что люди мучают Его, а то, что Он их мучает, любя; губит, чтобы спасти: «кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее»» [16, 123]. Крестовые походы Мережковский считал высшим проявлением служения Господу: «Завтра, может быть, святые падут от меча, но сегодня праведно и свято обнажат они меч на овладевших миром не-людей. Сущих против не-сущих крестовый

поход — тоже понятное всем людям начало царства Божия» [16, 296].

Для героев Толстого путь к Богу происходит через отказ от мужских черт характера, от тщеславия, от агрессивного, рассудочного начала, через «размягчение». Мережковский воспринимает подчинение мужчин своим женам в «Войне и мире» как торжество самки, как символ победы тела над духом. Но в повести Толстого «Отец Сергей» благодаря женщинам герой находит истинный путь к Богу. Сначала герой закаляет свой дух, когда борется с женщинами-искусительницами, однако затем он склоняется перед силой женщин-«дурочек». Тактика утонченной соблазнительницы оказалась куда менее действенной, чем наивная прямолинейность слабоумной дочери купца. Даже отказавшись от выгодного брака с аристократкой, он не избавился от тщеславия, а глупая Пашенька вдохновила его на подвиг истинного смирения. Пашеньку отец Сергей знал с детства и, как другие дети, считал ее дурочкой. Жизнь ее не сложилась, но Пашенька не озлобилась. Она пыталась помогать близким, «смягчать» их: «Она не могла физически почти переносить недобрые отношения между людьми» [17, 377]. Ее жизнь (непротивление и искреннее служение людям) для отца Сергея становится образцом. Отец Сергей и Пашенька совершают тихий духовный подвиг. Идею личного спасения Мережковский считал тупиковой, поэтому даже почвенник Достоевский, мечтавший о теократии, был ему ближе, чем Толстой.

Признавая силу Толстого, Мережковский убеждал, что тот растратил ее зря, что «непротивление» и «опрощение» — приукрашенное варварство, падение: «Предел восхождения, освобождения — полет. Западная культура только потому и могла достигнуть этого предела, что Господь явился ей... как Освободитель народов... Вот что для нас, русских, невообразимо... Европейский путешественник XVII века рассказывает о русском пьянице, который пропил... кафтан... порты и, выйдя, голый, из кабака, сорвал горсть одуванчиков и «прикрыл ими свое срамное тело». Толстовское опрощение, писаревский нигилизм, бакунинский анархизм... не напоминают ли эту горсть одуванчиков?» [18, 13].

Глубину «падения» Толстого Мережковский измерял его отношением к Наполеону. Об образе французского императора в «Войне и мире» Мережковский в книге «Л. Толстой и Достоевский» [13] писал с негодованием и утверждал, что только чернь может опуститься до карикатуры на гениев. В разные годы Мережковский пытался стать наставником потенциальных, как ему казалось, Наполеонов. В начале века для него это был Б. В. Савинков, известный террорист из Боевой организации эсеров. Разговоры с ним, несмотря на то что Мережковский знал о душевных терзаниях убийцы, помогли писателю в спорах о приемлемости насилия в революционной

борьбе сделать однозначный выбор в пользу террора. В статье «Бес или Бог» (1908) Мережковский представил жизнь казненных террористов как духовных подвиг: «...эти атеисты воистину святые. Со времен первых христианских мучеников не было людей, так погибавших...» [4, 60]. Впоследствии Савинков его разочаровал, потому что во время Гражданской войны пытался убедить Мережковского в необоснованности его представлений о президенте Польши как об избраннике Божьем, призванном спасти Россию от большевиков [19, 301–302].

В эмиграции Мережковский надежды на победу над большевизмом связывал с набирающими силу фашистскими режимами: он мечтал о новом крестовом походе против революционной России. Он с благодарностью принял покровительство Б. Муссолини, но, поняв, что тот не разделяет его религиозный пыл, Мережковский попытался найти понимание у другого диктатора, генерала Франко. Тот даже не ответил на письмо Мережковского. До и после вторжения Гитлера в СССР Мережковский принимал помощь немецких военных [19, 304]. Такое развитие его общественной деятельности представляется вполне закономерным. Фундаментом духовного союза Европы и России, по мнению Мережковского, должен был стать отказ от главного «греха» русской культуры — культы жертвенности и сострадания. Но без этой составляющей нашей культуры его гимны народу оказались созвучными идеям фашистских лидеров. Таким образом, не в дискуссиях, как в случае с письмом Чаадаева, а в коллизиях истории был сформирован ответ на идеи Мережковского. Не получив серьезного отпора ни со стороны властей, ни со стороны интеллигенции, Мережковский имел возможность проповедовать свои идеи и довести их до того предела, когда даже сочувствующие отвернулись от него.

ЛИТЕРАТУРА

1. Велижев М. Б. Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в николаевской России / М. Б. Велижев. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 392 с.
2. Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов / М. Ф. Антонов. — М.: Ин-т русской цивилизации, 2008. — 416 с.
3. Чичерин Б. Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Москва сороковых годов / Б. Н. Чичерин. — М., 1929.
4. Мережковский Д. С. Царь и революция / Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. В. Filosofov. — М., 1999.
5. Письма Д. С. Мережковского к П. П. Перцову (публикация и примечания М. Ю. Кореневой) // Русская литература. — 1991. — № 3. — С. 132–159.
6. Бальмонт К. Б. Элементарные слова о символической поэзии / К. Б. Бальмонт // От символизма до «Октября». — М., 1924. — С. 37–44.

7. Розанов В. В. Мережковский против «Вех» / В. В. Розанов // Новое время.— 1909.— № 11897 (27 апр. (10 мая)).— С. 3.
8. Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое / П. Я. Чаадаев // Полн. собр. соч. в 2 тт.— М., 1991.— Т. 1.
9. Мережковский Д. С. 14 декабря (Николай Первый) / Д. С. Мережковский.— М., 1994.
10. Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы / Д. С. Мережковский.— СПб., 2007.— С. 428–503.
11. Мережковский Д. С. Россия будет (Интеллигенция и народ) / Д. С. Мережковский // Д. С. Мережковский: писатель — критик — мыслитель. Сб. статей.— М., 2018.
12. Мережковский Д. С. Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев / Д. С. Мережковский // В тихом омуте: статьи и исследования разных лет.— М., 1991.— С. 416–483.
13. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский / Д. С. Мережковский.— М., 2000.
14. Мережковский Д. С. Иваныч и Глеб / Д. С. Мережковский // Акрополь: Избранные лит.-критич. статьи.— М., 1991.— С. 227–247.
15. Мережковский Д. С. Антихрист (Петр и Алексей) / Д. С. Мережковский // Собр. соч. в 4 тт.— М., 1990.— Т. 2.
16. Мережковский Д. С. Иисус неизвестный / Д. С. Мережковский.— М.: Республика, 1996.— 683 с.
17. Толстой Л. Н. Отец Сергей / Л. Н. Толстой // Собр. соч. в 22 тт.— М., 1982.— Т. 12.
18. Мережковский Д. С. Земля во рту / Д. С. Мережковский // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907–1917: в 3 т.— М., 2009.— Т. 2.
19. Зобнин Ю. В. Дмитрий Мережковский: Жизнь и деяния / Ю. В. Зобнин.— М.: Молодая гвардия, 2008.— 435 с.

Российская государственная академия искусств
Кириллина О. М., кандидат филологических наук, профессор межфакультетской кафедры гуманитарных дисциплин
E-mail: kirillinao@mail.ru

Russian State Specialized Academy of Arts
Kirillina O. M., Candidate of Philology, Professor of the Interfaculty Department of Humanitarian Disciplines
E-mail: kirillinao@mail.ru

ФАНДРАЙЗИНГОВЫЕ МОБИЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ: РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Е. В. Кузнецова

Новосибирский государственный университет

Поступила в редакцию 29 июля 2024 г.

Аннотация: в статье представлены результаты анализа одного из самых современных способов фандрайзинга: мобильных приложений благотворительных фондов, выявлены основные тренды в их структуре и содержании. Основой для исследования послужил собранный автором эмпирический материал — наиболее популярные зарубежные и отечественные мобильные приложения.

Ключевые слова: фандрайзинг, мобильное приложение, благотворительность, контент-стратегия, геймификация, цифровизация.

Abstract: the purpose of this study is to describe and analyze one of the most modern, innovative methods of online fundraising, namely mobile applications for charitable foundations, and to identify the main trends in their content. The material for the study was the most popular mobile applications — foreign and domestic.

Keywords: fundraising, mobile application, charity, content strategy, gamification, digitalization.

Благотворительный сектор в России стремительно цифровизируется. Это позволяет некоммерческим организациям выстраивать процессы аналогично бизнесу, делает НКО оперативнее и ближе своей аудитории. По данным Центра оценки общественных инициатив ИППИ НИУ ВШЭ, 10 лет назад лишь 20% благотворительных организаций имели сайты, 5 лет назад — больше половины [1, 13]. Сегодня сайты, рассылки, аккаунты в социальных сетях — это будни НКО. По аналогии с терминами FinTech, EdTech эксперты говорят о PhilTech-технологиях для филантропии. Одна из актуальных форм фандрайзинга сегодня — мобильные приложения. Меняются поведенческие паттерны аудитории, вслед за ними некоммерческие организации меняют свои медиа- и фандрайзинговые стратегии: взрывное развитие мобильных приложений — в числе самых современных тенденций в онлайн-фандрайзинге, но эта тема пока практически не отражена в академической литературе.

Двадцать лет назад в ходу был шутливый постулат: mobile first (англ. «сначала мобильные»), сегодня он преобразуется уже в «mobile only» («только мобильные»). Все более активное использование мобильных приложений фондами — это точка роста современной благотворительности.

По данным магазина мобильных приложений Google Play, нынче пользователям доступны многие десятки мобильных приложений в сфере благотворительности. По количеству скачиваний лидируют:

- в мире: ShareTheMeal (приложение Всемирной

продовольственной программы ООН, собирающее средства на борьбу с голодом по всему миру) — более 1 миллиона скачиваний;

- в России: мобильное приложение БФ «Подари жизнь» (помощь детям с онкологическими и гематологическими заболеваниями) — более 500 тысяч скачиваний;
- «Тооба: помогать легко» (краудфандинговая платформа) — более 100 тысяч;
- «Помощь» и «Русфонд» (адресная помощь тяжелобольным детям) — более 10 тысяч.

К сожалению, невозможно исследовать в этом контексте платформу AppStore, так как компания Apple скрыла эту информацию, поскольку она, по мнению разработчиков, может повлиять на популярность приложений.

В истории российской благотворительности 11 января 2015 г. первым было запущено мобильное приложение благотворительного фонда «Подари жизнь». Директор фонда Екатерина Шергова считает, что в этом основная причина его популярности. «Мы не делали никаких вложений в рекламу; для продвижения использовали обычные инструменты: публикации в соцсетях и на нашем сайте, рассылку пресс-релизов. И, конечно, старались сделать приложение максимально полезным и интересным для пользователей — в первую очередь, для молодежи» [2, 2]. По данным фонда, через мобильное приложение поступает от 1 до 1,5% всех пожертвований, что составляет примерно 1,5 млн. рублей в месяц.

Сергей Амбиндер, генеральный директор благотворительного фонда «Русфонд», разработчик мобильного приложения, считает залогом успеха именно

«удобство для благотворителя»: «мы положили просьбу о помощи в карман к читателю» [3, 3]. И это не только об удобстве перечисления средств: «Русфонд» «положил в карман» жертвователю всю коммуникацию, сделал ее более адресной. Контент приложения фокусируется на письмах-просьбах о помощи родителей тяжелобольных детей: на главной странице ничего лишнего, лишь фотография ребенка, его возраст, диагноз и необходимая к сбору сумма. Приложение вышло 25 января 2016 г. И с момента выхода, по данным фонда, через него было собрано более 540 млн. рублей пожертвований. Это приложение трижды отмечено наградами: в 2019 году — премии Рунета и «Золотого кота» в номинации «Лучшее использование цифровых технологий в фандрайзинговой деятельности», в 2020 г. — спецноминации «Digital-Медиа & Инструменты» премии Digital Communications Awards.

Исследователь Е. С. Корнеева считает, что «мобильные приложения в целом рассчитаны на постоянных доноров, которые будут регулярно перечислять денежные пожертвования. Несмотря на то, что эксперты, как российские, так и зарубежные, отмечают наличие значительного потенциала в использовании мобильных технологий НКО, мобильные приложения пока используются относительно редко, поскольку их разработка и поддержание требуют значительных финансовых затрат» [4, 57]. Заказать создание мобильного приложения, либо разработать его самостоятельно, как это сделал «Русфонд», могут позволить себе только весьма крупные организации. Более мелкие совместно используют для сбора пожертвований бесплатные площадки, такие как, например, отечественная краудфандинговая платформа Тооба (дата выпуска 15.08.2017), позволяющая сделать пожертвование в более 70 благотворительных организаций. Зарубежный аналог — Meet for charity — платформа, объединяющая более 130 фондов. Приложения-агрегаторы работают по аналогии с сайтами-агрегаторами, со всеми вытекающими преимуществами и недостатками этих систем.

В последнее время получила распространение такая форма мобильной благотворительности как интеграция с уже существующими банковскими приложениями, что позволяет НКО также экономить на разработке.

Чаще всего фандрайзинговое мобильное приложение — это упрощенный аналог официального сайта организации. Так, в приложении «Русфонда», как и на его сайте, основным контентом являются письма родителей тяжелобольных детей, просящих о помощи, в «Подари жизнь» — фандрайзинговые материалы и тематические рубрики.

Но сегодня разработчики пошли дальше и с целью максимально вовлечь аудиторию используют более оригинальный подход. Появились благотворительные приложения, позволяющие совершать пожертвования в игровой форме.

В ежегодном докладе Общественной палаты Российской Федерации 2022 года [5, 62] отмечается, что схема участия благотворителей в РФ постепенно меняется: на смену денежным пожертвованиям под влиянием эмоционального порыва приходит более системная, осознанная благотворительность, а вместо финансового участия — благотворительная деятельность через волонтерство. По данным, опубликованным в докладе Общественной палаты РФ 2023 г., количество волонтеров за последние 10 лет выросло в 9 раз [6, 78]. На наших глазах меняется сама парадигма благотворительного участия, наличие тенденции к возрастанию нефинансовой помощи, что находит отражение и в некоторых мобильных приложениях. Благотворительным взносом в некоторых приложениях становится *волонтерство*.

Так, интерес представляет уникальный проект Be My Eyes, разработанный для людей с проблемами со зрением. Через него они могут обратиться к добровольцам для решения бытовых задач. Или отечественное приложение «Помощник Рэй» — это карта с нанесенными на ней приютами для животных, где ждут волонтеров. В мобильном приложении фонда «Подари жизнь» есть не только фандрайзинг (рубрика «помочь деньгами»), но и разделы «стать волонтером», «стать донором крови», а также помочь семьям пациентов, сделать подарок, довезти пациента до больницы, бесплатно постричь, сфотографировать подопечных фонда и т.д.

Все больше набирают популярность проекты типа win-win — приложения, с помощью которых делаются пожертвования в благотворительные организации за счет собственной физической активности. Человек ходит, бежит, плавает или едет на велосипеде, а приложение отслеживает преодоленные дистанции и с помощью спонсоров программы конвертирует их в реальные финансовые пожертвования: выбранный пользователем благотворительный фонд получает от 10 до 25 центов за каждую милю. Примеры таких приложений: Impact или Charity Miles. В России аналогов таких мобильных приложений пока нет.

Пытаясь вовлечь в благотворительность новых сторонников, разработчики внедряют в контент мобильных приложений элементы геймификации. Так, в мобильном приложении Тооба пользователю, который не может выбрать кому именно помочь, предлагают потрясти телефон, и тогда мобильное приложение предложит случайный сбор, на который можно сделать пожертвование. А платформа «Добро.РФ» в конце прошлого года запустила необычное мобильное приложение «Добро.Будильник»: телефон человека, проснувшегося от звонка будильника и переставившего его на более позднее время, автоматически делает пожертвование в благотворительный фонд.

По мнению экспертов, представителей благотворительных фондов и социологов, с лавинообразным

увеличением количества информации о фандрайзинговых акциях с просьбами о помощи в обществе возникает так называемая «усталость сострадать» [7, 164]: люди не хотят получать информацию о благотворительных сборах так часто. Между тем, именно через мобильные приложения благотворительные организации контактируют не с максимально широкой и зачастую негативно настроенной аудиторией (как, например, в случае с телевизионным фандрайзингом), а с наиболее лояльной к ним частью общества: людьми, скачавшим специальные программные обеспечения на свой смартфон, следящим за обновлениями информации конкретного благотворительного фонда, которому доверяют и регулярно совершают пожертвования. Как отмечают исследователи, «в России на данный момент доминируют пожертвования в форме милостыни, имеющие спонтанный, неформальный характер, но тем не менее, в последние пять лет их доля в структуре пожертвований постепенно снижается, уступая место более прогрессивным каналам» [8, 7].

По данным исследования от Nonprofit Tech for Good [9, 4], в котором приняли участие НКО из 116 стран, сегодня 80% некоммерческих организаций используют искусственный интеллект для автоматизации сбора средств онлайн и 15% — для поиска финансовых доноров. «Цифровая зрелость» становится необходимым атрибутом работы организаций в сфере благотворительности. И миссия мобильных приложений — развитие благотворительного сектора на новом уровне: привлечь новых благотворителей, особенно среди молодежи, упростив и автоматизировав процесс пожертвований, увеличить долю тех, кто поддерживает фонды на регулярной основе и общий суммарный объем пожертвований при помощи передовых ИТ-технологий.

*Новосибирский государственный университет
Кузнецова Е. В., старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций, аспирант кафедры теории и истории журналистики
E-mail: ekouznetsova@yandex.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. Скокова Ю. Цифровизация некоммерческого сектора: готовность, барьеры и эффекты / Ю. Скокова, И. Корнеева, И. Краснопольская и др. 2021. — Режим доступа: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/482698930.pdf> (дата обращения: 11.07.2024).
2. О мобильном приложении «Подари жизнь», благотворительности в России и криптопожертвованиях // *hightech.fm* — 2019. — Режим доступа: <https://hightech.fm/2019/07/31/podari-zhizn> (дата обращения: 10.07.2024).
3. Смартфон-благотворительность // *милосердие.ru*. — 2018. — Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/smartfon-blagotvoritelnost/> (дата обращения: 28.05.2024).
4. Корнеева И. Е. Онлайн-фандрайзинг в российских НКО: масштабы и влияющие факторы / И. Е. Корнеева, А. С. Брюшно // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. — 2019. — № 5. — С. 58–81.
5. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2022 год. — М., 2022.
6. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2023 год. — М., 2023.
7. Редюк А. Л. Исторические аспекты благотворительности в России: вчера и сегодня. / А. Л. Редюк // *Материалы XXV юбилейной ежегод. междунар. науч. конф.* 2019. Т. 2. — СПб. — С. 163–165.
8. Мерсиянова И. В. Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ / И. В. Мерсиянова // *Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ*. — 2015. — № 3.
9. Nonprofit-Tech-for-Good-Report-Final2-2023/ — Режим доступа: <https://www.nptechforgood.com/wp-content/uploads/2023/02/Nonprofit-Tech-for-Good-Report-Final2-2023.pdf> (дата обращения: 11.07.2024).

*Novosibirsk State University
Kuznetsova E. V., Senior Lecturer of the Mass Communications Department, Postgraduate Student of the Theory and History of Journalism Department
E-mail: ekouznetsova@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНТЕНТ-СТРАТЕГИЙ В РАБОТЕ КОРРЕСПОНДЕНТА ПРИ ОСВЕЩЕНИИ ТЕМЫ COVID НА РОССИЙСКИХ ФЕДЕРАЛЬНЫХ КАНАЛАХ

Э. Г. Мацкявичюс

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Поступила в редакцию 25 июля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается влияние контент-стратегий в современных новостных программах на восприятие контента аудиторией. Анализируются существующие подходы к использованию контент-стратегий и их влияние на формирование национальной медиасистемы. Отмечаются особенности применения контент-стратегий при освещении темы COVID-19 в программе «Вести».

Ключевые слова: новости, COVID-19, контент-стратегии, журналистика.

Abstract: the article examines the impact of content strategies in modern news programs on the audience's perception of content. It analyzes existing approaches to the use of content strategies and their impact on the formation of the national media system. It notes the specifics of using content strategies when covering the topic of COVID-19 in the Vesti program.

Keywords: news, COVID-19, content strategies, journalism.

Введение. Проблема использования контент-стратегий на современном телевидении широко вошла в современный научный дискурс. Значимое количество исследований по данной теме в работах современных исследователей посвящено использованию контент-стратегий в работе телеканалов и влиянию национальной медиасистемы на их формирование. Разность подходов к использованию контент-стратегий в разных странах видна даже на уровне научных определений: в западных исследованиях ученые считают контент-стратегией «хорошо продуманный план с целью увеличить взаимодействие с пользователем и направить его на удовлетворение потребностей» [1], в то время как в России под ним подразумевается «деятельность средства массовой информации, в котором акцентируются содержательные компоненты: целевая направленность, информационно-смысловое наполнение, средства и способы взаимодействия на аудиторию» [2].

Использование контент-стратегий на телевидении широко применимо по причине необходимости усиления эмоционального вовлечения зрителей в происходящее на телеэкране.

В исследовании области применения контент-стратегий на телевидении особое место занимает их использование в работе корреспондентов в новостных программах. Их материалы подразумевают сочетание авторского подхода и информационной повестки, необходимость сочетать аналитическую и событийную составляющие и предполагают большую вовлеченность зрителя в просмотр материала [3].

Методика исследования. В нашем исследовании мы рассматривали журналистские репортажи, выходявшие в эфире программы «Вести» телеканала «Россия-1» в период с 1 января по 31 марта 2021 г. Такой период был выбран по причине, с одной стороны, большой отработанности темы COVID-19 корреспондентами в течение 2020 г., с другой — новой волны коронавируса в мире и событий, связанных с этим фактом. Кроме того, в данный период тема COVID-19 была одной из основных и освещалась во всех новостных выпусках либо в виде БЗ (то есть краткой новостной заметки без наложенного голоса корреспондента), либо в виде полноценного репортажа. Основным методом в работе — качественно-количественный контент-анализ.

Для анализа в данном случае оценивались две составляющие репортажа: вербальная и визуальная. К критериям вербальной составляющей были отнесены: лексические конструкции авторов, которые выражали оценочные суждения в репортаже, использование эмоционально окрашенных слов; драматизация (педалирование неких идеалов, высших ценностей или же, напротив, использование литоты для снижения значимости определенных фактов). Критерии невербальной составляющей: хронометраж материала; использование в нем стендапов (то есть появление корреспондента в кадре); использование лайфов (то есть передача обстановки, которая присутствует на месте события, о котором идет речь в информационном материале) и синхрон (то есть интервью или выступления респондента в рамках материала), а также источники визуальных материалов, которые были задействованы для сюжета.

На основании перечисленных параметров определялись доминирующие контент-стратегии корреспондентов, которые они использовали в материалах. В результате мы установили не только характерные для корреспондентов «России 1» контент-стратегии, но и специфику применения корреспондентских акцентов, которые были призваны вызвать эмоциональное вовлечение зрителей. Общее число проанализированных материалов в указанной новостной программе — 97.

Вербальная составляющая: драматизация как важный элемент эмоционального репортажа. Результаты исследования показывают, что контент-стратегия драматизации встречается в 95% материалов. Среди особенностей применения драматизацию в репортажах корреспондентов на тему COVID-19 можно выделить следующие:

— Драматизация в отношении эпидемиологической ситуации в России используется для создания конструктивного посыла: призывать население страны не нарушать установленные карантинные меры, прививаться и беречь себя. Так, в одном из материалов журналист в стендапе показывает очередь людей, стоящих на вакцинацию, и эмоционально описывает ее как «столпотворение», тем самым преувеличивая реальный масштаб апелляцией к абстрактному оценочному образу, тем самым придавая материалу завуалированный призыв делать так же. Примечательно, что приемы драматизации практически не используются при упоминании численной статистики заражений, корреспондент предпочитает либо упомянуть количество выздоровевших, либо называет количество заболевших без любых эмоциональных приемов, либо же проводит сравнительный анализ через прием драматизации (в нескольких материалах в речи корреспондентов встречается фраза «это на (...) меньше, чем (...)», показывая положительную динамику.

— Драматизация активно используется корреспондентами при оценке эпидемиологической ситуации в других странах, в особенности в США, где статистика заражений была одной из наиболее высоких за все время. В таких случаях корреспонденты используют прием драматизации в виде:

— абстрактных вводных фраз и конструкций («Что будет в дальнейшем — непонятно», «К чему это приведет — неизвестно» и т.д.), которые использовались, как правило, в конце репортажей, нагнетая обстановку и создавая эмоциональную вовлеченность зрителя;

— общих фраз, лишенных конкретики, которые создают неопределенность при описании ситуации («Толпы людей выстроились на вакцинацию, и хватит ли доз вакцины на всех — неизвестно»), которые создают напряженный драматический эффект;

— намеренно живой разговорной форме описательной речи корреспондента («Посмотрите, как выглядят эти люди»), создающей видимость прямого диалога со зрителем.

Однако в некоторых репортажах можно заметить и обратный эмоциональный прием: при помощи драматизации в теме ковида корреспондент доносит мысль о возможном ухудшении ситуации в случае невыполнения населением ряда санитарных требований, что может напугать зрителя и мотивировать его заняться своим здоровьем. Однако такой прием используется лишь в 7% материалов и это позволяет судить о том, что прием замалчивания сопряжен с приемом драматизации и призван не усиливать панику среди населения даже при освещении отдельных негативных аспектов, например увеличившегося количества заболеваний.

Вербальная составляющая: клиширование. В ходе исследования в 17% материалов был обнаружен такой прием эмоционального вербального вовлечения зрителя, как клише, то есть устойчивых образов, которые применялись в отношении различных лиц и явлений.

При освещении ситуации с COVID-19 позитивные клише применялись в отношении политиков или нововведений со стороны правительства («страна развивается с его помощью», «важен для страны» и т.д.). Негативные клише встречаются в основном при освещении ситуации в других странах и также часто применяются в отношении политиков или ситуаций, связанных с их решениями. Журналисты часто используют игру слов для создания клише (например, «оступился» в отношении президента США Джо Байдена и его решений, что отсылает к известному видео, на котором Байден падает, поднимаясь по трапу самолета). Данный прием вызывает различный спектр эмоций у зрителя и зачастую используется вместе с приемом драматизации

Визуальная составляющая: хронометраж материалов. Хронометраж большей части рассмотренных материалов, а именно 72%, не превышал четырех минут. Такой хронометраж подразумевал высокую динамичность материала и его ориентированность на раскрытие небольшого количества подтем внутри конкретного события, предполагая увеличенную концентрацию на событийной составляющей, а не аналитической, требующей, как правило, большую продолжительность. Вместе с тем наиболее продолжительные материалы, посвященные пандемии COVID-19, имели такой хронометраж за счет больших синхронных, как правило первых лиц Российской Федерации, речь которых давалась без сокращений, иногда вплоть до 10–15 предложений, что, с одной стороны, влияло на динамику материала, с другой — позволяла зрителю вникнуть эмоционально в слова спикера и лучше понять их. Кроме того, крайне редко, за исключением материалов, посвященных так называемым ковидным протестам в других странах, в материалах использовались продолжительные лайфы с места событий, которые ограничивались короткими вставками (1–3 секунды).

Вербальная составляющая: оценочность при объективности. Так как репортаж отходит от исключительно сухой и информационной формы новости и подразумевает наличие ряда вспомогательных компонентов, передавая как индивидуальный подход корреспондента к теме, так и использование определенных приемов для описания события, корреспонденту важно выдерживать тонкую грань между объективностью и оценочными суждениями, которые призваны передать эмоции, не искажая факты.

В 100% рассмотренных материалов присутствуют лексические конструкции, которые придают отдельным фактам ярко выраженную эмоциональную окраску, вовлекая зрителя и скрыто призывая его задуматься над ними.

Данные конструкции можно разделить по их общему посылу: позитивному или негативному.

Позитивный посыл используется в 63% материалов, посвященных эпидемиологической ситуации в России и призванных бороться с потенциальной паникой зрителей, показывая положительную динамику в стране. Эмоциональность корреспонденты могут выражать как во фразах, которые создают определенный триггер у зрителей («прорвемся», «Россия успешно справляется с ситуацией»), так иногда и за счет прямого противопоставления с ситуацией в других странах («однако ни в какое сравнение не идет ситуация в США»).

Негативный посыл присутствует в 76% материалов, описывающих ковидную ситуацию в других странах и показывающих ее куда серьезнее, чем в России, акцентируя внимание на разности подходов государств в борьбе с эпидемией и вызывая у зрителя ряд негативных эмоций в отношении ковидной повестки других стран, и позитивной — в отношении России. Корреспонденты используют ярко окрашенные лексические формулировки вроде «настоящее бедствие», «жителям придется непросто» и т.д., зачастую сопряженные с эффектом драматизации.

Визуальная составляющая: стендапы с посылом. Стендапы встречаются в 44% рассмотренных материалов. Каждое появление корреспондента в кадре обыграно либо происходящим в кадре, либо местом, где находится корреспондент, либо приданием акцента особенной важности определенным словам, которые произносит журналист.

Следует отметить, что в 66% случаев появления корреспондента в кадре текст, который произносил журналист, характеризовался речевыми конструкциями, незначительными оговорками или фразами, уместными только в живой речи, когда журналист на полуслове прерывал уже начатую фразу, чтобы описать то, что секунда в секунду начинало происходить возле него.

Появление журналиста в кадре далеко не всегда сопряжено со стремлением вызвать эмоции у зрителя, однако практически всегда журналист произно-

сит в стендапе важную информацию для понимания сути материала, что призвано привлечь внимание зрителя на данные тезисы.

Особенности использования источников для придания эмоциональности. Рассмотренные репортажи часто включают в себя большое количество синхронных и диалогов с экспертом. По типу источники делятся на несколько групп:

— Первые лица (официальные источники). Как правило, информация, которую несут данные источники, не обладает ярко выраженной эмоциональной окраской, оставаясь подчеркнуто нейтральной. Синхроны с представителями власти встретились в 74% рассмотренных материалов. Наиболее часто в программе цитировался президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, мэр Москвы Сергей Семенович Собянин и министр здравоохранения Михаил Альбертович Мурашко. Как уже было сказано выше, в ряде репортажей синхроны могли занимать существенную часть хронометража (до 50%). В этих случаях эмоциональный посыл в репортаж «закладывал» сам корреспондент в закадровом тексте перед или после синхрона, раскрывая их с новой стороны при помощи эмоционально окрашенных слов («уверен», «встревожен», «абсолютно уверен» и т.д.).

Аналогично в кадрах журналисты часто придают эмоциональный посыл зачастую крайне нейтральным синхронам экспертов, которые комментировали ситуацию с пандемией.

Принципиально отличается ситуация, когда в качестве источника корреспонденты выбирали очевидцев. Предпочтение в 82% случаев отдавалось эмоционально окрашенным, ярким, запоминающимся синхронам, которые привлекли бы внимание зрителя и удержали бы его. В качестве очевидцев, как правило, выступали среднестатистические граждане, которые высказывали мнение по поводу определенных аспектов темы пандемии, однако делали это либо в интересной лексической «манере», либо при помощи апелляции к личному опыту. Такой выбор источников позволял не просто «разбавлять» собственный текст интересной живой деталью, но и придавал новые эмоциональные грани материалу.

Примечательно, что в условиях активного развития социальных сетей, которые нередко являлись первоисточниками определенной информации (например, телеграм-канал мэра Москвы, где сообщались многие новости о ситуации с пандемией), количество их цитирования сильно уступает количеству использования мнения людей, находящихся в кадре. Такое доминирование «живых» источников вместо нейтрального отображения цитат при помощи графики дает понять, что корреспонденты стремятся сделать репортажи как можно более динамичными, интересными для зрителя, придавая им эмоциональность.

Заметно, что предпочтение неофициальных источников в лице свидетелей особенно часто встре-

чается при освещении зарубежных тем: как правило, первые лица в таких материалах цитируются, только чтобы нагнетать обстановку (выделяются негативные факты, произнесенные в их речи), либо для придания эмоционального эффекта комичности, что ни разу не встречается в аналогичных материалах, освещающих пандемийную ситуацию в России.

Бросается в глаза существенное отличие: 78% синхронных очевидцев в репортажах о российской ситуации с COVID-19 имеет позитивный посыл (люди радуются, что получили дозу вакцины, что идут на поправку, что их еще не затронул коронавирус из-за ограничительных мер, введенных властями), в то время как 83% синхронных очевидцев из других стран имеют негативный посыл, а люди крайне активно ругают правительство своих стран за крайне слабые антиковидные меры и обвиняют их в ухудшении ситуации. В 5% синхронных очевидцев для усиления эмоциональной окраски даже присутствует сниженная лексика в адрес правительства для усиления эмоционального эффекта.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в репортажах, которые мы рассматриваем, наиболее часто цитируются высказывания представителей власти и экспертов, тезисы которых журналист эмоционально раскрывает в закадровом тексте, а также высказывания очевидцев, слова которых выбираются в том числе исходя из критерия их эмоциональности. Полученные нами данные показывают не только стремление журналиста создать определенный посыл в материалах при помощи использования эмоциональных компонентов, но и говорит о предпочтениях аудитории, которая желает увидеть материал, вовлекающий ее эмоционально.

Индивидуальные визуальные решения и находки. В отдельных репортажах корреспонденты применяли ситуативные визуальные решения, которые заранее не были выписаны в наш кодификатор, однако заслуживают особого внимания.

К ним можно отнести:

- использование приема цветокоррекции для создания контраста в драматургии репортажа, для эмоционального усиления при визуализации текста;
- подбор кадров под слова таким образом, чтобы создать комический эффект;
- апелляция и/или проведение параллели с известными визуальными событиями, которые зачастую имеют характер «мемов»;
- использование тематического реквизита или

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

*Мацкявичюс Э. Г., директор Института медиа факультета креативных индустрий НИУ ВШЭ, директор института «Первая Академия медиа» РЭУ им. Г. В. Плеханова
E-mail: ematskyavichyus@hse.ru*

его обыгрывание в кадре (например, в нескольких материалах корреспонденты надевали маски прямо в кадре перед тем, как зайти в помещение).

Такие визуальные решения позволяли подчеркнуть определенные тезисы репортажа, усилить вовлеченность зрителя в просмотр. Однако к таким визуальным аспектам прибегали достаточно редко, что не позволяет говорить о данных приемах как о постоянных эмоциональных компонентах.

Заключение. Таким образом, особенности применения контент-стратегий при освещении темы COVID-19 в программе «Вести» ориентированы на придание репортажам более яркой эмоциональной окраски.

Можно выделить доминирующие особенности применения контент-стратегий в материалах корреспондентов:

— когда тема COVID-19 в материале касается России, контент-стратегии используются журналистами для создания ярких позитивных образов. Когда освещается международная ситуация, корреспонденты гораздо чаще прибегают к негативным вербальным и визуальным образам;

— главным вербальным приемом, который придает особенную эмоциональность репортажам, является драматизация. Благодаря ей журналисты как заостряют определенные стороны проблемы, так и приуменьшают их, не искажая сами факты;

— для освещения данной темы используется широкий спектр источников, который корреспонденты также активно задействуют для придания эмоциональности материалам.

Итак, тема COVID-19 разносторонне была показана журналистами в программе «Вести», задействован широкий набор контент-стратегий для придания репортажам эмоциональной окраски.

ЛИТЕРАТУРА

1. Waldrop M. What is content strategy and how do you develop a successful one? / Waldrop M. — Режим доступа: <https://www.thedrum.com/news/2022/10/26/what-content-strategy-and-how-do-you-develop-successful-one> (дата обращения: 02.12.2023).
2. Фролова Т. И. Контент-стратегии российских СМИ — 2016 / Т. И. Фролова. — Режим доступа: <https://ppt-online.org/157722> (дата обращения: 02.12.2023).
3. Чобанян К. В. Современный информационный телеканал. Жанровые приоритеты и языковая модель / К. В. Чобанян. — М.: Факультет журналистики МГУ, 2018. — 202 с.

*National Research University Higher School of Economics
Matskevicius E. G., Director of the Institute of Media of the Faculty of Creative Industries of the Higher School of Economics,
Director of the Institute «First Academy of Media» of Plekhanov Russian University of Economics
E-mail: ematskyavichyus@hse.ru*

ВУЗОВСКИЕ СМИ В МЕДИАПОТРЕБЛЕНИИ СТУДЕНТОВ ДНР

Н. М. Москаленко

Донецкий государственный университет

Поступила в редакцию 8 августа 2024 г.

Аннотация: в статье излагаются и анализируются результаты опроса, проведенного в конце 2023 г. среди студентов Донецкого государственного университета, Донецкого национального технического университета и Донбасской национальной академии строительства и архитектуры и имевшего целью выяснение роли информационных ресурсов этих вузов в медиапотреблении их студентов. Делается вывод, что вузовские медиаресурсы имеют хотя и существенное, но вместе с тем в определенном смысле вспомогательное значение для студентов этих учебных заведений, являясь значимыми источниками информации по учебному процессу и в целом вузовской жизни, а также обеспечивая для учащихся ощущение корпоративной принадлежности своему вузу.

Ключевые слова: медиапотребление, вузовские СМИ, Донбасс, студенты ДНР.

Abstract: the article presents and analyzes the results of a survey conducted at the end of 2023 among students of Donetsk State University, Donetsk National Technical University and Donbass National Academy of Building and Architecture, which aimed to identify the role of information resources of those universities in the media consumption of their students. It is concluded that university media resources have although significant, but at the same time, in a certain sense, the auxiliary importance for students of those educational institutions, being significant sources of information for the educational process and university life in general, and also providing students with a sense of corporate belonging to their university.

Keywords: media consumption, university media, Donbass, DPR students.

Для эффективного функционирования современного вузу требуются собственные медиаресурсы, которые задействуются в образовательном процессе и вообще создают комфортную для студенческой молодежи информационную среду. В российских исследованиях вузовские СМИ изучаются в разных аспектах. Их рассматривают как сугубо студенческую периодику, конкурирующую в подаче информации с официальными изданиями учебных заведений [1, 73], как корпоративный медийный продукт, ориентированный на юношескую аудиторию и нацеленный на продвижение бренда вуза в информационном пространстве [2], как площадку для популяризации и стимулирования научных занятий [3], как прежде всего информационный ресурс [4], наконец, как важный инструмент социализации вузовской молодежи [5].

Проблема совершенствования вузовских СМИ особенно актуальна для высших учебных заведений новых регионов, работающих в непростых условиях СВО и одновременно продолжающих адаптироваться к системе российского образования. Чтобы точнее представлять себе направления дальнейшего развития вузовских медиаресурсов в этих регионах, важно знать, что о них думают прежде всего сами студенты — основные потребители передаваемой ими информации. Для выяснения мнений по поводу таких СМИ студентов ведущих вузов ДНР в конце 2023 г. был проведен анонимный опрос без малого 400 учащихся

разных курсов и направлений подготовки Донецкого государственного университета, Донецкого национального технического университета и Донбасской национальной академии строительства и архитектуры. Число опрошенных составляет репрезентативную выборку из количества студентов указанных вузов. То есть полученные ответы можно воспринимать как в той или иной степени соответствующие взглядам всей студенческой молодежи этого региона. Ниже представлены результаты опроса и выводы по поводу высказанных респондентами суждений.

Вопрос об известных студентам медиаресурсах их вуза дал ожидаемый результат: половина назвала вузовские группы на платформе «Телеграм», чуть меньше половины опрошенных указали такие же группы в социальной сети «ВКонтакте». Эти показатели соответствуют предпочтениям студенческой молодежи на остальной территории России. По данным А. Н. Гуреевой (опубликованным незадолго до СВО, то есть до официального вхождения ДНР в состав РФ), анализировавшей степень присутствия групп российских вузов в сетевом пространстве, наиболее популярными для учебных заведений ресурсами являлись (по убыванию) «ВКонтакте», «Фейсбук» с «Ютубом» (на одном уровне), «Твиттер», «Инстаграм»¹ [6, 91]. С началом СВО «Фейсбук» и «Твиттер» с «Инстаграмом» в России были заблокированы, что

¹ «Фейсбук», «Твиттер», «Инстаграм» запрещены в РФ как экстремистские организации.

обусловило резкое повышение востребованности «Телеграма» (популярного и прежде), рейтинг которого опередил рейтинг «ВКонтакте». Такую картину полностью подтвердили ответы студентов ДНР.

На третьем месте, с небольшим отрывом от соцсети «ВКонтакте», был указан официальный сайт вуза (40%). Остальные варианты ответов набрали значительно меньше голосов, что свидетельствует о том, что предпочтения студентов ДНР повторяют аналогичные общероссийские показатели. Популярность официального сайта вуза может быть объяснена тем, что при объяснимых проблемах с интернетом в донецкой агломерации коммуникации с помощью гаджетов внутри студенческих сетевых групп (их используют лишь 12% опрошенных) могут быть затруднены и для оперативности надежнее получить интересующую информацию о вузе на его официальном сайте. То есть полностью подтверждается экспертное мнение, что лояльность аудитории вузов напрямую зависит от их присутствия в социальных сетях [7, 40].

Следует отметить, что студенты не просто знают о существовании вузовских СМИ, но и активно с ними работают: только пятая часть опрошенных просто слышала, что такие медиаресурсы существуют, а 40% респондентов регулярно (и почти столько же — нерегулярно) к ним обращаются. Если взять разбивку по курсам, то картина получается более дифференцированной. Обращает на себя внимание зеркальность второй половины бакалавриата и магистратуры — тех, кто это делает постоянно и от случая к случаю: из третьекурсников и четверокурсников регулярно просматривают вузовские СМИ 51%, нерегулярно — 30%, а магистранты первого и второго годов — ровно наоборот. Объяснение такой «рокировки» очевидно: приближающиеся к окончанию бакалавриата в массе своей связывают определение собственного будущего со своим вузом, а в планировании магистрантами их перспектив вуз присутствует в гораздо меньшей степени.

На вопрос, зачем студенты обращаются к вузовским медиаресурсам, более 60% респондентов ответили, что делают это вследствие ощущения своей корпоративной принадлежности к учебному заведению. Такой показатель убедительно подтверждает приведенное выше мнение о зависимости студенческой лояльности к вузу от его присутствия в сетевом пространстве.

Ожидаемые ответы на вопрос о предпочитаемых респондентами форматах вузовских медиаресурсов. Как правило, смотрят официальные аккаунты вуза в социальных сетях и на платформах (69%), а также вузовский сайт (62%) — именно эти медиаресурсы, как следует из ответов на первый вопрос, наиболее известны студентам. Личные блоги и аккаунты студентов и преподавателей на этом фоне гораздо менее (в 4–5 раз) популярны, что странно: по крайней

мере, такие ресурсы своих товарищей респонденты однозначно просматривают. По-видимому, опрашиваемые просто не воспринимают личные блоги и аккаунты именно как вузовские СМИ.

Частота обращений к вузовским СМИ позволяет сделать заключение об их месте в жизни студентов. Большинство респондентов (42%) делают это раз в несколько дней, а 32% — один или несколько раз в день. Понятно, что эти медиаресурсы — неглавные в жизни опрошенных, но все же так или иначе присутствующие в ней (видимо, по необходимости).

Мотивация обращения к вузовским медиа чувством корпоративной принадлежности к своему учебному заведению (или вызванной таким чувством привычкой) подтверждается ответами на вопрос, какой именно контент в этих СМИ респонденты просматривают. Материалы, касающиеся учебного процесса, интересуют 49% опрошенных, чуть меньше респондентов (47%) хотят узнать новости об университетской жизни широкого профиля. Примечательно, что такие же новости широкого профиля, но касающиеся только подразделений респондентов, предпочитают узнавать из вузовских ресурсов 49% — столько же, сколько обращаются к этим СМИ за данными, относящимися к учебе. Конечно, разница в 2% между предпочтениями разных форматов новостей широкого профиля может быть погрешностью, но в целом усиление корпоративной идентичности по мере ее локализации тоже является свойственной молодежи тенденцией.

Правомерность увязывания студенческой лояльности к вузу с фактом его присутствия в интернете подтверждается и ответами на вопрос о необходимости наличия подписок на вузовские страницы в социальных сетях: для более чем 80% это либо обязательно, либо желательно. Вместе с тем лишь 22% респондентов репостят материалы со страниц вуза в собственных соцсетях и блогах. По-видимому, в этом нет явной необходимости: обычно репост относится к некоему информационному эксклюзиву, а информация, о которой идет речь, открыта всему вузовскому сообществу.

При необходимости получения какой-либо новости о жизни вуза респонденты чаще всего обращаются к названным выше наиболее известным ресурсам — группам в «Телеграме» и «ВКонтакте», а также к официальному сайту. Однако приоритет выбора в данном случае не совпадает со степенью известности ресурса: 29% предпочитают сайт, а «Телеграм» и «ВКонтакте» — по 20%. Между тем вузовским медиаресурсом, наиболее соответствующим по своей стилистике и манере подачи информации студенческой аудитории, респонденты назвали именно «Телеграм». По этому критерию приоритет отдан той же тройке ресурсов, но уже в иной комбинации: «Телеграм» — 24%, «ВКонтакте» — 21%, официальный сайт — 12%. Но в ответах на вопрос, какой из вузов-

ских медиаресурсов в наибольшей степени выполняет предназначение вузовского СМИ, официальный сайт снова выходит на первое место: здесь он значительно опережает «Телеграм» и «ВКонтакте» — 26% против 16% и 15% соответственно.

Именно по причине информирующего, то есть во многом вспомогательного, характера вузовских СМИ почти 70% респондентов не хотят ничего улучшать в их работе. По той же самой причине только 36% опрошенных с разной степенью активности обсуждают материалы вузовских медиа: зачем обсуждать справочную информацию? Вероятно, то, что обеспечивающая функция является главной для информационных ресурсов учебных заведений, объясняет и преобладание мнения об анахронизме их печатного формата: чтобы что-то уточнить, легче зайти в интернет, нежели обращаться к бумажной газете. Так считают более половины опрошенных. Правда, почти треть респондентов придерживаются противоположного мнения.

Боевые действия в ДНР затрагиваются в двух вопросах: изменились ли вузовские медиаресурсы с начала СВО по сравнению с периодом 2014–2022 гг., а если изменились, в чем это выражается. По первому вопросу почти три четверти констатировали наличие изменений. Но ответы на вопрос о содержании таких изменений оказались неожиданными и отчасти дезавуирующими: ответы на предыдущий вопрос: 40% предпочли либо повторить, что изменений нет, либо отказались отвечать на вопрос, в то время как 39% не только подтвердили противоположное, но и в основном сочли перемены позитивными (информация стала более полной, улучшились ее контент и форматы, материал обрел верное идеологизированное направление). Правда, оба последних вопроса являются по своему содержанию политическими, относящимися не столько к вузовским медиаресурсам, сколько к переживаемой республикой и страной в целом ситуации СВО.

Проведенное исследование показало, что в целом студенческая аудитория ДНР, представленная учащимися ведущих вузов этого субъекта РФ, воспринимает вузовские СМИ так же, как их сверстники в остальной России. В медиапотреблении студентов Донбасса эти ресурсы выполняют своего рода инфраструктурную функцию: они представляют собой информационную среду, которая во многом оптимизирует учебный процесс и в целом жизнь молодых людей в их учебных заведениях. К вузовским СМИ обращаются за справочной информацией, кото-

рая — в силу того, что наиболее популярные среди студентов медиа являются сетевыми, — всегда под рукой. Вместе с тем нельзя сказать, что эти ресурсы составляют основное медийное пространство, в котором студенты именно живут — вступают в коммуникации друг с другом, формируют сообщества по интересам, проводят досуг. Таким пространством для них являются их личные блоги и аккаунты в тех же «Телеграме» и «ВКонтакте», и популярность вузовских групп именно в этих ресурсах как раз и обусловлена тем, что студенты на них подписаны и просто заходят со своих личных страниц. На этом фоне вузовские СМИ ДНР на данный момент не нуждаются в какой-то существенной оптимизации. От них требуется поддерживать на должном уровне выполнение их основной функции — объективно и своевременно информировать студенческое сообщество по всему диапазону проблем жизни вузов. Можно с высокой степенью уверенности предположить, что и после нормализации обстановки в регионе запросы студентов к вузовским СМИ останутся прежними, сводящимися к оперативному и исчерпывающему информированию пользователей по вопросам учебы и других аспектов их жизни в учебных заведениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туголукова Е. Н. Классификация и проблематика вузовских СМИ / Е. Н. Туголукова // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. — 2012. № 2 (37). — С. 70–75.
2. Непомнящая Д. С. Университетский журнал в системе отечественных СМИ / Д. С. Непомнящая, С. И. Якимова // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. — 2015. Т. 6. № 2. — С. 23–33.
3. Кодола Н. В. Наука в вузовских СМИ / Н. В. Кодола // Наука и школа. — 2022. № 5. — С. 11–19.
4. Керимова Д. Ф. Освещение образовательного процесса студенческими новостными интернет-каналами / Д. Ф. Керимова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2018. № 4 (69). — С. 168–170.
5. Саблин Д. А. Деятельность студенческих СМИ как фактор социализации молодежи / Д. А. Саблин // Молодой ученый. — 2023. № 26 (473). — С. 66–68.
6. Гуреева А. Н. Медиакоммуникации высшей школы: учебное пособие / А. Н. Гуреева. — М., 2020.
7. Горохов В. М. Корпоративные коммуникации российских вузов в социальных сетях / В. М. Горохов, А. Н. Гуреева, Э. В. Самородова // Меди@льманах. — 2018. № 6. — С. 36–41.

*Донецкий государственный университет
Москаленко Н. М., старший преподаватель кафедры
журналистики, помощник ректора
E-mail: n.moskalenko@donnu.ru*

*Donetsk State University
Moskalenko N. M., Senior Lecturer at the Journalism
Department, Assistant to the Rector
E-mail: n.moskalenko@donnu.ru*

НАУЧНЫЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А. В. Муха, Н. И. Федосеева

Ростовский государственный экономический университет

Поступила в редакцию 10 апреля 2024 г.

Аннотация: в статье поднимается актуальная тема для современного научного сообщества о значимости научных журналов как основного инструмента коммуникации и распространения результатов научных исследований. В работе представлен обзор периодических изданий по тематике «Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации». Особое внимание авторы уделяют журналам по научной специальности 5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика». В качестве результатов исследования предлагается модель научного журнала, основная цель которого заключается в популяризации исследований в области региональной журналистики.

Ключевые слова: научный журнал, медиакоммуникации, массовая коммуникация, журналистика, средства массовой информации, региональная журналистика.

Abstract: the article raises the topical issue of the importance of scientific journals as the main tool for communication and dissemination of research results. The paper presents an overview of periodicals on the subject of «Mass communication. Journalism. Mass media». The authors pay special attention to journals in the scientific specialty 5.9.9. «Media communications and journalism». As the results of the research, a model of a scientific journal is proposed, the main purpose of which is to popularize research in the field of regional journalism.

Keywords: scientific journal, media communications, mass communication, journalism, mass media, regional journalism.

Введение. Научные журналы являются важным инструментом продвижения исследований и развития науки. Выступая платформой для научных дискуссий и обсуждений, научные издания способствуют обмену идеями и сотрудничеству между исследователями. «Спектр современных научных журналов весьма разнообразен, но все они выполняют общие задачи — популяризация науки и формирование профессиональной площадки для публикаций научных работников» [1, 498]. В данной статье представлены результаты количественного анализа научных журналов, тематика которых ограничивается исследованиями, посвященными вопросам массовой коммуникации, журналистики, средств массовой информации.

Прежде чем описать ход работы, видится необходимым обозначить степень разработанности темы другими исследователями. Научным журналам как системе и их цифровой трансформации посвящены труды С. В. Егеревы [2], Е. В. Семенова [3], Б. Н. Гайдина [4], И. Н. Розиной [5]. О международных правилах научной периодики, этике публикационного процесса написано в статьях О. В. Кирилловой [6], В. М. Приваловой [7]. Изучению роли гуманитарных научных журналов в научном информационном пространстве

посвящено коллективное исследование ученых Казанского федерального университета М. С. Галаяевой, А. М. Елизарова, Р. У. Елизаровой, Е. К. Липачёва [8]. Широта исследований по теме свидетельствует о неподдельном интересе к особенностям функционирования научных изданий, при этом наблюдается нехватка научных изысканий, посвященных анализу места журналов по определенным специальностям в системе отечественных научных СМИ. Это подтверждает актуальность данной работы.

Методика исследования. На портале elibrary.ru были выбраны научные журналы по тематике «Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации». Всего было выделено 199 журналов. Среди них отобраны издания, которые индексируются в РИНЦ, а также выделены отдельно журналы, входящие в перечень изданий, рекомендованных ВАК РФ. Таким образом, в общую выборку попали 38 журналов, в которых рассмотрены такие характеристики, как название, учредитель, разделы, шифры специальностей. Данные занесены в таблицы 1, 2.

Помимо перечисленных в таблице 1 изданий, в разделе «Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации» на портале elibrary.ru также оказались издания, редакции которых не публикуют статьи под шифром специальности 5.9.

«Филология», а именно: «Коммуникология: научный электронный журнал» (шифры специальностей: 5.1; 5.2; 5.7), «Телекинет» (шифры специальностей: 5.10.1; 5.10.3).

Таблица 1

Основные характеристики научных журналов в разделе «Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации», индексируемых в РИНЦ

№	Название	Учредитель	Разделы	Шифры
1.	«PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект»	ФГБОУ ВО «АГУ» (г. Барнаул)	Региональный аспект рекламных и PR-коммуникаций; Технологии PR и рекламы; Социокультурные основания рекламы и PR; Методики преподавания рекламы и PR	5.9.9 5.4.4 5.5.2
2.	«Век информации»	Никонов С. Б. (г. Санкт-Петербург)	Теория журналистики; История журналистики; Тематика и проблематика журналистики и СМИ; Творческий процесс в журналистике и медиакоммуникациях. Профессиональные методы и инструментарий журналистики и медиакоммуникации; Формирование жанров журналистики и их развитие и др.	5.9.9 5.5
3.	«Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3: Филологические науки. Медиа-Коммуникации»	ФГБОУ ВО «ЛГПУ» (г. Луганск)	Лингвистика; Теория и методика филологического образования; Актуальные вопросы литературоведения; Медиакоммуникации	5.9
4.	«Динамика медиасистем»	ФГБОУ ВО «ЧелГУ» (г. Челябинск)	Медиаобразование; Пользовательский контент в современной коммуникации; Медiateкст в новой технологической среде; Вызов XXI век: проблемы журналистики	5.9.9
5.	«Коммуникации. Медиа. Дизайн»	НИУ «ВШЭ» (г. Москва)	Научные статьи; Научная жизнь	5.4 5.9 5.10
6.	«Медиа. Информация. Коммуникация»	ФГБОУ ВО «МПГУ» (г. Москва)	Теория медиа; Человек в информационном мире; Массмедиа; Коммуникационные процессы; Семиодидактика; Медиаинформационная грамотность и медиаобразование	5.9.9
7.	«Медиаектор»	ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь)	Журналистика (филологические науки); Библиотекведение, библиографоведение и книговедение; Теория и история культуры	5.8.7 5.9.9 5.10.1 5.10.3
8.	«Медиасреда»	ФГБОУ ВО «ЧелГУ» (г. Челябинск)	Теория и практика журналистики; Массовая коммуникация; Реклама и PR; Медиакультура; Социокультурные и психологические аспекты массовой коммуникации; Творческие проекты и научные медиаисследования	5.9.9
9.	«Научный редактор и издатель»	Ассоциация научных редакторов и издателей (г. Москва)	Оригинальные статьи; Переводы; Методические материалы; Информация. Новости. События; Библиотека; Дискуссионные статьи; Обмен опытом	5.9.9

10.	«Российская школа связей с общественностью»	Ассоциация преподавателей по связям с общественностью (г. Москва)	Academia; Концептуальные модели современных коммуникаций; Зарубежный опыт: теория и практика коммуникаций; Региональные практики рекламы и связей с общественностью; Парадигмы профессионального образования	5.9 5.9.9
11.	«Современный дискурс-анализ»	ФГАОУ ВО «НИ ТГУ» (г. Томск)	Проблемы текста: теоретические и прикладные аспекты; Книга в контексте культуры; Вопросы книгоиздания	5.9.9 5.9.8 5.10.1

Таблица 2

Основные характеристики научных журналов в разделе «Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации», входящих в перечень изданий, рекомендованных ВАК РФ

№	Название	Учредитель	Разделы	Шифры
1.	World of Media	ФГБОУ ВПО «МГУ им. М. В. Ломоносова» (г. Москва)	Lead article; Articles	5.9.9
2.	«Актуальные вопросы современной филологии и журналистики»	ФГБОУ ВО «ВГУ» (г. Воронеж)	Лингвистика; Аспекты изучения художественного текста; Лингвокультурология; Межкультурная коммуникация; Концептология; Журналистика в историко-теоретическом аспекте; Язык СМИ; События, обзоры, рецензии	5.9.1 5.9.5 5.9.6 5.9.8 5.9.9
3.	«Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика»	ФГБОУ ВО «ВГУ» (г. Воронеж)	Филология; Журналистика; Критика и библиография	5.9.1 5.9.4 5.9.9
4.	«Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика»	ФГБОУ ВПО «МГУ им. М. В. Ломоносова»	Теория журналистики и СМИ; Современная журналистика: тематика и проблематика; Социология журналистики; Экономика СМИ; Периодическая печать; Телевидение и радио; Новые медиа; Зарубежная журналистика; Реклама и связи с общественностью; История журналистики; Язык СМИ; Право СМИ; Журналистское образование; Дискуссия; Колонка редактора; Эссе; Критика и библиография; Материалы, документы, публикации	5.9.9
5.	«Вестник Российского университета дружбы народов»	ФГАОУ ВО «РУДН» (г. Москва)	История русской литературы; Современный литературный процесс; Компаративистика. Русская литература за рубежом; Новые медиа; Аксиология журналистики; История СМИ; Практическая журналистика; Рецензии. Обзоры	5.9.1 5.9.2 5.9.3 5.9.4 5.9.9

6.	«Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология»	ФГБОУ ВО «ТвГУ» (г. Тверь)	Вопросы теории и истории языка; Исследования текста и дискурса; Экспериментальные исследования слова и текста; Экспериментальные исследования слова и текста; Литературоведение; Журналистика и реклама; Материалы и сообщения; Голоса молодых исследователей; Хроника научной жизни; Обзоры	5.9
7.	«Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология»	ФГАОУ ВО «НИ ТГУ» (г. Томск)	Лингвистика; Литературоведение; Журналистика	5.9
8.	«Виртуальная коммуникация и социальные сети»	ФГБОУ ВО «КГУ» (г. Кемерово)	Медиакоммуникации и журналистика; Новые дискурсивные практики в социальных сетях; Лингводидактика в социальных сетях; Психология и социология виртуальной коммуникации; Междисциплинарные исследования языка	5.4 5.9.9 5.12.3
9.	«Вопросы журналистики»	ФГАОУ ВО «НИ ТГУ» (г. Томск)	Современные медиасистемы; Медiateкст и медиадискурс; Журналистское образование и медиапедагогика; Исторические исследования; Рецензии, критика, библиография; Научная жизнь	5.9.9
10.	«Вопросы журналистики, педагогики, языкознания»	НИУ «БелГУ» (г. Белгород)	Языкознание; Журналистика и связи с общественностью; Педагогика	5.9 5.9.5 5.9.6 5.9.8 5.8 5.8.1 5.8.7
11.	«Вопросы теории и практики журналистики»	ФГБОУ ВО «БГУ» (г. Иркутск)	Теория журналистики; Журналистская практика; История журналистики; Журналистское образование; Информационное пространство. Медиасреда; Творчество молодых исследователей	5.9.9 5.9.5
12.	«Знак: проблемное поле медиаобразования»	ФГБОУ ВО «ЧелГУ» (г. Челябинск)	Теория журналистики и вопросы методов медиаисследований; Культурология медиа; Профессиональная культура журналиста; Коммуникативные исследования: реклама, PR, брендинг, медиа; Медиа и образование; Речевые модели и стратегии медиадискурса; Публичная сфера в аспекте массовых коммуникаций; Экономика, политика, право и СМИ; Игровые формы коммуникации; История журналистики; Современная литература, критика, публицистика в структуре массовой коммуникации	5.9.9

13.	«Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика»	ФГБОУ ВО «СГУ им. Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов)	Литературоведение; Лингвистика; Журналистика; Критика и библиография; Проблемы высшей школы; Хроника; Дата	5.9.1 5.9.2 5.9.5 5.9.6 5.9.8 5.9.9
14.	«Коммуникативные исследования»	ФГАОУ ВО «ОГУ им. Ф. М. Достоевского» (г. Омск)	Теория коммуникации; Современные коммуникативные практики; Коммуникативная дидактика; Рецензия. Хроника	5.9.1 5.9.3 5.9.5 5.9.6 5.9.8 5.9.9
15.	«Меди@льманах»	Вартанова Е. Л., Минаева О. Д. (г. Москва)	Editorial колонка главного редактора; Научные парадигмы; Глобальный контекст; Повестка дня; СМИ Отечества; Массмедиа за рубежом; Медиатекст; Литература и публицистика; Научные доклады; Персона; Рецензия	5.9.9
16.	«Медиалингвистика»	Васильева В. В. (г. Санкт-Петербург)	Общетеоретические вопросы; Функционирование языковых средств в массмедиа; Понятия, категории, методики анализа в медиалингвистике; Медиатекст: структура, композиция, векторы обновления; Особенности современного медиадискурса; Вопросы теории медиа; Типология медиаречи	5.9 5.9.9
17.	«Медиаскоп»	РОО «Общество выпускников факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова» (г. Москва)	Печатные СМИ; Телевидение; Радиовещание; Цифровые коммуникации; Экономика СМИ; Теория СМИ и массовой коммуникации; Социология СМИ и массовых коммуникаций; Право СМИ; Технологии медиапроизводства; Массмедиа зарубежных стран; Реклама и PR; Медиаконвергенция; История массовых коммуникаций; История литературы и публицистики; Медиастилистика; СМИ и культура; Журналистское образование; Научные доклады; Рецензия	5.9 5.9.9
18.	«Текст. Книга. Книгоиздание»	ФГАОУ ВО «НИ ТГУ» (г. Томск)	Проблемы текста: теоретические и прикладные аспекты; Книга в контексте культуры; Вопросы книгоиздания	5.9.1 5.9.5 5.9.9

Отметим, что в большинстве своем рассматриваемые в работе издания финансируются за счет вузов, что немаловажно для редакций научных СМИ.

В выбранном нами разделе также встретились издания, в которых не представлен шифр специальности

5.9. «Филология». Это: «Библиография и книговедение» (шифры специальностей: 5.10.4; 5.6.5), «Коммуникология» (шифры специальностей: 5.4; 5.5.2; 5.10.1; 5.4.1; 5.4.2; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6; 5.4.7), «Наука телевидения» (шифры специальностей: 5.4.6; 5.10.3; 5.10.1).

Результаты. Среди журналов, входящих в перечень ВАК и освещающих общие темы филологии, можно выделить издания с моношифром — 5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика». Так, к изданиям, в которых публикуются научные труды по журналистике, относятся такие журналы, как World of media. Journal of Russian media and journalism studies, «Вестник московского университета. Серия 10: Журналистика», «Вопросы журналистики», «Знак: проблемное поле медиаобразования» и «Меди@льманах».

В ходе исследования научных изданий по филологии на портале eLibrary.ru по тематике «Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации» также была обнаружена нехватка журналов, содержащих разделы и рубрики с региональной тематикой. К числу таких СМИ можно отнести лишь два журнала: «PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект» и «Российская школа связей с общественностью». Оба издания не входят в перечень журналов ВАК, а «региональные» рубрики не предполагают статей по научной специальности 5.9.9.

В контексте настоящего исследования нельзя не сказать о том, что в научном сообществе России более 25 лет существует Академия наук региональной печати, основанная по инициативе профессора Воронежского государственного университета Георгия Владимировича Антюхина. Почетными и действительными членами академии являются выдающиеся отечественные ученые В. М. Акаткин (ВГУ), Б. И. Есин (МГУ), Г. В. Жирков (СПбГУ), Е. А. Корнилов (РГУ), А. А. Слинко (ВГУ), В. Б. Смирнов (ВолГУ), А. И. Станько (РГУ), Б. Т. Удодов (ВГУ), Е. В. Ахмадулин (РГУ), Л. Е. Кройчик (ВГУ), Ю. В. Лучинский (КубГУ), Р. П. Овсепян (МГУ), В. В. Смирнов (РГУ), Г. М. Соловьев и другие. После ухода из жизни Г. В. Антюхина президентом АН РПР был избран профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета Владимир Васильевич Тулупов. При Академии выходят монографии, учебники, учебные пособия и ряд научных изданий, посвященных вопросам развития региональной журналистики, среди них: «Региональная журналистика в фокусе времени», «Региональная журналистика: культурные коды, пространство смыслов, полиэтничный дискурс», «Вопросы отечественной региональной журналистики» и др.

Учитывая актуальность региональных исследований в области медиакоммуникаций и журналистики, в ходе настоящего исследования предлагается идея создания научного журнала по специальности 5.9.9. «Региональная журналистика», краткосрочная цель которого — войти в перечень изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Миссия издания — популяризировать исследования в области региональной журналистики; служить объединяющей площадкой для интеллектуальных

проектов и исследований в сфере медиа; развивать сотрудничество между учеными, работающими в сфере медиакоммуникаций и журналистики.

В связи с поставленной целью издание как научная платформа может решать комплекс задач: проводить исследования в области медиакоммуникаций с учетом регионального аспекта для выявления тенденций и проблем в данной сфере; быть научной платформой для ученых, чьи исследования концентрируются на изучении вопросов коммуникации и журналистики в регионах России; создавать базы данных с информацией о научных исследованиях, проведенных в регионах страны; развивать межрегиональное сотрудничество с научными журналами и организациями, занимающимися вопросами медиакоммуникации и журналистики; исследовать роль медиа в формировании общественного мнения с учетом региональных и культурных особенностей, а также анализировать влияние журналистики на этот процесс; оказывать поддержку профессионалам в сфере медиакоммуникации по вопросам этики, стандартов и законодательства в сфере медиа с учетом региональных норм и правил.

Помимо главного раздела — «Региональная журналистика» — ежеквартальный журнал также может включать и такие, как «Теория журналистики и медиасистем», «История и типология журналистики», «Журналистский текст и жанры», «Ценности и профессиональные стандарты в журналистике», «Визуальная журналистика», «Профессиональное образование журналиста», «Журналистика в цифровом медиaprостранстве» «Рецензии», «Обозрения».

В заключение хочется еще раз подчеркнуть значимость для профессии научных журналов по специальности «Медиакоммуникации и журналистика» и вместе с тем недостаточное их количество. На пути решения данной проблемы предлагается концепция научного журнала, специализирующегося на популяризации исследований в области региональной журналистики, которые формируют актуальные представления о социальных, политических и экономических процессах развития страны.

В дальнейших исследованиях хотелось бы поднять не менее важный вопрос в изучаемой сфере — финансирование и учредительство научного журнала, а также отразить существующую проблему: открытие научного издания по специальности 5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика в непрофильном вузе».

ЛИТЕРАТУРА

1. Муха А. В. Выпуск научного журнала в вузе / А. В. Муха, Н. И. Федосеева // Журналистика в 2023 году: творчество, профессия, индустрия. — М., 2024. — С. 498–499.
2. Егеров С. В. Публикационные реалии в эпоху изоляции / С. В. Егеров // Управление наукой: теория и практика. — 2022. — № 4. — С. 231–237.

3. Семенов Е. В. Национальная сеть научных журналов как система: проблемы до и после санкций / Е. В. Семенов // Мир России. Социология. Этнология. — 2023. — № 3. — С. 145–166.
4. Гайдин Б. Н. Российские научные журналы в новых геополитических условиях: сложности и перспективы развития / Б. Н. Гайдин // Управление наукой: теория и практика. — 2022. — Т. 4. — № 3. — С. 44–52.
5. Розина И. Н. Научный электронный журнал в системе профессиональной коммуникации / И. Н. Розина // Образовательные технологии и общество. — 2016. — № 2. — С. 600–620.
6. Кириллова О. В. О влиянии языка статей на показатели научных журналов в международных наукометрических базах данных / О. В. Кириллова // Научный редактор и издатель. — 2019. — Т. 4. — № 1–2. — С. 21–33.
7. Привалова В. М. Стратегия развития журнала международного уровня / В. М. Привалова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2016. — № 1. — С. 5–9.
8. Галявиева М. С. Гуманитарные научные журналы: методы и инструменты интеграции в научное информационное пространство / М. С. Галявиева и др. // Вестник КазГУКИ. — 2014. — № 4–1. — С. 89–96.

Ростовский государственный экономический университет

Муха А. В., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики
E-mail: ekstazi15@mail.ru

Федосеева Н. И., старший преподаватель кафедры журналистики
E-mail: fedoseewan@yandex.ru

Rostov State University of Economics
Mukha A. V., Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Journalism Department
E-mail: ekstazi15@mail.ru

Fedoseeva N. I., Senior Lecturer of the Journalism Department
E-mail: fedoseewan@yandex.ru

ПУБЛИЦИСТИКА Г. МАТЕВОСЯНА И В. РАСПУТИНА В СВЕТЕ ПРИНЦИПА ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Д. В. Петросян

Ереванский государственный университет

Поступила в редакцию 2 июля 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается публицистика Г. Матевосяна и В. Распутина с точки зрения известного в живописи принципа обратной перспективы. Тема исследовалась в двух направлениях: наличие иконописных функций, характерных для принципа обратной перспективы в публицистике вышеуказанных авторов, и проявления того же принципа в отношениях автора и аудитории. Оба автора, как писатели переходного периода, имели советскую и постсоветскую аудиторию. Если советскую аудиторию отличали идеологические мотивы, осознание общего интереса, то для постсоветской аудитории обратная перспектива разворачивается в поверхностных измерениях.

Ключевые слова: принцип обратной перспективы, публицистика, Грант Матевосян, Валентин Распутин, Павел Флоренский, иконописные функции, автор и аудитория.

Abstract: the article examines the publicistic works of G. Matevosyan and V. Rasputin from the perspective of the well-known principle in painting known as reverse perspective. The research was conducted in two directions: the presence of iconographic functions characteristic of the principle of reverse perspective in the publicistic works of the aforementioned authors, and the manifestation of the same principle in the relationship between the author and the audience. Both authors, as writers of the transitional period, had both Soviet and post-Soviet audiences. While the Soviet audience was characterized by ideological motives and the awareness of common interests, for the post-Soviet audience, reverse perspective unfolds in superficial dimensions.

Keywords: principle of reverse perspective, publicism, Hrant Matevosyan, Valentin Rasputin, Pavel Florensky, iconic functions, author and audience.

Введение. Тенденции расширения информационных границ медиа, активность социальных сетей, их новые инструментарии требуют переосмысления содержания и социальной значимости публицистики. В этом контексте особую важность представляет анализ творческого опыта публицистов предыдущего поколения. Автор избрал для анализа публицистическое наследие двух выдающихся писателей, представителей армянской и русской литературы: Гранта Матевосяна и Валентина Распутина — через призму принципа обратной перспективы¹, который имеет глубинное содержание в восприятии окружающего мира и его отдельных реалий.

Обратная перспектива, как вид перспективы, имела практическое применение еще в византийской и древнерусской живописи, особенно в иконописи. Характеризуя ее, теоретики обращают особое внимание на следующий факт: «При отражении в обратной перспективе предметы расширяются в сто-

рону от зрителя, как будто центр линий находится не на горизонте, а внутри самого зрителя. Обратная перспектива представляет собой целостное символическое пространство, ориентированное на зрителя и подразумевающее его духовную связь с миром символических образов. Следовательно, обратная перспектива отвечает задаче воплощения сверхчувственного сакрального содержания в зримой, но лишённой материальной конкретности форме» [5].

Отметим, что подобный подход к проблемам медиатекста и публицистики нами уже был предпринят. Тогда объектом исследования были эссе прозаиков Мушега Галшояна и Виктора Астафьева [6, 14–20]. Наша исследовательская позиция остается прежней: оба автора — Г. Матевосян и В. Распутин — создали свои лучшие художественные произведения в советское время, в постсоветский же период отдавали предпочтение публицистике. Их выступления, как правило, становились предметом обсуждения широкой общественности. В их основу были заложены темы родины, национальных и общечеловеческих ценностей, общественной морали и личности.

Функции автора-иконы. Наше исследование строится вокруг нескольких тем. Это рассуждения авторов о национальном и общечеловеческом; принцип обратной перспективы как механизм внутреннего видения миропорядка; пространственно-вре-

¹ Как известно, он был разработан в рамках теории живописи в начале XX века в работах Павла Флоренского и его последователей [1, 94–139; 2, 46–98; 3, 1–175; 4, 419–527]. Однако, как впоследствии выяснилось, он имеет глубинное содержание в восприятии окружающего мира и его отдельных реалий.

менной вектор и полицентричность мировидения авторов; ответственность писателя перед историей.

Из публицистики Матевосяна выбраны «Я есть я» и «Совершенство» [7, 51–60, 81–85], из публицистики Распутина — «Время Достоевского» и «Откройте русскому человеку русский свет» [8; 9]. При необходимости мы обращались и к другим их произведениям.

В контекст своего пространственного восприятия Матевосян включает Армению, Советский Союз и Запад, а Распутин — Сибирь, Россию и Запад. Что касается временного континуума, то оба писателя сосредоточены на образе своей страны и народа в трех измерениях — настоящем, прошлом и будущем. Восприятие пространства решает главную для обоих писателей проблему самоидентификации. Характерные для обратной перспективы инверсия и смысловое увеличение символически значимых образов в полной мере раскрываются в измерении времени. Именно здесь активизируется разномерность мировидения двух писателей.

Известно, что апологеты этого принципа (и в первую очередь, П. Флоренский) полагали, что художник должен представлять мир, предметы и явления не только для зрительного, но и для духовного восприятия. Это и предполагает многовекторность его взгляда, что передается и созерцателю картины [10, 105–111; 3, 1–175]. Следуя подобному пониманию, Матевосян и Распутин в своих очерках часто меняют ракурс восприятия самого себя и изображаемых объектов. И когда сосредотачиваются на том или ином образе, то они увеличиваются в сознании читателя. У каждого из писателей своя манера изложения. Матевосян, например, начинает свое эссе «Я — есть я» с одной из ветвей армянского эпоса. Иногда герой «останавливается» в средневековье, далее вдруг оказывается в водовороте начала XXI в., вспоминает и советские годы, особенно время оттепели, доходя до настоящего [7, 51–60]. Если в этом эссе очевидна тенденция расширения духовного опыта (возникающего из вещей и явлений), то в эссе, посвященном Ованесу Туманяну («Совершенство»), в центре внимания оказывается личность крупнейшего армянского поэта. На публицистическом полотне Матевосяна она оживает с силой иконы; масштаб его творчества разворачивается в духовной перспективе: «До Туманяна у нас было все и ничего не было, как до божественного Слова было все и ничего. У нас были земля и родина, друг и враг, тяжелый труд, радость и смех и даже тысячелетняя культура... подъем которой был бы напрасен, если бы ее не увенчал Он собой как Арарат. Как чистый рассвет... Туманян окропил все это, раздвинул, раздвинул... открыл, раскрыл все это и все это наполнил собой» [7, 81].

В эссе Распутина такой чести удостоен Федор Достоевский. Если Матевосян видит в Туманяне силу коллективной мудрости народа и в этом ищет сердцевину его иконы, то Распутин komponует образ До-

стоевского из деталей его творческой биографии и оценивает его миссию как величайшего писателя. Распутин раскрывает образ «духовника» русской литературы и проповедника духовного преображения русского человека. Он формулирует свое обращение к своему народу словами самого Достоевского: «Откройте русскому человеку русский “свет”, дайте отыскать ему это золото, это сокровище, скрытое от него в земле. Покажите ему в будущем обновление всего человечества и Воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским Богом и Христом, и увидите, какой исполин могучий и правдивый, мудрый и кроткий, вырастет пред изумленным миром, изумленным и испуганным, потому что они ждут от нас одного лишь меча, меча и насилия, потому что представить себе нас не могут, судя по себе, без варварства» [9].

В выбранных нами эссе Матевосяна и Распутина на фоне прошлого сплетается икона лучшего интеллектуального писателя своей страны, которая увеличивается и расширяется во внутреннем мире читателя по принципу обратной перспективы. Параллельно с этим в конце эссе начинает вырисовываться вторая икона в лице автора. Другими словами, в одном и том же произведении рождаются две иконы: первая — излучающая из прошлого, вторая — портрет автора, раскрывающий прошлое и настоящее.

Автор и аудитория. Матевосян и Распутин — творческие натуры, прошедшие через испытания переходного времени, а это означает, что у них были как минимум две разные аудитории: советская и постсоветская. Беллетристика обоих авторов создана в соответствии с мировидением и вкусами советской аудитории, которые были основаны на ее коллективном «я», идеологической ангажированности и вере во всеобщее благо. Возможно, именно этот факт усиливал положительную реакцию внутри читательской аудитории — по принципу той же обратной перспективы.

Технический прогресс нового века значительно изменил структуру и качество аудитории. Сейчас для нее характерно отсутствие навязчивой идеологии, преобладание горизонтальных отношений «писатель — читатель», свобода медиапространства, персонализация социально значимой информации. Соответственно, обратная перспектива разворачивается внутри читателя, но при этом она более обыденна и предсказуема. Сложившиеся веками ценностные ориентиры уже не имеют прежнего обаяния и авторитета: «Если прежде... Смердяковы как бы предупреждали мир о своей опасности, — пишет Распутин, — то сейчас Смердяковы пошли в авторы книг и статей. Они пошли во властители дум. И пошли притом густою толпой, поддерживая друг друга, для того, чтобы захватить всю русскую литературу» [8].

У Матевосяна та же озабоченность: «...наши слабые ручки, близорукие взгляды не могут охватить

ту трагически глубокоую, большую, глобальную, космическую реальность. Реальность ускользает от нашей культуры. Это происходит из-за нашего бессилия и вялости» [7, 68].

Тревога двух писателей налицо, при этом они не ограничиваются коротким охватом исторического времени [11, 33–42; 12, 66–78; 13]. Долгая временная протяженность присутствует в текстах обоих писателей, особенно, когда речь идет о проблемах будущего. Она, с одной стороны, измеряется тысячелетиями и связана с глубинными процессами внутри этнических, социальных и цивилизационных общностей, с другой — направлена в духовный мир читателя, чтобы возродить в нем устойчивые ценностные ориентиры: «Народ не только теперешнее поколение живущих, но и поколение прошлых, сполна познавших опыт минувшего, но и поколение будущих, вопрошающих о надежде» [14]. В тяжелые моменты истории его лучшая часть временно отступала... «как партизаны в леса, в свое тысячелетие» [15, 42]. Это убеждение Валентина Распутина. С таким же убеждением жил Грант Матевосян: «В судьбе нашего народа не произошло ничего, что было бы результатом ошибки кого-то одного... Случилось то, что должно было случиться. Будет так, как будет, мы продержимся, мы всегда будем иметь родину, у нас всегда будет родина...» [7, 305].

Заключение. Принцип обратной перспективы как в живописи, так и в произведениях публицистического жанра раскрывает новые возможности восприятия и переосмысления текстового материала. В частности, благодаря пространственно-временным векторам и разноцентричности авторского взгляда, в них раскрываются черты писателя-иконописца.

В постсоветский переходный период изменились критерии социального восприятия читающей публики (советские и постсоветские). В произведениях Г. Матевосяна и В. Распутина это привело к семантическим трансформациям обратной перспективы.

*Ереванский государственный университет
Петросян Д. В., доктор филологических наук, заведующий кафедрой новых медиа и коммуникаций
E-mail: davidpetrosyan@ysu.am*

ЛИТЕРАТУРА

1. Раушенбах Б. В. Пространственные построения в живописи. Очерк основных методов / Б. В. Раушенбах. — М., 1980. — С. 94–139.
2. Флоренский П. А. — Сочинения в 4-х тт. / П. А. Флоренский. — М., 1999. — Т. 3 (1). — С. 46–98.
3. Флоренский П. А. Иконостас. Избранные труды по искусству / П. А. Флоренский. — СПб., 1993. — С. 1–175.
4. Флоренский П. А. Сочинения в 4-х тт. / П. Флоренский. — М., 1999. — Т. 2. — С. 419–527.
5. Основные виды перспективы. — Режим доступа: <https://docs.google.com/presentation/u/0/d/1iwmPguMoWWEajrOhwVmDdf6p4f4zgbipLAF7bgstmFY/htmlpresent?pli=1> (дата обращения: 13.04.2024).
6. Петросян Д. Причуды инверсии: текст и обратная перспектива / Д. Петросян. — LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2017. — С. 14–20.
7. Матевосян Г. Перед белой бумаги / Г. Матевосян. — Ереван, 2004. — С. 51–60, 68, 81–85, 305.
8. Распутин В. Время Достоевского / В. Распутин // Завтра. — 2007. — № 11.
9. Распутин В. Откройте русскому человеку русский свет / В. Распутин // День литературы. — 2001. — № 063.
10. Ростова Н. Н. Человек обратной перспективы как философско-антропологический тип (исследование феномена юродства) / Н. Н. Ростова // Вестник ТГПУ. Гуманитарные науки. Философия, 2007. — Вып. 11 (74). — С. 105–111.
11. Степанян А. Структура времени в историческом мировоззрении Ф. Броделя / А. Степанян, Е. Маргарян // История и образование. — 2005. — № 1–2. — С. 33–42.
12. Чеканцева А. Время историка. Образы времени и исторические представления. Россия — Восток — Запад / А. Чеканцева // Круг. — 2010. — С. 66–78.
13. Тучкова И. Л. Специфика категории «историческое время» в трудах Ф. Броделя / И. Л. Тучкова. — Режим доступа: www.nbuv.gov.ua (дата обращения: 21.05.2024).
14. Распутин В. Коренная порода нации / В. Распутин // Восточно-Сибирская правда. — 2000. — 22 янв.
15. Распутин В. Мой манифест / В. Распутин // Наш современник. — 1997. — № 5. — С. 42.

*Yerevan State University
Petrosyan D. V., Doctor of Philology, Head of the New Media and Communications Department
E-mail: davidpetrosyan@ysu.am*

ЖАНРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Л. Е. КРОЙЧИКА

П. А. Пономарев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июня 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются произведения воронежского публициста и медиапедагога Л. Е. Кройчика (1934–2019), в частности его сатирико-публицистические тексты. На основе анализа образа автора публицистического текста и творческого стиля Л. Е. Кройчика делаются выводы о жанровой трансформации публицистики Л. Е. Кройчика, в частности модификации жанра фельетона в жанр эссе.

Ключевые слова: Л. Е. Кройчик, публицистика, жанр, фельетон, эссе.

Abstract: the article examines the work of the Voronezh publicist and media educator L. E. Kroychik (1934–2019), in particular his satirical and publicistic writings. Based on an analysis of the author's image in his publicistic texts and the creative style of L. E. Kroychik, conclusions are drawn about the transformation of his publicism — in particular, the transformation of the feuilleton genre into the essay genre.

Keywords: L. E. Kroychik, publicism, genre, feuilleton, essay.

В мае 2024 г. культурное, журналистское и педагогическое сообщества Воронежа отметили 90 лет со дня рождения Л. Е. Кройчика — публициста, критика, доктора филологических наук, профессора факультета журналистики Воронежского государственного университета, а в апреле этого же года исполнилось пять лет со дня ухода Льва Ефремовича из жизни. До последних дней он оставался одним из самых авторитетных воронежских культурных деятелей и крупнейшим медиаспециалистом региона: «Без всяких скидок, Лев Кройчик в течение десятилетий менял культурный ландшафт Воронежской области» [1], — писал журналист С. Шевченко. «Дитя оттепели», Л. Е. Кройчик был не только современником, но и соучастником эпохи — человеком, реализовавшим идеи времени как в жизни, так и в профессии. В том числе и этим он был интересен аудитории. В частности, литературовед и критик А. Б. Ботникова так характеризует Л. Е. Кройчика — своего ученика и коллегу: «Эти годы [шестидесятые] сформировали Кройчика, и он никогда не отрекался от идеалов своей молодости. Так и остался человеком *своего* времени. Забавно, что даже в мелочах он упрямо хранил верность старым привычкам» [2, 98]. Представитель поколения шестидесятников, в 1962–1977 гг. художественный руководитель Театра миниатюр ВГУ, литературный и театральный критик, колумнист, Л. Е. Кройчик внес весомый вклад в развитие региональной культуры, образования и журналистики.

Лев Кройчик — автор со своей биографией, со своим именем. За долгие годы публицистической практики он выработал собственный узнаваемый стиль. Авторский образ Кройчика можно определить как

образ доверительного собеседника, вызывающего на откровение и к откровению зывающего. Путь к откровению — к постижению истины — проходит через собственную историю (из) жизни. Таким образом, Кройчик-автор, открывая сокрытые до этого момента, до этого текста (текст — параллельная авторская реальность, запечатленная «здесь и сейчас», в момент, с одной стороны, создания текста, с другой стороны — его открытия читателем) ресурсы собственного внутреннего мира, постигает сам этот мир и побуждает к его постижению своего читателя. Опора на собственное «я», отсылающая нас к идее об антропоцентричности автора в своем тексте, нашла применение Л. Е. Кройчиком как в теории журналистики, так и в журналистской практике. Последнее было обусловлено выбором форм и стилем Кройчика-публициста: излюбленные жанры, в которых он работал, — фельетон и эссе — жанры по своей природе с активным авторским началом, жанры-автобиографии; отличительная черта его творческого стиля — авторская центричность: в большинстве своем материалы Л. Е. Кройчика — это его рассказы о себе в форме ироничной исповеди и парадоксального откровения.

В своих текстах Л. Е. Кройчик во многом ориентируется на разговорную, звучащую речь, наделяя ею автора-повествователя, который обязательно обращается к своему читателю как к собеседнику. Особую известность Л. Е. Кройчик получил как фельетонист — автор сатирических журналистских текстов, колонок и рубрик, где подмечаются и высмеиваются неприглядные стороны сначала советской, а затем и российской действительности. Фельетоны Л. Е. Кройчика, представляющие собой по форме юмористические монологи с элементами самоиро-

нии, напоминая театрализованные выступления, которые отсылают к эстетике поздней советской эстрады и сатиры, так называемых театральных капустников (А. Райкин, М. Жванецкий, А. Ширвиндт и др.), имеют диалогическую основу, в которой заложен постоянный поиск отклика аудитории, ориентация на ее внимание, ожидание и предугадывание читательской реакции:

«Позвоночник гнется неправильно — не там и не тогда, когда надо. Окружающие думают, что я негибаемый, а у меня просто беда со зрением.

Я не только в упор не вижу начальство, но даже не могу грудь четвертого человека разглядеть.

И из-за этого не знаю, на кого равняться.

<...>

Единственная точка опоры — удостоверение ветерана труда. Но с ним далеко не уедешь.

<...>

Раньше не мог угнаться за растущим благосостоянием советского народа, теперь — за удвоением ВВП.

Допускаю, что продукт удваивается. Но — не в моем холодильнике» [3, 4].

Интерес к фельетону развился у Л. Е. Кройчика еще в студенческие годы (первые его юмористические тексты выходили в университетской газете «За научные кадры» — впоследствии «Воронежский университет»), а также в период работы в газете Шебекинского района Белгородской области «Пламя». Там молодой журналист вел сатирическую рубрику, основным наполнением которой становились его фельетоны. Позже этот опыт пригодится в журналистской практике, особенно в период работы редактором отдела культуры областной газеты «Воронежский курьер» в 1990-х гг. В это время рождаются знаменитые «Сто строк в конце недели» — еженедельная авторская рубрика Л. Е. Кройчика во «ВК», в которой фельетонист в свойственной ему ироничной манере рассказывал об актуальных и резонансных событиях города, области, страны. Главный редактор «Воронежского курьера» Д. С. Дьяков так характеризовал колонку Л. Е. Кройчика: «Увы, нынешняя воронежская часть человечества мало слышана о цивилизации. Поэтому-то здесь и возможны самые невероятные происшествия, которые с пунктуальностью летописца почти пятнадцать лет еженедельно фиксировал Лев Ефремович Кройчик. Очень хочется верить, что местную публику это не только потешало, но и просвещало» [4].

Уже после ухода из жизни Л. Е. Кройчика профессор А. Б. Ботникова дала свою — почти историческую — оценку «Ста строкам»: «Вспомню, например, знаменитые “Сто строк в конце недели”, которые долго украшали газету “Воронежский курьер” в лучшую пору ее существования. Подумать только: каждую неделю небольшой скетч и обязательно сто строк. Слегка хитрил, начиная каждую строку абзацем, так их в колонке помещалось больше. Тем не менее

в итоге из этих “строк” возникла целая книга (имеется в виду сборник фельетонов «Сто строк» [5], после которого вышла еще одна книга сатирико-публицистических текстов Л. Е. Кройчика — «Куды бечь» [6]. — П. П.). Будущему историку края она станет пособием по изучению понедельной динамики психологического климата в городе тех лет» [2, 98].

В первом десятилетии нынешнего века фельетоны Л. Е. Кройчика с полос «Воронежского курьера» плавно перекочевали в другие местные издания тех лет (Inside, «Политгазета.РФ», «Время Воронежа» и др.).

Уже в наши дни, когда фельетон крайне редко встречается в современной отечественной журналистике, Л. Е. Кройчик рассуждал о судьбе своего любимого жанра в интервью изданию «Журналист». Считая, что в ближайшем будущем не стоит ждать возвращения фельетона на страницы прессы, Лев Кройчик утверждал: «Мы говорим о том, что фельетон ушел из периодики, но, как говорится, свято место пусто не бывает. Его занял так называемый “иронический стеб”, который напрямую связан с постмодерном. Я открыто говорю студентам о том, что эта ситуация совершенно тупиковая. <...> Иронизировать можно сколько угодно. Но если за этим не стоит осязаемого восприятия жизни, куда можно двигаться? <...> Необходимо понять, что фельетон возникает как реакция на существующее в обществе сопротивление власти или каким-либо концептуальным тенденциям, которые обязательно нужно преодолевать. <...> К сожалению, вся современная сатира — это просто комическая литература» [7, 76–77].

Ключевая идея Л. Е. Кройчика состоит в том, что сегодня фельетон как жанр растворился в понятии «сатирическая публицистика». И это резонно. Тексты последних лет самого Л. Е. Кройчика, которые принято считать фельетонами, тем не менее по своей жанровой специфике тяготеют к эссе, о чем высказывался, в частности, его коллега В. В. Тулупов. В пользу своего довода он приводит основные жанровые признаки эссе, характерные для текстов Л. Е. Кройчика: ярко выраженная авторская позиция, опора на собственные эмоции и опыт, система авторских переживаний и умозаключений [8, 59]. «Лев Ефремович активно работал в жанре эссе, причем многие называют тексты Кройчика, которые он публиковал в своих персональных рубриках в воронежских изданиях, фельетонами. Я же считаю, что это полноценные эссе» [9], — утверждает воронежский ученый.

Таким образом, в журналистской практике произошла любопытная ситуация: любимый жанр Л. Е. Кройчика, в котором он активно работал, в случае самого автора претерпел трансформацию. Если в 1960–1980-х гг. тексты Л. Е. Кройчика, выходившие в воронежской прессе, профессиональное сообщество и сам автор позиционировали как фельетоны, то уже в период журналистики «новой» России (1990–2010-

е гг.) тексты с, казалось бы, тем же эмоциональным посылом и сверхзадачей (высмеивание и обличение неприглядной окружающей действительности) тяготеют по своей жанровой природе к эссе. Этому способствовало, с одной стороны, более пристальное внимание автора к собственному творческому образу в тексте (ориентация на авторское «я», эксплуатация стилистических черт и приемов — «рубленный» текст, разбитый на короткие абзацы, телеграфный стиль, парцелляция, эллипсис, уточняющие члены предложения и т.д.), с другой стороны, — изменение политической ситуации в стране: с 2000-х гг. усиливается внешнее регулирование СМИ, что заставляет автора острых материалов прибегать к самоцензуре, отказываться от тех или иных критических тем. Вероятно, эссе по своей жанровой природе и заложенным в нем творческим ресурсам («Я»-центричность автора, образность, общее тяготение текста к художественной форме, по причине чего эссе как жанр оказывается на пограничье журналистики/публицистики и литературы) стало наиболее удобной и удачной формой высказывания (остро)актуальных, публицистических идей, реализацию которых в советской журналистике обеспечивал жанр фельетона.

Подводя итог вышесказанному, мы, опираясь на пример творческой практики Л. Е. Кройчика, можем утверждать, что за последние полвека отечественный фельетон как журналистский жанр проходит свою творческую эволюцию: от беллетризации через публицистику — к мемуарно-художественному высказыванию. Газетный фельетон, жанровую природу которого Л. Е. Кройчик обосновал в одной из первых и ключевых своих монографий [10], после распада Советского Союза, в процессе развития и изменения демократической журналистики России, трансформируется в публицистическое эссе.

Воронежский государственный университет

Пономарев П. А., аспирант кафедры журналистики и литературы

E-mail: ponomarev-pavel-leb@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевченко С. Ушел великий Лев Кройчик / С. Шевченко // Комсомольская правда в Воронеже. — 2019. — 11 апр. — Режим доступа: <https://www.vrn.kp.ru/online/news/3444607/> (дата обращения: 07.06.2024).
2. Ботникова А. Феномен Кройчика, или По ком звонил колокол / А. Ботникова // Университетская площадь. — 2020. — № 11. — С. 96–98.
3. Кройчик Л. Сто строк в конце первого 70-летия / Л. Кройчик. — Воронежский курьер. — 2004. — 29 мая. — С. 4.
4. Дьяков Д. В памяти осталось / Д. Дьяков // RELGA — научно-культурологический сетевой журнал. — 2009. — № 10. — Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2427&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 09.06.2024).
5. Кройчик Л. Сто строк: фельетоны / Л. Кройчик. — Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2009. — 156 с.
6. Кройчик Л. Куды бечь?: сборник фельетонов / Л. Кройчик. — Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2013. — 131 с.
7. Распопова С. Лев Кройчик: «Произведения Салтыкова-Щедрина сегодня актуальны как никогда»: Беседа с профессором Воронежского университета / С. Распопова // Журналист. — 2013. — № 5. — С. 76–77.
8. Пономарев П. Лев Кройчик. О наследии и наследниках / П. Пономарев // Акценты. Новое в массовой коммуникации. — 2019. — № 7–8. — С. 58–61.
9. Пономарев П. Воронежскому областному конкурсу по журналистике может быть присвоено имя Льва Кройчика / П. Пономарев // Время Воронежа. — 2019. — 5 сент. — Режим доступа: <https://vrntimes.ru/articles/analitika/voronezhskomu-oblastnomu-konkursu-po-zhurnalistike-mozhet-byt-prisvoeno-ima-lva> (дата обращения: 09.06.2024).
10. Кройчик Л. Е. Современный газетный фельетон / Л. Е. Кройчик. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1975. — 230 с.

Voronezh State University

Ponomarev P. A., Postgraduate Student of the Journalism and Literature Department

E-mail: ponomarev-pavel-leb@yandex.ru

ТОПОНИМИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА НА СТРАНИЦАХ ТАЛОВСКОЙ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ «ЗАРЯ» ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ¹

С. А. Попов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 4 июля 2024 г.

Аннотация: автор продолжает серию статей, посвященных деятельности районных газет Воронежской области по освещению на своих страницах топонимической и лингвокраеведческой тематики. Анализируются регулярные публикации в газете «Заря» (р.п. Таловая) о существующих и исчезнувших населенных пунктах, о происхождении их названий, названий улиц и других географических объектов муниципального района, о значении фамилий местных жителей. Автор приходит к выводу, что указанные газетные публикации могут стать одним из источников научных топонимических исследований родного края.

Ключевые слова: региональные СМИ, журналистика, топонимия, ойконимия, топонимический мартиролог, лингвистическое краеведение.

Abstract: the author continues a series of articles devoted to the activities of regional newspapers of the Voronezh Region in covering toponymic and linguistic local lore topics on their pages. Regular publications in the newspaper Zarya (R. P. Talovaya) about existing and disappeared settlements, the origin of their names, street names and other geographical objects of the municipal area, the meaning of the surnames of local residents are analyzed. The author comes to the conclusion that these newspaper publications can become one of the sources of scientific toponymic research of the native land.

Keywords: regional media, journalism, toponymy, oikonymy, toponymic martyrology, linguistic local history.

В последние десятилетия региональные СМИ значительно увеличили количество краеведческих и лингвокраеведческих публикаций. И это не случайно. По мнению В. В. Тулупова, «именно благодаря, например, местной прессе в стране сохраняется единое информационное пространство, к тому же в лучших своих образцах она выполняет социальную функцию (вот почему от районной газеты не следует требовать рентабельности или прибыльности, особенно в сегодняшних экономических условиях). Отсюда — высокая востребованность публикуемой местной информации (публицистической, официальной, статистической, деловой, научно-технической, научно-популярной, рекламно-справочной), отсюда — мощный организаторский ресурс, которым обладают местные редакции (вовлечение населения в самоуправление; проведение гражданских акций; взаимодействие населения с местной властью и др.)» [1, 81].

Население доверяет местным СМИ намного больше, нежели федеральным, и платит им взаимностью: многие лингвокраеведческие публикации в «рай-

онках» появились именно благодаря подвижнической деятельности внештатных корреспондентов: краеведов, учителей, библиотекарей, школьников, старожилов и просто неравнодушных к «преданиям старины глубокой» жителей района.

В своих научных статьях мы не раз рассказывали о роли районных газет в региональных научных лингвокраеведческих исследованиях, особое внимание уделяя местной топонимии: «К топонимической проблематике публикаций районных СМИ мы относим этимологические справки по действующему названию населенного пункта или по его первоначальному вариантам (если населенный пункт переименовывался), сведения об исчезнувших населенных пунктах, находившихся на территории района, современных и бывлых названий улиц и частей населенного пункта, о людях, в честь которых были названы населенные пункты, улицы, площади, переулки, скверы и т.д. Сюда же следует отнести местные топонимические легенды и предания» [2, 269].

И все же «особенное место в лингвокраеведческих публикациях “районки” занимают материалы об исчезнувших населенных пунктах. Районные СМИ играют важную роль в сохранении памяти об исчезнувших поселениях, вместе с которыми ушли и их названия. Информация об этих хуторах, деревнях, поселках, селах через страницы “районки” передается последующим поколениям земляков зачастую во многом благодаря энтузиазму местных краеведов,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01737 «Топонимический мартиролог Российской Федерации на современном этапе: социолингвистический аспект». Режим доступа: <https://rscf.ru/project/23-28-01737/>

школьных учителей, журналистов» [3, 129].

Ознакомившись с содержанием всех 34 районных газет Воронежской области за последние пять лет (совокупный тираж одного номера — 128000 экз.), можно выделить лидеров по количеству публикаций на топонимическую тематику. Среди них — газета «Аннинские вести» (Анна), которой была посвящена наша отдельная статья [4], «Родное Придонье» (Петропавловка), статья находится в печати, «Лискинские известия» (Лиски) и многие другие.

В данной статье остановимся на характеристике таловской районной общественно-политической газеты «Заря» (издатель: Автономное учреждение Воронежской области «Региональное информационное агентство «Воронеж»). Таловский район образован 14 мая 1928 г., газета издается с 30 июня 1930 г. В настоящее время она выходит по пятницам, ее тираж составляет 4200 экземпляров, дважды в месяц по средам выходит бесплатное приложение «Заря. Социальный выпуск» тиражом 4500 экземпляров. Таким образом, для муниципального района с населением более 35000 человек совокупный тираж газеты составляет 8700 экземпляров.

В газете регулярно публикуются содержательные материалы на лингвокраеведческие темы, подготовленные как силами штатных сотрудников редакции, так и при помощи внештатных корреспондентов.

25 октября 2019 г. редакция газеты публикацией Ирины Нужной «Некоролевская судьба Корольского» открыла на своих страницах рубрику «Исчезнувшие с карты», в которой журналисты стали «рассказывать о поселках, которые когда-то существовали, в них жили и трудились люди, кипела общественная жизнь. А потом по разным причинам они исчезли с карты района. Но самое главное — еще живы люди, для которых эти поселки — их малая родина» [5, 5]. Новая рубрика быстро обрела своих поклонников.

На дебютную публикацию «районки» оперативно отозвался таловский краевед Владислав Вдовенко и передал редакции найденную им в интернете карту 1939 г., на которой сохранились указанные на латинице названия исчезнувших населенных пунктов района: *имени Фрунзе (Imeni Frunze)*, *Старый Дуб (Staryu Dub)* и другие: «Краевед рассказал, что его заинтересовало расположение населенных пунктов района и он распечатал карту Таловского района 2016 г. в масштабе 1: 200 000. А потом сравнил старую и новую и определил примерные места, где находились исчезнувшие за почти восемь десятилетий поселки. А еще он выписал все их названия. — Как правило, небольшие поселки образовывались в районе в начале 20-х годов прошлого века, — добавил Владислав. — А сегодня некоторые из них не припомнят даже таловские старожилы. Например, на карте 77-летней давности краевед нашел Чумак, Согласный, Листопадовку, Красный Луч, Славгород, Гнилой, Подлесный, Лопушено, Резцово, 3-ю Ивановку, Лапунина, Славу.

Еще на слуху у таловчан Рыжовка, Коврижный, Потупкин, Буриловка, которые опустели в середине 60–70-х годов» [6, 3]. В настоящее время в картотеке краеведа — 125 названий населенных пунктов (на современной карте района их осталось 99). Как отметил В. Вдовенко, названия части исчезнувших поселков сохранились, но уже в других географических объектах: водоемах, урочищах, балках: память о поселке Рыжове (Рыжовском) осталась в названиях урочища и пруда (севернее нынешнего поселка Центрального), о Нижнем Колпаке и Печоровке — балки, о поселке Добро баптистов — каскад Баптистских прудов в Добринском сельском поселении.

Еще одна читательница — восьмидесятилетняя таловчанка Антониды Скоморохина позвонила в редакцию после того, как прочитала в «районке» материал «От слободы до села» про свою малую родину — исчезнувшее с карты района село Колодеевка. Пенсионерка рассказала, что читает районную газету много лет. И встреча с родной Колодеевкой на страницах районной газеты стала для Антониды Ивановны приятным сюрпризом. Тем более, что на одной фотографии она среди молодежи узнала своего сына. Бывшая колхозница захотела внести свою лепту в тему «Исчезнувшие с карты» и поделилась воспоминаниями о жизни послевоенной деревни. Автор материала резюмирует: «Антониды Ивановна читает каждый номер районки. Считает рубрику «Исчезнувшие с карты» полезной для молодежи. “Чтобы знали, как раньше было, как жили в деревнях, и сравнили с сегодняшними днями”, — сказала она» [7, 3].

Материал про исчезнувший пос. Бурихинский появился на страницах газеты в 2021 г. при специфических обстоятельствах: в редакцию обратились поисковики и сообщили, что нашли в документах Центрального архива Министерства обороны информацию о том, что один из участников Великой Отечественной войны был захоронен на кладбище этого населенного пункта (после названия указано: Чигольский район Воронежской области, административным центром которого до 1959 года являлось с. Новая Чигла). Речь шла о погибшем 28-летнем начальнике химслужбы 443-го стрелкового полка, уроженце Киева Илье Балухтине, призванном в Красную армию в 1940 г. из Саратова, похороненном 22 июля 1942 г. на территории района. Поисковики хотели найти могилу воина.

Бурихинский находился между с. Новая Чигла и пос. Введенским. Журналисты обратились за помощью в разные инстанции. В районном историко-краеведческом музее не нашлось никаких сведений. Однако жители с. Новая Чигла предложили свои версии. Супермодератор группы в соцсети ОК «ЧиглаСити» предоставил редакции копии архивных документов 1925–1926 гг., из которых стало известно, что в пос. Бурихинский имелось восемь дворов,

а «душ населения обоего пола» — 68 человек. Площадь селения — 152,32 десятины, расстояние от поселка до сельсовета — шесть верст.

Сотрудники редакции разместили в своих группах в соцсетях ВК и ОК заметку о поиске информации про Бурихинский, отозвались несколько человек: «Москвичка Наталья Мусиенко написала, что, по сведениям из книги “Вся Россия 1902. Адресные и справочные сведения, извлеченные из объявлений сельскохозяйственных журналов за 1901–1902 гг. Адреса землевладельцев”, близ Новой Чиглы было имение Александры Ивановны Бурихиной.— На 20-й странице книги указано: “Александра Ивановна Бурихина владела в Новой Чигле 641 десятиной (русская единица земельной площади, равная 2 400 квадратным саженьям или 1,09 гектара) земли и поташным заводом” <...> Утверждать, что поселок Бурихинский назван по фамилии местной помещицы, мы не можем, но такое предположение имеет право на существование. <...> В каком году поселок прекратил свое существование, сегодня сказать трудно. Достоверных источников нет. Можно предположить, что основали его крестьяне (или рабочие поташного заводика, вернее, кустарного производства) помещицы Бурихиной в начале XX в. В 1908 г. упоминание о землевладелице есть в Государственном архиве Воронежской области» [8, 4]. В Государственном архиве Воронежской области (ГАВО) мы нашли решение Исполнительного комитета Воронежского областного Совета депутатов трудящихся от 01.07.1965 г. № 577 «О снятии с учета поселков, хуторов и деревень, жители которых переселились в другие населенные пункты», согласно которому пос. Бурихинский был снят с учета [9].

Уроженцев исчезнувших населенных пунктов часто тянет на свою малую Родину, чтобы встретиться с земляками, вспомнить былое, поскольку, по определению профессора Г. Ф. Ковалева, «у многих жителей нашей области место рождения осталось лишь соответственной строчкой в паспорте, то есть место, где родился человек, в паспорте прописано, а в реальности его уже нет. Поэтому и традиция появилась: празднование *былого поселения*» [10, 6].

Похожую ситуацию описывает журналист «Зари» Ирина Махинова в материале про исчезнувший пос. Красный: «Поселок Красный прекратил свое существование в середине 1980-х гг. Уроженец поселка Владимир Казанков (сейчас живет в Козловском) расчистил местный источник, подремонтировал старую плотину и сделал проходимой грунтовку на бывший порядок (так называли в старину улицы — ред.), где жили его предки. Так что о Красном остались не только воспоминания, но и подлинный почти вековой родник. Владимир установил у пруда небольшой домик с местом отдыха под навесом. Здесь по большим праздникам собирается семья Казанковых с родственниками и друзьями. Особенно

тчат День Победы и Троицу» [11, 3]. Бывшие жители этого поселка и в настоящее время отличаются особыми отношениями, при встречах любят подчеркнуть, что они — краснянцы.

Автор статьи с сожалением констатирует: «Сейчас в Добринском поселении осталось четыре жилых поселка: Козловский, Новоградский, Центральный и Видный. Здесь проживают чуть более 700 человек. Но в памяти местных жителей остались названия населенных пунктов, которые давно исчезли с карты. Например, Подлесный, Колодезный, Большой, Прудовой, Нижний Колпак, Верхний Колпак, Двойной, Косой, Рыжовский, Потупкино, Лесокультурный, Коврижный, Добрый Баптист, Красный. О большинстве расскажут только заросли вишняка и старые фруктовые сады. Не осталось даже фундаментов домов» [11, 3].

Журналисты таловской районной газеты «Заря» посвятили еще немало материалов исчезнувшим населенным пунктам и их названиям, среди которых: «В списках значится: Поселок Макаровский еще не списали как исчезнувший, но последние жители покинули его 20 лет назад» (автор — И. Нужная, 3 декабря 2019 г., № 97), «Что Купальный передал Гнилому: С карты района исчезло название одного поселка, а в реальности перестал существовать другой» (И. Нужная, 21 января 2020 г., № 4), «Участок: Из поселка в Шанинском поселении люди разъехались в начале 60-х годов» (И. Махинова, 23 июня 2020 г., № 42), «Печеровка в воспоминаниях: Поселок Анохинского сельсовета просуществовал до 1989 года» (И. Махинова, 22 сентября 2020 г., № 68), «От Большого до Косого: От 12 поселков Добринского поселения не осталось и следа» (И. Махинова, 2 февраля 2021 г., № 7), «Сберегая память поколений: Супруги Мышинские восстанавливают дом в опустевшем поселке» (Е. Колохова, 27 октября 2023 г., № 42) и др.

Таким образом, редакция таловской районной общественно-политической газеты «Заря» Воронежской области на своих страницах регулярно публикует материалы о существующих и исчезнувших населенных пунктах, о происхождении их названий, названий улиц и других географических объектов муниципального района, о значении фамилий местных жителей.

Публикации газеты служат надежным источником региональных топонимических исследований и «Словаря исчезнувших наименований населенных пунктов Воронежской области».

ЛИТЕРАТУРА

1. Тулупов В. В. Региональная журналистика: сегодня и завтра / В. В. Тулупов // Вопросы теории и практики журналистики. — 2013. — № 2. — С. 78–92.
2. Попов С. А. Региональная топонимия как материал для работы журналистов районных средств массовой информации / С. А. Попов // Нефилология. — 2023. — Т. 9. —

№ 2.— С. 266–273.— URL: <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-266-273> (дата обращения 3.07.24).

3. Попов С. А. О роли лингвокраеведения в профессиональной деятельности журналистов региональных СМИ / С. А. Попов // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики.— 2022.— № 4 (47).— С. 126–131.

4. Попов С. А. Лингвокраеведческая тематика на страницах газеты «Аннинские вести» Воронежской области / С. А. Попов // Эпистемологические основания современного образования: актуальные вопросы продвижения фундаментального знания в учебный процесс: материалы III Международной научно-практической конференции (г. Борисоглебск, 6–7 апреля 2023 г.); Воронежский государственный университет.— Воронеж, 2023.— С. 516–521.

5. Нужная И. Некоролевская судьба Корольского / И. Нужная // Заря.— Таловая, 2019.— 25 октября

(№ 86).— С. 5.

6. Махинова И. Добрый баптист и Нижний Колпак: С карты района исчезли 26 поселков / И. Махинова // Заря.— 2019.— 26 ноября (№ 95).— С. 3.

7. Махинова И. Вспомнила родную Колодевку: пенсионерка Антонида Скоморохина рассказала о жизни села, которое давно исчезло с карты района / И. Махинова // Заря.— 2021.— 12 марта.— № 16.— С. 3.

8. Махинова И. Бурихинский: хутор или поселок? / И. Махинова // Заря.— 2021.— 16 марта.— № 17.— С. 4

9. ГАВО. Ф. Р-1440. Оп. 88А. Д. 72. Л. 116–123.

10. Ковалев Г. Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2 т. / Г. Ф. Ковалев.— Воронеж, 2017.— Т. 1.

11. Махинова И. Мы — краснянцы: Уроженцы исчезнувшего поселка сохранили историю своей малой родины / И. Махинова // Заря.— 2020.— 28 июля, № 52.— С. 3.

Воронежский государственный университет

*Попов С. А., кандидат филологических наук, доцент
кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна
E-mail: spo@bk.ru*

Voronezh State University

*Popov S. A., Candidate of Philology, Docent of Public Relations,
Advertising and Design Department
E-mail: spo@bk.ru*

СТРАТЕГИЯ КОМЬЮНИТИ-МАРКЕТИНГА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ БРЕНДА ОДЕЖДЫ NIKIFILINI

А. В. Прохоров, Е. С. Каширская

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 9 апреля 2024 г.

Аннотация: в работе рассмотрены понятие и роль сообществ в контексте развития и продвижения брендов. Проанализированы различные точки зрения на базовые положения комьюнити-маркетинга, охарактеризованы причины актуальности и развития данного направления. В качестве эмпирической базы выступают онлайн-сообщества бренда одежды NIKIFILINI в социальной сети «ВКонтакте» и в «Телеграм», проанализирована стратегия комьюнити-маркетинга по развитию бренда.

Ключевые слова: сообщества, комьюнити-маркетинг, целевая аудитория, бренд, социальные сети.

Abstract: the article studies the concept and role of communities in the context of promotion of brands. Various points of view on the basics of community-marketing are considered, the reasons for the relevance and development of this area are characterized. The empirical base is the online communities of the brand NIKIFILINI in the social network «VKontakte» and «Telegram». The community-marketing strategy for brand development is analyzed.

Keywords: communities, community-marketing, target audience, brand, social networks.

Современные конкурентные условия на рынках товаров и услуг требуют новых подходов к их продвижению. Привычные маркетинговые концепции теряют свою эффективность, что провоцирует формирование новых концепций для более эффективной маркетинговой деятельности. С распространением интернет-технологий, новых платформ люди стали проводить больше времени в сети Интернет. Формируются поколения потребителей, структура медиапредпочтений которых все больше связана с цифровыми технологиями. Распространение интернет-технологий и платформ позволило по-новому взглянуть на продвижение через сообщества, комьюнити-маркетинг получил новый импульс для развития [1].

Продвижение брендов через комьюнити («сообщества по интересам») было востребованным в доинтернетовскую эпоху [2], но данное направление стало особенно популярным с ростом социальных сетей и других медиаплатформ. Упрощение взаимодействия между людьми, рост социальной активности способствует стремлению людей к объединению в группы, что, например, стало заметно в период пандемии и по ее окончании. Все это послужило предпосылкой к буму комьюнити-маркетинга.

Авторы выдвигают различные теории на тему определения понятия «комьюнити», например используют три теоретических подхода — *экологию человека, теорию систем и теорию поля* — для объяснения того, что представляет собой сообщество [3]. Теория экологии человека определяет «сообщество» как структуру взаимоотношений, посредством

которых локализованная популяция удовлетворяет свои повседневные потребности [4]. Данная теория указывает на свою ключевую роль в оказании поддержки своим членам для выживания путем формирования отношений заботы. Системная теория объясняет термин «сообщество» как объединение различных единиц или подсистем, которые совместно работают над достижением целей сообщества. Эта теория рассматривает людей, обладающих различными ролями и статусами, как части различных систем, тесно связанных друг с другом. Теория поля описывает «социальное взаимодействие» как наиболее критическую особенность сообщества [4]. Таким образом вносится вклад в объяснение сообщества как структуры отношений, члены которой взаимосвязаны и функционируют посредством социального взаимодействия.

Трансформация маркетинговых концепций и формирование омниканальной концепции маркетинга подчеркивает возросшую роль коммуникации «бренд — аудитория». Сложилось мнение, что наиболее влиятельными факторами этого изменения являются коммуникация между потребителями и появление множества каналов коммуникации и взаимодействия. Повседневный мир стал сильнее связан, люди внутри сообществ стали ближе друг к другу за счет непрерывной коммуникации внутри сообщества. Этот фактор обусловил необходимость в эффективных маркетинговых стратегиях, ориентированных на сообщества. При этом одной из основных целей маркетинга по-прежнему остается формирова-

ние условий для принятия решения клиентом. Традиционная модель воронки продаж ориентирована на воздействие потребителя через рекламу и взаимодействие с отделом продаж на разных этапах точки касания до момента, пока не будет совершена покупка товара. Данная модель не в состоянии охватить все возможные точки касания и ключевые факторы принятия решений [5].

Стратегия комьюнити-маркетинга предполагает вовлечение аудитории в активную, ненавязчивую коммуникацию с брендом. Можно заключить, что это двусторонняя коммуникационная стратегия. В большинстве односторонних коммуникаций единственным ожидаемым ответом клиента является денежный поток из его кармана. Комьюнити-маркетинг формируется на дополнительных ценностях, которые могут транслироваться текущим или потенциальным потребителям. Источниками этих дополнительных ценностей также являются сообщества.

И. Брайан утверждает, что стратегии классических маркетинговых коммуникаций, таких как реклама, связи с общественностью, промо и продажи, ориентированы на привлечение новых клиентов, в то время как комьюнити-маркетинг в большей степени сконцентрирован на удовлетворении потребностей и сохранении существующих клиентов. Он также отмечает, что технологии для поддержания коммуникации в рамках комьюнити-маркетинга разнообразны. Прежде всего, это социальные сети как место общения среди клиентов, участников сообщества. Далее следуют инструменты сообщества, которые призваны способствовать расширению количества и состава участников (онлайн-трансляции, подкасты, электронные материалы). Залогом эффективности этих инструментов является полезность информации для членов сообщества. И. Брайан также обращает внимание на инфраструктуру сообщества и, наконец, партнерство с другими сообществами [6].

Х. Кертаджая подчеркивает, что процесс формирования и развития сообщества — это горизонтальная маркетинговая практика, в которой происходит формирование сообщества из группы людей, которые объединены общими интересами, целями, ценностями и идентичностью, в отличие от сегментации. Вследствие этого можно предположить, что участники сообщества — это равные друг другу индивиды, которые формируют горизонтальные связи при создании и развитии сообщества [7].

Отличие комьюнити-маркетинга от традиционного push-маркетинга и SMM заключается в том, что в каналах коммуникации участники связаны между собой социальными связями. В наше время комьюнити-маркетинг позволяет компаниям приобретать новых преданных клиентов посредством распространения информации о продукции компании, о самом бренде внутри сообщества и за его пределами. Такой подход помогает выстраивать долгосрочные

отношения с участниками сообщества и увеличивать вовлеченность и лояльность клиентов. В отличие от традиционного маркетинга, маркетинг, основанный на поддержании взаимоотношений, направлен на создание новой ценности для клиентов и совместное использование ее преимуществ; признает ключевую роль клиентов как покупателей и как тех, кто определяет, какую именно ценность им хотелось бы получить; оптимизирует процессы коммуникации и т.д.

Можно заключить, что отношения становятся самым важным ресурсом, которым обладает компания наравне с материальными, денежными, человеческими ресурсами. В силу того, что не всегда возможно выстроить индивидуальные отношения с каждым потребителем, отдельные бренды решают вопросы взаимодействия с потребителями с помощью формирования клиентских сообществ или сообщества бренда, т.е. через комьюнити-маркетинг [8, 61].

В данной статье мы обращаемся к опыту бренда одежды NIKIFILINI® по построению стратегии комьюнити-маркетинга, который позиционирует себя как творческое объединение. Штаб-квартира бренда находится в Москве. Как творческое объединение данная компания постоянно развивается в трех основных направлениях: *уличная мода, японская культура и современное искусство*. На протяжении нескольких лет NIKIFILINI® является крупным брендом с уникальным стилем, предлагающим бескомпромиссную креативность. Бренд часто работает с молодыми художниками, вступая с ними в коллаборации и с другими творческими людьми, постоянно развивая, расширяя и поддерживая сообщество, которое создается вокруг бренда. Компания придерживается стратегии минимизации отходов и перерабатывает непригодное для реализации, на первый взгляд, сырье, создавая при этом уникальные «кастомные» коллекции. Бренд ведет свою маркетинговую деятельность в трех направлениях: группа в социальной сети «ВКонтакте»; телеграм-канал; официальный сайт.

Изначально свою историю данная компания начала как онлайн-магазин с группой в социальной сети «ВКонтакте». За последние несколько лет бренд расширился, были открыты семь точек розничной торговли. Бренд сформировался вокруг довольно узкого круга покупателей. Основные клиенты — это участники аниме-сообщества. Сформировать комьюнити вокруг подобного бренда достаточно легко, ведь это сообщество формируется вокруг сильного общего интереса к аниме. Однако даже такой легкий процесс требует системного продуманного подхода, четкой стратегии.

Проблемы в планировании маркетинговой стратегии работы с комьюнити и подводные камни возникают на стыке интересов. Аудитория оказывается достаточно широкой и сложно найти лидера мнений.

Бренд NIKIFILINI® следует стратегии большинства. Основу работы с аудиторией составляют группа в социальной сети «ВКонтакте» и канал в мессенджере «Телеграм».

Судя по постоянно растущему графику комментариев, можно сказать, что группа предлагает некоторые механики, вынуждающие аудиторию эти комментарии оставлять. Группа постоянно взаимодействует с аудиторией посредством вопросов и опросов, что в рамках комьюнити-маркетинга является одним из способов формирования сплоченной аудитории (рис. 1).

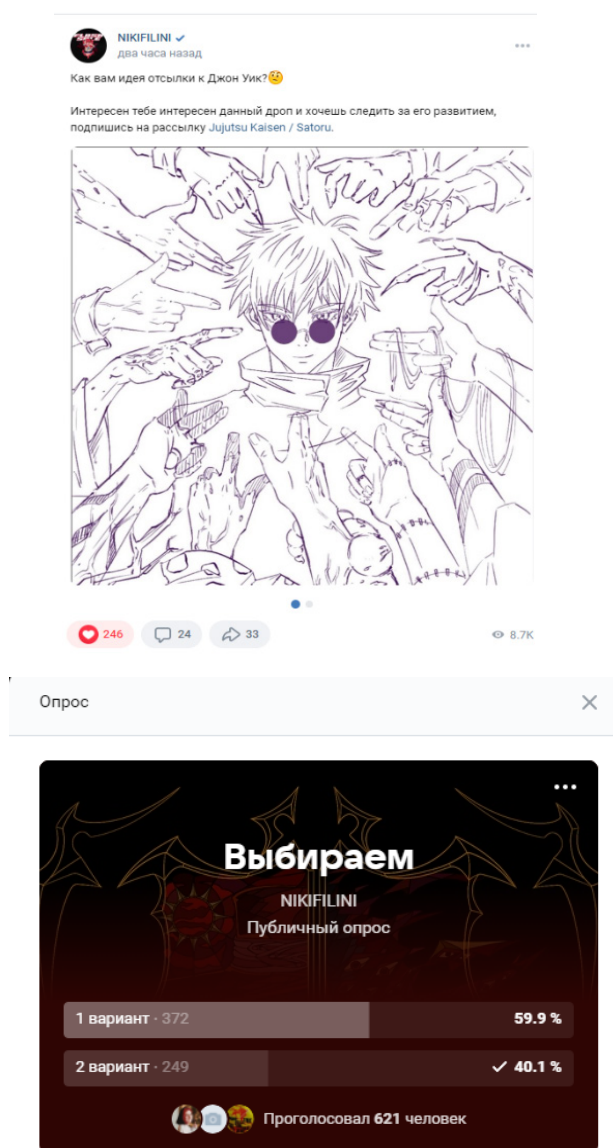

Рис. 1. Примеры взаимодействия с аудиторией

Один из основных приемов комьюнити-маркетинга, используемый данным брендом, это «аудитория сама создает продукт». При разработке дизайна бренд обращается к пользователю с вопросом выбора. Окончательное решение о дизайне часто принимается аудиторией группы социальной сети «ВКонтакте».

Несмотря на кажущуюся простоту работы с аудиторией, следует понимать, что фанатское сообщество культуры «аниме» достаточно широкое и иногда «фанбаза» одного «тайтла» (отдельного аниме-произведения) может разительно отличаться от «фанбазы» другого «тайтла». При этом лидера мнений в данном комьюнити как такового нет. Именно поэтому бренд NIKIFILINI® разработал стратегию комьюнити-маркетинга, которая строится на идее, что лидером в данном сообществе является сам бренд.

На основе считывания веяний, популярности и стабильного выхода «тайтлов», комьюнити-менеджеры разрабатывают концепции новых коллекций одежды, называемых в данном комьюнити «дропами». Это подчеркивает принятую установку, что сам бренд диктует моду. Таким образом, сообщество дробится на локальные сообщества, которые саморегулируются, привлекая все новых и новых пользователей.

Одним из примеров является телеграм-канал Jujutsu Kaisen Satoru, который является ответвлением основного канала бренда NIKIFILINI®. Он создан специально для выпуска новой коллекции одежды в рамках одного нового «тайтла». Внутри данного сообщества представлена только фанатская база по определенному «тайтлу», что помогает более близко познакомиться с аудиторией, а аудитории — почувствовать себя более значимой и важной для жизни бренда (рис. 2).

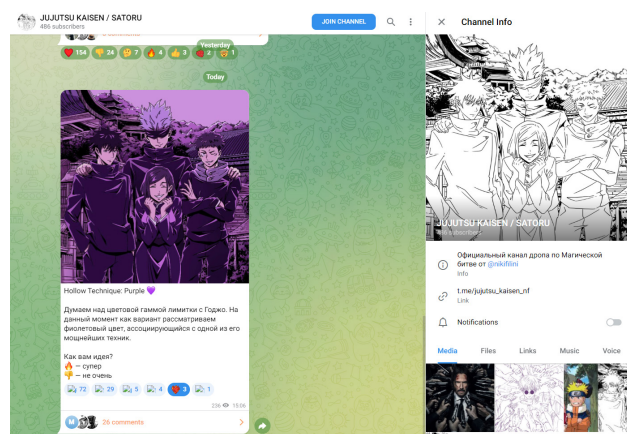

Рис. 2. Канал для выпуска коллекции одежды

В целом благодаря тесной работе с аудиторией бренд NIKIFILINI® является достаточно успешным. Внутри сообщества сформировалась не только своя атмосфера, основанная на ощущении влияния на развитие бренда, но также собственный словарь терминов. Все это помогает бренду развиваться, наращивать аудиторию и экономить на рекламе.

Бренды, обладающие группой лояльных потребителей, могут не прилагать чрезмерных усилий для их привлечения к участию в функционировании клиентских сообществ. Лояльные потребители, как правило, демонстрируют высокую заинтересованность

в коммуникации с брендом, во взаимодействии с другими представителями аудитории бренда.

К основным причинам, побуждающим потребителей включаться в клиентские сообщества, можно отнести желание идентифицировать себя с конкретным брендом, стремление помогать бренду в его развитии, повышении качества предлагаемых товаров и услуг.

В современных условиях успех отечественных брендов также зависит от их умения устанавливать и поддерживать контакт с клиентами, демонстрировать заботу о клиентах, понимать их потребности и предлагать им решения в соответствии с их запросами. Эффективным инструментом поддержания взаимоотношения «бренд — клиент» выступает стратегия комьюнити-маркетинга, реализация которой возможна через онлайн-сообщество в социальных медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прохоров А. В. Комьюнити-маркетинг в индустрии спорта (на примере бегового движения) / А. В. Прохоров, С. А. Попов // Нефилология. — 2023. — Т. 9, № 1. — С. 186–194.
2. Shaw C. Community Marketing. In: Customer Experience / C. Shaw, Q. Dibeehi, S. Walden. London: Palgrave Macmillan, 2010.
3. Community University. Как внутренние сообщества помогают сплотить команду. 2022. — Режим доступа: <https://vc.ru/u/903724-community-university/532815-kak-vnutrennie-soobshchestva-pomogayut-splotit-komandu> (дата обращения: 06.02.2024).
4. Court D. The Consumer Decision Journey // D. Court, D. Elzinga, S. Mulder, O.-J. Vetvik. — Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/capabilities/growth-marketing-and-sales/our-insights/the-consumer-decision-journey> (дата обращения: 18.11.2023).
5. Berry L. L. Relationship Marketing / L. L. Berry, G. L. Shostack, G. D. Upala // Emerging Perspectives on Services Marketing, American Marketing Association, Chicago, 1995. — P. 25–80.
6. Bryan I. Community Oriented Marketing: The Definitive Guide to Enlightened Business Development / I. Bryan. I-Universe, 2004. — Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=zFdDWuUJeM4C> (дата обращения: 18.11.2023).
7. Kertajaya H. Connect! Surfing New Wave Marketing / H. Kertajaya. — Jakarta, 2013.
8. Федоренко А. Н. Клиентское сообщество как новый способ продвижения компаний / А. Н. Федоренко // Науковедение. — 2017. — Т. 9. — № 5.

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

*Прохоров А. В., доктор филологических наук, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью
E-mail: proh_and@rambler.ru*

*Каширская Е. С., магистрант
E-mail: kashirskayalena5@gmail.com*

*Derzhavin Tambov State University
Prokhorov A. V., Doctor of Philology, Associate Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department
E-mail: proh_and@rambler.ru*

*Kashirskaya E. S., Master's Student
E-mail: kashirskayalena5@gmail.com*

СПОРТИВНЫЙ ТЕЛЕКАНАЛ «БОКС ТВ»: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Э. А. Расулова

Уральский федеральный университет

Поступила в редакцию 31 июля 2024 г.

Аннотация: статья посвящена обобщению опыта функционирования екатеринбургского телеканала «Бокс ТВ» в современной остро конкурентной цифровой среде. В 2017–2024 гг. учредители стали его развивать как мультиплатформу, объединяющую спутниковое телевидение с информированием в социальных сетях. При этом, как показано, высокую эффективность взаимодействия с аудиторией дает использование нейросетевого решения «Медиа-П.А.У.К.» (программы автоматизированного управления контентом), разработанного в холдинге.

Ключевые слова: спортивный телеканал, бокс, ММА, цифровизация, соцсети телеканала, нейросеть.

Abstract: the article is devoted to the generalization of the experience of the Yekaterinburg TV channel “Box TV” in the modern acutely competitive digital environment. In 2017–2024, the founders began to develop it as a multiplatform combining satellite television broadcasting with information on social networks. At the same time, as shown, the use of the neural network solution “Media-PA.U.K.” (automated content management program) developed by the holding showed high efficiency of interaction with the audience.

Keywords: sports TV channel, boxing, MMA, digitalization, social networks of the TV channel, neural network.

«Бокс ТВ» — это созданный в Екатеринбурге спортивный (монотематический) телевизионный канал, посвященный боксу и смешанным единоборствам (ММА). С 2014 г. до 2017 г. телеканал был дотационным и существовал исключительно в целях поддержки спортивных инициатив продюсера, ассоциирующегося сегодня с «Академией единоборств РМК». В 2018 г. организована «Академия единоборств РМК», а инвестиции в «Бокс ТВ» фактически прекращены, что стало толчком для развития телеканала в качестве самостоятельного медиа.

Причем это, как свидетельствуют медиаэксперты, отражало общую тенденцию. Ведь «перевод отечественного ТВ на цифровые технологии и мультиплатформенное, многоэкранное вещание носит не просто технический характер, но меняет всю структуру рынка телевидения, определяет новые способы функционирования телерадиокомпаний и, в первую очередь, региональных» [1, 150]. Если на первом (дотационном) этапе существования екатеринбургского телеканала цифровизация проникла лишь в аппаратную сферу — канал функционировал как спутниковый, транслировал бои американской компании *Golden Boy Promotions*, — то с 2018 г. на «Бокс ТВ» была создана редакция, которая работает с тех пор и на эфир, и на социальные сети: монтируется программа ежедневных новостей, создаются фильмы о легендарных боксерах, заключены соглашения со спортивными ассоциациями о трансляции боев

начинающих спортсменов — все это на фоне роста интереса к ММА [2]. Но редакция испытывает множество трудностей, связанных: а) с несопоставимыми конкурентными преимуществами «Матч ТВ» [3, 59; 4–6]; б) с непропорционально при этом маленькой аудиторией по сравнению с «федералами»; в) с собственным кадровым голодом на узких специалистов данного профиля; г) с несформированностью «Бокс ТВ» как устоявшегося в глазах массовой аудитории медийного бренда, что очень важно именно для спортивной журналистики.

В это же время в 2018 г. «Бокс ТВ» заключает договор с «Ред Медиа» и входит во многие так называемые «мужские» телеподписки, что определяет разделение контента для эфира и контента для социальных сетей. По условиям договора платный контент телеэфира не может транслироваться в социальных сетях и в интернете. Сложившаяся маркетинговая ситуация привела редакцию «Бокс ТВ» к интуитивному пониманию специфики цифровизации телевизионного контента, которую исследователи сформулировали следующим образом: «Социальные медиа являются не только новым каналом распространения информации для СМИ, но и средством построения более сложных процессов взаимодействия с аудиторией, установления с ней непрерывного диалога» [7, 6].

В социальных сетях аудитория хорошо принимает нарезки из авторских фильмов о знаменитых боксерах. За счет найма спецкорреспондентов, сотрудничающих с крупными спортивными каналами,

в социальных сетях появляется собственный новостной контент с текущих спортивных соревнований, что формирует ценность бренда как актуального и экспертного. Хорошее понимание целевой аудитории на цифровой платформе позволило разработать новые жанры. Так, на базе архивных матчей подготовлено проектное решение «Драма» (судьба боксера, через нарезку кадров и/или интервью, выстроенная в драматическом ключе). Показателем заголовков видеоролика «Заб Джуда: Идеальная генетика и самоуверенность / Кома и жизнь вне бокса». 8 мин. 21 сек. — 323 тыс. просмотров.

Жанр «драма» граничит с текстами социальной проблематики [ср.: 8] и оформляется на цифровой площадке YouTube как ценностно насыщенный поликодовый текст, удобный для восприятия в разных режимах. Видеоконтент сопровождается письменным текстом, содержательно текст соответствует примерно трети видео (всего около 2000 знаков — текст приводим со значительным сокращением):

Он не знал поражений, никогда не отступал, побеждая своих соперников досрочно. Но один бой изменил все. История дагестанского супертяжеловеса Магомед Абдусаламова и его главной победы в жизни.

2 ноября 2013 года Магомед Абдусаламов в бою с Майком Пересом получил травму мозга, что навсегда изменило ему жизнь. <...> Врачи давали самые мрачные прогнозы, объясняя семье, что Абдусаламов не сможет не только ходить, но и сидеть, самостоятельно питаться, думать и говорить. Новый бой в жизни Магомед только-только начинался...

Бой этот приняла супруга Абдусаламова, хрупкая на вид девушка по имени Баканай.

Заголовочные комплексы создают композиционную рамку — это собственно заголовок (*Невероятная драма Магомед Абдусаламова: Любовь, которая побеждает все*), хэштеги (#boxingtv #бокс #бокств #драма #love), а также автоматически расшифрованное видео (аннотируются каждые 3 секунды сюжета, что упрощает поиск по видео и переходы к нужному фрагменту): 0:00 *это была настоящая война на ринге 2013*; 0:04 *год медицинского Гарден Магомед*; 0:06 *Абдусаламов против Майка Переса редко* и т.д..

Тематическое и тональное своеобразие поликодового текста формирует уместную интерактивность (125 тыс. просмотров, 155 комментариев на июль 2024 г.). В комментариях к приведенному тексту, например, читаем: *Моя родственница уже много лет живет с таким больным мужем. Перегородила комнату в одной половине лежал тяжелобольной муж, а в другой открыла маленький магазин. <...> Подняла мужа на ноги, расширила свой магазин, сделала реконструкцию и ремонт дома. Мальчики стали спортсменами, радовали маму своими победами, муж стал помогать в магазине. Теперь это уже образцовый супермаркет с большим ассортиментом товаров. Хотела написать статью об этой сильной*

женщине. Она наотрез отказалась. Простая скромная дагестанская женщина не захотела, чтобы муж почувствовал себя обузой.

Социальный портрет аудитории пабликов «Бокс ТВ» на разных цифровых площадках, полученный автоматизированными методами аналитики, показывает, что около половины всей аудитории — жители крупных городов: Москва 15–20%, Екатеринбург 7–10%, Санкт-Петербург 5–10%, Челябинск 1–4%, Краснодар 2–3%, другие 50–63%. Около 90% — мужчины. Возраст: 18–45 лет. Это студенты, молодые профессионалы, предприниматели, а также люди, занимающиеся физическим трудом. Образование среднее и высшее. Доход средний и выше среднего. Помимо бокса, интересуются другими видами единоборств (ММА, кикбоксинг), а также командными видами спорта (футбол, баскетбол) и теннисом. Регулярно посещают тренажерные залы, следят за своим физическим состоянием и питанием. Внимательны к спортивным новостям, смотрят трансляции боев, читают специализированные журналы и блоги. Именно этот портрет ярче всего виден в социальной сети «ВКонтакте», хотя и собран по данным «Яндекс.Метрики», LiveDune и аналитики «ВКонтакте».

Изучение целевой аудитории соцсетей позволило «Бокс ТВ» сформировать столь необходимое для спортивного канала комьюнити увлеченных боевыми единоборствами потенциальных телезрителей, которые ждут очередного боя и просматривают тематический контент на цифровых площадках.

Для развития социальных сетей телеканала типично насыщение пабликов телеконтентом. Как уже было сказано, «Бокс ТВ» не имел права на подобное управление контентом, что привело к значительному прогрессу редакции.

Телеформаты перерабатывались для социальных сетей, аудитория которых существенно прирастала. Но были созданы и продукты для соцсетей, которые позже обогатили эфирную сетку. Так, видеоподкаст о боксе «Мешки ворочать» разработан для соцсетей. Формат обсуждения спортивными журналистами и приглашенными гостями актуальной для бокса повестки был хорошо воспринят на цифровых видеоплатформах и в телеэфире. 26 выпусков подкаста и сейчас доступны по адресу <https://www.youtube.com/@ruboxingtv/podcasts>.

Описанная нами ситуация характерна для спортивных медиа: 1) происходит разделение репортажного подхода телевидения с аналитическим и интерактивным в социальных сетях [9]; 2) разрабатываются авторские аналитические форматы [10, 165] в условиях ограниченного доступа к топовым трансляциям, права на которые выкуплены лидерами рынка [11, 105]; 3) аудитория социальных сетей телеканала постоянно мониторится, полученные данные с небольшими уточнениями переносятся и на сокращающуюся аудиторию традиционного

телесмотрения.

«Основной объект информационной журналистики — отдельно взятый факт, о котором необходимо оперативно сообщить зрителю» [12, 6]. П. В. Макарова указывает на семь объективных проблем новостного спортивного телевидения: 1) избыток тем; 2) насыщенность информационного потока; 3) финансы (затратность производства); 4) жесткие рамки эфира; 5) шаблонная структура сюжетов; 6) отсутствие обратной связи; 7) конкуренция со зрителями в качестве фото и видео, а также в скорости распространения информации [13]. «Бокс ТВ» не находится в ситуации избыточности тем и перенасыщенности информационного потока, а затратность производства новостей связана не только с выездами на соревнования, но и с необходимостью «круглосуточного обновления новостной ленты» [14, 112]. Ниже изложим опыт решения обозначенных П. В. Макаровой проблем на телеканале «Бокс ТВ» в условиях цифровизации.

Новостная журналистика в мире спорта сохраняет и преумножает аудиторию при условии, что эти новости актуальны и их можно просматривать и комментировать. Следовательно, из телеэфира новости перемещаются в социальные сети. По результатам опроса выявлена тенденция: «Больше половины респондентов смотрят видеоконтент по рекомендации друзей. 46% отметили, что будут смотреть видео при наличии интересной персоны в кадре; 42% назвали мотивацией к просмотру превью (от англ. *preview*, означающего в дословном переводе «предварительный просмотр», в нашем понимании предварительная заставка)» [15, 348]. Короткие спортивные новости аккумулируют востребованные интернет-сообществом черты: они похожи на превью, привязаны к личности топовых спортсменов, опираются на экспертность как знак *своих*. Удобство и скорость их просмотра преодолевает возражение шаблонности.

Журналистская экспертность в мире единоборств связана со знанием правил соответствующих видов спорта, оценкой значимости спортивного события, умением соединять актуальную информацию с историей вопроса, чтобы отделять рекламный контекст от собственно спортивного содержания. Исследователи справедливо отмечают: «Реакция аудитории зависит от темы. Наибольший отклик вызывают личные посты: селфи звезд специально для пользователей соцсетей» [7, 11]. Путем проб и ошибок редакция «Бокс ТВ» нашла оптимальное для пабликов соцсетей телеканала тематически-композиционное решение: короткое сообщение новостного или имиджевого характера, оформленное как фото или видео с подписью. За счет созданного и внедренного технологического решения удалось «переложить ответственность за многие рутинные задачи на искусственный интеллект» [16, 127], точнее — на нейросети.

Так, 20 июля 2024 г. в паблике «Бокс ТВ» соци-

альной сети «ВКонтакте» опубликованы следующие сообщения (прямым шрифтом даны заголовочные блоки, эмодзи, фото и видео из поликодового текста удалены. Первое сообщение опубликовано в 00.47, последнее — в 23.58. Количество просмотров указано на 22 июля 2024 г.): КРОУФОРД В ШОКЕ *Исраил Мадримов придумал новую тактику для боя с ним. А на самом деле, боксер просто хочет прыгнуть выше головы и забрать этот бой* (видео 19 сек. — 129 тыс. просмотров); *Кто бы что не говорил, в боксе он монстр УСИК* (видео 10 сек. — 6700 просмотров); Это было МОЩНО Столько нокадаунов в одном поединке бывает редко! *Владимир Минеев победил Магомеда Исмаилова единогласным решением судей (77–72, 78–70, 79–70) и стал чемпионом Pulse UP в первом тяжелом весе. Бой проходил по правилам профессионального бокса. Поединок продлился все 8 раундов (по 3 минуты)* (2 видео по 17 сек. — 345 тыс. просмотров); *Джейк Пол НОКАУТИРОВАЛ Майка Перри, жаль, что это не был бой против Майка Тайсона Пол отправлял своего соперника в нокадауны в первом и втором раундах. В шестом Перри еще раз побывал на канвасе, после чего рефери остановил бой* (видео 22 сек. — 16 тыс. просмотров); *Райан Гарсия умеет ИЗВИНЯТЬСЯ??? Представьте себе, да! Боксер извинился перед своей бывшей женой Андреа Селиной: «Андреа, ты мама моих детей и человек, которого я всегда буду уважать и любить. Ты видела меня в моих лучших проявлениях, а теперь и в худших. Наконец, я решил обратиться за помощью. За последние пару месяцев я потерял все. Своими действиями я причинил боль всем вокруг»* (фотоколлаж, 25 тыс. просмотров); ЧТО ПРОИСХОДИЛО в раздевалке Джейка Пола до боя *Как боксер вообще смог выйти на ринг после такого?* (видео 27 сек, 4700 просмотров); *ТАЙСОН ПОДТВЕРДИЛ ПОЕДИНОК С ДЖЕЙКОМ ПОЛОМ Боксер написал в социальных сетях: «Обратный отсчет начинается: 118 дней, 16 недель и 6 дней, 17 выходных, 2 832 часа, 169 920 минут, 10 195 200 секунд. Время пошло» Вероятная дата поединка — 15 ноября* (фотоколлаж, 23 тыс. просмотров); *Джошуа в актуальной ФОРМЕ перед боем с Дюбуа Мы так-то ждем бой с Усилом или Фьюри, но ничего, Дюбуа тоже посмотрим* (фото, 5400 просмотров).

Разговорная экспрессивность подачи, актуальность информации (скорость и количество публикаций), топовые спортсмены как тема сообщения — все это результат цифрового решения программы «Медиа-П.А.УК.», разработанной, как мы показали, не только для мониторинга, рерайта и публикации новостей в социальных сетях «Бокс ТВ», но и для отслеживания активности представителей достаточно узких подгрупп массовой аудитории.

В заключение отметим, что цифровизация стала неотъемлемой частью управленческих, аппаратных, программных, жанровых и собственно текстовых решений в работе современного телеканала. Опыт

«Бокс ТВ» соответствует общим тенденциям развития спортивной журналистики [17] и фиксирует необходимость координации работы в телеэфире и в социальных сетях с учетом потребностей этих узких подгрупп целевой аудитории, а также необходимость разработки и совершенствования технологических решений в сфере автоматизированного управления контентом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каратаев Р. Ю. Последствия перехода России на цифровое вещание для регионального ТВ / Р. Ю. Каратаев // Вестник КГУ.— 2017.— № 3.— С. 150–154.
2. Фролов В. В. К вопросу о PR-продвижении ММА в России / В. В. Фролов // Вестник Псковского государственного университета. Социально-гуманитарные науки.— 2017.— № 5.— С. 183–187.
3. Кихтан В. В. Особенности спортивных телевизионных каналов на примере «Матч ТВ» / В. В. Кихтан // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева.— 2022.— № 1.— Т. 1.— С. 54–60.
4. Кузнецов А. Н. Анализ и Оценка конкурентной стратегии российского телеканала «Матч ТВ» / А. Н. Кузнецов // Стратегии бизнеса. Электронный научно-экономический журнал.— 2020.— № 4.— С. 102–111.
5. Байков Е. А. Особенности конкурентной борьбы традиционного телевидения и стриминговых платформ в сфере спортивного вещания / Е. А. Байков, Г. В. Мантров // Петербургский экономический журнал.— 2021.— № 2.— С. 91–98.
6. Гасанов Э. С. О. Особенности контентного наполнения спортивного телеканала «Матч ТВ» / Э. С. О. Гасанов // Меди@льманах.— 2020.— № 4 (99).— С. 122–131.
7. Щепилова Г. Г. Телеканалы и социальные сети: специфика взаимодействия / Г. Г. Щепилова, Л. А. Круглова // Вестник Московского университета. Журналистика.— 2018.— № 3.— С. 3–16.
8. Зубко Д. В. Социальная проблематика в журналистских поликодовых текстах / Д. В. Зубко // Вестник Воронежского университета. Филология и журналистика.— 2024.— № 1.— С. 111–115.
9. Шершнева Ю. С. Жанры спортивной журналистики: современные тенденции / Ю. С. Шершнева // Ученые записки НовГУ.— 2016.— № 3 (7).— Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-sportivnoy-zhurnalistiki-sovremennyye-tendentsii/> (дата обращения: 23.07.24).
10. Халилова У. Х. Особенности формирования стратегии развития спортивных телеканалов на примере «Матч ТВ» / У. Х. Халилова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук.— 2024.— № 1–4 (88).— С. 164–166.
11. Мокшин С. И. Трансформация спортивной журналистики в России. Дискурс новых медиа / С. И. Мокшин // Вестник Воронежского университета. Филология и журналистика.— 2023.— № 1.— С. 104–106.
12. Байдина В. С. Тенденции развития и стилистические трансформации телевизионных новостей / В. С. Байдина // Журналистский ежегодник.— 2017.— № 6.— С. 6–9.
13. Макарова П. В. Актуальные проблемы новостного спортивного телевидения / П. В. Макарова // Вопросы теории и практики журналистики.— 2019.— Т. 8.— № 2.— С. 292–303.
14. Иващенко Е. Г. Контент-стратегии спортивного онлайн-издания Sport24 / Е. Г. Иващенко // Вестник Воронежского университета. Сер. «Филология и журналистика».— 2023.— № 4.— С. 112–116.
15. Щепилова Г. Г. Видеоконтент в Интернете: особенности аудиторного потребления / Г. Г. Щепилова, Л. А. Круглова // Вопросы теории и практики журналистики.— 2019.— Т. 8.— № 2.— С. 342–354.
16. Курганова Е. Г. Нейросети в корпоративных коммуникациях: временный тренд или новая реальность? / Е. Г. Курганова, А. С. Шерне // Вестник Воронежского университета. Филология и журналистика.— 2024.— № 1.— С. 127–130.
17. Тулупов В. В. Репрезентация феномена спорта в процессе массовой социальной коммуникации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. В. Тулупов.— Краснодар, КубГУ, 2013.

Уральский федеральный университет

Расулова Э. А., управляющий телекомпаниями ООО «Бокс ТВ», ООО «Четвертый канал», ОАО «Областное телевидение» (Екатеринбург), соискатель кафедры периодической печати и сетевых изданий

E-mail: e-rasulova@yandex.ru

Ural Federal University

Rasulova E. A., Managing Director of TV companies LLC "Box TV", JSC "Regional television", LLC Fourth Channel (Yekaterinburg), Postgraduate Student of the Periodicals and Online Publications Department

E-mail: e-rasulova@yandex.ru

«РУССКИЙ ЯЗЫК — ЭТО НЕ ПРО ПРАВИЛА»: О ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕДЛОГА «ПРО» В НОВОМ ЗНАЧЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИАТЕКСТОВ)

Е. А. Ряжских

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 октября 2024 г.

Аннотация: в данной статье рассматривается вопрос об использовании в современных медиатекстах предлога «про» в ранее нехарактерном для него значении. Анализируются причины расширения семантики указанного предлога, приводятся результаты анкетирования студентов факультета журналистики об употреблении данного предлога в новом значении.

Ключевые слова: семантика предлога «про», конструкции с предлогом «про», современный медиатекст.

Abstract: the article explores topical issues of the use of the preposition «pro» in modern media texts in a previously uncharacteristic meaning. The reasons for the expansion of the semantics of the specified preposition are analyzed, and the results of a survey of students of the Faculty of Journalism on the use of this preposition in a new meaning are presented.

Keywords: semantics of the preposition «pro», constructions with the preposition «pro», modern media text.

При чтении современных медиатекстов нельзя не обратить внимания на использование в них предлога «про» в несвойственном ему ранее значении, например: «Корреспонденты “Моё” узнали, почему патологоанатомы — это на самом деле про жизнь, а не про смерть» (Иванова Е. «Я, как все мамы, брала детей на работу // Моё!, 12.03.2024); «Шторы — это не только про практичность (они защищают комнату от солнечных лучей, пыли), но и про уют и тепло» (Антенна — Телесемь в Воронеже и Липецке, 20–26 мая 2024 г.); «– Но на самом деле, этот “зеленый налог” не про экологию» (Бурматов: ЕС с помощью «зеленого налога» пытаются втянуть Россию в экономическую войну // Парламентская газета, 01.08.2021); «“На мой взгляд, это все про перераспределение средств в рамках бюджетных планов, а не про увеличение средств”, — сказала она» (Россия как социальное государство // Ведомости, 20.06.2021) и др.

Что же говорят о подобном «новшестве» лингвисты? (Следует отметить, что, несмотря на распространенность указанного явления в современном русском языке, работы, в которых бы затрагивался данный феномен, единичны.)

По мнению Е. В. Клобукова, «в языке последних лет конструкция типа *X (не) про У* получила возможность выражать ранее несвойственные предлогу *про* объектно-определяющее и обстоятельствоно-определяющее значения» [1, 264]. Объектно-определяющее значение подразумевает «характеристику предмета через соотносимый с ним объект»,

а обстоятельствоно-определяющее значение предполагает, что «определение предмета осуществляется с опорой на его целевое предназначение» [Там же, 262–263].

И. В. Высоцкая также отмечает, «что в современной русской речи у конструкции с предлогом *про* формируется новое (не-изъяснительное!) значение», «в составе предиката словоформа с предлогом *про* употребляется как средство характеристики предмета речи/мысли» [2, 251]. «Формируется новый... способ определения понятия: *X — это про N₄¹*» [Там же, 253].

Профессор Российского института лингвистических исследований И. А. Шаронов, отвечая на вопрос журналиста о значении предлога *про* в подобных конструкциях, говорит о том, что данный предлог «заял здесь позицию целевого предлога “для”» [3].

В чем же кроются причины появления у названного предлога нового значения?

Следует отметить факторы как интралингвистического, так и экстралингвистического характера.

Рассмотрим сначала внутриязыковые (интралингвистические) факторы.

Как считает Е. В. Клобуков, появление новых конструкций с предлогом *про* — это «результат расширения в русском языке сферы употребления конструкций типа *песня/сказка/книга про В. н. / о Пр. н.*», «самим фактом своего существования они подготовили почву для наблюдаемого в наши дни расширения семантического потенциала» [1, 265] предлога *про*. К тому же предлоги *про, о* в русском языке

имеют не только значение, связанное с указанием на предмет речи, мысли, но и значение собственно объектное (*удариться о камень*) и финитивное, т.е. целевое (*запасать корм про зиму*), что «говорит о содержательной “толерантности” этих предлогов, которая и создала возможности для появления у них новых значений» [Там же, 265–266].

И. А. Шаронов видит сходство таких конструкций с существующими в языке идиоматическими сочетаниями (*эта девушка не про тебя, эта квартира не про нас*; сравн. использование конструкции в произведении И. А. Гончарова «Обрыв»: «Если не посмотреть за ним, он мимо рта ложку пронесет. Он одет, обут, ест вкусно, спит покойно, знает свою латынь: чего ему еще больше? И будет-с него! *А любовь не про таких!»*) [3]. Происходит расширение «функционала» целевого значения предлога *про*.

И. В. Высоцкая полагает, что конструкции *X — это (не) про N₄* могут казаться эллиптическими, с пропуском глагола со значением речи/мысли, однако «сам объект речемыслительных действий» воспринимается «одновременно и как средство характеристики субъекта». В дальнейшем происходит “отрыв” от мыслительного шаблона, когда винительный с предлогом *про* де-факто употребляется как предикат вне связи с речемыслительной деятельностью субъекта» [2, 252].

Что касается экстралингвистических факторов появления конструкций *X — это (не) про N₄*, то отметим в данном случае и влияние английского языка: «обыгрываются возможности калькирования конструкций с многозначным английским предлогом *about*» [1, 266] (например: *Vegan is not about food*), и влияние языковой моды: подобные примеры с предлогом *про* стали активно «транслировать» медийные персонажи — представители «журналистской и артистической элиты» [Там же], а вслед за ними — и другие носители языка, посчитав такое употребление модным трендом.

Таким образом, появление нового значения у предлога *про* в определенной степени было подготовлено «особенностями функционирования самой русской предложно-падежной системы. В то же время не следует исключать и такие факторы, как грамматическая интерференция и языковая мода» [1, 267].

Отметим также, что предлог «про» может использоваться в современном русском языке и с инфинитивом, например: «Почему в России бары — *это “не про поест”*? Где заканчивается ресторанный культура страны?» (Касьянова Д. Почему люди не ходят в рестораны? // pravda.ru, 02.04.2018); «*Психолог — это не про поговорить и дать совет...*» (Новикова Ю. Психолог — это не про поговорить и дать совет... // b17.ru, 02.05.2022) и др.

По мнению И. А. Шаронова, такие примеры с инфинитивом могли возникнуть под влиянием конструкций разговорной речи типа *дай чем завязать*

пакет, которые употребляются, когда говорящий хочет назвать предмет, но либо забыл, как он называется, либо ему неважно, «какой это предмет, лишь бы он выполнял свою функцию» [3]. Не исключаем, как и в случае с конструкциями *X — это (не) про N₄*, влияние языковой моды.

Является ли такое употребление предлога *про* в рассмотренных конструкциях с существительным и с инфинитивом нормативным?

И. А. Шаронов считает использование данных конструкций намеренным нарушением нормы, стилистическим приемом, который взяла на вооружение наша интеллигенция, почувствовав некую «куртуазность» в подобном употреблении предлога *про* [3].

Закрепятся ли в языке указанные конструкции, станут ли привычными, узальными?

«Это временное модное употребление. Я думаю, оно скоро уйдет. Я думаю, что это очень ненадолго», — заявлял И. А. Шаронов в интервью 2016 г. [3]. В том же 2016 г. в статье «Предлог *про* оказывается в новых для себя условиях» журналист, кандидат филологических наук М. А. Королёва отмечала, что «экспансия *про* напоминает распространение речевого вируса» и как все модные тенденции может быстро пройти. «С другой стороны, язык вполне может пробовать новые возможности для своих привычных средств, раздвигать границы допустимого, тестировать — а ну-ка, принимаем мы или нет? Вот я, к примеру, не принимаю, а кто-то уже пользуется, и исход испытаний пока неясен» [4].

Однако и в 2020-е гг. мы наблюдаем активное использование данных конструкций в медиатекстах, в том числе и в заголовках: «А главное, *социальное казначейство — это не про деньги, а про человека*», — объяснил Котьяков» (НКО могут предоставить господдержку наравне с бизнесом // Парламентская газета, 09.09.2021); «Михаил Шарипов: “*Ресторан — это про эмоции*” (Назипов А. // realnoevremya.ru, 21.06.2023); «*Бизнес — это не про успешный успех, а про опыт и ошибки. История успешного предпринимателя*» (Сиразев Э. // biz-anatomy.ru, 09.06.2024); «*Медицина — это не про зарабатывать*. Депутат Госдумы от Алтая призвал закрыть ФОМС // ИА «Амител», 30.06.2023) и др.

Поскольку подобные примеры с предлогом *про* в свое время стали активно использовать авторы медиатекстов, то, думается, что и дальнейшая судьба данных конструкций во многом будет зависеть от «акул пера». В соответствии с этой гипотезой мы решили провести опрос студентов (162 человека) второго и третьего курсов факультета журналистики Воронежского госуниверситета — будущих профессионалов массмедиа. Мы предложили респондентам оценить конструкции с существительным: например, *Успех — это про деньги*, и с инфинитивом: к примеру, *Юмор — это не про посмеяться, а про подумать*.

Результаты опроса представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Вопросы анкеты	Количество респондентов, ответивших «да»,%	Количество респондентов, ответивших «нет»,%
1. Используете ли вы сейчас или хотели бы использовать в своих журналистских, рекламных, PR-текстах конструкции <i>X (не) про У (У = существительное)</i> , например: <i>Спорт высоких достижений — это не про здоровье; Любовь — это про понимание</i> и т. п.	56	44
2. На ваш взгляд, данные конструкции соответствуют современной литературной норме?	53	47
3. По вашему мнению, являются ли такие конструкции эффективным средством, с помощью которого можно привлечь внимание к тексту?	62	38

Таблица 2

Вопросы анкеты	Количество респондентов, ответивших «да»,%	Количество респондентов, ответивших «нет»,%
1. Используете ли вы сейчас или хотели бы использовать в своих журналистских, рекламных, PR-текстах конструкции <i>X (не) про У (У = инфинитив)</i> , например: <i>Юмор — это не про посмеяться, а про подумать</i> и т. п.	39	61
2. На ваш взгляд, данные конструкции соответствуют современной литературной норме?	33	67
3. По вашему мнению, являются ли такие конструкции эффективным средством, с помощью которого можно привлечь внимание к тексту?	61	39

Как показали результаты анкетирования, конструкции *X (не) про У* с существительным в вин. п. в целом положительно оцениваются опрошенными: 56% респондентов используют в своих профессиональных текстах или хотели бы использовать данные конструкции, большая часть опрошенных (53%) отметила соответствие данных конструкций современной литературной норме и эффективность их использования для привлечения внимания читателей к тексту (62%).

Что касается конструкций *X (не) про У* с инфинитивом, то можно сказать, что они подверглись критике со стороны респондентов: 61% опрошенных не использует или не хотел бы использовать названные конструкции в своих профессиональных текстах, не соответствующими литературной норме их посчитали 67% анкетированных. Тем не менее отметим, что 61% респондентов считал данные конструкции эффективным средством привлечения внимания к тексту (видимо, ввиду их «экзотичности», «неправильности»).

Таким образом, исходя из результатов анкетирования и наблюдений за использованием в современных медиатекстах конструкций *X (не) про У* с существительным в вин. п., можно сделать вывод о перспективности употребления предлога «про» в новом значении и «жизнеспособности» данного значения в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клобуков Е. В. Поговорим про ПРО и О, или Особенности функционирования русских делиберативных предлогов в XXI веке / Е. В. Клобуков // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2013.— Вып. 47.— С. 255–268.
2. Высоцкая И. В. Об экспансии предлога про в современной русской речи, или Новейшая русская риторика / И. В. Высоцкая // Критика и семиотика.— 2021.— № 1.— С. 238–258.
3. Панов И. Игры с предлогами: когда «про» в русском языке может иметь значение «для» (интервью с И. А. Шароновым) / И. Панов // life.ru.— 2016.— 5 нояб.— Режим доступа: <https://life.ru/p/927163> (дата обращения: 01.07.2024).
4. Королёва М. Предлог «про» оказывается в новых для себя условиях / М. Королёва // Российская газета.— 2016.— 27 окт.— Режим доступа: <https://rg.ru/2016/10/27/marina-koroleva-predlog-pro-okazyvaetsia-v-novyh-dlia-sebia-usloviiah.html?ysclid=ly4ivp32ks231283838> (дата обращения: 02.07.2024).

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ В ЗОНЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

О. Р. Самарцев

Ульяновский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июня 2024 г.

Аннотация: рассматриваются актуальные вопросы работы региональных журналистов в зоне специальной военной операции. На основе экспертного опроса журналистов, регулярно освещающих СВО, анализируются этические, психологические и правовые аспекты их деятельности, а также специфика творческого процесса в условиях боевых действий. Проанализированы проблемы формирования гражданской позиции в ходе освещения СВО и этические трансформации, формирующиеся у журналистов региональных изданий с учетом специфики реальных боевых действий в военном конфликте на Украине.

Ключевые слова: региональный журналист, журналистская этика, творческая деятельность журналиста, правовой статус, военный корреспондент, специфика работы журналиста, зона специальной военной операции, психология журналистики, военная журналистика, аксиология СМИ.

Abstract: the article examines of the work of regional journalists in the zone of a special military operation are considered. Based on an expert survey of journalists who regularly cover their activities, the ethical, psychological and legal aspects of their activities, as well as the specifics of the creative process in combat conditions, are analyzed. The problems of forming a civil position during the coverage of their ethical transformations, which are formed by journalists of regional publications, taking into account the specifics of real hostilities in the military conflict in Ukraine, are analyzed.

Keywords: regional journalist, journalistic ethics, creative activity of a journalist, legal status, war correspondent, specifics of a journalist's work, special military operation zone, psychology of journalism, military journalism, media axiology.

Введение. Работа журналиста в зоне специальной военной операции существенно отличается по своей специфике от работы по освещению военных конфликтов последнего столетия. Боевые действия на Украине задают новые стандарты «войны будущего», гибридной войны, которые ставят журналистов в особые условия, аналогов которым в военной журналистике нет.

Основным отличием боевых действий на СВО является повышенная опасность на всей линии боевого соприкосновения и далеко за ее пределами, широкое использование высокотехнологичного оружия (FPV дронов, РСЗО с высокоточными боеприпасами, боеприпасов неизбирательного действия и т.д.). Президент России В. В. Путин на встрече с руководителями крупнейших информагентств на полях ПЭМФ-2024 отметил, что во время СВО погибло 30 журналистов. Журналисты становятся приоритетной целью, статус работника СМИ, согласно которому, в соответствии с международным правом «в районах вооруженного конфликта журналист приравнивается к гражданским лицам, которым обеспечивается вся полнота защиты и права» [1] в реальности не работает.

Другой существенной особенностью этого конфликта следует считать характер боевых действий, которые ведутся среди представителей одного этноса, одного народа, говорящего на одном языке, некогда «братского». Ситуация усугубляется и отчетливым противостоянием российских вооруженных сил гибридным силам объединенного Запада и НАТО. События СВО «выросли в глобальное геополитическое противостояние, которое отразилось на всех гражданах России, с учетом роста напряженности перед авторами встали новые вызовы» [2]. В этих условиях работнику СМИ все труднее разграничить эмоции и факты, и помня, что «главное умение журналиста — это объективно оценивать происходящие события и явления, делать авторское мнение, но при этом, беспристрастное» [3]. Трансформируются соответственно меняющимся условиям и методы работы, и профессиональные установки, и этические нормы, которым следовали работники СМИ на протяжении столетий.

Специальную военную операцию освещают многочисленные журналисты региональных изданий, являющиеся, по сути дела, гражданскими лицами, не имеющими боевого опыта. В отличие от профессиональных военкоров «современные военные журналисты в большинстве своем перестают быть воен-

ными (по званию) корреспондентами, являясь, как правило, сотрудниками гражданских СМИ» [4], а массовость этого явления, в свою очередь «актуализирует потребность государства в специалистах, способных работать в новых информационных условиях». По сути дела, речь может идти об институализации региональных журналистов, регулярно освещающих СВО, в качестве «военкоров» со всеми вытекающими последствиями, например о частичном уравнивании прав работников СМИ и военных, хотя бы в части социальной защиты. Известный журналист Александр Малькевич считает, что очень важно, чтобы под инициативу уравнивания прав журналистов и военных могли «подпадать представители не только федеральных изданий, но и региональных» [5].

Несмотря на неопределенность статуса, региональные журналисты активно работают в зоне СВО, и их деятельность требует пристального изучения. Тем не менее психология и технология их работы в зоне специальной военной операции, как ни странно, является темой малоизученной, хотя сама тема журналистики на СВО в последнее время активно анализируется. Чтобы точнее выделить специфические аспекты работы региональных журналистов в зоне специальной операции в актуальных условиях, нами был проведен экспертный опрос среди профессиональных журналистов Ульяновской области, регулярно выезжающих в командировки в зону СВО. Результаты анализа позволяют раскрыть часть проблем, с которыми сталкивается эта категория работников СМИ.

Безопасность. Практика информационной деятельности в зоне СВО ставит вопрос приобретения региональными журналистами специальных компетенций, которые, как правило у профессиональных военкоров выработаны годами и опытом. Навыки военного корреспондента, сильно отличающиеся от навыков «мирного времени», не свойственные журналисту в обычных условиях, приходится приобретать на ходу, порой с нуля. При этом журналист должен учитывать, что «вопросы безопасности в условиях военных действий находятся в зоне личной ответственности», и «элементарная специальная профессиональная подготовка в плане применения средств защиты, знание азов стратегии выживания крайне необходимы» [6].

Алексей Шишов, медиаменеджер, генеральный директор ИД «Ульяновская правда» (работает на линии боевого соприкосновения с начала СВО) считает, что непременно следует соблюдать элементарные меры безопасности: придерживаться определенного маршрута, носить средства индивидуальной защиты — каски, бронежилеты, при этом учитывая, что в условиях нынешнего конфликта 80–90% ранений приходится на поражение коптером либо артиллерией. Стрелковых боев как раньше, замечает журналист, уже нет вообще. «Если прилетит 152 мм снаряд, будет не важно, в бронежилете ты или нет. В случае

с коптером, нужно сразу куда-то прятаться, если слышишь его звук». И очень важно доверять только своим, солдатам, сопровождающим. «Ничего у местных нельзя брать или покупать. Было много случаев отравления. Там даже питьевую воду проверяют».

Владимир Коршунов, журналист ТРК «Улправда ТВ», имеющий опыт работы в горячих точках с начала 2000-х гг., с чеченской войны, подтверждает специфику военного конфликта на Украине — доверять можно «только тем, кого знаешь». Он считает, что обычные инструктажи перед командировкой могут сильно отличаться от реальной жизни, потому что зачастую их пишут люди, которые «дальше кабинета не видели». Но есть правила одинаковые для всех пребывающих в зоне СВО: «не отходите от дорожки или тропинки, следуйте за проводником, не вступайте в разговоры с незнакомым местным населением, потому что за улыбкой может быть коварство — таких случаев очень много, не все нас любят, не все поддерживают. В принципе не надо никому доверять». И хотя постепенно к этому привыкаешь, считает журналист, нужно иметь повышенное чувство ответственности, «в первую очередь думать головой, чего нельзя делать, чтобы не навредить, не помешать. Важно понимать, что люди отвлекаются на тебя. Они помимо того, что сами постоянно рискуют, за твою жизнь отвечают, и, когда они с тобой работают, они еще больше рискуют, потому что у них внимание рассеивается. Нужно не подводить ни в коем случае тех людей, которые тебе доверяют».

Журналист Андрей Творогов из ИД «Ульяновская правда», единственный из экспертов, имеющий специальную подготовку (срочная служба в спецназе ГРУ) и множество командировок в горячие точки, полагает, что «журналист в зоне боевых действий — это человек, который делает свою работу, это не искатель приключений. Он не должен отвлекать на себя, стремиться получить горячие эмоции. Не должен вопреки правилам, установленным военными, пытаться найти жареный факт». Во время нахождения в зоне боевых действий, добавляет он, главное «значение имеет дисциплина. Если военный журналист не соблюдает дисциплину, то его ждет плохая судьба».

Телерепортер Евгений Луковкин, ТРК «Репортер 73», участвующий в освещении военного конфликта с начала СВО, перечисляет обязательные правила, которыми делятся опытные бойцы: «не отдаляйся от группы, от сопровождающих; если двигаешься по открытой местности — держи дистанцию; если видишь, что в небе дрон со сбросом — старайся занять позицию под деревом — для того, чтобы сработал сброс, дрон должен зависнуть на 4 секунды в одной точке, этого времени хватает, чтобы отбежать и занять более безопасное место; если атакует дрон, когда вы находитесь в транспорте, постарайтесь маневрировать, а лучше молитесь; не разговаривайте громко, так как дроны оснащены микрофонами;

в ночное время суток старайтесь меньше использовать фонарь: подсвечивайте и выключайте; не поднимайте ничего с земли, ничего не пинайте». Главный принцип, по мнению журналиста, слушаться тех людей, кто имеет большой боевой опыт, кто несет ответственность за жизнь и здоровье журналиста. В конечном итоге региональным журналистам «также приходится рисковать жизнью, техникой, чтобы запечатлеть важные события», они должны жестко усвоить правило, «что в зоне боевых действий важно быстро снять сюжет и уехать. Репортеры становятся целью вооруженных формирований, что доказывают многочисленные факты обстрелов съемочных групп» [7, 39–40].

Экипировка. Существенным отличием этого военного конфликта от прежних, относительно которых прописаны соответствующие правила поведения, является особое отношение к журналистам со стороны украинских военнослужащих. «Не следует забывать, что нашивки на форме, наличие редакционного удостоверения являются обязательными атрибутами военного журналиста» [6] — эти стандарты, отмеченные в теории, на практике приходится пересматривать. Андрей Творогов отмечает принципиальное отличие данного конфликта: «Я изучал старые стандарты поведения журналиста в боевых действиях, они говорят о том, что журналист должен отличаться от военнослужащих, должен быть промаркирован как журналист: надпись «пресса», синий бронежилет, синяя каска. В нынешнем конфликте все по-другому. Журналист выделяться из толпы не должен. К счастью, снаряжение военнослужащих очень разношерстное. Они покупают то, что им удобно».

Характерно, что военные корреспонденты ведущих мировых изданий, работающие на переднем крае со стороны противника, неукоснительно выполняют международные стандарты экипировки, не опасаясь прицельного огня со стороны российских военнослужащих. Для российских и иностранных журналистов, работающих на стороне российской группировки, это правило не работает, требование «не выделяться» носит повсеместный характер, поскольку они, напротив, становятся приоритетной целью. Владимир Коршунов отмечает, что во вторую мировую войну немецкие снайперы и бойцы тоже «больше получали за убитого оператора или военкора, чем даже за офицера, поэтому выделяться глупо, ведь сейчас журналист — цель довольно престижная».

Субъективность. Субъективизм журналистики — явление, онтологически связанное с профессией и неоднократно обсуждавшееся в специальной литературе, публицистических выступлениях и на бытовом уровне. В отличие от профессиональных военкоров центральных изданий, региональные журналисты, будучи людьми гражданскими, сохраняют свою гражданскую позицию, которая может быть в определенной степени даже более выражена

нежели у человека, не имеющего отношения к журналистской профессии. Субъективизм в определенной степени свойственен любому журналисту, глубоко погруженному в социальный контекст, близкий ему, от которого он неотделим и в котором он сформировался. Этот феномен отмечают в многочисленных публикациях, посвященных трансформациям профессиональных установок в СВО, в первую очередь этических и мировоззренческих. «Геополитические события ключевым образом преобразуют цели журналистики как социального института, а это непосредственно влияет на подходы к работе с социальной значимой информацией, зачастую напрямую касается и мировоззренческой составляющей как в содержании медиатекстов, так и в самих подходах обработки фактов и мнений» [8, 132]. Практическая, приземленная работа регионального журналиста происходит на совершенно очевидном фоне противостояния его страны, а не абстрактного государства, со странами коллективного Запада, НАТО, то есть в их восприятии «добра со злом». В этом смысле симпатии и антипатии журналиста находятся в совершенно определенной плоскости, и она явно лежит в области обостренного патриотизма, где описание своей стороны если и не носит исключительно комплиментарного характера, то явно подается с пониманием, с драматизмом и экспрессией. Владимир Коршунов рассказывает о выборе героев: «можно спокойно набрать картинку из отстрелянных патронов, воронок, мин в дороге, а в интервью главное богатство — это люди, они такие вещи рассказывают. Люди настолько интересные, у кого-то семь детей, а он разведчиком служит, у кого-то четвертый заход в зону боевых действия третье ранение, а у него шесть детей дома осталось». Эмпатия к героям, включенность в их внутренний мир, взаимопонимание и готовность к разговору на войне иные, чем в мирной жизни, считает очеркист Андрей Творогов: «В мирной жизни такого не встретишь, чтобы люди тебя встречали как дорогого родственника, они сами хотят рассказывать, у них есть что сказать».

Профессор В. И. Чередниченко в своей работе «Принцип объективности в журналистике как научный миф» принципиально критикует установку на объективность, считая «такой подход неприемлемым для профессии журналиста, поскольку он игнорирует психологию восприятия реальности» [9]. Профессиональные задачи, которые ставятся перед журналистом регионального издания требуют от него в первую очередь внимательного, «включенного» взгляда на близкие его читателю темы, соответствующей подачи материала, тональности и той особой эмоциональной окраски, которая делает материал близким аудитории и к которому чаще всего не стремятся журналисты центральных изданий.

Этические трансформации и гражданственность. Классическое утверждение журналистской

этики о том, что журналист не имеет права брать в руки оружие, которое предписано всеми журналистскими этическими кодексами, в реальной практике претерпевает определенную ревизию либо подвергается сомнению. «Главное оружие журналиста — камера, микрофон, любой современный гаджет» [10], однозначно утверждал военный корреспондент иностранной редакции Russia Today Роман Косарев в 2016 г., а в 2023 г. Марина Ахмедова, главный редактор ИА Regnum, уже не столь категорична в оценках, она задает дискуссионные вопросы, опосредованно на них отвечая: «Во времена Великой Отечественной ответы на такие вопросы не имели двойной трактовки. Все журналисты воевали, держа в одной руке блокнот, в другой — автомат. Женевскую конвенцию тогда еще не изобрели. Немцы не щадили ни воюющих, ни гражданских. Не щадят гражданских и сейчас, на 74-м году существования конвенции. И как же в таких обстоятельствах должен современный российский журналист поступать? Не брать или брать?» [11]. Председатель СЖР Владимир Соловьев, говоря о статусе военкоров или тех, кто регулярно освещает СВО, считает, что это непростой правовой и этический вопрос, потому что определение «участник боевых действий» все-таки для журналистов не подходит [12]. Готовность взять оружие и необходимость в этом — пусть и гипотетическая — входит в жесткое противоречие с традиционной этической парадигмой и опасением сменить статус журналиста на роль комбатанта, но региональные журналисты в этой ситуации чаще всего делают однозначный этический выбор.

Владимир Коршунов полагает, что моральной дилеммы в этом вопросе вообще не существует: «Если оружие где-то в руки надо взять — тоже возьмешь. Лично у меня мнение такое: корреспондент — это такой же солдат, теперь страна воюет. Нейтрально, это если куда в Африку поехал за деньги поработать, а если война здесь и сражается твоя Родина, то никакого нейтралитета. Надо определить кто ты в этот момент — гражданин своей страны или журналист». Медиаменеджер Алексей Шишов более категоричен: «Есть такое правило, что журналисты не воюют, но, по-моему, это правило из прошлого века, и если что-то случится, то, конечно, возьму в руки оружие». Еще более определенную позицию высказывает тележурналист Евгений Луковкин: «Я, конечно, отложу и камеру, и телефон. Если понадобится, я возьму в руки автомат и буду сражаться, как и все остальные. Пока этот конфликт не касается моей страны, я буду придерживаться нейтралитета и соблюдать все заповеди журналистики. Когда речь идет о моей стране, и я окажусь в таких условиях, когда нельзя будет этого не сделать, я обязательно возьму в руки оружие и буду сражаться».

Таким образом, совершенно очевидно, что мы имеем дело не с принципиальной этической ревер-

сией, полностью отвергающий нейтральность журналиста, а с пониманием того, что в случае опасности, при крайней необходимости, в ситуации, когда оставаться отстраненным и нейтральным невозможно в силу объективных причин, региональные журналисты допускают прекращение для себя особого статуса работника средства массовой информации. И, следует обратить внимание, они не абсолютизируют эту ситуацию, предполагая возможность ее возникновения исключительно в данном военном конфликте, применительно к боевым действиям на Украине. Впрочем, это скорее гипотетическая готовность, нежели сложившаяся установка.

Заключение. Особенности военного конфликта на Украине с его ожесточением военных действий, с повышенной опасностью, меняет психологическое состояние регионального журналиста в процессе профессиональной деятельности, создает особый психологический настрой и приводит к частичному пересмотру традиционных этических норм. Следует предположить, что СВО трансформирует традиционные «правила игры», в том числе и профессиональные, этические, подвергая их ревизии. Едва ли устаревает базовая аксиология или классическая этика журналистики, скорее кардинально меняются субъекты боевых действий и их восприятие конфликта. Особо сильно проявляется на СВО понимание «свой — чужой», оно обостряет отношение к людям — источникам информации, героям публикаций, сопровождающим лицам, противнику.

В этих условиях теоретическое рассуждения о доверии и необходимости соблюдения нейтралитета во всех аспектах работы журналиста представляются весьма абстрактными, во всяком случае для большинства регионального журналистского корпуса. Речь в этом случае едва ли идет о неизбежности принципиальной профессионально-этической инверсии, скорее следует говорить о снижении порога «переключения» из режима профессионального журналиста в статус гражданина. Переход от абстрактного, отчасти космополитичного, восприятия профессии эпохи глобализма к журналистике «включенности», эмпатии — естественное следствие экзистенциального характера этого конфликта. Именно это заставляет региональных журналистов отвечать на этические вопросы однозначно в пользу гражданской ответственности, детерминируя ее приоритет перед традиционными установками профессии, делать четкий выбор между гражданской позицией и журналистским долгом. При этом их профессиональные качества и профессиональная состоятельность ничуть не страдают. Очевидно, что в российском информационном пространстве сформировалась новая категория журналистов — и весьма многочисленная — журналистов мирного времени, прошедших войну, и этот журналистский корпус окажет влияние на всю систему журналистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977. Part IV: Civilian population — Section III — Treatment of persons in the power of a party to the conflict — Chapter III — Journalists. — Режим доступа: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977/part4-section3-chapter3/commentary/1987> (дата обращения: 25.05.2024).
2. Денисова И. Н. Освещение вооруженного конфликта в TELEGRAM (на примере телеграм-каналов военкоров) / И. Н. Денисова // Социально-гуманитарные знания. — 2023. — № 12. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osveschenie-vooruzhennogo-konflikta-v-telegram-na-primere-telegram-kanalov-voenkoroov> (дата обращения: 17.05.2024).
3. Афонин А. А. Тема патриотизма — проблемное поле медийного пространства как объект научных исследований в политическом процессе / А. А. Афонин // EESJ. — 2022. — № 4 (80). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tema-patriotizma-problemnoe-pole-mediynogo-prostranstva-kak-obekt-nauchnyh-issledovaniy-v-politicheskom-protsesse> (дата обращения: 17.05.2024).
4. Герейханова И. А. Трансформация профессиональной деятельности военных корреспондентов в новом информационном пространстве современного конфликта / И. А. Герейханова, Д. А. Сулейманов // Университетские чтения — 2019. — 2019. — С. 124–130.
5. Статус СВО: журналистов призывают уравнивать в правах с военными. — Режим доступа: <https://iz.ru/1685684/sofiia-prokhorchuk-anastasiia-kostina/status-svo-zhurnalistov-prizyvaiut-uravniat-v-pravakh-s-voennymi> (дата обращения: 17.05.2024).
6. Рымарева Е. Н. Современная военная журналистика: профессиональные и этические стандарты / Е. Н. Рымарева, Е. С. Долгина // МНКО. — 2024. — № 2 (105). — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-voennaya-zhurnalistika-professionalnye-i-eticheskie-standarty> (дата обращения: 17.05.2024).
7. Денисова И. Н. Особенности работы отечественных операторов в ходе вооруженных конфликтов / И. Н. Денисова // Меди@льманах. — 2023. — № 5. — С. 32–42.
8. Марчан К. В. Этика журналиста в условиях современной коммуникации / К. В. Марчан // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. — 2024. — № 1. — С. 131–136.
9. Чередниченко В. И. Принцип объективности в журналистике как научный миф / В. И. Чередниченко // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. — 2018. — № 3 (79). — С. 67–70.
10. Правда о профессии военного корреспондента из первых уст. — Режим доступа: <https://infovorange.ru/News/Voronejskiy-gosudarstvennyiy-universitet-posetil-voennyiy-korrespondent-Roman-Kosarev-47981.html> (дата обращения: 17.05.2024).
11. Брать или не брать. — Режим доступа: <https://russian.rt.com/opinion/1102046-ahmedova-svo-voina-zhurnalist-oruzhie> (дата обращения: 17.05.2024).
12. Военкоры станут «ветеранами военной журналистики». — Режим доступа: <https://ruj.ru/news/monitoring-media/voenkory-stanut-veteranami-voennoi-zhurnalistiki-19514?ysclid=lx1glalcme596760280> (дата обращения: 17.05.2024).

Ульяновский государственный университет
Самарцев О. Р., доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики, филологии, документоведения и библиотековедения
E-mail: olegsamar@rambler.ru

Ulyanovsk State University
Samartsev O. R., Doctor of Philology, Head of the Journalism, Philology, Documentation and Library Science Department
E-mail: olegsamar@rambler.ru

НАУЧНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА И НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЭПОХУ АКТИВНО РАЗВИВАЮЩИХСЯ МЕДИА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. С. Смотров

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июня 2024 г.

Аннотация: в статье рассматриваются актуальные проблемы научной журналистики и коммуникации при популяризации науки в эпоху активно развивающихся медиа. Выделяются ключевые вызовы, такие как упрощение и искажение научной информации, распространение фейковых новостей и дезинформации, погоня за сенсационностью и кликбейтом и недостаток научной экспертизы у популяризаторов науки. Для решения этих проблем предлагается развивать профессиональное образование научных коммуникаторов, налаживать сотрудничество между научным сообществом, медиа и образовательными институтами, повышать научную грамотность населения, противодействовать дезинформации. Анализируются перспективы развития научной коммуникации в России в эпоху цифровых технологий и активно развивающихся медиа.

Ключевые слова: научная журналистика, научная коммуникация, популяризация науки, дезинформация, фейковые новости, образование.

Abstract: the article examines the current problems of scientific journalism and communication in the popularization of science in the era of actively developing media. Key challenges are highlighted, such as the simplification and distortion of scientific information, the spread of fake news and disinformation, the pursuit of sensationalism and clickbait, and the lack of scientific expertise among science popularizers. To solve these problems, it is proposed to develop professional education for scientific communicators, establish cooperation between the scientific community, media and educational institutions, increase scientific literacy of the population, and counteract disinformation. The prospects for the development of scientific communication in Russia in the era of digital technologies and actively developing media are analyzed.

Keywords: scientific journalism, scientific communication, popularization of science, disinformation, fake news, education.

В эпоху стремительного развития цифровых технологий, медиа и глобализации информационного пространства научная журналистика и коммуникация сталкиваются с новыми вызовами и возможностями. С одной стороны, интернет открывает невероятные перспективы для популяризации науки, вовлечения широкой аудитории в научные дискуссии и демократизации доступа к научному знанию. С другой стороны, возникают проблемы, связанные с качеством и достоверностью научной информации, распространяемой в цифровой среде. В статье будет рассмотрена лишь часть вызовов и перспектив.

Одна из основных проблем, с которой сталкивается научная журналистика при популяризации науки через интернет, это упрощение информации. Чтобы сделать научные темы доступными для широкой аудитории, журналисты склонны чрезмерно упрощать сложные концепции. Это может приводить к неточностям, искажениям и потере важных смыслов. Задача — не просто перевести сложный и сухой научный текст на более простой язык, а создать интересный материал, который будет понятен широ-

кой аудитории. Нередко из-за излишнего упрощения рождается и распространяется дезинформация [1].

Поддельность и недостоверная информация — это одна из распространенных проблем, особенно в контексте научных и технологических открытий. Это подчеркивает важность роли научных журналистов и коммуникаторов, которые должны фильтровать и предоставлять точную информацию. Для этого они должны не только уметь объяснять сложные концепции простым языком, но и критически оценивать информацию, которую они распространяют, уметь различать достоверные и недостоверные источники [2]. Сегодня мы наблюдаем невероятный рост количества фейковых новостей [3] и дезинформации, распространяемых через интернет. Все чаще мы сталкиваемся с псевдонаучными теориями [4], сфабрированными исследованиями, искаженной или вырванной из контекста научной информацией, которая быстро распространяется в интернете и вводит в заблуждение читателей, слушателей и зрителей [5]. Особенно опасной и разрушительной дезинформация становится в таких важных для общества сферах, как медицина и здравоохранение [6]. Мы видим, как в интернете активно продвигаются различные

«чудодейственные» [7] средства и методы лечения серьезных заболеваний [8], не имеющих под собой никаких научных оснований. Люди, отчаявшиеся в поиске спасения, готовы верить в самые невероятные обещания и тратить огромные деньги на бесполезные или даже опасные для здоровья «лекарства». Не менее разрушительное влияние дезинформация оказывает и на другие сферы науки. Мы видим, как в современном обществе распространяются самые абсурдные и ненаучные идеи — от теории плоской Земли до отрицания изменения климата и эволюции. Подобные идеи, не имеющие под собой никаких серьезных научных оснований, находят благодатную почву в условиях низкой научной грамотности населения и общего недоверия к науке и научным институтам. Причины распространения фейковых новостей и дезинформации в науке могут быть самыми разными. Зачастую это делается из корыстных побуждений — для продвижения тех или иных коммерческих продуктов и услуг, привлечения трафика на сайты, заработка на рекламе. В других случаях за дезинформацией могут стоять идеологические или политические мотивы — стремление дискредитировать научные достижения, оспорить общепризнанные научные факты и теории. Какими бы ни были причины, последствия распространения фейковых новостей и дезинформации в науке могут быть самыми разрушительными. Они подрывают доверие общества к науке и научным институтам, дискредитируют честных ученых и исследователей, тормозят НТП и внедрение инноваций. В конечном итоге дезинформация в науке может приводить к самым печальным последствиям для здоровья и благополучия людей, для развития экономики и общества.

Конкретно в СМИ остро строит проблема сенсационности и кликбейта [9]. В условиях жесткой конкуренции за внимание аудитории многие интернет-СМИ и научно-популярные ресурсы прибегают к использованию броских, провокационных заголовков [10]. Кроме того, сенсационные заголовки и кликбейт нередко основываются на вырывании научных данных из контекста, игнорировании важных деталей и нюансов, а иногда и на откровенном искажении и фальсификации информации [11]. Это приводит к распространению ЗПС (заблуждений, псевдонаук, суеверий). Особенно ярко эта проблема проявляется в освещении опять же исследований в области медицины и здравоохранения [12]. Журналисты часто спекулируют на теме здоровья и болезней, обещая читателям простые и быстрые решения сложных медицинских проблем, что может привести к опасным последствиям, если люди начнут следовать непроверенным и необоснованным рекомендациям. Сенсационность и кликбейтность отвлекает аудиторию от действительно важных и значимых научных исследований и открытий, которые могут не иметь столь броского и провокационного характера, но обладают

реальной научной ценностью и потенциалом практического применения.

Еще одной проблемой выступает значительный и все увеличивающийся разрыв между миром науки и широкой общественностью. Парадоксальным образом распространение научно-популярного контента всех возможных видов не уменьшает количества ЗПС и скорости их распространения в СМИ и в интернете в целом. С одной стороны, научные исследования становятся все более сложными, специализированными и труднодоступными для понимания неспециалистов. Ученые зачастую общаются на своем профессиональном языке, изобилующем специальными терминами и понятиями, которые могут быть непонятными и даже отпугивающими для обычных людей. С другой стороны, многие представители общественности не обладают достаточным уровнем научной грамотности и не имеют базовых знаний о том, как устроена и функционирует наука. Люди могут относиться к науке с недоверием, скептицизмом или даже враждебностью, воспринимая ученых как некую закрытую и оторванную от реальной жизни касту [13]. Не менее популярно мнение, что ученые являются частью мирового заговора. Такое мнение распространено не только в России, но и во всем мире [14]. Этот разрыв между учеными и обществом имеет целый ряд негативных последствий как для науки, так и для общества в целом. Без поддержки и понимания со стороны общественности ученые могут сталкиваться с трудностями в получении финансирования для своих исследований, в привлечении талантливой молодежи в науку в практическом внедрении своих разработок. В то же время общество, не понимающее и не ценящее науку, может принимать неверные решения в области образования, здравоохранения, экологии и других сферах, имеющих критическое значение для устойчивого развития и благополучия людей. Следует обратить внимание на то, какое количество ЗПС существует сегодня в России и в мире. Перечислим лишь некоторые: это антипрививочники, ВИЧ диссиденты, ковид-диссиденты, экстрасенсорика, астрология, биорезонанс, оккультизм, целительство, остеопатия, квантовая медицина, уриротерапия, акупунктура, соционика, френология, физиогномика, графология, дерматоглифика, хиромантия, торсионные поля, фэншуй, нумерология, цифровые лекарства, телегония, уфология, криптозоология и другие [15]. При этом все эти ЗПС, как правило, преследуют коммерческие цели и приносят баснословный доход распространителям ЗПС-курсов. Людей, пропагандирующих ЗПС как нечто «чудодейственное», огромное количество не только в отечественных СМИ, но и в интернете в целом.

В российском интернет-пространстве можно встретить немало энтузиастов, которые, несмотря на отсутствие профильного образования в области научной журналистики или коммуникации, с большим рве-

нием берутся за популяризацию науки. Зачастую это самоучки, горящие страстным желанием поделиться своими знаниями и идеями с широкой аудиторией. Однако, невзирая на искреннюю увлеченность и благородные помыслы, им может не хватать профессиональных навыков и компетенций, столь необходимых для успешной реализации научных популяризаторов. Недостаточная профессиональная подготовка таких популяризаторов чревата целым рядом негативных последствий. Они рискуют неверно интерпретировать и преподнести научную информацию, допускать фактические неточности и ошибки, чрезмерно упрощать сложные научные концепции, искажая их до примитивного уровня. Более того, непрофессиональные популяризаторы могут оказаться неспособны критически оценить качество и достоверность научных исследований, полагаясь на сенсационные заявления и непроверенные данные.

Если говорить о перспективах России в сфере популяризации науки, научной журналистики и коммуникации в эпоху активного развития медиа, то здесь открывают поистине огромные возможности. Это:

Развитие новых форматов и жанров научной коммуникации. Активное развитие медиа и цифровых технологий открывают широкий простор для экспериментов с формой и содержанием научно-популярных материалов. Интерактивные лонгриды, дата-журналистика, научные подкасты, игры, симуляции, которые позволяют рассказывать о науке, вовлекать аудиторию в научные исследования и дискуссии.

Расширение аудитории и демократизация доступа к научному знанию. Интернет позволяет донести научно-популярную информацию до самых широких слоев населения, включая тех, кто раньше был исключен из научной коммуникации в силу географических, социальных или экономических причин. Это открывает невероятные возможности для вовлечения в науку талантливых людей, для повышения научной грамотности и культуры в обществе.

Развитие научных медиа и просветительских проектов. Цифровые технологии значительно снижают входной барьер для создания и развития научно-популярных медиа и просветительских проектов. Сегодня любой научный популяризатор, журналист, ученый или исследователь может запустить свой научный блог, подкаст или канал, собрать вокруг себя сообщество единомышленников и внести свой весомый вклад в популяризацию науки.

Интеграция с образованием и обучением. Научная журналистика и коммуникация в цифровую эпоху могут стать важнейшим элементом системы непрерывного образования и повышения квалификации. Научно-популярные материалы и курсы могут успешно использоваться в школах и вузах для повышения интереса к науке, для профориентации молодежи, для актуализации знаний у специалистов в различных областях.

Анализ данных и персонализация коммуникации. Цифровые технологии и развитие медиа позволяют собирать и анализировать колоссальные массивы данных о том, как люди потребляют и воспринимают научную информацию. Это дает возможность лучше понимать свою аудиторию, адаптировать контент под ее потребности и интересы, развивать персонализированные сервисы и рекомендательные системы в области научной коммуникации.

Безусловно, реализация этих перспектив и возможностей потребует значительных усилий и перемен на всех уровнях — от государственной научной политики до корпоративной культуры научных учреждений и СМИ, от образовательной системы и подготовки специалистов до личной мотивации и ценностей ученых, журналистов и популяризаторов науки. Однако результат, несомненно, стоит затраченных усилий. Да, научная журналистика и коммуникация в России сталкиваются с серьезными вызовами в эпоху активного развития медиа и цифровых технологий. Они требуют комплексного и системного подхода. Необходимы согласованные усилия многих акторов и стейкхолдеров. Но в то же время цифровая эпоха открывает перед российской научной журналистикой, коммуникацией и наукой в целом новые перспективы и возможности. При наличии политической воли, ресурсов и творческой энергии Россия может стать одним из глобальных лидеров в области научной коммуникации и популяризации науки, задающим стандарты и лучшие практики. Развитие научной журналистики и коммуникации — это вклад в просвещение, инновации и конкурентоспособность нашей страны в XXI веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Southwell Brian G. Defining and Measuring Scientific Misinformation Brian G. Southwell // The annals of the American Academy of Political and Social Science. — 2022. — Vol 700 (1). С. 89–111. — Режим доступа: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/00027162221084709> (дата обращения: 03.06.2024).
2. Zukowska J. Scientific Misinformation in the Light of the Smart World and Smart Organizations. Imperatives and Challenges / J. Zukowska // Problemy Zarzadzania. — Management Issues. — 2022. — Vol 2022 (2 (96)). — С. 252–268. — Режим доступа: <https://pz.wz.uw.edu.pl/resources/html/article/details?id=231756> (дата обращения: 03.06.2024).
3. Egelhofer Jana Laura. Fake news a two-dimensional phenomenon: a framework and research agenda / Jana Laura Egelhofer // Annals of the International Communication Association. — 2019. — Vol 43 (2). — P. 97–116. — Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/23808985.2019.1602782> (дата обращения: 03.06.2024).
4. Fasce Angelo. Revised and short versions of the pseudoscientific belief scale / Angelo Fasce // Applied Cognitive Psychology. — 2021. — Vol 35 (3). — P. 828–832. — Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/acp.3811>

(дата обращения: 03.06.2024).

5. Piejka A. Do you believe what you have been told? Morality and scientific literacy as predictors of pseudoscience susceptibility / A. Piejka // *Applied Cognitive Psychology*.— 2020.— Vol 34 (4).— P. 1072–1082.— Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/acp.3687> (дата обращения: 03.06.2024).

6. Wright Dustin. Semi-Supervised Exaggeration Detection of Health Science Press Releases / Dustin Wright // *Proceedings of the 2021 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing*.— 2021.— P. 10824–10836.— Режим доступа: <https://aclanthology.org/2021.emnlp-main.845/> (дата обращения: 03.06.2024).

7. Kuchenbecker Ricardo S. Miracle drug: Brazil approves never-tested cancer medicine / Ricardo S. Kuchenbecker // *Journal of Oncology Pharmacy Practice*.— 2017.— Vol 23 (5).— P. 399–400.— Режим доступа: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1078155216665246> (дата обращения: 03.06.2024).

8. Orsi C. The impact of personal pseudoscientific beliefs in the pursuit for non-evidence-based health care / C. Orsi, P. Almeida, R. Pilati // *Journal of Evidence-Based Healthcare*.— 2022.— Vol 3 (2021).— Режим доступа: <https://www5.bahiana.edu.br/index.php/evidence/article/view/3516> (дата обращения: 03.06.2024).

9. Morosoli Jose J. Scientific clickbait: Examining media coverage and readability in genome-wide association research / Jose J. Morosoli // *Plos One*.— 2024.— Vol 19 (1).— Режим доступа: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0296323> (дата обращения: 03.06.2024).

10. Supavich P. Shoking secret you won't believe! Emotional arousal in clickbait headlines / P. Supavich // *Online Information Review*.— 2019.— Vol 43 (7).— P. 1136–1150.— Режим досту-

па: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/OIR-05-2018-0172/full/html> (дата обращения: 03.06.2024).

11. Rizky M. Clickbait Headline and Its Threat in The National Resilience / M. Rizky // *Cover Age Journal of Strategic Communication*.— 2018.— Vol 2 (2018).— Режим доступа: <https://journal.univpancasila.ac.id/index.php/coverage/article/view/590> (дата обращения: 03.06.2024).

12. Bolton Damien M. Fame news and clickbait — natural enemies of evidence-based medicine / Damien M. Bolton // *BJU International*.— 2017.— Vol 119 (S5).— P. 8–9.— Режим доступа: <https://bjui-journals.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/bju.13883> (дата обращения: 03.06.2024).

13. Landrum Asheley R. The role conspiracy mentality in denial of science and susceptibility to viral deception about science / Asheley R. Landrum // *Politics and the Life Science*.— 2019.— Vol 38 (2).— P. 193–209.— Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/journals/politics-and-the-life-sciences/article/role-of-conspiracy-mentality-in-denial-of-science-and-susceptibility-to-viral-deception-about-science/943F0F58B7A2864A0E3121A2C9EE8174> (дата обращения: 03.06.2024).

14. Kenzo N. What Is So Special About Conspiracy Theories? Conceptually Distinguishing Beliefs in Conspiracy Theories from Conspiracy Beliefs in Psychological Research / N. Kenzo // *Sage Journal Theory & Psychology*.— 2023.— Vol 33 (3).— Режим доступа: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/09593543231155891> (дата обращения: 03.06.2024).

15. Taner E. From creationism to economics: How far should analyses of pseudoscience extend? / E. Taner // *Mètode Revista de difusió de la investigació*.— 2017.— Vol (8).— Режим доступа: <https://ojs.uv.es/index.php/Metode/article/view/10001> (дата обращения: 03.06.2024).

Воронежский государственный университет
Смотров Н. С., аспирант
E-mail: nikita.smotrov@yandex.ru

Voronezh State University
Smotrov N. S., Postgraduate Student
E-mail: nikita.smotrov@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОГРАММИРОВАНИЯ ТЕЛЕКАНАЛА «ЧЖЭЦЗЯН ТВ»

Ин Чжан

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 12 июня 2024 г.

Аннотация: *Исследуется эволюция программирования телеканала «Чжэцзян ТВ» в весеннем и осеннем сезоне. Выделяются популярные форматы. Изучается востребованность развлекательных и социально значимых проектов.*

Ключевые слова: *китайское телевидение, развлекательное телевидение, форматы телевидения, тайм-слот, программирование телеканала, «Чжэцзян ТВ».*

Abstract: *The evolution of programming of the Zhejiang TV channel in the spring and autumn season is being investigated. Popular formats are highlighted. The relevance of entertainment and socially significant projects is being studied.*

Keywords: *Chinese television, entertainment TV, television formats, timeslots, TV programming, Zhejiang TV.*

Актуальность исследования обусловлена тем, что телеканал «Чжэцзян ТВ» как один из самых известных спутниковых телеканалов в Китае своим контентом постоянно привлекает широкий круг телевизионной аудитории на протяжении многих лет. Согласно отраслевому докладу «Рейтинги телевидения в Китае» [1], с 2009 по 2020 гг. телеканал «Чжэцзян ТВ» двенадцать лет подряд был в тройке лидеров в национальном рейтинге телевизионных каналов спутникового телевидения, а в 2021 и 2022 гг. занял в нем первое место с долей 3,91% и 3,019% соответственно [1–2].

Программирование как процесс выбора контента для трансляции и расстановки его в сетке вещания является одной из составляющих успеха в телевизионной индустрии [3–5]. Поэтому изучение программирования успешных телеканалов может иметь как научную, так и научно-практическую значимость. Для российских исследователей также может быть полезным знакомство с программной сеткой китайских телеканалов, которые даже в условиях ориентации на рейтинговые показатели стремятся сохранять в эфире социально значимые телевизионные передачи, уделяют повышенное внимание воспитательно-образовательной функции [6].

Методология. Для изучения эволюции программирования телеканала «Чжэцзян ТВ» было проведено количественное исследование в начале весеннего и в середине осеннего телевизионного сезона 2023 г., что позволило не только выявить приоритетные телевизионные форматы для популярного китайского телеканала, но и проследить изменения в программной политике.

В эмпирическую базу были включены все телевизионные передачи, которые транслировались с 9

по 15 января 2023 г. (начало весеннего телевизионного сезона) и с 6 по 12 ноября 2023 г. (осенний телевизионный сезон).

В ходе изучения теоретических работ по жанрово-форматному своеобразиею современного телевидения и пилотного исследования было выделено четырнадцать форматов, которые были найдены на телеканале в ходе пилотного исследования: документальный фильм, реалити-шоу, шоу, телесериал, новости, мультфильм, научно-популярные ток-шоу, ток-шоу, прогнозы погоды, кулинарный конкурс, кулинарное шоу, литературный комментарий и трэвел-шоу о китайской культуре, документальная драма о китайской культуре [3–4; 7].

Среди данных проектов были выделены девять форматов, которые обладали большей социальной значимостью: документальный фильм, новости, научно-популярные ток-шоу, кулинарный конкурс, кулинарное шоу, литературные комментарии, трэвел-шоу о китайской культуре, документальная драма о китайской культуре и прогноз погоды. Для определения социальной значимости мы основывались на классификаторе видов вещания Г. В. Кузнецова, в котором к социально значимым отнесены: информационные, публицистические, познавательно-развлекательные и культурно-просветительские телепрограммы [8]. Китайское телевидение старается уделять внимание проектам, которые имеют познавательную ценность для аудитории, что регламентировано в рекомендациях по программированию универсальных телеканалов, принятых в 2012 г.

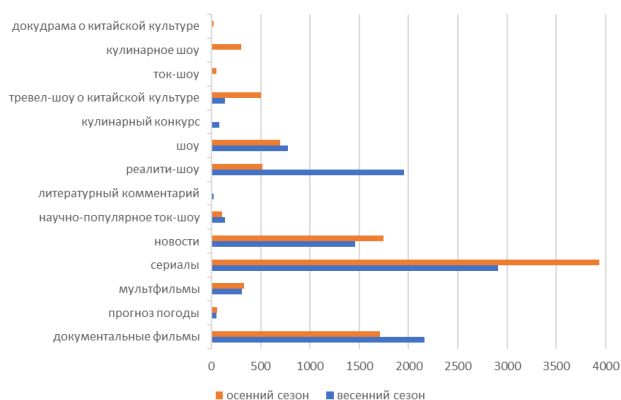
Для того чтобы проследить приоритетные форматы в разное время суток, эфирный день был разделен на шесть временных периодов: ранее утро (05.00–08.00), позднее утро (08.00–10.00), день (10.00–16.00), предпрайм (16.00–19.00), прайм-тайм (19.00–23.00),

постпрайм (23.00–02.00) и ночь (02.00–05.00).

Особенности программирования телеканала «Чжэцзян ТВ». В течение выбранных двух недель телеканал «Чжэцзян ТВ» транслировал четырнадцать форматов, из которых пять выходили в эфир каждый день. График показывает, что, в целом, канал программировался и весной, и осенью при помощи однотипных программ, хотя присутствовали и определенные изменения (см. гист. 1). Кулинарный конкурс заменило кулинарное шоу, уменьшилось количество реалити-шоу, но несколько увеличилось количество телевизионных сериалов, из эфира был убран литературный конкурс, но появилось ток-шоу и докудрама о китайской культуре.

Гист. 1

Форматное разнообразие телеканала «Чжэцзян ТВ»

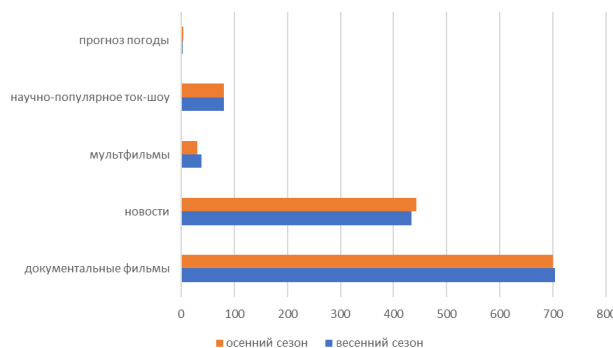
Гистограмма 2 показывает, что ранее утро стабильно программировалось на телеканале «Чжэцзян ТВ» при помощи документальных фильмов и новостей. Документальный фильм — это формат программы, в которой показываются реальные события, социальные явления или жизненные истории людей. Это не только позволяло аудитории узнать больше информации, но и помогало ей осмыслить и исследовать определенную тему или проблему, что имеет большое социальное значение. Наличие значительного количества документальных фильмов в программе передач телеканала свидетельствует о серьезном отношении его руководства к проблеме социальной ответственности медиа. Размещение новостей в этот период оправдано потребностью зрителей в информации в начале дня. Мультфильмы начинают выходить в период ранее утро, но основное их эфирное время несколько позже.

В позднее утро «Чжэцзян ТВ» также программировался при помощи одних и тех же форматов как в весеннем, так и в осеннем сезоне (см. гист. 3). Несколько изменилось только количество некоторых из них. Самым востребованным для программирования оказался развлекательный контент: телевизионные сериалы и мультипликационные фильмы. Можно предположить, что данный вид продукции

ориентирован на оставшуюся дома аудиторию: пенсионеров, домохозяек, детей.

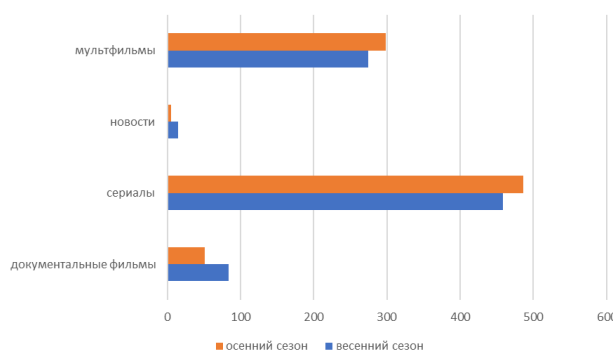
Гист. 2

Форматное разнообразие в период «ранее утро»

Гист. 3

Форматное разнообразие в период «позднее утро»

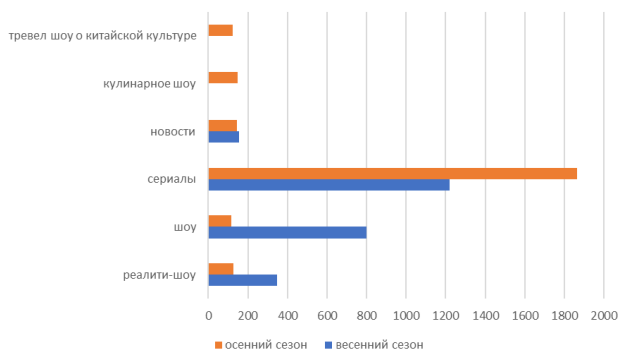

Однако уже в период «день» можно наблюдать значительные изменения в программировании осеннего телевизионного сезона по сравнению с весенним (см. гист. 4). Осенний характеризуется большим разнообразием видов программ особенно в выходные дни: появляются два новых формата: кулинарное шоу и трэвел-шоу о китайской культуре. Данное наблюдение также свидетельствует о том, что канал стремится повысить социальную значимость своего контента. Эфирное время информационных передач остается неизменным, сокращается количество реалити-шоу и шоу, но увеличивается количество сериалов.

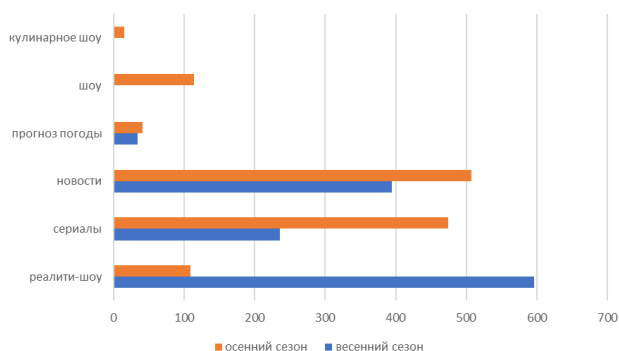
В период предпрайм также можно наблюдать значительные изменения в программной политике телеканала (см. гист. 5). Этот временной промежуток в эфир выходят новости и различный развлекательный контент: сериалы, шоу, реалити-шоу. В весеннем сезоне программная сетка состоит преимущественно из реалити-шоу, новостей и сериалов, в осеннем сезоне увеличивается разнообразие форматов: появляются шоу, в том числе кулинарные шоу. Можно также сделать вывод, что в осенний период программа передач выглядит гораздо более сбалансированной: программы, сочетающие в себе развлекательность и социальную значимость, такие как шоу, реалити-шоу и кулинарное

шоу, выходят только в выходные, самый популярный формат, сериалы, только в будние дни, а новости и прогнозы погоды, удовлетворяющие потребность зрителя в актуальной информации, ставятся в эфир ежедневно.

Гист. 4
Форматное разнообразие в период «день»

Гист. 5
Форматное разнообразие в период «предпрайм»

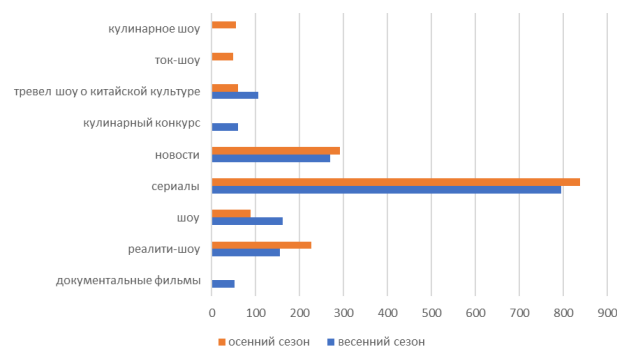

Программирование прайм-тайма в весеннем и осеннем сезоне схоже (см. гист. 6). Однако присутствует незначительная динамика: кулинарный конкурс заменяется кулинарным шоу; ток-шоу — документальным фильмом, незначительно увеличивается количество сериалов, но сокращается эфирное время реалити-шоу. Самыми востребованными форматами прай-тайма закономерно оказались телевизионные сериалы и новости. Информационные передачи транслировались в равном объеме в течение всей недели, количество сериалов было высоким в будние дни, но значительно сокращалось в выходные, когда их место занимали реалити-шоу и шоу. Полученные результаты соответствуют ритму жизни аудитории: в пятницу и субботу, когда зрители наконец освободились от напряженных рабочих дней, самый распространенный вариант для их отдыха — смотреть развлекательные программы. Сотрудники «Чжецзян ТВ» ставят в этот период в эфир реалити-шоу.

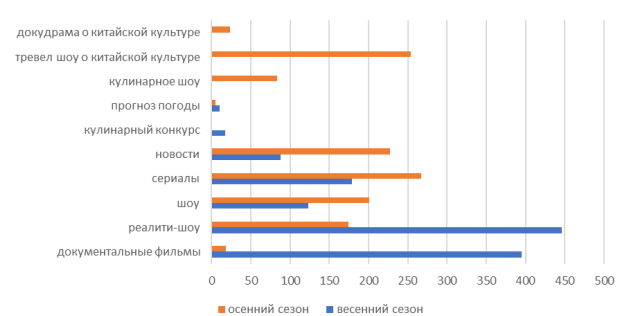
Программирование периода постпрайм нельзя назвать стабильным: появляются три новых формата, два формата перестают использоваться для продюсирования эфира, изменяется соотношение форматов (см. гист. 7). Несмотря на это можно ут-

верждать, что основными форматами в обоих сезонах оказались шоу, реалити-шоу, сериалы и новости. Сохраняется определенная доля социально значимого контента: значительно сокращается количество документальных фильмов, но начинают выходить тревел-шоу и докудрама о китайской культуре.

Гист. 6
Форматное разнообразие в период «прайм-тайм»

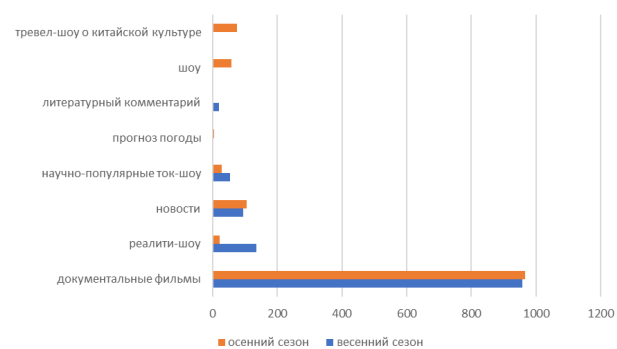

Гист. 7
Форматное разнообразие в период «постпрайм»

В течение «ночи» в эфир выходили повторы программ: в основном документальные фильмы, а также новости, научно-популярные ток-шоу, реалити-шоу и прогноз погоды — как зимой, так и осенью (см. гист. 8).

Гист. 8
Форматное разнообразие периода «ночь»

Дискуссия и выводы. Анализ показал, что несмотря на определенную динамику программирования в течение весеннего и осеннего сезона, можно утверждать, что телеканал «Чжецзян ТВ» — универсальный канал со сложившейся программной поли-

тикой. Основное место в эфирной сетке отводится телевизионным сериалам и новостям. Кроме них в эфир выходят развлекательные передачи различных форматов, а также те проекты, которые можно отнести к социально значимому контенту. Самым стабильным с точки зрения программирования оказалось время раннего и позднего утра (с 5.00 до 8.00 и с 8.00 до 10.00), а также ночь (2.00–5.00). Незначительно модифицировалась и программная политика прайм-тайма, где как весной, так и осенью основными форматами оказались сериалы и новости. Периоды «день», «предпрайм», «постпрайм» характеризуются неустоявшейся программной политикой: приоритетные форматы меняются, какие-то передачи исчезают из эфира, а другие появляются. Стоит отметить, что канал сохранил высокую долю социально значимого контента в течение года, что в целом характерно для телевидения КНР: если какой-то вид социально значимых передач уходил из эфира (например, документальные фильмы), он заменялся другим видом социально значимого контента (трэвел-шоу или документальной о китайской культуре)

Анализ тайм-слотов двух недель позволил выделить пять форматов программ, которые транслировались ежедневно: документальные фильмы, мультфильмы, сериалы, прогноз погоды, новости. Можно сказать, что эти программы соответствуют ключевым видам вещания, реализуют основные функции телевидения как медиа и удовлетворяют ключевые потребности повседневной жизни аудитории: получать социальные и культурные знания, развлечение и информацию, — а также предоставляют контент для детской аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рейтинги телевидения в Китае // Официальный сайт исследовательской компании «CSM». — Режим досту-

па: <http://www.csm.com.cn> (дата обращения: 17.07.2023).

2. Гао Я. Краткий анализ тенденций развития развлекательных программ спутникового телевидения «Чжэцзян ТВ» / Я Гао // Китайский журнал радиовещания и телевидения. — 2017. — № 8. — С. 43–45. 高雅. 浙江卫视综艺节目发展走向浅析. 中国广播电视学刊 · 2017 (8): 43–45.

3. Долгова Ю. И. Локальное телевидение: программирование и контент-стратегии в цифровую эпоху / Ю. И. Долгова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2021. — № 73. — С. 311–333. — Режим доступа: <https://doi.org/10.17223/19986645/73/17>. (дата обращения: 2.05.2024).

4. Долгова Ю. И. Жанрово-форматные особенности развлекательного телевидения / Ю. И. Долгова, Н. О. Ершов, Ч. Т. Т. Зунг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2022. — Т. 27. — № 3. — С. 573–589. — Режим доступа: <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-3-573-589> (дата обращения: 2.05.2024).

5. Могилевская В. С. Особенности программирования линейных телеканалов в условиях пандемии COVID-19 (на примере «Первого канала» и СТС) / В. С. Могилевская // Известия Уральского федерального университета. Проблемы образования, науки и культуры. — 2022. — Т. 28. — № 3. — 2022. — С. 17–34. — Режим доступа: <https://doi.org/10.15826/izv1.2022.28.3.042> (дата обращения: 2.05.2024)

6. Долгова Ю. И. Специфика реализации воспитательно-образовательной функции детским телевидением Китая / Ю. И. Долгова, Ц Юй // Вопросы теории и практики журналистики. — 2020. — Т. 9. — № 3. — С. 543–553.

7. Мяо Ди. Развитие и инновации типов телевизионных программ в Китае / Мяо Ди, Жен Янмэй // Телевизионные исследования. — 2008. — № 10. — С. 20–22. 苗隽, 任阳梅. 《我国电视节目类型的发展与创新》, 《电视研究》, 2008年第10期 · 第20–22页。

8. Кузнецов Г. В. Так работают журналисты ТВ / Г. В. Кузнецов. — М., 2004.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Ин Чжан, аспирант факультета журналистики
E-mail: tchjanin@yandex.ru

Lomonosov Moscow State University

Zhang Ying, Postgraduate Student of the Faculty of Journalism
E-mail: tchjanin@yandex.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОДСКОГО СООБЩЕСТВА В ГИПЕРЛОКАЛЬНЫХ МЕДИА

И. И. Шурко

Уральский федеральный университет

Поступила в редакцию 7 октября 2024 г.

Аннотация: *статья предлагает результаты изучения гиперлокальных медиа в контексте конструирования коллективной идентичности местных сообществ. На примере шести онлайн-ресурсов городов-спутников атомных электростанций России делается вывод о моделировании такими медиа идентичности, основанной на трёх компонентах: тематическом повествовании о сообществе, совместном медиатизированном действии и обращении к локальной истории.*

Ключевые слова: *коллективная идентичность, гиперлокальные медиа, цифровая журналистика, атомные города.*

Abstract: *the article presents the results of a study on hyperlocal media and its role in constructing collective identity of local communities. By analyzing six online resources from Russian nuclear power plant satellite towns, the author draws a conclusion about how these media model identity through three main components: a thematic narrative about the community, collaborative mediatized activity, and an appeal to local history.*

Keywords: *collective identity, hyperlocal media, digital journalism, nuclear towns.*

Современный человек, находясь во всесторонне медиатизированном пространстве, переносит в персональную виртуальную реальность элементы своего физического существования, одной из черт которого является связь с конкретным местом на карте. Вместе с тем, сегодня исследователи отмечают в социальных процессах явление «безместности» — утрату географического компонента жизни людей [1, 80]. Такая ситуация, очевидно, стала одним из следствий дигитализации общественных отношений. Значимая характеристика цифровых преобразований — транзитивность, выражающаяся в изменчивости, неопределённости и множественности социальных вызовов [2, 73].

Тренд на транзитивность затронул городские сообщества. Разрушение коллективной идентичности местных жителей — одно из его центральных проявлений. Глобализация эпохи digital формирует общее информационное поле, которое обычно не учитывает традиции и интересы малых социальных групп. Как контраргумент в таких условиях возникает нарративная идентичность — склонность индивида в межличностных взаимоотношениях говорить о себе, а не выражать себя в каких-либо действиях. В медиасреде развитию такой формы идентичности способствуют интернет-площадки. Они превращаются в источник гибкой социализации на стыке реального и виртуального пространств [3, 18].

Также наряду с нарративной специалисты выделяют партиципативную и биографическую идентич-

ности. Партиципация, то есть участие, подразумевает деятельное взаимодействие с социальной средой, стремление к осмысленным созидательным поступкам. Конструирование биографической идентичности опирается на личные ценности, важные для человека события. Исторический аспект биографии стимулирует персональную память, стирающуюся под влиянием результатов цифровизации: отказа от привязанного к месту уклада жизни и нарушения передачи опыта между поколениями [2, 74–76].

Однако заметим, что биографическая идентичность закономерно движет человека к индивидуализации и атомизации внутри социума. В контексте географически определённых сообществ, на наш взгляд, корректнее конструировать идентичность на базе просопографии — междисциплинарного вектора исследований коллективных биографий социальных групп и страт [4, 2]. С точки зрения журналистики просопографию городских сообществ традиционно формулировали местные или локальные средства массовой информации, а в цифровую эру это делают гиперлокальные медиа. Онлайн-ресурсы нового типа дают площадку для виртуальных дискуссий жителям поселений разного масштаба [5, 24; 6, 40].

Следовательно, гиперлокальные медиа становятся в некотором роде отражением ментальных моделей мира их аудитории [7, 38]. Соответственно, ресурсы, постоянно генерирующие смыслы благодаря мнениям пользователей, вовлекают сообщество в осознание себя как общности, имеющей исторические корни и планирующей совместное будущее. Эта политика медиа обладает потенциалом перехо-

да вербальной коммуникации в практики участия и соучастия, как в сети, так и в офлайне [2, 74]. Так локальные медиаспециалисты, активисты и лидеры мнений реализуют свою гражданскую роль, присутствующую современной журналистике [8, 144].

В отечественном региональном пространстве возникают сообщества, во взаимодействии с которыми гиперлокальные медиа способны реализовать потенциал, описанный в упомянутых ранее концепциях. Наше внимание в рамках исследования привлекла такая социально-географическая общность, как российские атомные города.

Атомные города представляют собой особый тип территорий Российской Федерации. Союз организаций атомной отрасли «Атомные города», входящий в Государственную корпорацию по атомной энергии «Росатом», определяет такие города как «территории размещения атомного энергопромышленного комплекса России» [9]. Основанные во второй половине XX века, они, тем не менее, сформировали свой особый исторический бэкграунд, вырастили не одно поколение, ментально связанное с данными территориями.

В январе 2022 года — июле 2024 года мы проводили систематический мониторинг шести гиперлокальных медиа, действующих в отечественных городах-спутниках атомных электростанций на платформе соцсети ВКонтакте: «Белка ТВ/FM» (Заречный, Свердловская область), «Курчатов ТВ» (Курчатов, Курская область), «Студия «Видео-Дон»» (Нововоронеж, Воронежская область), «Телекомпания СТВ» (Сосновый Бор, Ленинградская область), «Типичный Балаково!» (Балаково, Саратовская область) и «Типичный Волгодонск» (Волгодонск, Ростовская область). На наш взгляд, территории расположения АЭС выделяются среди других городов атомной отрасли, поскольку в «титულიной» производственной деятельности связаны не с государственным оборонным заказом, а с созидательной, мирной выработкой энергии преимущественно в гражданских целях.

В результате мониторинга мы определили, что нарративная идентичность городского сообщества воплощается в рассказе о событиях и новостях, сопряженных с самыми разными темами — от проблем жилищно-коммунального хозяйства и спортивных достижений до открытия новых инфраструктурных объектов и дорожно-транспортных происшествий. Безусловно, каждый атомный город отличается своим соотношением тем и уникальных информационных поводов. Объединяющим же служит стремление авторов к закреплению коллективного облика аудитории в подробном, всестороннем рассказе.

Партиципативная идентичность выражается в участии в общем деле членов местного сообщества, многие из которых выступают одновременно и сотрудниками градообразующего предприятия, и жителями атомного города. В данном случае воз-

можно как воплощение виртуальной идеи в реальном измерении, когда гиперлокальное медиа становится точкой сборки продуктивных инициатив (к примеру, результативные финансовые сборы и флешмобы медиа «Типичный Балаково!»), так и освещение изначально физически воплощаемых дел в публикациях журналистов с предложением присоединиться к акциям (например, публикации о работе зооволонтеров в Заречном Свердловской области и Нововоронеже).

Просопографическая идентичность конструируется в презентации локальной истории. Это могут быть публикации фотографий из муниципального архива или личных собраний пользователей (Балаково, Волгодонск и др.), воспоминания о первооткрывателях или исторических событиях того или иного атомного города (Заречный Свердловской области, Курчатов и др.), цифровые копии телепрограмм прошлых лет из хранилищ местных телеканалов (Нововоронеж, Сосновый Бор и др.). Так гиперлокальные медиа раскрывают свою мемориальную сторону, способность агрегировать и затем транслировать память городского сообщества, тем самым объединяя его участников.

Избранные для анализа медиа действуют главным образом в соцсетях, поскольку существенный источник коллективной идентичности — системное отстраивание коммуникации между редакцией и аудиторией. Журналист и зритель регулярно преодолевают коммуникативный барьер сменой ролей, когда предполагаемая ситуация «медиа — коммуникатор, аудитория — реципиент» (аналоговая форма взаимодействия) заменяется нестандартной «аудитория — коммуникатор, медиа — реципиент» [10, 13]. Так конструктивная обратная связь способствует построению продуктивных отношений между субъектами интерактивной онлайн-коммуникации [11, 175]. Изменившаяся медиасистема трансформирует общество в «комбинированную модель социального сотрудничества» [12, 16].

Таким образом, гиперлокальные медиа на примере онлайн-ресурсов городов-спутников атомных электростанций в контексте данной работы следует рассматривать в качестве акторов конструирования коллективной нарративной (мы-в-рассказе), партиципативной (мы-в-действии) и просопографической (мы-в-истории) идентичности городских сообществ как в цифровом, так и в реальном социокультурном пространстве.

Приводимое здесь понимание функций гиперлокальных медиа предполагает последующие дискуссии о статусе и положении подобных средств массовой коммуникации в современной медиасистеме, их значении в социальных процессах эпохи цифровизации. Теоретическая модель, основанная на ряде предыдущих междисциплинарных исследований, находит отражение в практике нескольких редакций,

создающих текстовый и аудиовизуальный контент, а значит, может обнаружиться и в альтернативных совокупностях аналогичного эмпирического материала. Так или иначе, гиперлокальные медиа атомных городов, взаимодействуя с аудиторией и развивая горизонтальные связи с ней, уже сегодня делают весомый вклад в повышение психологического благополучия людей в период неопределённости и глобальных вызовов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Человек в мире медиа: пространственно-временные и социографические характеристики. — Екатеринбург, 2024.
2. Марцинковская Т. Д. Особенности кризисов транзитивности в период карантина / Т. Д. Марцинковская, Н. С. Полева // Новые психологические исследования. — 2022. — № 1. — С. 71–87.
3. Марцинковская Т. Д. Идентичность в транзитивном и виртуальном пространстве / Т. Д. Марцинковская // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». — 2018. — № 4 (14). — С. 11–20.
4. Юмашева Ю. Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях / Ю. Ю. Юмашева // Историческая информатика. — 2022. — № 1 (39). — С. 1–51.
5. Örnebring N., Hellekant Rowe E. The Media Day, Revisited: Rhythm, Place and Hyperlocal Information Environments // Digital Journalism. 2022. Vol. 10, № 1. P. 23–42.
6. Шурко И. И. Интерактивные инструменты творческой деятельности в гиперлокальных медиа атомных городов России / И. И. Шурко // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. — 2024. — Т. 30, № 3. — С. 38–48.
7. Курушкин С. В. Гиперлокализация в системе российского мегаполиса: к вопросу об определении понятия / С. В. Курушкин // Челябинский гуманитарий. — 2020. — № 4 (53). — С. 36–40.
8. Фролова Т. И. Социальные проекты местных СМИ в контексте принципов партиципаторной журналистики / Т. И. Фролова, А. С. Гатилин // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2021. — № 3. — С. 121–151.
9. Об организации // Союз «Атомные города». [интернет-портал]. — URL: <https://atomgoroda.ru/about> (дата обращения 27.09.2024).
10. Щепилова Г. Г. Телеканалы и социальные сети: специфика взаимодействия / Г. Г. Щепилова, Л. А. Круглова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2018. — № 3. — С. 3–16.
11. Топчий И. В. Эмоциональный фон комментария как результат различных способов его оценки / И. В. Топчий // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2019. — № 3 (33). — С. 175–181.
12. Dugin E. A «communicative turn» in the theoretical and methodological substantiation of the media system and journalism // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. 2024. № 3. P. 5–19.

Уральский федеральный университет
Шурко И. И., аспирант кафедры периодической печати
и сетевых изданий
E-mail: shurko.ilja@gmail.com

Ural Federal University
Shurko I. I., Postgraduate Student of the Periodical Press and
Online Media Department
E-mail: shurko.ilja@gmail.com

КОНТЕНТ-СТРАТЕГИИ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОГРАММ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Е. Юань

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 28 июня 2024 г.

Аннотация: в статье анализируются контент рейтинговых китайских и российских музыкальных программ «Голос Китая» и «Голос», «Маска» и «Певец в маске» на новых технологических платформах, а также специфика контент-стратегий шоу в цифровом пространстве. Основная цель исследования — выявить факторы эффективности в привлечении потенциальной аудитории, сохранении целевой аудитории и продвижении самих программ.

Ключевые слова: тележурналистика, музыкальная программа, контент-стратегия, интернет, конвергенция СМИ, социальные сети, Китай, Россия.

Abstract: the article analyzes the content of the top-rated Chinese and Russian music programs “The Voice of China” and “The Voice”, “Mask” and “The Masked Singer” on new technology platforms, as well as the specifics of the show’s content strategies in the digital space. The main purpose of the study is to identify factors of effectiveness in attracting potential audiences, retaining target audiences and promoting the program itself.

Keywords: TV journalism, music program, content strategy, Internet, media convergence, social media, China, Russia.

Введение. С развитием экономики и инновациями сетевых технологий быстро развиваются и цифровое медиапространство. Многие ученые полагают, что появление социальных медиа поставило под угрозу статус традиционных средств массовой информации и привело их развитие в «узкое место» [1]. Но отношения между традиционными СМИ и новой медиасредой, с возникновением интернета, развиваются не по прямой линии, а в форме взаимного сосуществования, объединяя и дополняя друг друга, при этом продолжая конкурировать. Это взаимодействие показательно демонстрируется во взаимоотношениях между телевидением и новым медиапространством. Исследователь Ю. И. Долгова так описывает эту ситуацию: «...цифровая революция не привела к смерти телевидения, но к его трансформации, которая находит отражение в усилении конкуренции внутри телевизионного пространства между различными каналами и платформами, а как следствие, к изменению контент-стратегий вещателей» [2, 234]. Конвергенция СМИ постепенно меняет способ взаимодействия аудитории с традиционными медиа. Так, просмотр телевизора превратился из пассивного времяпрепровождения в процесс, которым зрители способны управлять. Одними из важных атрибутов современности стали «кастомизация контента и интеграция традиционных СМИ с новой медиасредой, предполагающая общение пользователей, их участие в создании контента, возможность комментирования и получения обратной связи» [3, 257].

В настоящее время, создатели музыкальных телепрограмм активно используют новейшие цифровые технологии для производства и распространения телеконтента. Они стремятся сделать эти медиапродукты доступными на любых бытовых устройствах, в том числе телефон, планшет, телевизор или компьютер и в любых мобильных приложениях (в социальных сетях и на видеохостингах). Это означает, что современные традиционные медиапродукты должны полагаться на коммуникационные возможности новых медиа для быстрого и широкомасштабного распространения и достижения цели продвижения как реклама.

Актуальность. Контентная стратегия — это создание, публикация и продвижение контента, способствующего достижению ключевых бизнес-целей в цифровой среде [4, 2019]. В эпоху традиционных СМИ телевизионные программы продвигались в том числе с помощью радио и печатных СМИ. Однако с наступлением цифровой эпохи традиционные медиа уже не могут полностью удовлетворять потребности аудитории. В этом контексте вирусное распространение интернета стало эффективной контент-стратегией для традиционных СМИ. На самом деле, традиционные СМИ проявляют устойчивый интерес к распространению информации на новых медиаплощадках, которые показали себя как мощное и действенное медиа [5, 109]. В цифровую эпоху предпочтения китайской аудитории становятся важным фактором, определяющим тенденции развития медийной и развлекательной индустрии в стране. С быстрым развитием технологий и широким до-

ступом к цифровым платформам, китайский зритель выражает свои предпочтения в различных сферах, оказывая влияние на форматы контента, платформы потребления и методы взаимодействия [6, 103].

В условиях активного развития процесса информатизации в медиапространстве стало появляться все больше количество новых платформ. Их формат во многом может отличаться от привычных нам ранее. Однако современные представители СМИ вынуждены переходить на еще не изученные и непривычные для них хостинги, чтобы сохранять и поддерживать интерес не только своей, но и возможной аудитории, мигрирующей в актуальные социальные сети и сервисы [7, 559]. В отчете We Are Social представлены данные об использовании интернета и социальных сетей людьми по всем миру в 2023 г. В нем упоминается среднее время, которое люди в Китае и России проводят в интернете: китаец — 5 час 25 минут и русский — 7 час 57 минут, в том числе россияне тратят на социальные сети и мессенджеры более трех часов в день, а китайцы тратят 2 часа 25 минут. По данным анализа, проведенного KeriOS, с начала пандемии общая аудитория соцсетей увеличилась почти на 30%, что эквивалентно более чем 1 млрд. новых пользователей за последние 3 года [8].

Эти показатели в полной мере доказывают, что социальные сети уже стали важным каналом, который может предоставлять потребителям информации и развлечения. Музыкальные программы представляют собой один из многих видов видеоконтента, основанных на традиционных телевизионных СМИ, которые должны использовать социальные сети для получения прибыли.

Контент — это любой формат, который представлен в виде текста, видео, изображения или любых других средств, который позволяет бренду или бизнесу передать сообщение своим потребителям или предоставить информацию о любом интересующем факте или событии [9, 24]. С точки зрения его распространения в социальных сетях, профессор Пэн Лань из Университета Цинхуа считает, что взаимодействие между телепрограммами и социальными сетями представляет собой «переупаковку» телевизионных продуктов на платформах социальных сетей. То есть в соответствии с особенностями платформы и привычками пользователей трансформируется контент исходной программы. Основной характеристикой контента социальных сетей является фрагментарность информации. Фрагментарность информации означает, что полная информация в системе расчленена и разбрана на фрагменты с определенным значением [10, 23]. На этом уровне содержания музыкальных программ являются лучшим контентом для социальных сетей. Поскольку их можно разделить на сегменты в зависимости от продолжительности выступления исполнителя с учетом потребностей аудитории. Другими словами, их мож-

но легко «переупаковать» в соответствии с условиями коммуникации в социальных сетях.

Актуальность данной работы заключается в определении эффективности различного контента, размещенного в социальных сетях в привлечении потенциальной аудитории, удержании целевой аудитории и продвижении самих программ.

Методология и результаты исследования.

За последние десять лет Россия и Китай заимствовали и адаптировали большое количество музыкальных программ, самыми успешными из которых, несомненно, является шоу «Голос» и «Маска» (табл. 1). На данном этапе была осуществлена попытка вычленивать контент-стратегии этих четырех музыкальных шоу в новой медиасреде. Были количественно и качественно проанализированы аккаунты данных телевизионных программ в социальных сетях и мессенджерах. При проведении контент-анализа и сравнения выборка включала в себя «Голос», «Голос Китая»; «Маска», «Певец в маске».

Таблица 1.

Аудиторные показатели телевизионных реалити-шоу (апрель 2023 г.)

Название программы	ТВ канал	Рейтинг%	Доля
«Голос Китая»	Чжэцзян	2.27	10.59
«Голос» (Россия)	Первый канал	3,4	8.1
«Певец в маске» (Китай)	Цзянсу	1.5	6.9
«Маска» (Россия)	НТВ	3.4	9.8

Данные рейтинга CMC Media Research. — Режим доступа: https://www.csm-huan.com/historycompare.html?channel_code=c39a7a374d888bce3912df71bcb0d580 и Mediascope (дата обращения: 30.03.2023).

При проведении анализа мы наблюдали за размещенным контентом телеканалов в социальных сетях в течение месяца (03. 11. 2023–03. 12. 2023). Самыми популярными социальными сетями среди китайских телеканалов, несомненно, являются «Тикток», Weibo. Хотя YouTube уже достаточно давно запрещен в Китае, команда программы все равно загружает шоу на платформу, чтобы ее могли смотреть китайцы за рубежом. В ходе исследования выяснилось, что выбранные телепрограммы в России скорее склонны делиться своим контентом на таких платформах, как «ВКонтакте», Telegram и «Одноклассники».

Контентные стратегии музыкальных программ привели к увеличению количества возможных форм контента. В нашем исследовании мы предлагаем использовать следующую классификацию форм контента, так как она используется учеными для опи-

сания контент-стратегий на интернет-площадках: фото с текстом, текст, видеоролик, ссылка.

Для изучения активности пользователей в социальных сетях в процессе исследования мы сосредоточились на трех видах данных, эти данные также можно использовать для оценки популярности телепрограмм: количество просмотров, количество лайков, количество репостов.

Эти данные были собраны в наших исследованиях с помощью интернет-инструментов (Popster в России и Media Research в Китае).

«Голос Китая» и «Голос России»

Таблица 2.

Аудиторные показатели шоу «Голос Китая» в социальных сетях

«Голос Китая»	«Тикток»	Weibo	YouTube	
Количество подписчиков (млн)	5,55	2,37	0,469	
Количество постов	93	390	155	
Форма поста	Видео текст+фото	Видео текст+фото репост	Видео	
Количество просмотров (млн)	180	601	3.81	
Количество лайков (тыс.)	550	1.43	0.3	
Количество комментариев (тыс.)	110	0.43	0.013	
Количество репостов (тыс.)	30	0.2		
Содержание поста	Фрагмент программы	+	+	+
	Анонс	+	+	+
	Уникальный контент	+	+	-

Источник: CMS media research. — Режим доступа: <https://www.csm.com.cn/cfw/ds/ssl.html> (дата обращения: 29.11.2023)

Содержание формата «Голос» можно условно разделить на четыре части: выступления участников, общение между наставниками, интервью с участниками и интервью с наставниками. И контент разбит на независимые сегменты и показывается в социальных сетях. На этих платформах зрители могут не только найти самые яркие моменты программы, но и уникальный контент об истории участников-певцов и их наставников в форме специального репортажа. Кроме этой информации, «Голос» в обе-

их странах в социальных медиа публикуют анонсы программы, для того чтобы заранее привлечь внимание аудитории.

Таблица 3.

Аудиторные показатели шоу «Голос» в социальных сетях

«Голос» в России	«ВКонтакте»	«Одноклассники»	
Количество подписчиков (млн)	1.238	0.35	
Количество постов	304	853	
Форма поста	Видео Текст Фото Ссылка	Видео Текст Фото Ссылка	
Количество просмотров (млн)	18.9	Нет информации	
Количество лайков (тыс.)	200.3	92.65	
Количество комментариев (тыс.)	22.08	31.047	
Количество репостов (тыс.)	15.98	6.2	
Содержание поста	Фрагмент программы	+	+
	Анонс	+	+
	Уникальный контент	+	+

Источник: Popster. — Режим доступа: <https://popsters.ru/app/dashboard> (дата обращения: 29.11.2023).

Мы заметили, что в социальных сетях также существует большое количество контента в форме коротких видеороликов продолжительностью менее 40 секунд, чтобы зафиксировать незамеченные моменты наставников и участников (мимики, жесты, настроения). В коротком видеоролике, опубликованном в «ВКонтакте» 31 ноября 2023 г., В. М. Вакуленко сделал жест сердца зрителям. Видео было просмотрено более 24 тысяч раз, что в 4 раза превышает среднее количество просмотров. Такие видео, как правило, эмоциональны и ближе к повседневной жизни.

Социальные сети также являются местом для голосования за участников и наставников для этого шоу. Например, аккаунт «Голос в России» запустил в «ВКонтакте» опрос любимого наставника 4 ноября 2023 г., число участников достигло 1312. А в Китае «Голос Китая» в платформе Weibo после каждой серии запускает голосование за любимое выступление участников.

Нельзя не отметить, что одно и то же шоу использует разные контент-стратегии в разных странах.

Аккаунт «Голос Китая» в соцсетях является платформой прямых трансляций. Участники шоу используют официальный аккаунт для проведения прямых трансляций, чтобы продемонстрировать свои певческие способности. Благодаря большому количеству подписчиков «Голоса Китая» в Weibo участники шоу часто могут за короткий период времени обрести собственных поклонников.

Благодаря успешной локализации «Голоса» в России, на «Первом канале» есть не только программы «Голос», но и шоу для участников разного возраста, в том числе «Голос детей», «Голос 60+» и «Голос. Уже не дети». Вот и в России официальный аккаунт шоу «Голос» тоже занимается продвижением этих программ. К примеру, 28 ноября 2023 г. в социальной сети «Одноклассники» опубликовали видео об истории первого сезона «Голос. Уже не дети». И во «ВКонтакте» есть свой официальный аккаунт «Голос детей».

«Певец в маске» и «Маска»

Таблица 3.

Основные показатели шоу «Певец в маске» в социальных сетях

Певец в маске	Тикток	Weibo	YouTube	
Количество подписчиков (млн)	14.59	0.34	0.25	
Количество постов	40	1600	248	
Форма поста	Видео	Видео текст+фото перепост	Видео	
Количество просмотров (млн)	170			
Количество лайков (тыс.)	6712	3010	25	
Количество комментариев (тыс.)	54	274	13	
Количество репостов (тыс.)	26	212		
Содержание поста	Фрагмент программы	+	+	+
	Анонс	-	+	+
	уникальный контент	-	+	+

Источник: CMS media research.— Режим доступа: <https://www.csm.com.cn/cpfw/ds/ssl.html> (дата обращения: 29.11.2023)

Контент, публикуемый «Голосом» в социальных сетях, не только связан с программой, но и содержит контент, общечеловеческой направленности. Например, 3 ноября 2023 г. на платформе «Однокласс-

ники» опубликован документальный фильм в память об ушедшем наставнике Александре Градском. И 14 июля 2023 г. во «ВКонтакте» запущен пост под названием «День рождения у певицы и наставника шоу «Голоса» Пелагеи».

Таблица 4.

Основные показатели шоу «Маска» в социальных сетях

«Маска»	«ВКонтакте»	ОК	Telegram	
Количество подписчиков (тыс.)	233.2	27.5	18.4	
Количество постов	1021	756	852	
Форма поста	Видео Текст Фото Ссылка	Видео Текст Фото Ссылка	Видео Текст Фото Ссылка	
Средний хронометраж видео				
Количество просмотров (млн)	36.42		12.45	
Количество лайков (тыс.)	638.06	48.94	34.1	
Количество комментариев (тыс.)	164.24	20.8	79.9	
Количество репостов (тыс.)	18.91	1.06	12.4	
Содержание поста	Фрагмент программы	+	+	+
	Анонс	+	+	+
	уникальный контент	+	+	+

Источник: Popster.— Режим доступа: <https://popsters.ru/app/dashboard> (дата обращения: 29.11.2023).

По правилам игры формата программы «Маска» видно, что контент программы состоит из четырех основных частей, в том числе, выступления участников под маской, гадание, снятие маски, и еще выступление участника после снятия маски. Однако за счет добавления новых идей в российской версии программы «Маска» имеется дополнительный сегмент — знакомства с персонажами, которых участники играют в шоу. Поэтому контент проекта делится

на 4 или 5 видеоклипов и загружается в социальные сети для просмотра. И перед выходом каждого выпуска шоу используют большое количество фотографий персонажей и сегмент из программы в качестве анонса. Программа использует максимально простую и понятную информацию для привлечения внимания аудитории и продвижения программы.

Особенностью этого шоу является неопределенность личностей участников. Благодаря чему шоу часто публикует в социальных сетях пост под названием «Смогли угадать, кто под маской?». Такой тип постов считается взаимодействием между программой и аудиторией, которое часто приводят к горячим дискуссиям. Кроме этого, интерактивность этого шоу еще отражается в голосовании. После каждой серии шоу организует голосование в социальных сетях, чтобы выбрать любимое выступление зрителей. Например, 24 ноября 2023 г. «Маска» на платформе «ВКонтакте» провела голосование на тему «Выступление какой Маски в одиннадцатом выпуске вам понравилось больше всего?».

Результаты сравнительного анализа китайских и российских музыкальных телевизионных программ по-прежнему показывают достаточное количество различий в их контент-стратегии:

1. Контент-стратегия китайского проекта характеризуется использованием репостов участников. Эффект звездности участников нельзя игнорировать. Он может привлечь больше подписчиков в социальных сетях и, таким образом, дает возможность превратить потенциальную аудиторию в целевую.
2. Короткие видеоролики широко используются в социальных сетях, особенно проектом «Маска». В России короткие видеоролики используются для записи репетиций и специальных интервью, а в Китае — для записи истории участников. И надо подчеркивать, что эти видео не являются сегментами шоу. Можно сказать, что такой контент представляет собой дополнением программы.
3. В российских социальных сетях «Маска» провела большое количество интервью, которые называется «После Маски» с участниками после финала четвертого сезона, чтобы поддерживать определенный уровень популярности шоу, когда программа не транслируется.
4. В России социальные сети стали каналом коммуникации между обычными людьми и знаменитостями. Каждый человек может задать певцам вопросы через официальные аккаунты «Маска». Например, 24 ноября 2023 г. в сети «ВКонтакте» появился пост, в котором зрители могли задать вопросы Фениксу (Виктории Дайнеко) в форме комментария.
5. В России шоу запустило серию мини-игр в социальных сетях для взаимодействия с аудиторией.

К примеру, зрители могут найти в выпуске кодовые слова и специальные плашки для получения билета на финал шоу. Это не только особый способ привлечь зрителей к просмотру программы, но и попытка совместной работы двух медиа.

6. Нельзя не заметить, что официальный аккаунт «Маска» в российских соцсетях не только занимается продвижением самой программы, но и других шоу, которые также транслируются на телеканале НТВ. Например, 29 ноября 2023 г. в социальном медиа «Одноклассники» был опубликован пост, который рекламирует новый проект «Аватар».

Выводы. В результате анализа контента телевизионных музыкальных программ в социальных медиа мы обнаружили, что контент-стратегии выбранных шоу, в основном, отражаются в следующих аспектах:

Во-первых, взаимодействие программы с подписчиками с целью повышения интерактивности музыкальных реалити-шоу. Основными методами является опрос, вопрос, мини-игра. И с помощью этих методов у традиционных СМИ будет возможность лучше понимать свою аудиторию, ориентируясь на комментарии, оценки, отклики, замечания [11, 217]. Команда программы также может собирать и анализировать отзывы аудитории через платформы социальных сетей и своевременно корректировать содержание и формат программы, чтобы повысить удовлетворенность аудитории и привлекательность программы.

Во-вторых, привлечение потенциальной аудитории и сохранение целевой аудитории. Основной способ представляет собой публикацию интересного контента. И этот контент можно разделить на следующие типы: анонс, яркий фрагмент программы, уникальный контент в форме кратких видео, репост, интервью и репортаж с участниками, и еще прямой эфир участника.

В-третьих, вторичное продвижение программы с целью сохранения популярности проекта. Большинство шоу является сезонным, поэтому оно теряет свою популярность в течение длительного периода. Главными формами вторичного продвижения являются производная работа пользователей соцсети, интервью и репортаж с бывшими участниками («После Маски»).

В-четвертых, социальные сети также предоставляют больше каналов продвижения других телепроектов. На основании большого количества подписчиков, продвижение программ или спектаклей на одной телеканале можно считать наиболее эффективной рекламой. И такая специальная реклама обычно появляется в форме репоста.

В-пятых, использование социальных сетей также может способствовать быстрому распространению и расширению влияния реалити-шоу. Благодаря функции обмена информации в социальных сетях

зрители могут быстро распространить свою любовь, признательность и к программе среди большего числа людей. Когда определенное музыкальное выступление или клип программы получает большое количество лайков, репостов и комментариев в социальных сетях, они часто могут вызвать широкое внимание и обсуждение и даже стать актуальными событиями. Это может не только привлечь больше зрителей, но и значительно повысить популярность и влияние музыкального реалити-шоу.

В то же время мы не можем игнорировать тот факт, что социальные сети постепенно стали новым классом средств массовой коммуникации [12, 217]. Являясь виртуальным СМК, социальные сети выполняют несколько социальных функций при проведении контент-стратегии (таблица).

Таблица 5.

Соотношение типа контента с функциями

Функции	Тип контента
Информационная	Интервью, репортаж
Развлекательная	Ссылки на шоу, фрагменты шоу, уникальные видео
Коммуникационная	Отзыв, комментария
Коммерческая	Фрагменты других телепрограмм

Использование социальных сетей открывает новые возможности для распространения контента музыкальных программ. Аудитория может взаимодействовать и комментировать программу через платформы социальных сетей, что увеличивает интерактивность между аудиторией и программой и увеличивает долю участия аудитории. Это также обеспечивает широкий канал для продвижения и распространения программ. Нетрудно заметить, что социальные сети — это телевизионный инструмент, основная цель которого — повышение рейтингов программ.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Юань Е., аспирант кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики

E-mail: yuanye9681@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА

7. Сун Ч. Как меняется телевидение благодаря интернет-среде / Ч. Сун // Научный аспект. — 2023. — Т. 17, № 4. — С. 2203–2208.
8. Долгова Ю. И. Контент-стратегии российских универсальных телеканалов в условиях перехода на цифровое телевидение / Ю. И. Долгова, В. С. Федорова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2023. — № 83. — С. 234–256.
9. Евстифеева А. Г. Конвергенция музыкальных телепрограмм и ее основные особенности / А. Г. Евстифеева // Век информации. — 2018. — № 2–2. — С. 257–258.
10. Кингснорт С. Стратегия цифрового маркетинга. Интегрированный подход к онлайн-маркетингу / С. Кингснорт. — М., 2019.
11. Евдокимов В. А. Контент-стратегии массмедиа в социальных сетях / В. А. Евдокимов // Вестник Воронежского государственного университета. Филология. Журналистика. — 2023. — № 2. — С. 109–113.
12. Чжэнь Ч. Контент-стратегии китайских реалити-шоу в эпоху конвергенции СМИ / Ч. Чжэнь // Litera. — 2023. — № 12. — С. 103–111.
13. Мустаева О. В. Контентная стратегия для TikTok: новый медиаформат (на материале аккаунтов Lenta.ru, Vesti.ru) / О. В. Мустаева // Огаревские чтения, 2022. — Ч. 3. — С. 559–565.
14. Статистика интернета и соцсетей на 2023 год — цифры и тренды в мире и в России. — Режим доступа: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 23.05.2022).
15. Шевченко Д. А. Контентная стратегия организации: планирование и реализация / Д. А. Шевченко // Практический маркетинг. — 2022. — № 9 (306). — С. 24–29.
16. Круглова Л. А. Музыкальные реалити-шоу в Китае и России: сравнительная характеристика / Л. А. Круглова, Е. Юань // Меди@льманах. — 2023. — № 5 (118). — С. 23–29.
17. Топчий И. В. Соцсети и СМИ: взаимодействие в эпоху «эстетического поворота» / И. В. Топчий // Медиасреда. — 2018. — № 13. — С. 217–221.
18. Битков Л. А. Социальные сети: между массовой коммуникацией и межличностным общением / Л. А. Битков // Вестник ЧелГУ. — 2012. — № 28 (282). — С. 36–38.

Lomonosov Moscow State University

Yuan Ye, Postgraduate Student of the Faculty of Journalism

E-mail: yuanye9681@gmail.com

ПРАВИЛА

для авторов серии «Филология. Журналистика» научного журнала «Вестник Воронежского государственного университета»

Серия «Филология. Журналистика» журнала «Вестник ВГУ» включена в список ВАК при Минобрнауки российских рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в виде полных статей. Опубликованные статьи, а также статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Статьи проходят редакционное рецензирование и в случае положительной рецензии — научное и контрольное редактирование. В случае рекомендации статьи к опубликованию автору высылается лицензионный договор (все подписанные страницы договора сканируются и высылаются в редакцию).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Журнал выходит **4 раза в год**

Почтовый адрес: 394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40-а, уч. корп. № 6 ВГУ, факультет журналистики, к. 103, редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика».

Контактный телефон:

+7 (473) 266-17-50, 274-52-71

Контактный e-mail: tam1008@yandex.ru,

vlvtul@mail.ru

Полные статьи принимаются объемом до 10 страниц формата А4 рукописи. Текст статьи должен быть напечатан через полтора интервала на белой бумаге формата А4, с полями — 2,5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 п. (Times New Roman Cyr). Информационная графика — черно-белая.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках [1], через

запятую дается указание на страницы — [1, 165], через точку с запятой — другая ссылка (например, [1, 5; 2, 75]).

Список литературы дается в конце статьи с обязательной нумерацией и озаглавляется **ЛИТЕРАТУРА** (прописные буквы); оформляется в соответствии с *ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись*. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.

Кроме ссылок на литературу в тексте могут присутствовать **сноски**.

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию (e-mail редакции: vlvtul@mail.ru) текст статьи, подписанный всеми авторами, УДК, таблицы, иллюстрации и подписи к ним (бумажный экземпляр, присланный по почте, или файлы текста и иллюстраций, а также сканы каждой из страниц).

Время рассмотрения, рецензирования и опубликования статей зависит от объема редакционного портфеля, формируемого из статей, рекомендованных к печати. Поэтому редакция не отвечает на вопросы типа «Как скоро может быть опубликована статья? Сколько времени занимает рассмотрение и рецензирование статьи? В течение какого срока автор получит номер журнала со статьей после его выхода?»

Редакция не гарантирует обеспечение авторов опубликованных статей бумажным экземпляром журнала, поэтому **желательна подписка** на журнал. Подписной индекс — 51174 в объединенном каталоге «Пресса России».

Редколлегия

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК ...

(узнать в библиографическом отделе библиотеки)

ОБРАЗЫ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Е. В. Бавыкина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 июля 2021 г.

Аннотация: целью данного исследования является представление состава языковых средств, объективирующих космическое пространство в научно-фантастических произведениях, и описание семантики этих единиц. Источниками для исследования послужили произведения русских авторов и немецких фантастов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, текст, научная фантастика, космическое пространство, прямые номинации, косвенные номинации, индивидуально-авторские номинации.

Abstract: the aim of this study is to present the composition of language means which objectify outer space in science fiction and to describe the semantics of these units. Works by Russian authors and German science fiction writers constituted the subject for study.

Keywords: cognitive linguistics, the text, science fiction, space, direct nominations, indirect nominations, individually-author's nominations.

Тексты научной фантастики¹ представляют собой практический интерес для исследователей в рамках когнитивной лингвистики как специфическая форма воплощения картины мира. Ключевым образом в текстах научной фантастики является космическое пространство [1, 5–9]. Анализируя языковые средства, объективирующие космическое пространство в научно-фантастических произведениях, можно выявить как общие, так и отличительные их признаки, связанные со спецификой национальных картин мира разных народов [2, 4–21].

ЛИТЕРАТУРА

(Список нумеруется в порядке цитирования)

После литературы указываются сведения об авторах на русском и английском языках (12 п., курсив): название университета; фамилия, инициалы; ученая степень, должность; электронный адрес.

Воронежский государственный университет
Бавыкина Е. В., преподаватель кафедры немецкой филологии

E-mail: phil27@mail.ru

Voronezh State University
Bavykina E. V., Lecturer of the German Philology Department

E-mail: phil27@mail.ru

Далее необходимо указать фамилию, инициалы автора и название статьи на английском языке (прописными буквами).

Bavikina E. V. IMAGES OF SPACE IN THE TEXTS OF SCIENCE FICTION

P. S. Рекомендуемые объемы статей (требование издателя)

2 журнальные страницы = не более 9100 знаков с пробелами

3 журнальные страницы = не более 14250 знаков с пробелами

4 журнальные страницы = не более 19500 знаков с пробелами.

P.P.S. Примеры названий ученых степеней, должностей и пр. на английском языке: Candidate/ Doctor of Philology (кандидат/доктор филологических наук); Postgraduate Student (аспирант) / Lecturer (преподаватель) / Senior Lecturer (старший преподаватель) / Associate Professor (доцент) / Professor (профессор) of the Public Relations Department (кафедры связей с общественностью).

¹ Сноска